

II МЕЖДУНАРОДНЫЙ ФОРУМ
РУССКИЙ МИР И ДОНБАСС

ОТ СОТРУДНИЧЕСТВА К ИНТЕГРАЦИИ ОБРАЗОВАНИЯ,
НАУКИ, ИННОВАЦИЙ И КУЛЬТУРЫ

ФОНД РУССКИЙ МИР

МАТЕРИАЛЫ IV Международной научной конференции

**Донецкие чтения 2019: образование, наука,
инновации, культура
и вызовы современности**

Донецк
31 октября 2019 г.

Том 8

Политические и юридические науки

Дорогие коллеги!

Сборник материалов Международной научной конференции «Донецкие чтения 2019: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности» является 9-томным изданием, включающим 13 книг. Труды конференции охватывают разнообразные направления фундаментальных и прикладных исследований в области естественных, технических и социально-гуманитарных наук. Они представляют широкий спектр новых научных результатов, полученных учеными Донецкого национального университета, многих других вузов и научных учреждений Донецкой и Луганской Народных Республик, а также специалистами целого ряда стран Европы и Азии – Российской Федерации, Азербайджанской Республики, Китайской Народной Республики, Республики Беларусь, Республики Болгария, Республики Сербия, Республики Узбекистан, Республики Южная Осетия, Туркменистана, Федеративной Республики Германия, Эстонской Республики. Значительная часть представляемых результатов получена в итоге совместных исследований ученых ДНР и других стран-участниц.

Девиз, под которым проходит конференция – «Русский мир и Донбасс: от сотрудничества к интеграции образования, науки, инноваций и культуры». Он отражает новый уровень и перспективы расширения сотрудничества, обмена мнениями и творческого взаимодействия ученых, педагогов, деятелей культуры и искусства Донецкой Народной Республики в качестве полноправных представителей научно-образовательного пространства Русского мира с коллегами из многих уголков земного шара. Выражаю уверенность, что наша совместная работа во время конференции внесет свой вклад в сокровищницу научных знаний, будет способствовать дальнейшему укреплению и развитию творческих контактов и дружеских связей!

Ректор,
доктор физико-математических
наук, профессор

С.В. Беспалова

Министерство образования и науки
Донецкой Народной Республики
Государственное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Донецкий национальный университет»
Фонд «Русский мир»

IV Международная научная конференция

Материалы
конференции

Том 8

**ПОЛИТИЧЕСКИЕ
И ЮРИДИЧЕСКИЕ
НАУКИ**

Донецкие чтения 2019: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности

г. Донецк
31 октября 2019 г.

Донецк
Издательство ДонНУ
2019

ББК С562.21я431+Х.я431
УДК 32+34(043.2)
Д672

Редакционная коллегия:

С.В. Беспалова (главный редактор), М.В. Фоменко (отв. секретарь),
В.А. Дубровина, В.И. Сторожев, О.Б. Пенькова, В.Н. Никольский,
А.С. Бобровский, Н.В. Асеева, Н.А. Тимошенко

Д672 Донецкие чтения 2019: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности: Материалы IV Международной научной конференции (Донецк, 31 октября 2019 г.). – *Том 8: Политические и юридические науки* / под общей редакцией проф. С.В. Беспаловой. – Донецк: Изд-во ДонНУ, 2019. – 280 с.

Ответственность за содержание статей, аутентичность цитат, правильность фактов и ссылок несут авторы статей.

В восьмой том материалов IV Международной научной конференции «Донецкие чтения 2019: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности» вошли исследования по актуальным проблемам политических и юридических наук. Рассматриваются вопросы политологии, международных отношений и внешней политики, конституционного и международного права, теории и истории государства и права.

Освещенные в сборнике проблемы и направления их решения будут полезны научным работникам, преподавателям, студентам, аспирантам, докторантам и специалистам-практикам, проводящим исследования в области политических и юридических наук.

ББК С562.21я431+Х.я431
УДК 32+34(043.2)

© Коллектив авторов, 2019

© Донецкий национальный университет, 2019

ПРОГРАММНЫЙ КОМИТЕТ КОНФЕРЕНЦИИ

Председатель:

Беспалова С.В. д-р физ.-мат. наук, профессор, ректор Донецкого национального университета (г. Донецк)

Заместитель председателя:

Бабурин С.Н. д-р юрид. наук, профессор, главный научный сотрудник Института государства и права РАН, Президент Международной славянской академии наук, образования, искусств и культуры, Президент Ассоциации юридических вузов (г. Москва)

Члены программного комитета:

Аваков С.Ю. д-р юрид. наук, профессор, ректор Таганрогского института управления и экономики (г. Таганрог)

Беспалова Т.В. д-р филос. наук, ведущий научный сотрудник, руководитель Отдела государственной культурной политики Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д.С. Лихачева (г. Москва)

Болнокин В.Е. д-р техн. наук, профессор, гл. науч. сотр., руководитель Центра подготовки научных кадров ФГБУН «Институт машиноведения им. А.А. Благонравова» (г. Москва)

Воронова О.Е. д-р филол. наук, профессор, профессор кафедры журналистики, руководитель Есенинского научного центра Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина, член Общественной палаты Российской Федерации, член Союза писателей и Союза журналистов России (г. Рязань)

Илюхин А.А. д-р физ.-мат. наук, профессор, профессор кафедры математики Таганрогского института имени А.П. Чехова (филиал) ФБГОУ ВО «Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)» (г. Таганрог)

Качалов Р.Н. и.о. ректора ГОУ ВПО «Донецкая государственная музыкальная академия имени С.С. Прокофьева» (г. Донецк)

Кшикань Р.В. председатель Государственного комитета по экологической политике и природным ресурсам при Главе Донецкой Народной Республики (г. Донецк)

- Ковалев А.М.* д-р физ.-мат. наук, профессор, директор ГУ «Институт прикладной математики и механики» (г. Донецк)
- Кожухов И.Б.* д-р физ.-мат. наук, профессор, профессор кафедры высшей математики НИУ «Московский институт электронной техники» (г. Москва)
- Нечаев В.Д.* д-р полит. наук, ректор Севастопольского государственного университета (г. Севастополь)
- Рябичев В.Д.* д-р техн. наук, профессор, ректор Луганского национального университета имени Владимира Даля (г. Луганск)
- Приходько С.А.* канд. биол. наук, ст. науч. сотр., директор ГУ «Донецкий ботанический сад» (г. Донецк)
- Решидова И.Ю.* канд. физ.-мат. наук, и.о. директора ГУ «Донецкий физико-технический институт им. А.А. Галкина» (г. Донецк)
- Савоськин М.В.* канд. хим. наук, ст. науч. сотр., директор ГУ «Институт физико-органической химии и углехимии им. Л.М. Литвиненко» (г. Донецк)
- Скафа Е.И.* д-р пед. наук, профессор, проректор по научно-методической и учебной работе Донецкого национального университета (г. Донецк)
- Сорокина Г.А.* д-р пед. наук, профессор, первый проректор Луганского государственного университета имени Тараса Шевченко (г. Луганск)
- Сторожев В.И.* д-р техн. наук, профессор, проректор по научной и инновационной деятельности Донецкого национального университета (г. Донецк)
- Тедеев В.Б.* канд. техн. наук, профессор, ректор Юго-Осетинского государственного университета имени А.А. Тибилова, (г. Цхинвал)
- Шемякина Н.В.* канд. экон. наук, доцент, и.о. директора ГУ «Институт экономических исследований» (г. Донецк)

СОВРЕМЕННЫЙ ДОНБАСС В ЗОНЕ СИСТЕМНОГО КРИЗИСА МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА: КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫЕ И ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЕ ВЫВОДЫ

Бабурин С.Н., д-р юрид. наук, профессор,
главный научный сотрудник ФГБУН «Институт государства и права РАН»,
профессор ЧОУ ВО «Московский университет им. С.Ю. Витте»,
профессор ФГБОУ ВО «Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского»,
президент Ассоциации юридических вузов, президент Международной
Славянской академии наук, образования, искусств и культуры,
заслуженный деятель науки Российской Федерации,
г. Москва, РФ
constitution@igpran.ru

В год 150-летия Донецка хочу подчеркнуть, что история Юзовки – Сталино – Донецка давно стала неотъемлемой составной частью истории Русской цивилизации, включая периоды Российской империи, Советского Союза, современной России. Что уникально: через Донбасс давно проходит беспокойная граница цивилизаций. Как в Старой Юзовке это была граница между «хозяевами» мира и города англичанами – и трудовым русским людом, так и ныне, после государственного переворота на Украине 2014 года, через Донбасс проходит линия фронта великого противостояния. Доблесть и героизм тех, кто стремится сохранить свою русскую культуру и русский язык, свою благодарную память о дедах – победителях объединенной Гитлером Европы, противостоит подлости тех, кто решил переползти под крышу теряющей душу однополой Европы, присягнуть неонацизму, просто смалодушничать.

Системность кризиса международного права как феномен эпохи. Сегодня мы видим в Донбассе применение официальными вооруженными силами Украины и поддерживаемыми ею добровольными формированиями коллективное насилие против жителей ДНР и ЛНР, уже многолетние действия по их уничтожению полностью или частично как исторически сложившейся культурно-этнической группы. Для этого применяются убийства, причинение тяжкого вреда здоровью жителей, предумышленное создание жизненных условий, рассчитанных на полное или частичное физическое уничтожение всех, кто находится на территории ДНР и ЛНР. С 1948 г. это называется международным преступлением – геноцидом.

Руководители современной Украины должны нести личную политическую и уголовную ответственность за гибель людей в Донбассе. И мирного населения, и тех, кто был вынужден взять в руки оружие для защиты своих родных и близких, своих духовно-нравственных ценностей, своей русской культурно-цивилизационной принадлежности.

Ответственность за такие преступления как геноцид и преступления против человечности не имеет сроков давности.

Государственный переворот на Украине 21–23 февраля 2014 г., центральными событиями которого стали свержение Президента В.Ф. Януковича и захват власти украинскими неонацистами, знаменовался не только рождением «Европейского выбора» Украины и формированием нового правительства, но и отменой 23 февраля 2014 г. Верховной Радой закона «О государственной языковой политике», позволявшего русскому и другим языкам иметь в украинских регионах официальный статус. Под влиянием вставших на дыбы Крыма и Донбасса отмена закона была позднее приостановлена, но 25 апреля 2019 г. законом № 5670-д «Об обеспечении функционирования украинского языка как государственного» гонение на русский и другие региональные языки было возобновлено и усовершенствовано.

Таким образом, современная Украина продолжает грубо нарушать ст. ст. 7, 8 Европейской хартии о региональных языках и языках меньшинств от 5 ноября 1992 г., в соответствии с которой обязана признавать русский язык если не как государственный, а как региональный выражением культурного достояния, поддерживать его устное или письменное использование в общественной и частной жизни, предоставлять на всех этапах обучения соответствующие формы и средства его преподавания и изучения и т.д. Украина игнорирует своё обязательство осуществлять правосудие не только на украинском, но и на русском языке (ст. 9 Европейской хартии), использовать русский язык в деятельности административных органов (ст. 10), нарушает практически и все остальные статьи Европейской хартии¹. Однако, руководители Украины при этом почему-то не имеют претензий со стороны Совета Европы.

Более того, мировое сообщество не желает замечать, что действиями своих вооруженных сил в Донбассе, обстрелами жилых районов Донецка и Луганска, других населенных пунктов молодых независимых республик Украина грубо нарушает ст. 2, 11, 33 Устава ООН², ст. 1, 2, 3, 21, 28 Всеобщей декларации прав человека³, ст. 1, 2, 5, 10, 13, 14 и 15 Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод⁴. Бездействие официальных органов международного сообщества, отвечающих за соблюдение указанных норм международного права, превращает международные договоренности в фикцию.

¹ См.: Европейская хартия о региональных языках и языках меньшинств, 5 ноября 1992 г. // Международные акты о правах человека. Сб. док. М., 2000. С. 624-634.

² Устав Организации Объединенных Наций // [электронный ресурс] – URL: <https://www.un.org/ru/charter-united-nations/> (обращение 15.07.2019 г.).

³ Всеобщая декларация прав человека, от 10 декабря 1948 г. // Международное публичное право. Сб. документов. Т. 1. М., 1996. С. 460-463.

⁴ См.: Европейская Конвенция о защите прав человека и основных свобод, 4 ноября 1950 г. // Международные акты о правах человека. Сб. док. М., 2000. С. 539-543.

Могут возразить, что нарушения норм международного права не свидетельствует само по себе о кризисе международного права, а является именно его нарушением. Это так, но не сам факт нарушения свидетельствует о кризисе международного права, а бездействие международного сообщества, в том числе специально созданных органов международных организаций и есть проявление кризиса международного права, утрата им смысла.

Паралич международного сообщества и кризис международного права начался с агрессии НАТО против Союзной Республики Югославии в 1999 году, которая стала не только преступлением против жителей СРЮ, но и международным преступлением, тем прецедентом, который чреват угрозой дезорганизации международного сообщества, срывом возможности устойчивого развития в будущем человечества. Число погибших гражданских лиц со стороны Югославии в 1999 г. составило более 1 700 чел., среди них было много детей. Были серьезно ранены 12,5 тыс. чел. Около 863 тыс., прежде всего из проживавшего в Косово сербского населения, добровольно покинули регион, ещё 590 тыс. стали вынужденными переселенцами, 821 чел. пропали без вести. Ущерб экономике Югославии оценивается по разным оценкам от 30 до 100 млрд. долларов США⁵.

Системность кризиса международного права выражается не в том, что нормы международного права перестали отвечать ценностям и интересам народов, а в прекращении их применения к целым народам, в том, что действия государств и целых блоков государств, допустивших умышленное нарушение международного права, остались без надлежащей политической и правовой оценки. Международное право, покалеченное его циничным попранием со стороны большой группы влиятельных государств, до сих пор не восстановило свою роль гаранта мира и справедливости.

Именно в безнаказанности нарушителей международных принципов и норм заключается кризис международного права, в неспособности Объединенных Наций, Совета Безопасности ООН и иных международно признанных, полномочных органов как предотвратить попрание международного права, так и наказать виновных за это попрание. Попустительство агрессору со стороны международных организаций, отвечающих за предотвращение и пресечение агрессии, подрывает доверие народов к международным организациям, дестабилизируя политическую и правовую систему современного мирового порядка.

Бездействие МТБЮ в отношении виновников гибели самих сербов в результате натовских бомбардировок Югославии привело к правовой

⁵ См.: Косик В. Итоги кампании НАТО в Югославии в цифрах // Дипкурьер НГ, 2000, 23 марта.

деформации международного уголовного судопроизводства. Уклонение МТБЮ от рассмотрения дел организаторов и исполнителей бомбардировок и обстрелов Югославии в 1999 г. является прямым нарушением ст. 2 Устава МТБЮ, обязывавшей Трибунал осуществлять судебное преследование лиц, совершавших или отдававших приказ о совершении серьёзных нарушений Женевских конвенций от 12 августа 1949 г.

Между тем, Государственная Дума ФС РФ ещё 17 июня 1999 г. приняла постановление № 4137-II ГД «О необходимости привлечения к ответственности Генерального секретаря Организации Североатлантического договора (НАТО) Х. Соланы – организатора агрессии НАТО против Союзной Республики Югославии». Оценивая действия НАТО в отношении СРЮ как геноцид против народа Югославии, российский парламент абсолютным большинством голосов поддержал требование о необходимости наказать виновных за этот геноцид, «чтобы в этом мире преобладало чувство справедливости». Россия решением своего высшего органа народного представительства потребовала привлечь к уголовной ответственности Хавьера Солану, взявшего на себя ответственность отдать приказ об атаке НАТО 24 марта 1999 г. Именно Х. Солана «поддерживал, вдохновлял и оправдывал в течение 70 дней этот геноцид», за что и должен быть отдан под суд, представляя всех виноватых в качестве военного преступника перед международным трибуналом⁶. Своего требования о наказании Х. Соланы Государственная Дума России никогда не отзывала.

Безнаказанность организаторов агрессии НАТО против Югославии в 1999 году была воспринята США как вседозволенность, толкнула стремящуюся к гегемонии сверхдержаву на переход от терпеливой и взаимоуважительной дипломатии к глобальному насилию. Во имя обеспечения своих национальных экономических и политических интересов. Уже в 2001 году США приступили к операции «Бесконечное правосудие», переименованной затем в операцию «Несокрушимая свобода». По официальным данным правительства США, только за период до 31 марта 2018 г. расходы США на операцию «Несокрушимая свобода» составили 584,3 млрд. долларов США⁷. На всех этапах этой операции вооруженными силами США и их партнеров по НАТО свергались неугодные политические режимы, массово гибли мирные жители.

В 2001–2014 гг. США применили вооруженное насилие в Афганистане, затем последовали их операции на Филиппинах (2002), Африканском роге

⁶ Постановление Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации от 17.06.1999 г. № 4137-II ГД «О необходимости привлечения к ответственности Генерального секретаря Организации Североатлантического договора (НАТО) Х. Соланы – организатора агрессии НАТО против Союзной Республики Югославии» // Собрание законодательства РФ, 05.07.1999, № 27. Ст. 3277.

⁷ Cost of war through March 31, 2018 // [электронный ресурс] URL: <https://fas.org/man/eprint/cow/fy2018q2.pdf> (обращение 2 марта 2019 г.)

(затронули Йемен, Судан, Сомали, 2002), в Панкисском ущелье Грузии (2002–2004). В 2003 год. США и Великобритания вновь без мандата ООН под предлогом уничтожения оружия массового уничтожения (которого впоследствии в Ираке не оказалось) вторглись на территорию Ирака, расправились с его лидерами. Для интервенции против Ливии США смогли добиться резолюции СБ ООН № 1973 от 17 марта 2011 г., санкционировавшей военное вмешательство иностранных государств во внутренние дела Ливии, вплоть до любых необходимых мер ради защиты мирных жителей. Резолюция была принята традиционно на основе лживой информации должностных лиц США и стран НАТО о бомбардировках ливийскими ВВС мирных протестантов, но недостоверность такой информации была официально признана только через несколько месяцев, когда мирная процветающая страна уже погрузилась в пучину гражданской войны. Управляемый со стороны США хаос существует в Ливии до сих пор. В кураже после свержения и убийства ливийского лидера М. Каддафи США провозгласили своей целью свержение Президента Сирии Б. Асада. И начался кровавый хаос в Сирии. По данным ООН только за 2011–2015 гг. в ходе конфликта погибли 220 тыс. чел⁸, мир получил миллионы беженцев.

Жажда процветания избранных очень часто погружает остальное человечество в войны и нищету. Попытки же договориться с людоедами влекут смерть жертвы. После трагедии 11 сентября 2001 года администрация Соединенных Штатов Америки предприняла восьмилетний «крестовый поход» против терроризма, укрепляя свою геополитическую роль, не позаботились о том, чтобы выстроить стратегию, учитывающую долгосрочные интересы США. В силу этого, как отмечает З. Бжезинский, Америка оказалась не готова к вставшим перед ней проблемам XXI века⁹. Подтолкнув Север Африки к «арабской весне», породив ИГИЛ и вовлекая Грузию и Украину в НАТО, Запад всё больше погружает мир в кризисную дезорганизацию. Хаос, развивается и не соглашается быть управляемым.

Вместо обещанных глобализацией мирового правительства и всемирной конфедерации государств происходит, напротив расшатывание основ мирового порядка, новый виток развития суверенитетов национальных государств и многократное подтверждение, что именно государство было и остается носителем суверенных прав наций¹⁰. Современное переосмысление государственного суверенитета позволяет глубже проникнуть в сущность и содержание концепции государства, отграничить отношения государственной власти от других видов

⁸ Fountain Henry. Researchers Link Syrian Conflict to a Drought Made Worse by Climate Change // The New York Times, March 2, 2015.

⁹ Бжезинский З. Стратегический взгляд: Америка и глобальный кризис. М., 2012. С. 186-187.

¹⁰ Марченко М.Н. Проблемы общей теории государства и права: учеб.: в 2 т. Т. 1. Государство. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2007. С. 438-488.

социальных властей внутри страны. Наконец, определиться с самодостаточностью, самостоятельностью и эффективностью государства, что важно особенно в случаях непризнанности государств.

Безнаказанность международного насилия в 1999 г. привела к росту официального международного беззакония, кризису международного права, в водовороте которого ныне находится и Донбасс.

Между тем, Донецкая и Луганская народные республики – не первые государства, рождающиеся через отделение от метрополии. Декларация независимости США от 4 июля 1776 г. начинается словами: «Когда ход событий приводит к тому, что один из народов вынужден расторгнуть политические узы, связывающие его с другим народом, и занять самостоятельное и равное место среди держав мира, на которое он имеет право по законам природы и её Творца, уважительное отношение к мнению человечества требует от него разъяснения причин, побудивших его к такому отделению. Мы исходим из самоочевидной истины, что все люди созданы равными и наделены Творцом определенными неотчуждаемыми правами, к числу которых относятся жизнь, свобода и стремление к счастью»¹¹.

Конституционно-правовые выводы. В ответ на попытки украинских неонацистских радикалов заставить жителей Восточной Украины подчиниться захватившим в Киеве власть неонацистским лидерам 7 апреля 2014 года была провозглашена Донецкая Народная Республика (ДНР), а 27 апреля – Луганская Народная Республика (ЛНР). 12 мая эти решения были подтверждены на референдумах жителями обеих республик.

Необходимым и единственно верным ответом жителей Донбасса на неонацистскую агрессию и международное беззаконие стал суверенный конституционализм, конституирование своей государственности. 14 мая 2014 г. была принята Конституция ДНР, имеющая высшую юридическую силу на всей территории ДНР, 18 МАЯ 2014 г. на первом заседании Республиканского собрания ЛНР был принят Временный Основной Закон (Конституция) ЛНР.

Конституционно-правовые отношения в республиках Донбасса развиваются и совершенствуются. Так, в Конституцию ДНР вносились изменения законами от 27 февраля, 29 июня и 11 сентября 2015 г., 29 декабря 2017 г. и 30 ноября 2018 г.¹² Конституция ЛНР также изменялась законами республики от 24 сентября и 3 декабря 2014 г., от 3 марта 2015 г. и 25 ноября 2017 г., от 2 февраля и 6 сентября 2018 г.¹³

¹¹ Декларация независимости, 4 июля 1776 г. // Международные акты о правах человека. Сб. док. М., 2000. С. 21.

¹² Конституция Донецкой Народной Республики. Действующая редакция // [электронный ресурс] – URL:<https://dnrsovet.ru/konstitutsiya/> (обращение 15.07.2019 г.).

¹³ Временный Основной Закон (Конституция) Луганской Народной Республики, 18 мая 2014 г. // [электронный ресурс] – URL:<https://nslnr.su/zakonodatelstvo/konstitutsiya/> (обращение 15.07.2019 г.).

Конституционно зафиксировано, что источником власти в каждой республике является её народ, осуществляющий свою власть непосредственно, а также через органы государственной власти и органы местного самоуправления (ст. 2 конституций). Закреплен верный принцип: земля и другие природные ресурсы являются достоянием народа и используются и охраняются как основа жизни и деятельности народа. В Конституции ЛНР, в отличие от Российской Федерации и ДНР, добавлено: продажа земель запрещена (ч. 4 ст. 5), в то время как в ДНР граждане и их объединения вправе иметь в частной собственности землю (ст. 29 Конституции). Государственными языками в обеих республиках являются русский и украинский (ст. 10).

Конечно, в ДНР и ЛНР, стремясь адаптировать законодательство к российскому, не избежали повторения российских конституционных противоречий. Если изначально в конституциях провозглашается, что признаются и равным образом защищаются государственная, муниципальная, частная и иные формы собственности (ст. 5 в обеих конституциях), то затем отдельно выделена конституционная норма, что право частной собственности охраняется законом (ст. 28 конституций), ставящая под сомнение заявленное первоначально равенство форм собственности.

Государственное устройство ДНР включает правовые институты Главы ДНР (ст. 56), избираемого на основе всеобщего равного и прямого избирательного права при тайном голосовании сроком на пять лет при запрете избрания на должность более двух сроков подряд, Народный Совет ДНР как постоянно действующий высший и единственный законодательный (представительный) орган государственной власти ДНР (ст. 63), Правительство, судебную власть и прокуратуру ДНР, местное самоуправление.

Государственное устройство ЛНР также включает Главу и Народный Совет – парламент республики, Совет министров ЛНР, судебную власть и прокуратуру, местное самоуправление.

В Основах конституционного строя закреплено, что каждая из республик является демократическим, правовым и социальным государством (ст. 1 каждой конституции).

Развивающаяся государственность Донбасса, неуклонно демонстрируя свои успехи в борьбе за единение народа, за территорию республик и суверенность их власти, делает процесс отделения Донбасса от мечущейся перед входом в Евросоюз Украиной необратимым

Важным чертой конституционно-правового строительства молодых республик является закрепление в основных законах ДНР и ЛНР компетенции органов государственной власти непризнанных республик не только давать отпор любым попыткам посягнуть на существование ДНР и ЛНР, но и полномочия по обеспечению социального благополучия

граждан республик. А в понятие социального благополучия входят элементы из экономической, социальной, политико-правовой, культурно-духовной сфер; социальная безопасность, уровень и качество жизни¹⁴.

Несущим стержнем конституционно-правового развития обеих республик Донбасса выступает укрепление цивилизационного единства с Российской Федерацией, которая всё в большей степени становится оплотом и выражением Русского мира. Жители Донбасса, укрепляя свои республики в военном и конституционно-правовом отношении, героически повседневно борются за Русский мир.

После Указа Президента Российской Федерации № 703 от 6 декабря 2018 года мы живем в изменившейся мировоззренческой ситуации. Этим Указом впервые на высшем государственном уровне зафиксировано существование российской нацией, под которой понимается весь многонациональный народ Российской Федерации¹⁵. Указ легализовал понятие «нация». А что «российская» – так для всего мира слова «русский» и «российский» – синонимы. Потому вполне уместно отныне говорить о русской нации, охватывающей весь многонациональный народ России. Мы сделали наконец важнейший правовой шаг, который должны были сделать давно, сказать, что наш многонациональный народ – это и есть единая нация с точки зрения общепринятых терминологических подходов.

Русский мир (раньше было точнее: Русский мирь) – это культурно-историческая общность, выходящая за рамки национальных государств и, тем более, политических систем. Русский мир предполагает единство людей не по гражданству, не по этническому и даже не по религиозному признаку, хотя они и играют в нём важную роль. Русский мир – это данное нам в ощущении широкое цивилизационное единство, это жизнь, основанная на отличной от других системе ценностей и интересов. Бесспорно, Русский мир меняется, и перемены эти могут быть осознаны лишь при учете как его прошлого, так и самого смысла Русской цивилизации.

Русский мир – это геополитическая реальность. Не подлежит сомнению, что Донецкая и Луганская народные республики принадлежат к Русскому миру. Выразителем Русского мира является русский язык. Русским языком как общерусским национальным языком стало великорусское

¹⁴ Комарова В.В. Социальное благополучие человека: конституционная ценность// Социальное благополучие человека: правовые параметры: сборник статей / отв. ред. В.В. Комарова. М., 2019. С. 39.

¹⁵ Указ Президента РФ от 6 декабря 2018 г. № 703 "О внесении изменений в Стратегию государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года, утвержденную Указом Президента Российской Федерации от 19 декабря 2012 г. № 1666" [Электронный ресурс] // URL: <https://www.garant/hotlaw/federal/1232406.html> (дата обращения 14.12.2018).

наречие, оказавшееся способным соединить через общий язык все три ветви восточнославянского этноса – малороссов (украинцев), белорусов и великороссов, формируя их триединством русский народ. Значение письменного и особенно устного языка для Русского мира безмерно. «Словесная речь человека – писал В.И. Даль, – это дар Божий, откровение: доколе человек живет в простоте душевной, доколе у него ум за разум не зашёл, она проста, пряма и сильна; по мере раздора сердца и думки, когда человек заумничает, речь эта принимает всё более искусственную постройку, в общежитии пошлеет, а в научном круге получает особое, условное значение»¹⁶. Русский язык пусть не достаточная, но необходимая основа Русской цивилизации и Русского мира.

С приходом к восточным славянам Православия зародился и отшлифовался Дух Русского мира, его духовная основа («душа души»). Стержень его бытия – Русская идея, которая при всех её богословских, историософских и иных интерпретациях никогда не менялась. Суть Русской идеи – в определении человеком смысла своего земного существования как жизни по Совести во имя Спасения. «Аскетизм Православия не самоценен, - говорил Святейший патриарх Алексей II, – Он проистекает из понимания православной жизни как подвига. Самым важным в православном миропонимании всегда было разумение, что земная жизнь – только ступень к жизни вечной. И в то же время эта вечная жизнь уже явилась, уже присутствует рядом с нами, если мы способны видеть её своим духовным взором. Вот откуда преобладающая в православном мироощущении радость, дух оптимизма и торжества»¹⁷.

Русский мир – это общность миропонимания вне зависимости от государственных границ и расстояний. Русский мир предполагает принятие Россией на себя православной миссии нового Иерусалима. Только столь высокий смысл современного государственного строительства может объяснить беззаветный героизм и вселенское сострадание каждого человека Русского мира, предотвратить исчезновение России как цивилизационной альтернативы, а русских как нации. Русский мир имеет свой взгляд на экономику и торговлю. Духовность русской жизни прямо сказывается на отношении к материальному миру, в том числе на самом понимании экономики. В Русском мире экономику воспринимают как высоконравственное общенациональное хозяйство, которое, по словам С.Н. Булгакова, «есть явление духовной жизни в такой же мере, в какой и все другие стороны человеческой деятельности и труда. Дух хозяйства (напр., «дух капитализма»), о котором теперь много пишут, и притом такие выдающиеся представители экономической науки, как Зомбарт и Макс Вебер) есть, опять-таки, не фикция, не образ, но

¹⁶ Даль В.И. Пословицы русского народа. М., 1997. С. 6.

¹⁷ Патриарх Алексей II. Служение делу христианского просвещения. М., 2008. С. 37.

историческая реальность. Всякая хозяйственная эпоха имеет свой дух и, в свою очередь, является порождением этого духа»¹⁸.

Ключевым звеном социально-экономического развития общества в Русском мире было и остается развитие совместного труда, кооперации во всех её формах, благо и сущностное качество кооперации – демократическое устройство жизни. Не случайно проницательный западноевропейский ученый Р. Гильфердинг отмечал, что «способность обеспечивать концентрацию производства без концентрации собственности возводит кооперацию с точки зрения многих идеологов в инструмент оптимального общественного прогресса, представляемого в качестве некоего «третьего пути» между «крайностями» рыночной и административно-командной или «плановой» экономики»¹⁹. Кооперативные, солидарные отношения в обществе, отношения социальной солидарности хорошо гармонируют с православным мирозерцанием и образом жизни Русского мира. Экстремистский либерализм, свойственный официальной стратегии развития Российской Федерации в минувшие 20 лет, не воспринимает ни кооперации, ни подлинного свободного рынка.

Международно-правовые последствия конституционно-правового развития ДНР и ЛНР. Как государства ДНР и ЛНР через свой конституционализм надлежащим образом продемонстрировали миру свою состоятельность. Суверенитет есть такое «юридическое свойство государства, в силу которого государство может быть юридически связано лишь своею собственною волей»²⁰. И. Кант даже писал, что государство не есть имущество, оно есть «сообщество людей, которым и которыми повелевать и располагать не может никто, кроме него самого»²¹.

Существующее демонстративное непризнание республик не может служить основанием для нарушения их территориального верховенства, для военного вторжения и т.п. Государство должно быть признано, если оно удовлетворяет определенным условиям, формулируемым международным правом²². Условия эти изначально сводятся к вопросу эффективности государственной власти на данной территории, то есть международное право признает государство, если таковое существует на деле²³.

¹⁸ Булгаков С.Н. Соч. в 2 т. Т. 1. Философия хозяйства. Трагедия философии. М., 1993. С. 233.

¹⁹ Гильфердинг Р. Финансовый капитал. М., 1959. С. 266.

²⁰ Верховенство и независимость (суверенитет) государства // Право и мир в международных отношениях. Сб. статей под ред. проф. гр. Л.А. Комаровского и П.М. Богаевского. – М.: Изд. магазина «Книжное дело», 1899. – С. 5-6.

²¹ Кант И. Вечный мир. Философский очерк. Пер. с нем. Под ред. Л.А. Комаровского. – М.: Типогр. Т-ва И.Д. Сытина, 1905. – С. 3.

²² Подробнее см.: Левин И.Д. Суверенитет/ Переиздание. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2003. – С. 122-123.

²³ Там же. См. также: Мартенс Ф. Современное международное право цивилизованных народов. Т. 1. С. 288-291; Казанский П. Учебник международного права... – С.36-40.

ДНР, ЛНР обладают международной правосубъектностью уже потому, что способны участвовать в международных правоотношениях.

Двойственность международных стандартов, применяемых в мире к ситуации с ДНР и ЛНР, проявляется через сравнение ситуации в Донбассе с ситуацией в сербском крае Косово и Метохия. Косово дипломатически признано многими государствами Европы, но европейцы отказываются распространить косовский прецедент на Крым и Севастополь, говоря, что в Косово было много человеческих жертв, а Крым ушел в Россию без таковых. Логика извращенная, но тогда пусть её применяют и к республикам Донбасса, где человеческих жертв уже очень много! Тем более, что в Письменном меморандуме США от 17 апреля 2009 г., представленном Международному Суду ООН в связи со слушаниями по Косово написано: «Декларации о независимости могут, и часто так и происходит, нарушать внутреннее законодательство. Однако это не означает, что происходит нарушение международного права».

По критериям Конвенции Монтевидео 1933 г., и по критериям заявления «двенадцати» 1991 г., и на основании косовского прецедента 2010 г. Донецкая и Луганская народные республики, как и Приднестровская Молдавская Республика имеют все основания для их дипломатического признания, они на практике неоднократно подтвердили, что обладают международной правосубъектностью.

При возникновении нового государства не некая государственная власть получает в свое владение территорию, а государство возникает в тот самый момент, когда фактически зарождается верховная власть, господствующая над определенной территорией. «Политическое существование государства не зависит от признания другими государствами. Даже до признания государство имеет право защищать свою целостность и независимость для обеспечения его сохранения и процветания, и, следовательно, формировать себя таким образом, каким оно считает нужным, законодательствовать в соответствии с его интересами, управлять его услугами, а также определять юрисдикции и компетенции его судов. Осуществление этих прав не имеет иных ограничений кроме осуществления прав других государств в соответствии с нормами международного права» (ст. 3 Конвенции Монтевидео 1933 г.)²⁴.

Конституционно-правовой и цивилизационный финал современного кризиса международного права, как и международно-правовое самоопределение для Крыма, Севастополя и республик Донбасса оказались закономерными. Возвращение Крыма и Севастополя в состав России, рождение Донецкой и Луганской народных республик стали результатом обострения многих накопившихся проблем

²⁴ Конвенция о правах и обязанностях государств (г.Монтевидео, 26 декабря 1933 г.) // [электронный ресурс] – URL:http://jonline.zakon.kz/Dokument/?doc_id=38249008

международного права. Ныне речь идет как о неизбежности признания мировым сообществом факта изменения юрисдикции над Крымом, так и о дипломатическом признании вновь возникших на востоке Украины государств, либо о готовности принять факт их воссоединения с Российской Федерацией.

Завершить анализ конституционно-правовых выводов из современного международно-правового положения Донбасса хочу пожеланиями. Здоровья и благополучия всем вам, дорогие дончане, уважаемые донбассовцы! И скорейшего справедливого мира на вашей земле! Дай Бог, чтобы героизм Донецкой и Луганской народных республик стал началом собирания нашей единой страны, возрождения нашего общего Отечества!

Список литературы

1. Авакьян С.А. Размышления конституционалиста: Избранные статьи. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2010. – 560 с.:
2. Бабурин С.Н. В повестку дня – Основной закон российско-белорусского Союзного государства. Конституционный Акт Союзного государства (проект) // Национальные интересы. – 2001. – № 2-3. – С. 2-8.
3. Бабурин С.Н. Мир империй: территория государства и мировой порядок. Изд. 2. – М.: Магистр: ИНФРА-М, 2010. – 829 с.
4. Бжезинский З. Стратегический взгляд: Америка и глобальный кризис / пер. с англ. М.: Астрель, 2012. – 285 с.
5. Вишняков В.Г. О соотношении норм международного и конституционного права (на примере Белоруссии и России) // Журнал российского права. – 2002. № 9.
6. Градовский А.Д. Начала русского государственного права: в 2 т. Т. 1: О государственном устройстве. – М.: Зерцало, 2006. – 470 с.
7. Декларация независимости, 4 июля 1776 г. // Международные акты о правах человека. Сб. документов. – М.: НОРМА-ИНФРА-М, 2000. – С. 21-23.
8. Комарова В.В. Социальное благополучие человека: конституционная ценность// Социальное благополучие человека: правовые параметры: сборник статей / отв. ред. В.В. Комарова. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2019. – С. 32-50.
9. Марченко М.Н. Проблемы общей теории государства и права: учеб.б в 2 т. Т. 1. Государство. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: ТК Велби, Проспект, 2007. – 752 с.
10. Марченко М.Н. Правовое государство и гражданское общество (теоретико-правовое исследование): учебное пособие. – М.: Проспект, 2019. – 648 с.
11. Михалева Н.А. Правовые проблемы создания Союзного государства России и Беларуси // Государство и право. – 2002. – № 6. – С. 14-21.
12. Россия в XXI веке: глобальные вызовы, риски и решения. Анализ. Экспертиза. Рекомендации: Монография / под общ. ред. акад. М.Ч. Залиханова, проф. МНЭПУ С.А. Степанова; ред. и сост. Г.Р. Исакова. – М.: Изд-во МНЭПУ, 2019. – 190 с.
13. Современные проблемы организации публичной власти. Монография / Рук. авторского колл. и отв. ред. Авакьян С.А. – М.: Юстицинформ, 2014. – 596 с.
14. Чичерин Б.Н. Общее государственное право. Под ред. и с предисл. В.А. Томсинова. – М.: Зерцало, 2006. – 536 с.
15. Шмитт К. Nomos Земли в праве народов *jus publicum europaeum*. – СПб.: Владимир Даль, 2008. – 670 с.

НАРОДНЫЙ КОНТРОЛЬ НАД ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТЬЮ: ПРАКТИКА РОССИЙСКОГО КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМА

Бабурин С.Н., д-р юрид. наук, профессор,
главный научный сотрудник ФГБУН «Институт государства и права РАН»,
профессор ЧОУ ВО «Московский университет им. С.Ю. Витте»,
профессор ФГБОУ ВО «Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского»,
президент Ассоциации юридических вузов, президент Международной
Славянской академии наук, образования, искусств и культуры,
заслуженный деятель науки Российской Федерации,
г. Москва, РФ
constitution@igpran.ru

Большинство государств современного мира выдвигают на первое место среди своих конституционных характеристик социальную политику, в основе которой лежит обеспечение прав человека на стандарт благополучия и социальную защиту в данном обществе¹. О.Е. Кутафин и Е.И. Козлова сформулировали задачу социальной государственности: «Социальное государство призвано помогать слабым, влиять на распределение экономических благ исходя из принципа справедливости, чтобы обеспечить каждому достойное человека существование»². Именно в конституировании социального государства В.Е. Чиркин обоснованно видит наиболее общее воплощение принципа социальной справедливости³. А конституирование социального государства может быть обеспечено только при надёжном контроле над публичной властью со стороны народа.

Конституционализм любой страны выражает стремление народа гарантировать через законы свой контроль над публичной властью. И российский конституционализм начался не с благостных намерений Императора «привлекать достойнейших, доверием народа облеченных, избранных от населения людей к участию в предварительной разработке и обсуждении законодательных предположений»⁴, а с конституционного оформления революционных потрясений.

¹ Комарова В.В. Социальное благополучие человека: конституционная ценность // Социальное благополучие человека: правовые параметры: сборник статей / отв. ред. В.В. Комарова. М., 2019. С. 35.

² Козлова Е.И., Кутафин О.Е. Конституционное право России: учебник. М., 2015. С. 156.

³ Чиркин В.Е. Принцип социальной справедливости в конституционном измерении // Конституционное и муниципальное право. 2013. № 11. С. 39-43.

⁴ Высочайший рескрипт, данный на имя министра внутренних дел от 18 февраля 1905 г. // Выборы в I-IV Государственные думы Российской империи: (Воспоминания современников. Материалы и документы) М.: РЦОИТ, 2008. С. 735.

Если первой российской конституцией стала Конституция РСФСР 1918 г. (Основные законы Российской империи от 22 апреля 1906 г. следует считать последним высшим актом Самодержавной монархии), то зарождение российского конституционализма следует всё же отнести к осени 1905 г., когда Манифестом от 17 октября Император установил, чтобы «никакой закон не мог воспринять силу без одобрения Государственной думы и чтобы выборным от народа обеспечена была возможность действительного участия в надзоре за закономерностью действий поставленных от Нас властей»⁵.

Именно Император Николай II впервые на официальном государственном уровне признал возможность и необходимость народного контроля за публичной властью. Народный контроль над публичной властью свидетельствовал и свидетельствует о важности для общества социальной ответственности его членов. Не случайно сам институт социальной ответственности В.В. Комарова относит к морально-правовым ценностям⁶.

Конституционализм есть политико-правовой процесс саморазвития системы публичной власти, включающий в себя прямое народовластие, основанное на конституционных (закрепленных в основных законах) методах управления. Как всякий раз имеющее конкретно-историческое воплощение социальное явление, конституционализм отражает культурно-цивилизационные черты общества. В Великобритании он складывался со времен Великой Английской революции, во Франции стал правовым олицетворением Великой Французской революции. И в России конституционализм зародился как результат революционизации русского общества, как попытка в ответ на стихию русского бунта создать механизм эволюционного разрешения внутренних противоречий общества.

Публичная власть, как известно, есть главный признак государства. Зарождение государства у различных народов происходило по-разному, но везде оно поднималось на развалинах родового строя, выражалось в преобразовании или вытеснении органов родового строя органами отделенной от общества государственной власти, на место самозащиты «вооруженного народа» приходила «публичная власть», которая, подчеркивал ещё Ф. Энгельс, «была подчинена этим государственным органам, а следовательно, могла быть применена и против народа»⁷. Государство, делал он нестареющий и сегодня вывод, есть признание, что общество запуталось в неразрешимое противоречие с самим собой и

⁵ Манифест об усовершенствовании государственного порядка от 17 октября 1905 г. // Выборы в I-IV Государственные думы Российской империи: (Воспоминания современников. Материалы и документы) М.: РЦОИТ, 2008. С. 760.

⁶ Комарова В.В. Указ. соч. С. 45.

⁷ Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства // К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Изд. 2. Т. 21. М.: Госполитиздат, 1961. С. 109, 169.

расколосось на непримиримые противоположности, избавиться от которых оно бессильно⁸. В силу этого у народа изначально не могло не существовать стремления к осуществлению своего надежного контроля над публичной властью.

Публичная власть производна от общества-народа, почему Ф. Энгельс и называл налоги, необходимые для содержания публичной власти, взносами граждан, был убежден, что государство не извечно, что грядет время, когда антагонистические классы исчезнут так же неизбежно, как неизбежно в прошлом они возникли, а с исчезновением классов «исчезнет неизбежно государство», остающееся «во всех случаях» машиной для подавления угнетенного, эксплуатируемого класса⁹.

Однако, всему своё время. Историю опасно торопить. Попытка большевиков в 1918–1920 гг. в России построить общество без государства («военный коммунизм») провалилась, оставив после себя только крайне противоречивый опыт диктатуры пролетариата и классового террора.

В российском конституционализме XX века отразились очень разные попытки народного контроля над публичной властью. Но начнем с прояснения понятий «общество» и «народ», которые вообще то должны быть синонимами, поскольку общество, при всей многогранности этого понятия, считают совокупностью исторически сложившихся форм совместной деятельности людей и просто среду людей, а народом называют население государства, когда оно одновременно субъект и объект власти¹⁰. Однако, в повседневности сложилось так, что под обществом понимают весь социум, а в содержание понятия «народ» закладывают классовое содержание. Если изначально народ и население были тождественны (при том, что в Древних государствах в состав народа никогда не включали рабов), то на заре буржуазных революций из состава народа вычеркнули дворянство и духовенство, в пролетарские революции такому исключению подверглась буржуазия и все эксплуататоры. В составе народа в Советской России остались только пролетариат и трудовое крестьянство, чуть позже к ним вынужденно добавили интеллигенцию. Все этапы изменения содержания понятия «народ» находили отражение в советских конституциях 1918 и 1924/1925 годов. С принятием Конституции СССР 1936 года, дополненной в РСФСР принятием Конституции 1937 года, все граждане Советского Союза стали равноправны, а во второй половине XX века было заявлено, что в СССР построено общенародное государство, а народом стали все лица, имеющие гражданство СССР.

⁸ Там же. С. 170.

⁹ Там же. С. 170, 172, 176.

¹⁰ Халипов В.Ф. Энциклопедия власти. М.: Академический Проект; Культура, 2005. – С. 574, 579.

Российский конституционализм, развивающийся с момента появления Манифеста Императора Николая II от 17 октября 1905 года, до настоящего времени носит отличительные следы Русской цивилизации, начиная с резкого разрыва между духовной жизнью высших классов и духовной жизнью широких народных масс¹¹. Как подчеркивал Н.Н. Алексеев, даже в эпохи, пропитанные духовными интересами западноевропейского культурного мира, не только слепого им подражанию, но и так или иначе претворяя их в российской верхушечной жизни, русский народ жил своей собственной жизнью, «чуждой западным влияниям и питающейся единственно силами русской национальной души». Русский народ шел своими путями, пусть и много при этом у него бывало надуманных теорий и романтических вымыслов. В течение веков русский народ руководствовался пониманием, что государственный порядок является отражением порядка небесного, что земной владыка является носителем божественных функций¹². Тем страшнее для народного сознания и для русского традиционного правосознания было отречение от власти за себя и за сына Царя Николая II. Вынужденность отречения роли не играет: рухнула сакральность Самодержавия.

Народ не смел думать о контроле над публичной властью при её Божественной основе, но при буржуазной демократии и при последующей большевизации России вопрос о народном контроле над публичной властью встал в повестку дня первым.

А формы народного контроля над властью, как известно, две: прямая, через принятие народом решения самостоятельно, через сход или референдум, и косвенная, через наделение полномочиями своих представителей. Примечательно, что И.Е. Лаврентьев, вспоминая о выборах в первую Государственную думу, отмечал: «Рядовые деревенские люди в простоте сердечной со дня на день ждали радостной весточки, что непоколебимая народная вера в правду-справедливость и упование на новую светлую долю вот-вот восторжествует»¹³. Именно поэтому, рассматривая первую Государственную думу как «Думу великих народных надежд», простой деревенский народ «великие надежды возлагал на нравственный авторитет своих первоизбранников»¹⁴.

Следует поддержать Н.Н. Алексеева, подчеркивавшего, что русский народ идеи представительной власти не понимал, несмотря на существование в 1906–1917 гг. Государственной думы, идея народного

¹¹ Алексеев Н.Н. Русский народ и государство. М.: Аграф, 1998. – С. 68.

¹² Там же. С. 68, 69, 76.

¹³ Лаврентьев И.Е. Выборы от крестьян в Казанской губернии // Выборы в I-IV Государственные думы Российской империи: (Воспоминания современников. Материалы и документы) М.: РЦОИТ, 2008. С. 261.

¹⁴ Там же.

представительства была привита народу не Государственной думой, но «советами»¹⁵.

Первые попытки поставить публичную власть под контроль народа были предприняты ещё на заре становления человеческого общества, и это даже не было ещё право с его нормативным регулированием. Это были обычаи. Из обычаев выросли контрольные возможности органов сословного представительства. Рождение прокуратуры ознаменовало собой попытку самоконтроля власти.

Только опирающаяся на духовно-нравственные ценности власть народа может обеспечить общее благо, не допустить губительного перерождения публичной власти. Нет ничего позорнее и отвратительнее того обращения, которое у Гомера Ахиллес бросает государю, правящему ради себя, а не ради народа: «Царь пожиратель народа»¹⁶. Лжегосударь, подчеркивал Эразм Роттердамский, становится народу врагом, а не отцом, что особенно заметно, когда государь поглощен делами, которые более чем противоречат интересам народа¹⁷.

Зародившись как форма народного контроля за публичной исполнительной властью, органы народного представительства с неизбежностью стали частью публичной власти, а в настоящее время – ключевой для развития общества.

Народный контроль над другой частью публичной власти – деятельностью судов – воплощён как в особом механизме их формирования, так и в институте присяжных заседателей, участвующих в производстве по самым серьёзным уголовным делам. Обвинения в государственных преступлениях должны сперва передаваться на решение народа, утверждал Платон¹⁸. Предметом народного контроля за правосудием является справедливость.

Но А.Д. Керимов обоснованно отмечает, что воля народа, особенно в критические периоды общественного развития, далеко не всегда выступает в окончательно сформировавшемся виде. Даже в случаях, когда по тем или иным фундаментальным вопросам развития общества единая и твердая народная воля имеет место, разногласия относительно конкретных путей, форм, средств и методов её практической реализации нередко оказываются столь велики и принципиальны, что, по сути, сводят на нет положительный эффект от её существования, обесмысливают сам факт её наличия¹⁹. Народ может искренне желать достижения высокого уровня

¹⁵ Алексеев Н.Н. Указ. Соч. С. 115.

¹⁶ Эразм Роттердамский. Воспитание христианского государя. М.: Мысль, 2010. С. 40.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Платон. Законы // Соч. в трех томах. Под общ. ред. А.Ф. Лосева и В.Ф. Асмуса. Пер. с древнегреч. Т. 3. Ч. 2. М.: Мысль, 1972. С. 243.

¹⁹ Керимов А.Д. Демократия: опыт критического анализа: монография. М.: Норма, 2019. С. 107-108.

материального благосостояния всеми без исключения гражданами государства, но при этом не меть согласия (а порой и ни малейшего представления) относительно того, как прийти к желаемому результату²⁰.

Ещё Екатерина II Великая в своём Наказе Комиссии по составлению проекта нового Уложения записала: «Ничего не должно запрещать законами, кроме того, что может быть вредно или каждому особенно, или всему обществу»²¹. И предостерегала: «Законы, преходящие меру во благом, бывают причиною, что рождается оттуда зло безмерное»²².

Пролетарский контроль эпохи военного коммунизма был реальной попыткой создать народный контроль над публичной властью, опираясь на Конституцию РСФСР 1918 г. Но даже в большевистской попытке строить общество без государства не пожелавшее «отмирать» государство осталось системой организации и осуществления политической власти²³. Политика, как известно, органически связана с сущностью, назначением и функционированием государства, а политическая борьба сводится в конечном счете к участию в государственной власти, к её захвату и полному овладению ею²⁴. Уже в день победы Октябрьского вооруженного восстания, 7 ноября 1917 г., лидер большевиков в своей речи в Петроградском Совете заявил: «Мы учредим подлинный рабочий контроль над производством»²⁵. «Живое творчество масс – вот основной фактор новой общественности, подчеркивал вождь российской социалистической революции. – Пусть рабочие берутся за создание рабочего контроля на своих фабриках и заводах»²⁶. 27 ноября 1917 г. ВЦИК и Совнарком приняли Положение о рабочем контроле. В интересах планомерного регулирования народного хозяйства во всех промышленных, торговых, банковых, сельскохозяйственных, транспортных, кооперативных, производительных товариществах и пр. предприятиях, имеющих наемных рабочих или же дающих работу на дом, вводился рабочий контроль над производством, куплей, продажей продуктов и сырых материалов, хранением их, а также над финансовой стороной предприятия.

²⁰ Там же. С. 108.

²¹ *Екатерина II*. Наказ Комиссии по составлению проекта нового Уложения // О величии России. М., 2006. С. 76.

²² Там же. С. 78.

²³ Современное государство в эпоху глобальных трансформаций : аналитический доклад / И.М. Рагимов, С.Н. Бабурин, Ю.В. Голик [и др.] СПб.: Юридический центр-Академия, 2019. С. 22. См. также: Матузов Н.И., Малько А.В. Теория государства и права: учебник. М., 2019. С. 53-55.

²⁴ *Керимов Д.А.* Проблемы общей теории права и государства: В 3 т. Т. 3. Правовое государство. М., 2003. С. 134.

²⁵ *Ленин В.И.* Доклад о задачах власти Советов, 25 октября (7 ноября) 1917 г. // Полн. Собр. соч. Т. 35. М., 1974. – С. 3.

²⁶ *Ленин В.И.* Ответ на запрос левых эсеров // Полн. Собр. соч. Т. 35. М., 1974. – С. 57.

Устанавливалось, что рабочий контроль осуществляют все рабочие данного предприятия через свои выборные учреждения²⁷.

Петроградский Совет Рабочих и Солдатских Депутатов 5 марта 1918 г. принял решение о создании в своей структуре Организационно-контрольного отдела, задачей которого стала проверка всех бюджетов районных Советов и всех отделов при Петроградском Совете «и, вообще, вносить планомерность в работы отделов и комиссий». Новому отделу были официально предоставлены «широкие полномочия»²⁸.

В Петрограде, например, действовал Народный комиссариат государственного контроля, вмешательства в дела которого, а равно самочинные распоряжения лиц, не имеющих от него надлежащих полномочий, вызывали «предание виновных суду Революционного Народного Трибунала как саботирующих работу Государственного Контроля»²⁹. Из приказа по Комиссариату госконтроля № 354 от 7 августа 1918 г., вызванного образованием Петроградского отделения Госконтроля, следует, что задачами этих контрольных органов были ревизии по оборотам советских организаций³⁰. И смыслом – не только блюсти финансовую дисциплину, но и обеспечивать баланс равенства и неравенства, под которым и понималась справедливость³¹.

Верхом революционной демократии можно назвать действия Петроградского комитета по делам о принудительном занятии для государственных и общественных надобностей зданий и помещений в гор. Петрограде, записавшего первым пунктом в своем первом решении: «Просить исполнительные комитеты всех советов, не пославшие ещё в комитет своих представителей, озаботиться о делегировании последних в кратчайший срок»³².

²⁷ Положение ВЦИК и СНК о рабочем контроле // Декреты Советской власти. Т. 1. 25 октября 1917 г. – 16 марта 1918 г. М.: Госполитиздат, 1957. С. 83.

²⁸ О создании Организационно-Контрольного Отдела при Петроградском Совете, опубл. 11 апреля 1918 г. // Сборник декретов и постановлений по Союзу коммун Северной Области. Вып. 1. Ч. 1. Пг.: Петроградский Совет Рабочих и Красноармейских Депутатов, 1919. – С. 265.

²⁹ Приказ по Государственному Контролю № 83, опубл. 31 мая 1918 г. // Сборник декретов и постановлений по Союзу коммун Северной Области. Вып. 1. Ч. 1. Пг., 1919. – С. 265.

³⁰ Приказ по Комиссариату Государственного Контроля № 354, 7 августа 1918 г., опубл. 17 авг. 1918 г. // Сборник декретов и постановлений по Союзу коммун Северной Области. Вып. 1. Ч. 1. Пг., 1919. – С. 266.

³¹ Жуков В.Н. Философия права: Учебник для вузов. М.: Мир философии, Алгоритм, 2019. С. 350.

³² Временные правила о дачных, пригородных и промысловых поселках в Северной Области, принятые Первым Областным съездом земельных отделов и сельскохозяйственных коммун 1-7 октября 1918 года // Сборник декретов и постановлений по Союзу коммун Северной Области. Вып. 1. Ч. 2. Приложения. Пг.: Петроградский Совет Рабочих и Красноармейских Депутатов, 1919. – С. 237.

Так, Временные правила о дачных, пригородных и промысловых поселках в Северной Области, принятые Первым Областным съездом земельных отделов и сельскохозяйственных коммун 1–7 октября 1918 г., на Поселковые Управления помимо предметов, входящих в круг ведения сельских Советов, возлагались обязанности контроля за использованием участков по назначению, контроль за общим благоустройством поселка, наблюдение за постройкой новых и ремонтом существующих строений, за выполнением требований Строительного Устава и обязательных правил технического надзора, наблюдение за использованием участков и помещений в пределах установленных норм³³.

Но всё же это был контроль над сферой производства и распределения, а не над властью. Главной формой контроля над публичной властью в период СССР была деятельность партийных комитетов.

Но и комиссии, и комитеты партийного контроля, существовавшие в СССР вплоть до 1991 г., занимались внутрипартийными делами или проступками членов КПСС. Эти органы несли обязанности, лежащие в сфере борьбы с недостатками, с нарушением Устава КПСС, с отступлениями от норм партийной морали», отвечали, как подчеркивал многолетний председатель А.Я. Пельше, за членство в партии, за чистоту и выдержанность её рядов. А «партийный контроль в полном объеме осуществляет вся партия, все её первичные организации и выборные руководящие партийные органы»³⁴.

Отсюда попытка подменить народный контроль над публичной властью партийным контролем, конституированная только ст. 6 Конституции СССР 1977 г. Ни рабоче-крестьянский и партийно-государственный контроль, существовавший с 1962 г., ни комитеты народного контроля, созданные в 1965 г., не смогли выполнить задачи контроля народа над публичной властью. Проблема безответственности публичной власти нарастала. Конституция СССР сделала упор на необходимость развитие политической системы советского общества, включающей усиление народного контроля (ст. 9 Конституции), Право граждан СССР участвовать в управлении государственными и общественными делами прямо включило их участие в народном контроле (ст. 48 Конституции).

30 ноября 1979 г. был принят Закон СССР «О народном контроле в СССР», провозгласивший в преамбуле: «В Советском государстве, выражающем волю и интересы всего народа, право контроля принадлежит самому народу как единственному хозяину своей страны».

Органы народного контроля на закате существования СССР были наделены почти безграничными полномочиями. Согласно ст. 3 Закона

³³ От комитета по делам о принудительном занятии помещений, 26 марта 1918 г. // Сборник декретов и постановлений по Союзу коммун Северной Области. Вып. 1. Ч. 1. Пг.: Петроградский Совет Рабочих и Красноармейских Депутатов, 1919. – С. 98.

³⁴ Пельше А.Я. XXIII съезд КПСС об усилении внутрипартийного контроля и задачи партийных комиссий // Избранные речи и статьи. М.: Политиздат, 1978. – С. 279, 280.

органы народного контроля были призваны контролировать выполнение государственных планов экономического и социального развития и плановых заданий, причем народные контролеры были уполномочены не только выявлять резервы народного хозяйства, но и добиваться их использования. На органы народного контроля возлагалась борьба с нарушениями трудовой дисциплины, проявления местничества и ведомственного подхода, бесхозяйственностью и расточительностью, волокитой и бюрократизмом. Закон предписывал органам народного контроля способствовать «совершенствованию работы государственного аппарата, внедрению научной организации труда», контролировать соблюдение должностными лицами законов при рассмотрении жалоб и заявлений граждан и проводить проверки состояния этой работы в министерствах, госкомитетах, ведомствах, на предприятиях и в учреждениях, даже в колхозах, кооперативах и иных общественных организациях³⁵.

Абсолютно предвзято и не основано на фактах «абсолютно точное» утверждение. Что все советские конституции «основывались на идеологических принципах, осознанно отрицавших достижения свободного правового и конституционного государства»³⁶. Именно на завершающем этапе существования советского конституционализма через бюрократические препоны и ошибки роста рождалась реальная система народного контроля над публичной властью. Стоит ли удивляться, что при первых шагах российских «рыночных реформаторов», уже в самом начале работы Первого съезда народных депутатов РСФСР было вброшено в бурю дискуссий и принято решение о ликвидации в РСФСР органов народного контроля. Взамен ничего создать и не пытались. Путь для обрушения деградировавшей публичной власти Союза ССР был открыт.

Конечно, по Конституции Российской Федерации 1993 г. существуют счетные палаты, контрольные управления администраций, контрольно-ревизионные органы и т.д. Но это способы самоконтроля публичной власти.

Сложность контроля, подчеркивает Ю.М. Воронин, обусловлена его встроенностью в органы, механизмы и объекты управления, тесной связью с функциями управления³⁷. Отсюда **рост потребности современного общества в народном контроле над публичной властью.**

Такая потребность выражена в рождении системы общественных палат, начиная с Общественной палаты Российской Федерации, в поиске иных форм народного контроля привел к рождению в 2011 году Общероссийского Народного Фронта как общественного движения,

³⁵ Закон СССР от 30.11.1979 № 1159-Х «О народном контроле в СССР» // [Электронный ресурс] – URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=home#doc/ESU/44514/4294967295/0> (дата обращения: 06.05.2019).

³⁶ Визер Б. О сути и истории советских и российских конституций // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2018. Том 13. № 6. С. 12.

³⁷ Воронин Ю.М. Государственный финансовый контроль: вопросы теории и практики. М., 2005. – С. 28.

объединяющего «активных и равнодушных граждан». Среди целей и задач ОНФ, пусть в значительно усеченном виде контроля, – содействие развитию России как сильного, свободного, суверенного государства, являющегося лидером развития и центром притяжения для многих стран (ст. 2.1.2 Устава ОНФ), мониторинг защиты прав и свобод человека, результатов деятельности государства в здравоохранении, образовании и других сферах жизни (п. 7.8.2 Устава)³⁸.

Ни в одном из своих видов современный контроль он не смог даже приблизиться к уровню и возможностям несовершенного народного контроля в СССР, тем более, не стал истинно народным контролем над публичной властью. Не случайно Ф. Энгельс заканчивает свою работу «Происхождение семьи, частной собственности и государства» пространной цитатой из исследования Л. Моргана: «Настанет время, когда человеческий разум окрепнет для господства над богатством, когда он установит как отношение государства к собственности, которую оно охраняет, так и границы прав собственников. Интересы общества безусловно выше интересов отдельных лиц, и между ними следует создать справедливые и гармоничные отношения... Завершение исторического поприща, единственной конечной целью которого является богатство, угрожает нам гибелью общества, ибо такое поприще содержит элементы своего собственного уничтожения. Демократия в управлении, братство внутри общества, равенство прав, всеобщее образование освятят следующую, высшую ступень общества, к которой стремятся опыт, разум и наука. *Оно будет возрождением – но в высшей форме – свободы, равенства и братства древних родов*»³⁹.

Среди конкретных выводов можно, очевидно, сделать и тот, что вся эволюция народного контроля над публичной властью в России фиксировалась и оформлялась правом, а с XX века имела и конституционно-правовое отражение. Российский же опыт конституционализма показывает современную актуальность политико-правового вывода Н.Н. Алексеева: будущее в России принадлежит православному правовому государству, которое сумеет сочетать твердую власть (начало диктатуры) с народоправством (начало вольницы) и со служением социальной правде⁴⁰. Пора изучать уроки недавнего прошлого и перестать ошибаться в политических и конституционно-правовых выводах.

³⁸ Устав Общероссийского общественного движения «Народный фронт “За Россию”», 2018 // [Электронный ресурс] – URL: <http://onf.ru/structure/documents-0/> (Дата обращения: 06.05.2019).

³⁹ Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства // К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Изд. 2. Т. 21. М., 1961. С. 177-178.

⁴⁰ Алексеев Н.Н. Русский народ и государство. С. 116.

Политология

УДК 32.019.51

НАРОДНАЯ ДИПЛОМАТИЯ В БОЛГАРИИ В СВЕТЕ БЕССМЕРТНОГО ПОЛКА И ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ С РУСОФИЛЬСКИМИ ОРГАНИЗАЦИЯМИ

Алексиева Д.В.

«Бессмертный полк в Варне», г. Варна, Болгария
anika1969@yahoo.com

Введение. После распада Варшавского договора, Болгария постепенно оказалась в изоляции от братской России.

Миллионы болгар, их семьи, оказались оторваны от живительной связи с русской культурой, языком, что воспринимается и поныне довольно трагично.

В этих условиях, жизненно важным становится развитие связей с Россией на уровне народной, общественной и духовной дипломатии.

Цель. Изучение и распространение опыта развития народной и духовной дипломатии в Болгарии, показ роли общественных организаций и описание организованных мероприятий в поддержку России, в том числе, Шествия Бессмертный полк, в целях сохранения национальной идентичности среди соотечественников.

Основная часть. В свете сложившейся геополитической ситуации и новых вызовов, усиления манипулированием общественным мнением с помощью недобросовестных СМИ, как в России, так и в Болгарии, актуально решение практических задач в развенчании навязываемых обществу мифов, в налаживании мостов между нашими братскими народами на основе народной дипломатии.

В связи с этим, важно выделить развитие сотрудничества с русской посольской школой в Софии, где вместе учатся дети не только дипломатов, но и болгар, и русских соотечественников.

В основе такого сотрудничества были заложены:

– общественная инициатива добровольного преподавания предмета «Основы православной культуры», подкрепленная личными компетенциями автора, являющегося магистром Богословия и проведением открытых еженедельных уроков в присутствии классных руководителей и желающих родителей;

– проведение в 2003 г., беседы с приснопамятным Варненским Митрополитом Кириллом;

– направление совместного приглашения российскому общественнику, профессору, доктору медицинских наук, духовному писателю иеромонаху Анатолию Берестову;

– перевод на болгарский язык книг Анатолия Берестова «Возвращение в жизнь» и «Духовные основы наркомании»;

– организация приезда отца Анатолия в Болгарию, проведение его встреч и бесед в Варне, в Пловдиве, в Софии – на Богословском факультете – для студентов, и в Епархиальном управлении, для священников;

– в результате этого, создание единственного в Болгарии Центра для лечения наркозависимых при Православной Церкви - в г.Варне.

Также, в Софии и в Варне поддерживается связь с Россией через культуру и литературу – путём проведения вечеров А.С.Пушкина, В.С.Высоцкого, Булата Окуджавы.

Национальное движение «Русофилы» – это болгары, проводит в Болгарии ежегодно конкурс русской песни, стихотворения, рисунка.

Ежегодно, в течение 16 лет, каждое 14 сентября на этом всенародном праздновании близ Шипки, собирается несколько десятков тысяч человек, связанных духовными узами с Россией.

Здесь же происходит награждение лауреатов национального конкурса, люди поют русские песни и играют болгарское «хоро».

Хотелось бы отметить также и нашу гражданскую инициативу под девизом «Болгария за мир», которую мы проводили в Варне, в течение 6 месяцев, еженедельно в 2014 г, после начала военных действий на Донбассе.

Это были митинги в самом центре, возле гордумы, которые перерастали в шествия по пешеходной зоне – с русскими и болгарскими флагами, с призывами остановить войну на Донбассе, выйти из НАТО и ЕС. На наших митингах присутствовали преимущественно болгары и несколько русских, были также члены русофильской партии «Атака».

Так же в Софии, в октябре 2014 г мы провели митинг перед посольством США, совместно с Обществом сирийцев в Болгарии, и болгарскими и российскими патриотами – против войны на Донбассе и в Сирии.

В сентябре 2017 года Народным собранием Болгарии, это наша «Государственная Дума», был принят доклад по госбезопасности, инициированный американским посольством.

В нем Россия была объявлена угрозой для Болгарии.

В ответ, по всей стране, возмущались болгарские писатели, артисты, интеллектуалы, а в Варне мы организовали митинг в поддержку России перед генконсульством РФ.

Во время проведения митинга была зачитана Декларация, направленная затем в Народное собрание, в которой категорически осуждалась позиция против России, а также, утверждалось, что «в наше напряженное время Россия является единственным гарантом мира на Земле».

На митинге присутствовали болгары – ветераны Второй мировой войны.

Митинг поддержали своим участием представители Славянского движения, болгарского Антифашистского союза и варненское отделение «Ночных волков», члены Сирийского общества и сербы, ветераны войны в ЛНР.

Также, нужно выделить проведение в рамках народной дипломатии, в 2018 году, акции «Поддержим сербов в Косово и Метохии» и организация выставки детских рисунков о войне – из Донбасса и Косово, во время премьеры в Варне, фильма болгарских журналистов К. Митрофановой и Ц. Гетова «Донецкая весна».

И, наконец, остановимся на самой массовой инициативе, – Бессмертный полк, которую мы инициировали в Варне с 2016 года.

Наша идея объединить в этой акции русских и болгар, молодежь и пожилых была встречена с большим восторгом.

К нашим акциям Бессмертного полка, ежегодно, присоединяется свыше 1000 человек, мы стараемся рассказать нашим детям о решающей роли России в Победе над фашизмом, а так же о 28 000 болгар, погибших в лагерях, и убитых за освобождение Болгарии.

Заключение.

Развитие народной дипломатии, через организацию гражданских, просвещенческих, культурных мероприятий, направлено на понимание и поддержку устремлений народа Донбасса, выражение благодарности к России и дружеских чувств к русскому народу.

И мы будем делать все на уровне народной дипломатии для укрепления нашей многовековой дружбы и всестороннего сотрудничества между Болгарией и Россией!

УДК 32.019.51:796:654.19

СПОРТ КАК ИНСТРУМЕНТ ПОЛИТИЧЕСКОЙ БОРЬБЫ (НА ПРИМЕРЕ ПРОТИВОСТОЯНИЯ ЗАПАДА И РОССИИ)

Архипов В.А.,

Муза Д.Е., д-р филос. наук, профессор

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР

arhipovvlad@yandex.ua

Спорт в 21 веке играет важную роль в политике государства. Спорт часто используют в качестве инструмента формирования позитивного имиджа страны. Кроме того, существует мнение, что спортивные соревнования выступают элементом политики «мягкой силы». Собственно,

взаимосвязь политики и спорта выступает одной из важнейших тем политического дискурса.

Актуальность данной темы обусловлена использованием спортивной сферы общества в национальных интересах государств на международной арене, а также политизация спорта влечет за собой негативное политическое давление на страны с целью получения какой-либо выгоды.

Цель работы – раскрыть сущность политизации спорта.

Спорт как социальное явление не может быть автономным от политики. Международные спортивные соревнования являются ареной политической борьбы государств изначально. Начиная с самого первого шага их проведения, а именно с места проведения спортивных соревнований. Государство, которое примет какое-то глобальное спортивное мероприятие. Уже на этом этапе страны делятся на тех, кто может принять и провести у себя такое событие и на тех, кто недостоин по каким-либо причинам это сделать (политическим, идеологическим, экономическим). То есть, по сути, проведение спортивного мероприятия в какой-либо стране зависит от ее местоположения и веса в мировой политике.

Следующим аспектом является символизм спорта как такового. Спорт зачастую оказывается орудием политики, а не наоборот. Спортивные соревнования олицетворяют бренд государства на международной арене. Можно наблюдать своего рода превращение спорта в один из символов державы.

Ярким примером использования спорта в качестве бренда государства является зимняя Олимпиада в Сочи. Россия благодаря этой олимпиаде, «открыла миру другую Россию». Люди за границей узнали очень много о России, о ее народе и культуре. В рамках Олимпиады была явлена особая культурная самобытность России. Грубо говоря, зимняя Олимпиада была рекламной компанией России перед всем миром, причем на фоне произошедшего госпереворота на Украине. На это событие было потрачено рекордное количество средств [2]. Однако этот политический ход дал свои плоды.

Интегративный аспект. Спорту под силу – поднятие национального духа, объединение людей. Американский исследователь К. Л. Стивенсон, среди функций спорта выделял: интегративную функцию. Про нее он говорил: «Функция интеграции представляет спорт как способ возможного достижения гармоничного объединения людей с коллективом и их идентичность с ним» [4]. Так же спорт может объединить нацию на основе коллективной поддержки «своих» спортсменов.

Самое очевидное, на что способен спорт – это особым образом реализуемое соревнование политических систем. В том числе, соревнование идеологий (как это было в годы «холодной войны»). Победа страны будет воспринята как торжество победы одного политического режима над другим.

Чемпионат мира по футболу 2018 года, который был проведен в России, очень сильно повлиял на восприятие России на международной арене. Разрушил миф о недружественной России. Из негативных аспектов то, что Чемпионат мира 2018 хотели бойкотировать западные страны, в частности Британия, которая ссылалась на то, что никто из политиков Британии не приедет в Россию на открытие чемпионата из-за того, что Россия вмешивается в дела на Украине, из-за отравления Скрипалей [1]. Но этот бойкот не удался. Но сам факт политического давления присутствовал и это показывает зависимость спорта от политики.

Так же спортсменов и спорт могут использовать в глобальной политике в качестве политического давления. В 2018 году на Олимпиаде в Пхенчхане из-за допинговых скандалов, российские спортсмены были вынуждены выступать не под своим национальным флагом, под нейтральным флагом (им выступил олимпийский флаг). России был объявлен бойкот либо вообще не участвовать в спортивных соревнованиях, либо выступать под нейтральным флагом [3]. Этот факт был громко заявлен во всех западных СМИ, и в конце концов российские спортсмены выступили под нейтральным флагом, что конечно же не очень хорошо сказалось на имидже российских спортсменов и России в целом. Так как флаг – это символическая вещь и выступление под флагом своей страны гораздо приемлемее и оправданной для государства.

Проведение массовых спортивных мероприятий «на руку» местным властям. Так как любое большое международное мероприятие влияет на экономику региона. Вливаются средства в инфраструктуру принимающего города. А это еще плюс рабочие места для граждан. Облагораживается местность, строятся новые здания, спортивные сооружения и так далее. Достаточно посмотреть, как подготовили город Сочи к Олимпиаде. Политики и участники бизнеса часто продвигают мировые соревнования, так как считают их значительным игроком публичной дипломатии. Строительство новой инфраструктуры и создание краткосрочных рабочих мест также оправдывают такую стратегию. Эмоциональная сторона этого может скрывать финансовые риски проведения огромной конкуренции

Закключение. Таким образом, мы видим, что спорт всегда был, есть и будет развиваться в контексте политике. Спортивная сфера не может быть отделена от политики государства так как она является частью политической системы. Иначе говоря, спорт – это продолжение политики. На примере России видно насколько спортивные соревнования влияют на восприятие страны за рубежом, на ее имидж, а также как с их помощью можно осуществлять политическое давление на страну.

Через спортивную сферу можно решить ряд экономических и политических вопросов. Следовательно, эти сферы тесно связаны между собой, хотя с первого взгляда кажется, что они на друг друга никак не влияют.

Таким образом, спорт, не может быть нейтрален и быть вне политики. Все международные соревнования являются объектами политических манипуляций, что вызывает значительные проблемы в современном обществе.

Список литературы

1. Британские СМИ сообщили о возможном бойкоте сборной Англии ЧМ-2018 [Электронный ресурс]. URL <https://www.championat.com/football/news-3366391-britanskie-smi-soobshchili-o-vozmozhnom-bojkote-sbornoj-anglii-chm-2018.html> (дата обращения 06.03.2018)
2. Олимпийские рекорды. Самые дорогие Игры в истории. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.liga.net/all/infografica/olimpiyskie-rekordy-samye-dorogie-igry-v-istorii> (дата обращения 20.12.2015)
3. Олимпиада-2018: сборная России прошла на параде спортсменов под нейтральным флагом. [Электронный ресурс]. URL: <https://newsland.com/community/8211/content/olimpiada-2018-sbornaia-rossii-proshla-na-parade-sportsmenov-pod-neitralnym-flagom/6201992> (дата обращения 09.02.2018)
4. Стивенсон К.Л. Спорт как современный социальный феномен / К.Л. Стивенсон // Спорт и образ жизни: Сб. статей. / Сост. В.И Столяров, З. Кравчик. – М.: ФиС, 1979. – С 58-65.

УДК 321.022

ОБРАЗОВАНИЕ НОВЫХ ГОСУДАРСТВ В КОНТЕКСТЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФИИ СЛАБЫХ ГОСУДАРСТВ

Баранов А.В., д-р полит. наук, д-р ист. наук, профессор
ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет», г. Краснодар, РФ
baranovandrew@mail.ru

Необходим качественно обновлённый понятийный аппарат, позволяющий анализировать кризис слабых государств и образование новых. Но отрасли наук – международные исследования, геополитика, государствоведение, политическая регионалистика и др. развиваются во многом изолированно. Преобладает теоретический анализ феномена в русле политической философии [1, с. 8–26; 2, с. 63–75]. Это не позволяет адекватно осмыслить формирование и легитимацию новых государств в условиях глобализации.

Политическая география создала концепции распада государства и образования новых государств: центр-периферийную (Э. Шилз) [4], эволюционную (Н. Паундс) [5], диффузии инноваций (Т. Хёгерstrand) [6]. Акцент делается на количественные измерения и картографирование территориальной неоднородности стран. Выявляются первичные очаги сепаратизма и векторы их распространения. Анализ фрагментации старых государств и формирования новых продуктивен с применением

термина «геополитическое поле», фиксирующего ареал монопольного или конкурентного влияния «центра силы».

Как известно, одностороннее провозглашение независимости Косово в 2008 г., поддержанное странами Запада и их сателлитами, окончательно поставило принцип политической целесообразности, двойные стандарты выше правовой легитимности. Обретение независимости той или другой страной отныне стало вопросом силы ресурсов, организованности и целеустремлённости соответствующих политических движений, а не соблюдения норм международного права, которые продемонстрировали своё бессилие.

Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом ООН от 24 октября 1970 г. ведёт речь о колониальных народах, подчинённых «иностранным игу, господству и эксплуатации». Условиями сохранения территориальной целостности или политического единства суверенных независимых государств, согласно Декларации ООН, чётко названы действия государств «с соблюдением принципа равноправия и самоопределения народов, ...вследствие этого имеющих правительства, представляющие весь народ, принадлежащий к данной территории, без различия расы, вероисповедания и цвета кожи» [7, с. 10]. Из этого следует, что демократические государства не подпадают под действие права на внешнее самоопределение.

Напротив, сецессия оправдана в тех ситуациях, когда органы власти допускают массовые нарушения прав человека и постоянно целенаправленно угнетают этнические, территориальные либо религиозные сообщества. Именно таким кейсом является Украина в 2013-2019 гг., проводящая официальный курс насильственной ассимиляции этнических и языковых меньшинств, совершающая как государство военные преступления на территории Донецкой и Луганской Народных Республик.

Явление «слабого государства» как одного из значений шкалы Р. Ротберга уже признано в политической науке [8]. Слабые государства создают блага, предоставляемые гражданам, в недостаточном количестве, низкого качества и нестабильно предоставляют их гражданам. В политической географии систематизированы пространственные обстоятельства, которые облегчают кризис государства (нельзя сказать, что они являются фатальной причиной кризиса). В их числе: слабая территориальная интегрированность государства из-за наличия внутренних природных барьеров; отсутствие или слабость единого внутреннего рынка; наличие анклавов и эксклавов; компактное проживание групп населения, поддерживающих сецессию; существование сильной исторической памяти о былой независимости либо повышенном статусе региона; приверженность населения ряда регионов к соседним государствам в большей мере, чем к государству своего нынешнего проживания.

В случае Донбасса (2013–2014 гг.) налицо все перечисленные факторы. Причём стремление к повышению своего статуса проявлял сильный, а не слабый регион. Его сообщество обладает достаточно прочной коллективной идентичностью, а экономические контакты с Россией и постсоветским ареалом в целом значительно сильнее, чем с Западом. Многие аналитики (А.В. Бедрицкий, С.О. Бышок, А.В. Кочетков, Р. Саква) признают, что референдумы о независимости ДНР и ЛНР проходили с соблюдением законности, насколько это было возможно в условиях начавшейся войны, а большинство населения Донбасса добровольно выбрало свой государственный и политический статус вне Украины.

Список литературы

1. Силантьева М.В. Новые принципы «философии границы» в глобальном мире – десоверенизация или «постсоверенизация»? // Полис. Политические исследования. – М., 2014. – № 3. – С. 8–26.
2. Кочетков А.П. Национальное государство в условиях глобализации // Полис. Политические исследования. – М., 2014. – № 4. – С. 63–75.
3. Попов Ф.А. География сецессионизма в современном мире. – М.: Новый хронограф, 2012. – 672 с.
4. Shils E. Center and Periphery: Essays in Macrosociology. – Chicago; London: University of Chicago Press, 1975. VI, 516 p.
5. Pounds N.J.G. Political Geography. – N.Y.; Toronto: McGraw-Hill Inc., 1963. – X, 422 p.
6. Hägerstrand T. A Look at the Political Geography of Environmental Management // Sustainable Landscapes and Lifeways: Scale and Appropriateness / ed. by A. Buttner. – Sterling: Cork University Press, 2001. – P. 35–58.
7. Международное право в документах / сост. Н.Т. Блатова. – М.: Юридическая литература, 1982. – С. 10.
8. Rotberg R.I. The Challenge of Weak, Failing and Collapsed States // Leashing the Dogs of War: Conflict Management in a Divided World. – Washington, 2007. – P. 83. – Mode of access: https://www.wilsoncenter.org/sites/default/files/state_failure_and_state_weaknessinatimeof_terror.pdf (date of access: 10.09.2019).
9. Бедрицкий А.В. Демократия под огнём. Выборы в народных республиках Донбасса / А.В. Бедрицкий, С.О. Бышок, А.В. Кочетков. – М.: Книжный мир, 2014. – 352 с.
10. Саква Р. Линия фронта – Украина. Кризис на приграничных территориях. – М.: ЗАО Изд-во Центрполиграф, 2015. – 415 с.

ГЕРОИКА И ПРЕДАТЕЛЬСТВО В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОГО РАЗВИТИЯ РУССКОГО МИРА: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Беспалов А.К.

ФГБОУ ВПО «Московский педагогический государственный университет»,
г. Москва, РФ
bak2404@bk.ru

Знакомясь с историей нашего Отечества, в процессе семейного воспитания или школьного обучения, каждый человек сталкивался с такими понятиями, как герой и предатель. Под «предательством» обычно подразумевается вероломное нарушение доверия, клятвы верности, существующего межличностного единства, договора или долга кому-либо и чему-либо [2, 247]. Героизмом же можно назвать доблесть, мужество, стойкость, самопожертвование, проявляемое ради достижения высоких общественных и нравственных целей, готовность бескорыстно пожертвовать жизнью во имя общества [1, 1103-1105]. В данной работе мы будем рассматривать данные явления с точки зрения проблематики Русского мира, не затрагивая определенные бытовые аспекты героики и предательства.

Историческая память нашего народа хранит множество имен различных государственных деятелей, офицеров, солдат, простых людей, которых мы на сегодняшний день, не задумываясь, называем героями. Дмитрий Донской, Иван Сусанин, Федор Ушаков, Александр Матросов и т.д. Такая же ситуация с предателями, имен которых до нас дошло в разы меньше, по объективным причинам, но можно вспомнить таких исторических персонажей, как князь Олег Рязанский, Андрей Курбский, Мазепа, генерал Власов... Всех их историческое сознание нашего народа отметила клеймом предательства.

Свой собственный «пантеон» героев и предателей существует в истории практически каждого народа. Процесс его формирования с одной стороны является стихийной, объективной исторической закономерностью, с другой же стороны, на него может оказывать значительное влияние государственная и культурная политика. Достаточно часто происходит искусственное создание образов героев и предателей, за счет чего идет формирование исторической памяти народов. Данный процесс продолжается и в наше время: появляются имена новых героев, пересматривается отношение к старым, но при этом он практически никем не изучается, и при его подробном рассмотрении возникает целый ряд проблем.

Как на сегодняшний день определить, кого можно считать героем, а кого предателем, по каким критериям, признакам можно об этом судить? Если обратиться к нашему историческому прошлому, то в отдельных

случаях определить это достаточно легко. Допустим, рассматривая вопрос героики и предательства на примере периода ВОВ, можно сделать однозначное заключение, что, допустим, Гастелло, Клочков, Космодемьянская и др. будут являться героями, а Краснов, Власов, солдаты РОА – предателями, для большинства русских, хотя попытки оправдать последних несомненно присутствуют. А если же мы возьмем реальность Гражданской войны в России в начале XX, то столкнемся с неразрешимой на данный момент проблемой. Безусловным фактом, является то, что, как на стороне белых, так на стороне красных были люди, которые являлись истинными патриотами России, искренне верили, что борются за лучшее будущее для своей Родины, во имя чего совершали настоящие подвиги на полях сражений. Можно ли их считать героями? Или же, в годы Гражданской войны, огромное множество людей постоянно переходило из одного лагеря в другой, успев повоевать и за красных, и за белых, и за зеленых. Можно ли их считать предателями? И если да, то кого они предали?

Со времен Гражданской войны в России прошло более ста лет, а устоявшегося мнения по данным вопросам до сих пор нет. В эпоху СССР безусловными героями были представители красного движения, а «белые» являлись эталонными предателями и врагами, в 90-е же годы маятник качнулся ровно в противоположную сторону. То есть, проблема героики и предательства не решена в историческом контексте, а значит не может быть решена и в современном политическом процессе, вследствие чего часть пантеона героев и предателей у отдельно взятых народов меняется у нас на глазах. Однако, необходимо отметить, что пантеон героев и предателей в русской истории относительно статичен, что создает устойчивую духовно-нравственную основу для будущего развития российской цивилизации и Русского мира. Инструментальное использование проблемы «героика-предательство» происходит в периоды радикальных перемен, когда размывается иерархия доминирующих ценностей и общество на время теряет способность ориентироваться в рамках политического времени и пространства.

Данная проблема крайне остро стоит в условиях современных политических реалий, и, зачастую, несет в себе крайне серьезные последствия. Наглядно это можно видеть на территории многих современных стран постсоветского пространства. Самый яркий пример – современная Украина, где нынешняя власть активно продвигает в народные герои фигуры Бандеры, Шухевича, приравнивает членов УПА к ветеранам ВОВ, а в противовес проводит политику дегероизации советских полководцев, которые освобождали Украинскую ССР от немецко-фашистских захватчиков, а теперь считаются оккупантами [3]. Аналогичные тенденции также можно заметить в Польше, ряде Прибалтийских стран [4]. Подобная политика является абсолютно

разрушительной, вследствие ее проведения происходит уничтожение общей исторической памяти народов постсоветского пространства, намеренное искажение и переписывание истории, явная пропаганда русофобии, в том числе и в отношении советского прошлого. В условиях вооруженного конфликта на Донбассе, проведение данной политики приводит к эскалации противостояния, усугубляя политический разрыв культурным и историческим расколом народа. А урегулирование культурно-исторического конфликта – задача более сложная, нежели смягчение политического противостояния. Более того, на фоне культурно-исторического противостояния народа и межцивилизационного противостояния государств на исторической территории России, будут постоянно возникать новые вооруженные политические или экономические конфликты, которые не удастся урегулировать, не убрав первопричину. За счет умелой манипуляции процессами героизации и дегероизации в стране появляется своя собственная «официальная» версия истории, собственный пантеон героев, забывается и предается общее историческое прошлое – происходит все более серьезное разобщение и разъединение некогда братских народов, и если не обратить внимание на эту проблему, то данный процесс станет необратимым.

Исходя из вышесказанного можно сделать вывод, что из-за отсутствия понимания объективных черт героизма и предательства, как исторических, социокультурных феноменов, из-за определенной расплывчивости данных понятий, они достаточно умело используются в различных целях, будь то намеренное искажение истории, легитимация власти или искусственное разжигание гражданских конфликтов на постсоветском пространстве. Необходим системный ответ на возникшие в отношении России политические вызовы и угрозы, как в идеологическом, так и в культурном, образовательном и научном пространстве.

Зачастую, тему героики и предательства рассматривают с точки зрения субъективных и эмоциональных оценок. Однако, если мы попробуем рассмотреть героизм, как социально-исторический феномен, а героя – как исторически определенный тип личности, то увидим немало объективного. Если учитывать, что настоящий герой себя таковым никогда не считает, а данный образ ему впоследствии присваивает общественная оценка, то можно сделать вывод, что существуют некие определенные объективные черты героизма и подвига, которые позволяют обществу увидеть в отдельном человеке героя, а в его поступке – подвиг. Рассматривая вопрос феномена предательства и героизма, необходимо также задаться вопросом о соотношении данных понятий с понятиями верности и измены: государству, Родине, исторической памяти, традициям и т.д.

Таким образом, представляется необходимым провести полноценное научное исследование проблемы героики и предательства, проследить изменение данных явлений в историческом процессе, выявить их

объективные признаки, критерии, и, как результат, сделать вывод о социально-исторической сущности героизма и предательства. В этом случае мы можем обосновать противостояние процессам искусственной героизации и дегероизации, основанных на искажении исторических фактов и закономерностей, а также на разрушении существующих социокультурных традиций Русского мира.

Список литературы

1. Тилляев Б.А. Герой и героизм: этические аспекты взаимодействия // Молодой ученый. 2014. №3. – С. 1103-1105 [Электронный ресурс]. URL: <https://moluch.ru/archive/62/9369/>
2. Янцен В.В. Предательство как проблема индивидуальной памяти и исторической традиции. С. 247 (Мысли к конференции «Предательство» Международного кружка психопатологии, искусства и литературы 18-19 сентября 2009 года в Мюнхене) [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/predatelstvo-kak-problema-individualnoy-pamyati-i-istoricheskoy-traditsii>
3. Закон Украины от 6 декабря 2018 года № 2640-VIII «О внесении изменения в статью 6 Закона Украины «О статусе ветеранов войны, гарантиях их социальной защиты» по усилению социальной защиты участников борьбы за независимость Украины в XX веке».
4. Статья 170.2 Уголовного кодекса Литовской Республики. Утвержден 26 сентября 2000 года законом № VIII-1968. Поправка от 29 июня 2010 г.

УДК 02.51.45

ПАТРИОТИЗМ КАК ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЗАДАЧА В УСЛОВИЯХ СВОРЕМЕННЫХ ВНУТРЕННИХ И ВНЕШНИХ УГРОЗ РОССИЙСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Беспалова Т.В., д-р филос.наук, канд. полит. наук, доцент
ФГБ НИУ «Российский научно-исследовательский Институт культурного и природного наследия им.Д.С. Лихачева», Министерство культуры, г. Москва, РФ
tvb09@bk.ru

Как связано формирование патриотического мировоззрения с реализацией государственной культурной, образовательной и национальной политики? Почему приоритеты культурной и образовательной политики всегда определяли и будут определять в России социальный статус тех, кто служит Отечеству? Каким должно быть содержание молодежной политики, чтобы воспитать подлинного патриота России?

В настоящее время девальвация патриотизма как ценности в молодежной среде во многом связана с формализованным подходом к проведению мероприятий патриотической направленности, что отчасти обусловлено *отсутствием межведомственного взаимодействия* в сферах

образования, культуры, национальной и молодежной политики, политики просвещения. В этой связи возникает необходимость выработки ряда предложений с целью повышения значимости ценности понятия «родина» для граждан России, развенчания «черных мифов» о России, создания условий для обеспечения преемственности эпох и поколений. Формирование патриотического мировоззрения напрямую связано с возрождением общей исторической памяти российского народа, культурных и образовательных традиций с учетом современных внешних внутренних угроз в отношении России.

Использование манипулятивных технологий в отношении молодежи, политическое разыгрывание «трудных вопросов» и «болевых точек» отечественной истории в антинациональных интересах, отсутствие единой государственной политики по формированию общей исторической памяти российского народа обусловлено *межцивилизационным противоборством в поле культурных и образовательных смыслов*. Эти проблемы в разной степени касаются всех регионов России, а их решение напрямую связано с обеспечением национальной безопасности России.

На момент написания данной статьи находится на стадии завершения научно-экспертная работа в Сибирском Федеральном округе (далее СФО), целью которой является повышение эффективности работы, направленной на формирование патриотического мировоззрения и укрепление межведомственного взаимодействия в указанных сферах. СФО выбран в качестве пилотного региона не случайно, Сибирь сильна своими традициями.

Исследование затрагивало следующие вопросы:

- культура – театры, музеи, кинематограф, библиотеки и т.д. (интерпретация значимых для патриотического мировоззрения исторических событий в рамках реализуемых культурных мероприятий);
- школьное и высшее образование (единая трактовка истории Российского государства, перечень «проблемных вопросов» истории);
- национальная политика (формирование культурно-исторических смыслов гражданской идентичности, проблема соотношения этнокультурной, национальной в гражданском понимании и цивилизационной идентичности);
- молодежная политика (формирование конструктивного мировоззрения без упрощения картины исторического прошлого, использование новейших информационных технологий, выработка «иммунитета» к манипулятивным технологиям);
- политика просвещения (качественная пропаганда актуального знания в сферах культуры, образования, национальной, молодежной и информационной политики);
- патриотическое воспитание (системная работа по согласованию содержания культурной, образовательной, просветительской, национальной, молодежной и информационной политики).

Каждый регион должен был обозначить перечень предпринятых мер и мероприятий в регионе *в указанных сферах за последние 5 лет – название мероприятий, их содержание и достигнутый результат*. Какие проблемы возникали в процессе достижения поставленного результата? Какие мероприятия вызвали наибольший общественный резонанс, почему? Какие мероприятия наиболее близки для культуры нашего народа, почему? Какие мероприятия были разрушительными для общей исторической памяти, солидарности и единства народа? Какие мероприятия направлены на формирование цивилизационной/гражданской/этнокультурной идентичности и чему отдается приоритет в регионе? Какова региональная специфика формирования патриотического мировоззрения?

Следующим этапом работы было обозначение *перечня проблем патриотического воспитания в указанных сферах и механизмов их решения*: Формулировки проблем должны были быть проиллюстрированы эмпирическим материалом. Насколько нижеперечисленные проблемы актуальны для каждого региона:

- формализация патриотического воспитания в регионе;
- неприятие официальных государственных форм проявления патриотизма;
- политическое противоречие и некорректное восприятие понятий «родина», «власть», «страна», «государство»;
- распространение «черных» мифов о России;
- решение «трудных вопросов» истории (гражданская война, ГУЛАГ, репрессии и др.);
- формирование общей исторической памяти;
- интерпретация отечественной истории в указанных сферах и русской, российской (в том числе советской) культуры (театральные постановки, выставки, музейные композиции, праздники и памятные даты и др.);
- соотношение регионального и государственного патриотизма («малой» и «большой» родины);
- привлекательность региона как «малой родины»;
- коррупция в регионе как причина девальвации ценности служения;
- доступность культурных благ (социальные, экономические);
- привлечение молодежи к культурным благам;
- проблема получения качественного фундаментального образования;
- проблема трудоустройства, приобретения жилья, в целом социальной защиты жителей в регионе как определяющая причина протестных настроений в молодежной среде («я люблю свою родину, но должен признаться, что толку в ней никакого нет»);
- проблема по организации досуга в молодежной среде (спорт, научные и культурные центры и т.д.);

- недостаточная профилактика экстремистских (неоязычески и пр.) движений;
- использование патриотической лексики в политических целях (организация протестов и пр.);
- пропаганда сепаратизма, этнического превосходства; религиозного фундаментализма;
- проявление русофобии (в том числе и к советскому прошлому) в самых различных формах – религиозных, культурных, политических;
- проблема отсутствия межведомственного взаимодействия в сферах культуры, образования, национальной, молодежной политики, политики просвещения.

Итогом этой работы будет формирование единой концепции патриотического воспитания, требующей вернуть ценности служения достойный статус. В условиях межцивилизационного противостояния на исторической территории России, гибели людей за право на культурно-историческую близость к России, ценность служения приобретает особый исторический смысл.

Парадоксом постсоветской эпохи становится активизация деятельности государства по формированию патриотического мировоззрения, традиционных нравственных *ценностей в условиях их тотального разрушения на уровне культурных и образовательных практик*, наличия серьезных противоречий в процессах формирования и укрепления российской гражданской идентичности и гражданского единства российского общества. Огромное значение в данном контексте приобретает соотношение цивилизационной, национальной (в гражданском смысле) и этнокультурной идентичности и обеспечение их гармонизации. Цивилизационная идентичность практически утеряна на уровне повседневного сознания, а ее возрождение (или обретение) представляется сложной политической задачей, требующей не только воли национальной элиты, но и последовательных действий на уровне реализации нового содержания государственной политики.

Патриотизм не сводим только к служению Отечеству и защите государства, но и требует отстаивания исторически сложившегося духовного и нравственного уклада русской, российской жизни. Служение России предполагает защиту на уровне государственной политики исторически сложившегося представления о социальной справедливости.

Патриотизм как образовательная задача требует возрождения отечественных образовательных практик во взаимосвязи с повышением роли русской культуры (русской, советской) и русского языка как важнейших условий активизации интегративных процессов культурно-цивилизационного пространства России. Нельзя забывать, что *сочетание российской государственной мощи с доминированием западных идей в сферах образования и воспитания, в конце концов, приводит к подрыву цивилизационных основ российской государственности.*

Патриотизм как политическая задача требует коллективного признания национального предательства (подписание Беловежских соглашений) и как его следствия – последующий раскол русского народа, конфликты на границах бывших советских республик. Возрождение общей исторической памяти, возвращение в мировую историю субъекта политики, истории и культуры; проведение исторической политики, соответствующей системному вызову в отношении российской цивилизации; разработка идейно-теоретического обоснования интеграции народов, культур и государств с целью снижения конфликтности и возвращения смысла национальному бытию русского (российского) и других народов России и постсоветского пространства.

Идея Русского мира может стать определяющей в процессах постепенного добровольного объединения потерявших свою целостность земель, частей большого целого. Речь о мирном восстановлении общего культурно-цивилизационного пространства, о культурно-историческом единстве славян (русских, украинцев, белорусов или великороссов, малороссов, белорусов).

По словам президента России «русские оказались самой большой разделенной нацией в мире сегодня»[1], это необходимо учесть и суметь выразить национальную идею России, не умалчивая о масштабах произошедшей цивилизационной катастрофы и не игнорируя собственную национальную и этнокультурную идентичность.

В свое время в одном из обращений к Бенкендорфу Уваров писал: «Будем надеяться, что высокая мудрость Монарха *просвещенного, справедливого и патриотичного* облегчит его стране путь развития в форме, наиболее соответствующей ее природе. Будем надеяться, что люди, призванные ему помочь, поймут, наконец, положение государства, которое своей политической формой, своей организацией, своим положением опровергает все теории и для которого неприменимо почти ничего из того, что делается или задумывается в Европе».[2] *Просвещенность, справедливость и патриотизм* — важнейшие сущностные характеристики русской власти, определяющие специфику государственного и политического устройства России во все времена.

Государственный патриотизм — это деятельность органов государственной власти по осуществлению культурной, образовательной, национальной, информационной и внешней политики России, соотносимой по содержанию с социокультурным запросом народа, историческими традициями и политическими вызовами; это реализация политики, которая будет близка к подлинному предназначению государства, целью которого является ***реальное народосбережение*** и сохранение российской цивилизационной идентичности, политики, которая четко обозначит ориентиры нового фундаментального интегративного политического проекта (в том числе включающего Евразийский проект, проект

воссоединения славянских народов в рамках Союзного государства или идейно-теоретического обоснования интеграции народов постсоветского пространства на основе общей исторической памяти и пр.), *в реализации которого будет задействован весь народ.*

Список литературы

1. Интервью В. В. Путина Оливеру Стоуну 13 июня 2017 года [Электрон. ресурс]. URL: <https://ria.ru/politics/20170613/1496353896.html> (дата обращения: 11.04.2018).
2. ОПИ ГИМ. Ф. 17. Оп. 1. Ед. хр. 45. Л. 25.

УДК 321.022

ОСОБЕННОСТИ СТАНОВЛЕНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭЛИТЫ ДНР

Бобровский А.С., канд. ист. наук, доцент
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР
art_bob_box@mail.ru

Главной проблемой функционирования государства, является становление политических институтов. Конечная цель этого процесса – создать максимально благоприятные условия для самореализации личности каждого гражданина, обеспечить ему соответствующий уровень свободы, реализацию личного потенциала, ускорить формирование демократического общества. Кроме желания общества жить в правовом государстве, жизненно необходимой является потребность иметь лидеров, политиков, способных ускорить развитие такого общества. Следовательно, актуальной проблемой является процесс формирования современной региональной политической элиты, её способность служить собственному народу.

Политическую элиту образуют лидеры – люди, которые более других подготовлены к управленческой деятельности, имеющих реальную власть, благодаря которой осуществляют легитимное влияние на общество. При этом граждане добровольно делегируют политическим лидерам определенную часть своих полномочий. Такими политическими лидерами являются государственные деятели, руководители политических объединений, общественных организаций и т. п. Типология политического лидерства во многом подобна типологии лидерства вообще. Среди политических лидеров выделяют политическую элиту. Это верхушка социальной группы, политической силы, которая непосредственно осуществляет политическое руководство обществом, стоит у руля государственного управления.

Важным элементом демократического государства многие специалисты считают политический плюрализм, многопартийность – обра-

зование политических партий разного идейного направления. Однако, количество партий еще не является залогом существования сильной, консолидированной политической элиты. Например, процесс роста многопартийности в Украине, по своим последствиям принципиально отличается от того, что наблюдаем в других странах мира. Многим политическим лидерам не хватает умения вообще действовать эффективно, управлять с учетом особенностей социума.

Демократическое общество существует тогда, когда партии возникают как волеизъявление рядовых граждан и выполняют роль посредника между властью, элитой и народом. Большинство партий в Украине создавались вовсе не по воле масс, снизу, а по инициативе одного или нескольких лидеров. Наличие многих партий, которые при этом отнюдь не легитимно представляют интересы граждан перед государством, влечет за собой очень негативные последствия. Конфликтный потенциал в обществе становится слишком высоким. Данные факторы могут привести к существенным социально-политическим изменениям.

Многопартийность в Украине отнюдь не определяла экономической политики государства и практически не влияла на нее, хотя нет ни одной партии, которая бы не декларировала бы своих программных принципов именно в социально-экономической сфере, в основном руководствуясь собственным корпоративным интересом. «Настоящих» лидеров многих политических партий в Украине при указанных обстоятельствах опознать и определить очень трудно. Поэтому не удивительно, что по состоянию на 2014 год большинство партий, имели небольшое количество членов, первичных ячеек.

Неопределенность стратегической линии многих политических партий, их организационная слабость, недостаток авторитета, нежелание реализовать насущные требования граждан привели к политическому кризису. Добавим к этому и то, что большинство политических партий вообще не работали согласно своим организационно-уставным, программным принципам. На первый план вышла потребность более эффективного представления интересов населения Донбасса. В регионе весной 2014 года ключевую роль начинают играть общественно-политические движения, где были широко представлены различные общественные организации, а также инициативные группы граждан. Лидеры движений, в отличие от представителей «старой» политической элиты, представляли из себя совершенно иное, в качественном отношении, явление. Они не были связаны с представителями олигархических групп. Так началась новая страница в истории Донбасса. Формирование региональной политической элиты продолжается и указанные тенденции будут способствовать становлению новой генерации политиков.

ЗНАЧЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ДЛЯ СТУДЕНТОВ ВУЗОВ ДОНЕЦКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ (на материалах пилотного исследования)

Внукова Л.Б., канд. полит. наук
ФГБУН «Федеральный исследовательский центр
Южный научный центр Российской академии наук», г. Ростов-на-Дону, РФ
vnukova@ssc-ras.ru

Весной 2014 г. на Донбассе происходили события, сразу получившие название «Русская весна», причиной которых явился конфликт между навязываемой государством и региональной идентичностями. Идеологическое противостояние накладывает отпечаток на динамику национальной идентичности жителей Донецкой и Луганской областей, что фиксируют социологические опросы [4, 5] и экспертные оценки.

Основу исследования, проведенного весной 2018 г., составили методы: опрос экспертов, анкетирование студентов и включенное наблюдение. Анкета для студентов содержала семантический дифференциал, две методики: опросник по измерению этнонациональных установок и опросник для измерения аттитудов к войне [1, с. 314-315, с. 336-337] и четыре уточняющих вопроса. Всего было заполнено 42 анкеты наиболее активными студентами старших курсов: Донецкого национального университета, Донецкой академии внутренних дел МВД ДНР, Донбасской юридической академии. Конечно же, полученные данные могут рассматриваться только как результаты пилотного исследования и должны быть верифицированы.

В рамках настоящей статьи рассмотрим подробнее данные вопросов и методики, относящихся к месту и роли национальной идентичности в жизни молодежи. Большинство студентов (26 человек из 42) считают, что людей объединяет культурно-историческая общность, что также согласуется с мнением экспертов. Семеро ответили, что язык, и только трое, что государственность. Шестеро респондентов выбрали ответ «другое» – из них четверо решили предложить свой вариант: «идея», «все из предложенных», а двое указали на экономические причины (экономические интересы и экономические благополучие).

Результаты самоидентификации студентов, представленные в таблице, свидетельствуют о наличии двойной (возможно, и тройной) идентичности у студентов, а также о широком распространении территориальной идентичности, что отражают и социологические опросы [4, 5].

Третий и четвертый вопросы анкеты были направлены на оценку степени эмоциональной близости и значимости национальной принадлежности. Подавляющее большинство – почти три четверти опрошенных в той

или иной степени чувствуют эмоциональную связь с людьми своей национальности – десять выбрали ответ «действительно так», а 21 «скорее да, чем нет». Только четверо считают, что не испытывают эмоций, а семеро «не уверены» в своих ощущениях. Меньшее количество респондентов занимают однозначную уверенную позицию (положительную или отрицательную) по отношению к утверждению «Принадлежность к моей национальной группе – важная часть моего представления о себе и накладывает отпечаток на мою личность» – полностью согласны 8, не согласны 4. Самый популярный ответ «скорее да, чем нет» (выбрали 18) в сумме с 12, указавшими ответ «не уверен», говорит о том, что в самоопределении молодых людей национальная принадлежность не играет ведущую роль, а первостепенное значение имеют другие идентичности. В третьем вопросе-утверждении «Я чувствую эмоциональную связь с людьми моей национальности» каждый предполагает разную степень близости, и согласие с ним не регламентирует респондента так, как четвертое, содержащее более категоричные формулировки «важная часть» и «накладывает отпечаток на мою личность». Также можно предположить, что подавляющее большинство просто не готово безоговорочно отнести себя к той или иной группе, потому что не имеет сформировавшихся представлений о собственной идентичности, ввиду личной незначимости (неактуальности) задаваемых вопросов. Выбор некатегоричных суждений-оценок оставляет маневр для личной самоидентификации, так как предполагает диапазон вкладываемого смысла. Что фиксируется в динамике (т.е. изменению самоидентичности у части населения) и подтверждает тезис о подстройке идентичности к картине мира индивида. Тем не менее, нельзя говорить о том, что национальная принадлежность не играет совершенно никакой роли, так как никто из 42 не выбрал эмоционально насыщенный ответ «Это совершенно не так!».

Таблица 1

Самоидентификация студентов ДНР

украинец	7	+	При условии того, что требовалось указать только один вариант, трое респондентов выбрали два пункта. Один человек – украинец и житель Донбасса, двое – русский и житель Донбасса
русский	13		
представитель другой национальности	2		
житель Донбасса	10		
и украинец, и русский	6		
другое	1		

Методика измерения этнонациональных установок включает четыре шкалы:

- Неприязненное отношение к представителям иных национальностей (этнических групп) националистические установки (2,36).

- Ощущение гордости за свою национальную принадлежность и ощущение связи с людьми своей национальности (патриотические установки) (3,56).
- Нейтральное, индифферентное отношение к своей национальной принадлежности (нейтральные этнонациональные установки) (3,89).
- Отрицательное отношение к феномену национальности и национальной принадлежности; установка на непринятие и непризнание феномена «национального», негативная оценка его роли в развитии современного общества (негативистские этнонациональные установки) (3,3).

Показатель каждой шкалы рассчитан на основе среднего значения в диапазоне от 1 до 5, где 1 – полностью не согласен, 5 – полностью согласен. Как видно, около трети респондентов в той или иной форме разделяют националистические установки, что согласуется с данными исследования праворадикальных настроений, проведенном на сопредельной территории Ростовской области в 2015 г. [2]. Трое из четырех (т.е. примерно 75%) имеют нейтральные установки по отношению к своей национальной принадлежности. Возможно, именно это и обуславливает зафиксированную тенденцию изменения украинской самоидентификации на русскую.

Ощущение гордости за свою национальную принадлежность, позитивная оценка собственной национальной идентичности у более 60% респондентов коррелирует с результатами упоминавшегося социологического опроса [2, с. 153]. Причем, этот феномен существует одновременно в сознании молодых людей вместе с негативистскими этнонациональными установками, то есть отрицательным отношением к феномену национального. Эта же тенденция была отражена в результатах исследования, проведенного на Донбассе в 2017 г. [3]: «Студенты не понимают значения категории «национализм» и подразумевают под ним исключительно его негативные проявления: ксенофобию, шовинизм, сегрегацию и расизм».

Феномен позитивного отношения к собственной национальной идентичности, существующий одновременно с негативистскими этнонациональными установками, ярко проявляется и в результате анализа средних значений по отдельным утверждениям методики измерения этнонациональных установок. «Когда я думаю о своей национальности, я испытываю чувства гордости и любви» имеет одно из наибольших средних значений 3,54; «Я ощущаю родство с людьми своей национальности» 3,5; «Люди моей национальности воспринимаются как «родственные души» 3,4 и «Это не очень правильно разделять людей по национальной принадлежности» также имеет наибольшее среднее значение 3,54. То есть более половины из опрошенных выбирали для этих утверждений ответы «скорее согласен» и «полностью согласен».

Интересным представляется и то, что большинство ощущают свою национальную принадлежность и испытывают национальную гордость. Так,

«У меня нет ощущения, что я принадлежу какой-то национальности» в той или иной степени не согласны 67 %, а согласие выразили только 17 % (7 человек). Еще меньше, только 4 человека согласились с тем, что «Говорить про свою национальную гордость у меня никогда не получалось». Примечательно, что из них двое идентифицировали себя как «житель Донбасса», двое других указали национальную принадлежность – русский, белорус.

Только трое из 42 полностью не согласны с тем, что «Деление людей на национальности порождает непонимание, беспорядок, конфликты», то есть позитивно относятся к национальному разделению. Самый распространенный ответ «в чем-то согласен, в чем-то не согласен» – 16 человек, высокий показатель среднего значения (3,3) означает, что более половины придерживаются этого мнения и отрицательно относятся к разделению на национальности. Следует заметить, что согласие большинства с тем, что «Для меня моя национальность не играет роли в повседневной жизни» (ср. знач. 3,38) в принципе означает невысокую степень важности для молодых людей вопросов национальной идентичности.

На наш взгляд то, что относительно много – 10 человек (23 %) в той или иной степени выразили согласие с утверждением «Есть такие национальности, к которым я испытываю презрение», может быть обусловлено обстоятельствами военного противостояния, в которых Донбасс пребывает последние четыре года. Потому что утверждение «Есть такие национальности, среди которых почти все – плохие люди» характеризуется самым низким показателем среднего значения 1,74. «Полностью не согласны» с этим 23 респондента, а 12 указали ответ «скорее не согласен», что составляет в сумме 83%.

Таким образом, большинство студентов фиксирует собственную национальную идентичность, испытывает чувства национальной гордости и близость к людям своей национальности. Одновременно с этим не распространено негативное отношение к другим национальностям, а сам феномен национального разделения оценивается отрицательно. Следует учесть, что и позитивные, и негативные аспекты проявлений национальной идентичности не играют важную роль в повседневной жизни подавляющего большинства молодых людей. Свидетельством достоверности результатов является то, что полученные данные во многом коррелируют с данными других исследований.

Публикация подготовлена в рамках реализации ГЗ ЮНЦ РАН на 2019 г., № госрегистрации проекта АААА-А19-119011190185-9.

Список литературы

1. Гулевич О.А. Психология межгрупповых отношений: учебник для бакалавриата и специалитета / О.А.Гулевич. – М.: Изд-во Юрайт, 2017. – 341 с.
2. Поцелуев С.П. Игры на идеологической периферии. Праворадикальные установки студенческой молодежи Ростовской области / С.П. Поцелуев, М.С. Константинов, П.Н.Лукичев, Л.Б.Внукова и др. – Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2016. – 396 с.

3. Онопко О.В. Представления об экстремизме, терроризме и национальной лояльности в политическом сознании студентов-юристов и медиков ДНР. URL: <http://goo.gl/W5meSM> (дата обращения: 21.03.2019).
4. Черкашин К. Жители Донецка всё чаще самоопределяются как русские. Динамика этнической самоидентификации жителей Донбасса (2014—2016). URL: <https://regnum.ru/news/2240754.html> (дата обращения: 21.03.2019).
5. Аналітичний звіт за результатами соціологічного дослідження: «Особенности і ідентичності жителів підконтрольної та окупованих територій Донецької області». Київ, 2018. 43 с. URL: http://www.ifak.com.ua/upload/imageОсобенности%20со знания%20и%20идентичности%20подконтрольных%20и%20неподконт рольных%20Укр аине%20территорий%20Донецкой%20области%20_2018 .compressed.pdf (дата обращения: 21.03.2019).

УДК 323.1:321.1+001.361

ТРАНСФОРМАЦИЯ ИДЕНТИЧНОСТИ В СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ

Горулько А.А.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР
aljona.gorulko@yandex.ua

Едва ли не самой дискуссионной проблемой области социально-гуманитарного знания – является проблема идентичности. На рубеже 60-70-х годов XX века «идентичность» становится актуальной категорией западного научного и публичного дискурса которая, учитывая процессы глобализационных трансформаций, воспроизводит новые политические тенденции, а порой становится их катализатором. В условиях стремительно меняющейся социальной реальности, происходит определение локальных (национальных) и глобальных (мировых) рисков. Как следствие процесс идентификации становится одним из решающих факторов для становления гражданской нации.

Социальные сдвиги актуализировали вопрос о новых измерениях идентичности, происходит поиск своего «Я» сквозь призму отождествления индивида с этнической, религиозной, языковой или другой группой, в связи с этим мы можем наблюдать укоренение дихотомии «Мы – Они». Глобализационные процессы, которые приводят современные государства на путь «столкновения цивилизаций» порождают «взрыв идентичности», который является обратной стороной политики унификации.

Однако, следует отметить, что изменения в культурном поле, а именно трансформация ценностей и традиций, смешивающая разные культуры по принципу «салата». Или переплавляющая их в едином

«плавильном котле», ставит вопрос идентичности на повестку дня мирового научного сообщества.

По словам немецкого философа В. Хёсле «всякий, кто хочет понять современный мир, едва ли достигнет своей цели, не постигнув логики кризиса идентичности» [1].

Исследованию идентичности и процессов идентификации посвящено множество работ. Во-первых, это исследования социологического и психологического направлений, а именно: проблема идентичности сквозь призму психоанализа З. Фрейда, К. Юнга, А. Адлера, Э. Фромма, однако особенное место в исследовании данной темы принадлежит немецкому психологу Э. Эриксону, который разработал «Теорию Эго-идентичности», а также таким социологам как: Э. Гидденс и З. Бауман, исследовавших идентичность как состояние которое достигается с помощью социальной интеракции, и идентификация как процесс достижения этого состояния.

Во-вторых, новые аспекты данной проблематики были раскрыты в рамках философии постмодерна, а именно: «нарративная идентичность» французского философа П. Рикёра, теория симулякров французского социолога Ж. Бодрийяра. Необходимо выделить, такие работы посвященные собственно национальным проблемам как, исследование феноменов нации и национализма Э. Смита и его работа «Национальная идентичность», «Теория мультикультурализма» канадского политолога У. Кимлики а также работы: Э. Геллнера, Б. Андерсона, М. Хроха, Э. Хобсбаума, К. Хьюбнера и других, являются яркими примерами исследований в этой области.

Что касается постсоветских исследований, то они долгое время основывались исключительно на догматичной интерпретации марксистской методологии. Однако, хотелось бы отметить вклад таких ученых как: Н. Чебоксарова, Л. Дробижевой, которая рассматривала структуру этнической идентичности в этносоциологических исследованиях, а также В. Тишкова, Ю. Бромлея – основателя дуалистической концепции этноса и В. Малахова.

Нельзя не согласится, что исследованию идентичности в научном дискурсе посвящено множество работ, однако интерес к этой теме, не становится менее актуальным. Как уже отмечалось выше, социальные и политические трансформации, инициаторами которых становятся традиционные политические акторы, такие как политические партии, профсоюзы, и в целом государства способствуют тому, что существующая система только подчеркивает культурные отличия, именно данная тенденция ведет к кризису идентичности.

К примеру, рассмотрим пространство европейских государств, в которых долгое время господствующей политикой в области регулирования этнонациональных отношений была политика мультикультурализма, которая якобы предлагала направление этнополитического

развития поликультурного общества. Однако, имплементация данной политики, как показывает практика, не делает общество более гармоничным, с точки зрения, культурных «запросов» граждан, возможно, наоборот дестабилизирует социум.

Современное европейское общество демонстрирует модель «обратной колонизации», когда государства Западной Европы, страны-колонизаторы, в постколониальный период сталкиваются с иммиграционными притоками – с одной стороны, с другой – интенсификацией в странах ЕС регионализационного движения, стимулированного глобализационными процессами [2].

Опираясь на существующие исследования, можно предположить, что политика идентичности, представляется неким атрибутом, который необходимо найти, сформировать, а затем защитить, но данная модель конструирования идентичности говорит о том, что процесс отождествления индивида с группой становится политическим проектом, призванным влиять на политический процесс.

Британский социолог З. Бауман пишет: «Идентичность становится призмой, через которую рассматриваются, оцениваются и изучаются многие важные черты современной жизни» [3, с. 176].

Исходя из исследований проведенных в области идентичности и идентификации, мы обращаем внимание на то, что идентификация индивида скорее основывается на определенных локальных признаках таких, как: пол, цвет кожи (раса), возраст, религиозная принадлежность или языковая и эти общие атрибуты становятся решающими. Приведенные наблюдения лишь подчеркивают, что идентичность многогранна, динамична и зависит от существующей конъюнктуры.

Согласно, мнению британского социолога С. Холла речь не столько о том ««кто мы есть» или «откуда мы пришли», но в большей степени – кем мы могли стать, как мы представлены и какое это имеет отношение к тому, как мы могли бы представить (represent) самих себя». Мы поддерживаем идею о том, что необходимо сосредоточиться, прежде всего, на анализе идентификации, как процесса отождествления индивида с другим индивидом или группой, а идентичность необходимо рассматривать как сопутствующую категорию. Вновь обратимся к С. Холлу, который отмечает, что «идентификация – это конструкция, которая всегда находится в процессе. Идентификация никогда не бывает полностью «достигнутой» или полностью «утраченной» [4, с.21, 22].

По результатам анализа, было определено, исследование идентичности сегодня приобретает особую актуальность в связи с двумя противоположными, но взаимосвязанными тенденциями поиском национальных и социальных идентичностей и встречным процессом интеграции и глобализации [5, с. 21].

Список литературы

1. Хёсле В. Кризис индивидуальной и коллективной идентичности // Вопросы философии // [Электронный ресурс] URL: <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000647/> (дата обращения: 17.09.2019)
2. Мамонова В.А. Мультикультурализм : разнообразие и множество // Интелрос. №2. 2007 [Электронный ресурс] URL: <http://www.intelros.ru/2007/07/06/> (дата обращения: 17.09.2019)
3. Бауман З. Индивидуализированное общество / Пер. с англ. Под ред. В.Л. Иноземцева. – М.: Логос, 2005. – 390 с.
4. Постмодернистская версия идентичности // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. № 3. Серия 3. – Философия. 2002. – С.20-28.
5. Там же. С. 21.

УДК 32.019.5

О ФЕНОМЕНЕ КОЛЛЕКТИВНОЙ ПАМЯТИ

Дервянченко А.А., д-р социол. наук, профессор
ФГБОУ ВО «МИРЭА – Российский технологический университет», г. Москва, РФ
a_der@km.ru

Понятие коллективной памяти было введено в гуманитарные и социальные науки французским социологом Морисом Хальбваксом в 1920-е годы, утверждавшим, что этот вид социальной памяти не будучи совокупностью индивидуальных памятей обусловлен обществом, которое формирует ее рамки, исходя из общественных приоритетов и ценностных ориентаций. Люди могут переписывать свои воспоминания в соответствии с воспоминаниями других – одни аспекты из памяти исчезают или приглушаются, в то время как другие становятся более значимыми и остаются в памяти [1]. Несмотря на то, что за прошедшие почти 100 лет по проблемам, обозначенным М. Хальбваксом, было выпущено сотни научных трудов, единой теории коллективной памяти выработано не было. В последние 30-40 лет можно наблюдать повышенный интерес к проблеме коллективной (в особенности, исторической) памяти. В чем причины данного всплеска?

Во-первых, в том, что многие общества сегодня переживают период транзита, что требует от них поиска новых идентичностей. Во-вторых, в последние годы в, казалось бы, устойчивых обществах можно наблюдать кризис идентичности, вызванный рядом обстоятельств политического (в том числе геополитического), экономического и духовного толка. Поэтому на рубеже XX–XXI вв. о роли коллективной памяти в историческом процессе, её использовании в качестве орудия, как манипулирования, так и сопротивления, о войнах в сфере исторической политики рассуждали и рассуждают философы, социологи, политологи, культурологи. Коллективная память стала сегодня междисциплинарной областью исследований.

Египтолог Ян Ассман разграничил три уровня памяти – коллективную, личную и историческую память. При этом в коллективной памяти он зафиксировал наличие двух важных структурных компонентов: культурную память и коммуникативную память, связанных с модусом времени. Коммуникативная память, по словам германского историка, «охватывает воспоминания, которые связаны с недавним прошлым. Это те воспоминания, которые человек разделяет со своими современниками» [2]. На первый план здесь выходят биографические воспоминания, которые опираются на непосредственный опыт автора (коммуникатора) и возникают естественным путем в разнообразных процессах коммуникации. Примером коммуникативной памяти Я. Ассман считает память поколения, которую «группа приобретает исторически. Эта память возникает в повседневном общении, во времени и проходит вместе с ним, точнее, со своими носителями. Когда носители, воплощавшие ее, умирают, она уступает место новой памяти» [3].

В отличие от коммуникативной культурная память направлена на определенные моменты (периоды, события) прошлого, в результате чего «прошлое скорее сворачивается здесь в символические фигуры, к которым прикрепляется воспоминание» [4]. Культурная память, согласно Я. Ассману, сакрализируется, мифологизируется и объективируется в различных формах культуры, например, монументах, текстах, коммеморативных практиках и т.п., приобретая статус компонента общей культуры. В этом статусе культурную память можно использовать для достижения тех или иных коллективных целей столетия и даже тысячелетия.

Различие вышеуказанных двух форм памяти состоит в том, что к коммуникативной памяти причастны все участники данного социума (социальной группы), поскольку они ее формируют и поддерживают. Культурная память, напротив, предполагает ограниченную причастность, поскольку её формируют и поддерживают особые носители: в давние времена – шаманы, сказители, старейшины; в современную эпоху – журналисты, ученые, учителя и преподаватели вузов, деятели культуры, режиссеры, писатели и др. Поэтому культурная память, с одной стороны, будучи часто связанной с этногенезом, происхождением и существованием государства и нации, восходит к мифологическим корням, а, с другой стороны, она нуждается в официальной традиции (учебных курсах, историко-культурных памятниках), опирается на знаковые (символические) системы (ритуал, обычаи, обряды) и закрепляется в институциональных формах – официальных (государственных) праздниках, памятных датах, гимне и национальной символике. Исходя из сказанного, становится понятным, что коммуникативная и культурная память могут конфликтовать друг с другом.

Анализируя феномен коллективной памяти, культуролог Алейда Ассман указывает, что «динамика памяти общества существенно

определяется сменой поколений. Каждая такая смена, происходящая примерно с тридцатилетним периодом, заметно сдвигает в обществе профиль его воспоминаний. Позиции, которые раньше господствовали или считались репрезентативными, постепенно перемещаются от центра к периферии» [5]. В том, что касается хронологических рамок нам представляется более точным понимание Яна Ассмана, указывавшего на то, что «сорок лет – рубеж эпох в коллективном воспоминании: срок, по истечении которого живое воспоминание оказывается под угрозой исчезновения и насущной проблемой становятся формы культурной памяти о прошлом» [6].

В заключение дадим определение рассматриваемого понятия: коллективная память представляет собой комплекс разделяемых данным сообществом (регионом) знаний, мифов, традиций, верований и представлений о прошлом, «общем опыте», пережитом людьми совместно. Коллективная память выступает социальным институтом, который реализуется в различных формах и разными социальными технологиями: от науки, образования, искусства до музеев, перформансов и средств массовой коммуникации. Обращение к коллективной памяти имеет особое значение при конституировании социума (региональной общности), формирования региональной идентичности.

Список литературы

1. Хальбвакс М. Коллективная и историческая память // Неприкосновенный запас. – 2005. – №2-3. – С. 8–27; См. также: М. Хальбвакс. Социальные рамки памяти / Пер. с фр. и вступительная статья С.Н. Зенкина. – М.: Новое издательство, 2007. – 348 с.
2. Ассман Ян. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. / Пер. с нем. М. М. Сокольской. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – С. 51.
3. Там же. – С. 54
4. Там же. – С. 56.
5. Ассман Алейда. Длинная тень прошлого: мемориальная культура и историческая политика. Пер. с нем. Б. Хлебникова. – М.: Новое литературное обозрение, 2014. – С. 15.
6. Ассман Ян. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / Пер. с нем. М. М. Сокольской. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – С.11.

ГОРОДСКИЕ КОНФЛИКТЫ КАК ФОРМА СОЦИАЛЬНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ МЕЖДУ ВЛАСТЬЮ И ГОРОДСКИМ СООБЩЕСТВОМ

Иванов О.Б.

Совет муниципальных образований Московской области, г. Москва, РФ
collegiato@gmail.com

Городской конфликт можно определить как столкновение интересов различных акторов, действующих в рамках городского сообщества по вопросам локального уровня, формирующимся в урбанистическом социальном пространстве [2, с. 236].

Основой отношений власти и гражданского общества является протоконфликт («изначальный», «спящий» конфликт, носящий постоянный характер), который в любой момент потенциально может перерасти в один или несколько ситуативных социальных конфликтов между ними. Протоконфликт обусловлен самой природой власти, которая стремится в той или иной степени контролировать общество, доминировать над ним [1, с. 108].

С социологической точки зрения конфликт, как минимум, является нормальным явлением. Более того, многие авторы рассматривают конфликт как источник развития, отправную точку для будущих перемен к лучшему. Возможные негативные последствия конфликта связаны с неправильными способами его разрешения (силовыми, обманными, псевдокоммуникативными и т.д.). Таким образом, плох не сам конфликт – а неумение и (или) нежелание сторон его урегулировать.

Городские конфликты, за редким исключением, – это конфликты градостроительные. Это связано с тем, что люди, как правило, ультраконсервативно настроены по отношению к любым решениям, меняющим привычный уклад их жизни, их «среду обитания».

Здесь мы видим классический «синдром NIMBY» («not in my backyard» – «только не на моем заднем дворе»), означающий сопротивление местных жителей строительству или практически любым изменениям инфраструктуры на территориях, прилегающих к их домам [7]. Очевидно, что жилая среда имеет для граждан определяющее значение при оценке ими условий и качества жизни, поэтому люди готовы отстаивать свои интересы в этой сфере «до победного конца».

Именно поэтому любому проектированию должно предшествовать изучение общественного мнения. И если власти не делают этого на раннем этапе, при принятии решения о строительстве (а так бывает, к сожалению, в большинстве случаев), если у них нет коммуникации с местным сообществом, если людям не объясняют причин, не обосновывают

необходимость строительства, не гарантируют полное соблюдение их прав во время такого строительства, то «горячей» стадии конфликта не избежать.

Кроме того, к эскалации городского конфликта ведет применение властями псевдокоммуникативных способов обсуждения с жителями градостроительных вопросов. Например, в июле 2014 г. были проведены публичные слушания для жителей района Куркино г. Москвы, где проходило обсуждение проекта строительства новой развязки при въезде со стороны МКАД в Химки-Куркино. Представитель «Мосгорпроекта», отвечая на вопросы по дорожному проезду, заявил, что проект утвержден и он просто доводит его до сведения жителей района [Макаренков: 76]. Очевидно, такой подход явно идет вразрез с интересами населения, нарушает логику постепенного вовлечения заинтересованных сторон в планирование и лишь усиливает конфликт между властью и обществом.

Вообще публичные слушания в нынешнем виде – скорее бутафория, а не реальный общественный институт. Дело в том, что по закону результаты публичных слушаний носят для властей исключительно рекомендательный характер [3]. Даже если подавляющее большинство граждан выскажется против того или иного градостроительного проекта, он всё равно может быть принят органами власти. Очевидно, что в таком виде публичные слушания используются лишь для информирования граждан о проекте, а реально повлиять на строительство они не могут.

Таким образом, основной причиной градостроительных конфликтов (а также их эскалации) является то, что в цепочке «жители – застройщик – инвестор – власть» из коммуникативного взаимодействия жители зачастую либо исключаются, либо их мнение просто не учитывается.

Вместе с тем, очевидно, что не только нельзя игнорировать мнение жителей, но и следует проводить общественное обсуждение потенциально конфликтного решения или законопроекта еще на этапе его подготовки. Необходимо проводить конфликтологическую экспертизу соответствующих решений, во время которой профессионалы в этой сфере будут оценивать действия властей с точки зрения конфликтности и соблюдения интересов гражданского общества. Итогом такой экспертизы должны стать предложения по снижению конфликтного потенциала решения или урегулированию социального конфликта.

Конфликтологическая экспертиза – важнейший инструмент профилактики социальных конфликтов, позволяющий не допустить их возникновения или эскалации. Конфликт гораздо проще предотвратить или погасить на ранней стадии развития; если он вышел из-под контроля, для его урегулирования потребуется значительно больше сил, средств и специальных знаний [1, с. 110].

В целях эффективного предотвращения или урегулирования социальных конфликтов также необходимо развивать общественные коммуникативные институты, на базе которых будут обсуждаться и

согласовываться позиции сторон по спорным вопросам. Попытка внедрить в России такие институты была предпринята в 2014 году с принятием Федерального закона «Об основах общественного контроля в Российской Федерации», который стал основанием для создания соответствующих дискуссионных площадок – общественных палат и общественных советов.

Однако в настоящее время эти коммуникативные институты не работают должным образом. В большинстве случаев они созданы лишь формально и фактически подчиняются органам государственной власти или органам местного самоуправления. Очевидно, что граждане не доверяют таким посредникам между государством и обществом, справедливо считая их карманными структурами властей, представляющими интересы государства [6, с. 137]. В этой связи очевидно, что институт общественного контроля нуждается в существенном реформировании: необходимо создать работающие площадки для переговоров, реальные коммуникативные инструменты.

Ключевую роль в качестве посредников при урегулировании разногласий между государством и обществом могут сыграть профессиональные конфликтологи и медиаторы [5, 1, с. 70]. Эти специалисты обладают необходимыми образованием, квалификацией, опытом, они не занимают чью-либо сторону, а лишь создают условия для конструктивных переговоров, которые должны привести к устраивающему всех соглашению.

Когда власть и общество научатся цивилизованно обсуждать и разрешать городские конфликты, это даст значительный импульс к развитию городов и повышению качества жизни людей, живущих в них.

Список литературы

1. Иванов О.Б. Конфликтологическое взаимодействие государства и органов местного самоуправления с гражданским обществом // Сборник трудов III Международной научно-практической конференции «Роль местного самоуправления в развитии государства на современном этапе». Государственный университет управления (Москва). 2018. – С.108-111.
2. Кольба А.И. Городской конфликт: проблемы дефиниции, типологизации и управления / А.И.Кольба, А.В.Соколов // Конфликтология. – 2016. – №4. – С.234-252.
3. Определение Конституционного Суда РФ от 15.07.2010 №931-О-О. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_102769/ (дата обращения: 12.09.2019)
4. Макаренков Е.В. Развитие мегаполиса: общественное участие как политическая проблема / Е.В.Макаренков // Власть. 2014. – №12. – С.74-78.
5. Цой Л.Н. Медиация и конфликтология: методологические и предметно-содержательные различия / Л.Н.Цой, О.Б.Иванов // Власть. – 2016. – №10. – С.69-74.
6. Шиманская Э.С. Особенности развития институтов гражданского общества / Э.С.Шиманская // Россия в поиске эффективной политики модернизации. Институт социологии РАН, 2010.
7. Schively, Carissa Understanding the NIMBY and LULU Phenomena: Reassessing Our Knowledge Base and Informing Future Research // Journal of Planning Literature. Vol. 21, №3 (February 2007).

ОСОБЕННОСТИ МИГРАЦИОННОГО ПРОЦЕССА НА ТЕРРИТОРИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Лавская Л.В., Анастасов А.И., канд. полит. наук
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР
donpolit@mail.ru

В начале XXI века внимание правительств ведущих государств приковано к вопросу миграции населения. Вызвано это, прежде всего, интенсификацией миграционных потоков, а также необходимостью их регулирования. В тройку лидеров по числу принятых мигрантов за последние несколько лет входят Германия, США, Российская Федерация. Учитывая опыт стран Европейского Союза, где данное явление вызвало миграционный кризис и привело к ряду негативных последствий, а также признавая наличие собственных проблем, таких как депопуляция, демографическая поляризация между регионами, считаем необходимым выявление особенностей современного миграционного процесса на территории Российской Федерации.

С момента распада СССР, где внешняя и внутренняя миграция подвергалась всеобъемлющему контролю, миграционная ситуация в России существенно изменилась. Согласно данным, приведённым на сайте Главного управления по вопросам миграции МВД России, в 2015 году на территории Российской Федерации находилось 9 990 267 человек. В 2016 году этот показатель несколько изменился и составил 9 747 621 иностранных граждан и лиц без гражданства [4]. Основу миграционного потока в 2017 году составляли граждане Украины, Казахстана, Китая, согласно данным Федеральной службы государственной статистики [3]. Так, с территории Украины было совершено 6,64 миллиона выездов, далее следует Казахстан, с территории которого совершили миграцию 2,68 миллиона граждан. Замыкает тройку лидеров Китай, 1,24 миллиона иностранцев в 2017 году иммигрировали на территорию Российской Федерации. Граждане государств, ранее входивших в состав СССР, ещё с 2000-х годов составляли значительную часть миграционного потока. На территорию Российской Федерации и сейчас пребывают граждане Казахстана, Узбекистана, Таджикистана, Киргизии, Молдовы, Белоруссии и т.д. Главная цель их перемещений – поиск работы. Это вызывает ряд проблем, зачастую мигранты не имеют образования, плохо знают язык, что позволяет предпринимателям занижать им заработные платы, тем самым нарушая трудовой кодекс Российской Федерации.

Одной из причин, вынуждающих граждан бывших союзных республик иммигрировать на территорию России, можно выделить военные конфликты. По состоянию на 1 октября 2017 года в Российской

Федерации находились 2,33 миллиона граждан Украины, где с 2014 года продолжается вооруженный конфликт.

Среди причин, влияющих на осуществления миграции на территорию Российской Федерации, следует назвать проведение миграционной политики, позволяющей привлечь иностранную рабочую силу и тем самым обеспечить собственные экономические интересы государства. Так, мэр Москвы Сергей Семёнович Собянин заявил, что Москва нуждается в мигрантах. Однако отметил важность законности подобных перемещений [5].

Стоит заметить, что требования к мигрантам, предъявляемые российским законодательством, нетрудно выполнимые. Иностранцы могут принять участие в государственной программе переселения. Касается это, в первую очередь, граждан, которые родились в СССР и намереваются иммигрировать на территорию Российской Федерации. Граждане, которые переселяются по причине военных конфликтов, могут претендовать на получение статуса беженца. Близкие родственники граждан Российской Федерации при условии выполнения ряда требований могут получить российское гражданство раньше, чем истечет срок пятилетнего проживания на территории Российской Федерации, что является главным требованием для оформления гражданство по стандартной форме. Возможным представляется и получение временного убежища.

В целом, миграционные потоки поддаются контролю со стороны государства. Однако явление нелегальной миграции присутствует и на территории Российской Федерации. Вызывая ряд неблагоприятных последствий, среди которых неуплата налогов трудовыми мигрантами, формирование избытка рабочей силы, безработица, рост преступности, коррупция, явление нелегальной миграции способствовало появлению необходимости в ужесточении правил въезда на территорию Российской Федерации.

Граждане стран, у которых безвизовый режим с Россией, могут находиться на её территории не более трёх месяцев в течение полугодия. Изменения затрагивают и граждан Украины, беженцев из юго-востока, в частности. Для данной категории людей нововведения были особенно обременительны. Ведь на момент 2017 года из всего миграционного потока временное убежище на территории Российской Федерации получили только 224 279 человек, а статусом беженца обладали 228 украинцев [1]. Для представленной категории граждан ситуация изменилась к 2019 году, когда появилась возможность получения гражданства Российской Федерации по упрощённой процедуре.

Ещё одним нововведением в миграционном регулировании является ужесточение установленных правил и наказания за их нарушение. В зависимости от срока нахождения на территории Российской Федерации без разрешения меняется размер штрафа и количество лет, на протяжении которых въезд будет запрещен (от трёх до десяти лет). Данные меры

направлены, в первую очередь, на стимулирование осуществления миграции исключительно на законных основаниях.

Важной особенностью миграционного процесса в России является увеличение его интенсивности в результате политических, военных конфликтов. Исследователи отмечают, что наиболее вероятно появление неконтролируемого миграционного потока из Афганистана [2].

Об этом свидетельствует стабильное увеличение притока беженцев: за последние годы их количество составляет около 1000 человек ежегодно. Так как число беженцев не уменьшается на протяжении 15 лет, и причины вынужденной миграции не искоренены, то можно прогнозировать и дальнейшую активизацию миграционного процесса из Афганистана на территорию Российской Федерации.

Таким образом, к характерным особенностям миграционного процесса на территории Российской Федерации можно отнести масштабность и интенсивность перемещений, вызванных не столько экономическими, сколько военными и политическими причинами; преимущественно легальный характер перемещений; регулирование миграционных потоков адекватными правовыми инструментами; ликвидация негативных последствий миграции; стимулирование легальных миграционных потоков.

Список литературы

1. МВД России: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://мвд.рф/Deljatelnost/statistics/migracionnaya/2/> (дата обращения: 11.09.2019)
2. Муллоджанов П. Таджикистан в 2016 году: основные вызовы, риски и тенденции развития. – ASIA-Plus (Душанбе, Таджикистан). – Режим доступа: <http://www.news.tj> (дата обращения: 13.09.2019)
3. Официальные статистические данные. Сведения по миграционной ситуации в Российской Федерации: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.fms.gov.ru/about/statistics/data/details/53595/> (дата обращения: 09.09.2019)
4. Росстат: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.gks.ru> (дата обращения: 09.09.2019)
5. Собянин рассказал о безрадостном будущем Москвы без мигрантов // Рамблер: [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://news.rambler.ru/moscow_city/38492328 (дата обращения: 12.09.2019)

К ВОПРОСУ ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ НОВЕЙШИХ ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАТИВНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ЭЛЕКТОРАЛЬНЫХ КАМПАНИЯХ

Мелитаури Л.Н., канд. ист. наук

ГО ВПО «Донецкий национальный университет экономики
и торговли имени Михаила Туган-Барановского», г. Донецк, ДНР
info@donnuet.education

Важной предпосылкой становления информационного общества является появление и развитие всемирной компьютерной сети Интернет, которая позволяет получить разнообразную информацию практически из любой точки мира. Сначала коммерческие структуры начали активно использовать Интернет-технологии, в частности для продвижения товарных брендов. Немного позже Интернет-технологии проникли и в политическую сферу. Сегодня Интернет становится все более популярным и эффективным инструментом в избирательных кампаниях и успешно используется в электоральном процессе.

Недостаточно исследованным аспектом все еще остаются новейшие информационно-коммуникативные технологии, или Интернет-технологии проведения избирательных кампаний и оценка их влияния на электоральный выбор граждан. Целью данной публикации является изучение опыта использования Интернет-технологий в зарубежных и отечественных избирательных кампаниях. Цель работы – решение следующих исследовательских задач: 1) рассмотреть новейшие информационно-коммуникативные технологии, которые были успешно использованы в Украине и за ее пределами; 2) определить роль и место Интернет-технологий в современных избирательных кампаниях.

Не претендуя на полноту данного научного исследования, рассмотрим некоторые Интернет-технологии, которые были успешно апробированы в избирательных кампаниях на Западе и позже заимствованы отечественными политтехнологами.

Наиболее известной и распространённой технологией можно назвать создание и продвижение веб-сайта. Прецедентом использования сети Интернет в политических целях принято считать президентскую кампанию 1992 года в США, когда команда кандидата от Демократической партии Б. Клинтона обнародовала в сети тексты нескольких его речей, а также его биографию [4].

Во время президентских выборов 1996 года в США Б. Доул, кандидат от Республиканской партии, впервые во время телевизионных политических дебатов назвал в прямом эфире адрес своего веб-сайта [4]. Это было большой неожиданностью как для оппонентов, так и для

журналистов. Эту дату можно считать началом политической борьбы в сети Интернет.

Довольно эффективной на Западе (в частности, в США) стала технология привлечения денег на избирательную кампанию через сеть Интернет. Первым, кто использовал ее на практике был Б. Клинтон, который в 1996 г. на своей официальной странице обратился к пользователям с просьбой предоставить ему финансовую помощь и в результате собрал 10 000 долларов. В 2004 г. во время президентской избирательной кампании одному из основных кандидатов на пост главы государства Дж. Керри удалось установить рекорд: собрать более 100 млн. долларов пожертвований, а его сопернику – Дж. Бушу – 55 млн. [3, с. 24].

Президентские выборы во Франции также продемонстрировали рост важности Интернет-технологий в избирательной кампании. Николя Саркози сделал ставку на широкое использование видеоматериалов на личном сайте. Американский политтехнолог от Республиканской партии М. Мерфи признал, что сайт Саркози был во многом более «продвинутым», чем большинство американских политических сайтов [2].

Первые ресурсы политического Интернета на постсоветском пространстве появились в конце 1990-х годов, когда Интернет-представительства появились у большинства участников избирательной кампании. В конце 1990-х годов много политиков и бизнесменов, которые использовали традиционные средства массовой информации для решения своих задач, открыли для себя Интернет как не менее эффективный способ коммуникации.

Подобный технологический подход к Интернету особенно зарекомендовал себя в реализации информационно-пропагандистских кампаний во время парламентских и президентских выборов.

Что касается реалий Украины, то использование новейших информационно-коммуникативных технологий стало своеобразным «ноу-хау» президентской избирательной кампании 2004 г., когда команда В. Ющенко использовала сеть Интернет для разнообразных избирательных технологий, в частности таких, как распространение компрометирующих материалов и политической сатиры. Так, по мнению советника Президента Украины В. Ющенко С. Гавриша, В. Ющенко стал Президентом благодаря Интернету. Почти 100 % журналистов, которые работали в Интернет-изданиях были на его стороне. Именно они сформировали соответствующую позицию в обществе [1].

В последующие годы украинские политики и их партии стали активно использовать Интернет для самопиара и таким образом создавали электронные информационные майданчики для проведения собственной избирательной кампании.

В целом, анализируя практику использования Интернет-технологий, их можно поделить на традиционные и новейшие. К новейшим технологиям принадлежат:

1) *использование видеоресурса YouTube.com*, который дает широкие возможности использования его как альтернативы телевидению: для размещения роликов с выступлениями политических деятелей, записями пресс-конференций, передач и т.д. Так, один из кандидатов на пост президента США Б. Обама сделал ставку на YouTube.com как самый эффективный и дешевый ресурс. Этот сайт часто используется для проведения «черных» пиар-акций;

2) *создание блога (виртуального дневника) и страниц в социальных сетях* для продвижения политической идеи. Эта разновидность Интернет-технологий часто эксплуатируется как для распространения позитивной информации о себе, так и против политических оппонентов;

3) *использование баннеров*, с помощью которых пользователей заводят на нужные информационные продукты: статьи, новости, видео и т.д. Баннерную рекламу использовали команды В. Ющенко, В. Януковича, Ю. Тимошенко, С. Тигипка, П. Порошенко. Такие баннеры использовались для популяризации Интернет-ресурсов, основная задача которых заключается в подрыве репутации политического оппонента;

4) *использование Google Boombing*, когда на запрос поисковая система выдает абсурдный или провокационный результат. Такую технологию впервые использовали в Украине в 2004 году, когда поисковая система Google на запрос «преступник должен сидеть в тюрьме» выдавала ссылку на персональный сайт В. Януковича [4]. Для использования этой технологии нужно или прописать «нужные» слова в коде сайта, или создать целый ряд сайтов, которые содержат это словосочетание, с автоматической переадресацией на сайт жертвы;

5) *создание виртуальной партии*. 6 сентября 2007 года инициаторы создания избирательного блока «Против всех» во главе с артистом А. Данилко (Веркой Сердючкой) на сайте www.zaverku.org.ua провели партийный съезд, в котором могли принять участие все желающие, прошедшие процедуру регистрации [1].

Таким образом, использование новейших информационно-коммуникативных технологий сегодня является чрезвычайно популярным и эффективным способом ведения политической борьбы. Ни одна избирательная кампания в странах Европы и Северной Америки не обходится без использования Интернет-технологий.

В Украине, как и в большинстве стран постсоветского пространства спрос на Интернет-технологии сформировался позднее. Украинские политики активно используют различные Интернет-технологии и ресурсы в избирательных кампаниях последних лет.

Список литературы

1. Білаш Д. Як політики «воюють» в Інтернеті / Д. Білаш // Український тиждень. – 2011. – 30 серпня [Електронний ресурс]. – Режим доступу: <http://tyzhden.ua/Politics/36876>.

2. Кузин А. Интернет-ресурсы в избирательных кампаниях. Возможности и перспективы использования [Электронный ресурс] / А. Кузин. – Режим доступа: <http://www.ladno.ru/technology/11320.html>.
3. Маліс О. Політичний сайт як посередник між суб'єктами політики та суспільством / О. Маліс // Віче. Журнал Верховної Ради України. – 2008. – №20. – С.23-28.
4. Медведчук М. М. Можливості використання Інтернет-технологій у сфері PR (паблік рилешнз) [Електронний ресурс] / М.М. Медведчук. – Режим доступу http://www.nbu.gov.ua/Portal/Soc_Gum/Grani/2009_5/P-7.pdf.

УДК 321 (330.837.1+330.837.2)

ПЕРСПЕКТИВЫ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ И НЕОИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ ШКОЛ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Минчуков М.О.,

Черкашин К.В., канд. полит. наук, доцент

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР

cyrilcherkashyn@gmail.com, minchukovmo@gmail.com

Как показывает практика, современные государства периодически не способны эффективно взаимодействовать с обществом. Особенно ярко эта тенденция проявилась на постсоветском пространстве, где нельзя не заметить проблем внедрения принципов «свободной рыночной экономики». Возможно, для более успешных ответов на существующие вызовы следует обратить внимание на идеи, которые были отторгнуты из экономического и политологического мейнстрима?

Институциональная теория и её последующее переосмысление (неоинституционализм) в наше время нашли широкое применение в западной экономической и политической научной мысли. Это происходит даже с учетом того, что в течение долгого времени они противопоставлялись неоклассической теории (теории рационального выбора в политологии). При этом школа всё же была тесно связана с неоклассической теорией, но со временем она стала более самостоятельным научным направлением [1]. Это создало возможности для модификации прежних идей.

Причины скепсиса к данному направлению на постсоветском пространстве спровоцированы и историей его адаптации на территории бывшего СССР. Долгое время в советской науке институты изучались лишь в рамках правоведения и социологии. Данный опыт препятствовал рассмотрению институтов с позиции политологии. Проблема заключалась и в том, что на постсоветском пространстве одновременно появились сразу два данных научных течения [2–3]. Это наложило свой отпечаток на понятийном аппарате, что спровоцировало ряд споров о трактовках важнейших понятий. Представители классического институционализма

и неоинституционализма вступают в конфронтацию, что делает их противопоставление друг другу всё более активным [4]. Внутренняя конфронтация отвлекает представителей этого направления от взаимодействия с другими школами и течениями. Этим можно объяснить последующую вульгаризацию отечественной институциональной мысли и распространение мнения об утрате ею актуальности. Правда, скорее это говорит об отсутствии опыта, но не о факте неспособности при помощи данной теории решать практические вопросы.

Существует ряд особенностей, которые отличают институциональное направление от неоклассической школы и монетаризма. Оно также ориентировано на рыночную модель и соответствующее ей общественное устройство, но рассматриваемая рыночная экономика и соответствующее ей политическое устройство представлены в более реальных условиях. В том числе без оговорок на существование в жизни идеальной модели конкуренции и исключительно рационального поведения индивидуума. В целом же данное направление является попыткой интеграции политических и экономических знаний.

Еще в первых фундаментальных трудах институционалисты рассматривали экономические процессы с учетом множества факторов [5]. Это делает теорию более приспособленной для исследования стран, не воссоздавших в полной мере рыночную экономику. Обе институциональные школы, по сравнению с другими современными экономическими идеями, уделяют больше внимания сфере политической [1]. Тем самым они более объективно описывают нелегальные политические и экономические процессы. Это гораздо лучше позволяет понимать проблематику отношения государства к неподконтрольным ему социальным процессам.

С точки зрения (нео)институционалистов, государства, ранее входившие в состав СССР, испытывают трудности, которые не удалось полностью разрешить в первые годы формальной независимости. Трансплантация институтов западного образца происходила в условиях существования рудиментов советской политической системы. Также, государство ограничивало свой инструментарий в рамках идей, находящихся в тренде политической и экономической науки. Проблемы в экономике были связаны с неработоспособностью института собственности. В свою очередь это породило проблемы в политической сфере – сильное влияние на неё участников неформальных отношений.

В рамках институционализма изначально важным аспектом было изучение институтов как коллективных способов контроля и расширения возможностей индивидуума [6]. Это позволило лучше понимать, как на практике предоставить больше возможностей индивидам для осуществления их деятельности. Большое внимание здесь уделялось государству. Оно не должно ограничивать себя методами, предлагаемыми неоклассической и монетаристской концепций. Но в то же время

административное принуждение может действовать слишком прямолинейно. Связанный с этим вопрос состоит в том, насколько углубленно государство способно это принуждение регулировать. В отношении различных сфер жизни общества государство не всегда может задавать рамки посредством законодательства. Практика злоупотребления административным насилием и «стерилизация» политических решений приводят к снижению позитивной значимости государства для общества. Тем самым утрачивается способность государства оптимизировать через институты деятельность индивидов и организаций. Как результат – расхождение осуществляемых властью действий с текущими потребностями общества. Утрата обратной связи становится серьезной проблемой для создания и поддержания институциональной инфраструктуры в социуме. Кроме того, это негативно отражается и на политической культуре.

Институциональные идеи доказали свой потенциал не только в границах экономической науки. Институционализм и неoinституционализм более универсальны по сравнению с экономическим и политологическим мейнстримом. В целом, данное направление способно более удачно описывать проблемы государства, которое сильно полагается на административное регулирование. Благодаря чему институциональный подход поможет, по крайней мере, дополнить механизмы неоклассической школы и теории рационального выбора. Особенно это позволит расширить спектр анализа возможностей государства на постсоветском пространстве [7]. Вместе с тем, следует отметить, что западный институционализм возник в условиях сильно отличающихся от тех, в которых находятся постсоветские общества. Изначально, будучи тесно связанным с квантификацией, здесь он может столкнуться с очень значительной составляющей точно не исчисляемых «теневой экономики» и неофициальных связей. Сможет ли он в этих условиях адекватно описывать существующую политическую и экономическую реальность – вопрос дальнейших исследований.

Список литературы

1. Патрушев С.В. Институционализм в политической науке: этапы, течения, идеи, проблемы / С.В.Патрушев // Политическая наука. – 2001. – №2. – С. 146-186.
2. Бессонова О.Э. Общая теория институциональных трансформаций: парадигмальное переосмысление цивилизационного развития России / О.Э.Бессонова // Социс. 2008. – № 1. – С. 13-23.
3. Кирдина С.Г. Постсоветский институционализм в России: попытка обзора / Кирдина // Terra Economicus. – 2004. – Т. 2. – № 2. – С. 40-54.
4. Вольчик В.В. Зачем нужна старая институциональная экономика, если есть неoinституционализм? / В.В.Вольчик, А.А.Оганесян // Terra Economicus. – 2014. – Т. 12. – № 4. – С. 79-90.
5. Веблен Т. Теория делового предприятия / Т.Веблен. – М.: Дело, 2007. – 288 с.
6. Коммонс Дж.Р. Институциональная экономика / Дж.Р.Коммонс // Экономический вестник РГУ. 2007. – Том 5. – № 4. – С.59-70.

7. Патрушев С.В., Айвазова С.Г., Клемент К.М., Машезерская Л.Я., Павлова Т.В., Гвоздева Е.А., Грунт З.А., Хлопин А.Д., Панов П.В. Институциональная политология: Современный институционализм и политическая трансформация России / Под ред. С.В.Патрушева. – М.: ИСП РАН, 2006. – 586 с.

УДК 615.849

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ТЕРМИНА ТОТАЛИТАРИЗМ В КОНТЕКСТЕ ПРОПАГАНДЫ И НАУКИ

Миронов С.А., Анастасов А.И., канд. полит. наук, доцент
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР
miron1slaw@yandex.ru

В конце 20 и начале 21 веков актуальным стал вопрос цветных революций, как демократической борьбы против авторитарных и тоталитарных режимов. Термин «тоталитаризм» вновь вошёл в общественную повестку, а в ходе информационных войн его начали применять к любым не выгодным той или иной стороне режимам. Применительно к недавним событиям 2014 года, стоит отметить, что концепт «тоталитаризма» был широко представлен в пропаганде антиправительственных СМИ. На данный момент, общая парадигма информационной войны ведётся на дихотомии тоталитарный «Восток» против демократичного «Запада».

Сам термин «тоталитаризм» появился в 20-ых годах 20 века в Италии и носил, скорее, положительный смысл. Он применялся сторонниками режима Бенито Муссолини как описание своей политической программы «И это потому, что для фашиста все в государстве и ничто человеческое или духовное не существует и тем более не имеет ценности вне государства. В этом смысле фашизм тоталитарен...» [1, с. 5].

В довоенный период термин применялся к фашистским режимам, сторонниками – в положительном ключе, противниками – в отрицательном. Но в середине сороковых, происходит пересмотр значения термина. Фридрих Хайек и Карл Поппер [2, с. 10], [3, с. 15] расширяют понимание тоталитаризма, относя СССР к тоталитарным режимам, а любые левые, в том числе антисоветские, идеологии к тоталитарным идеологиям.

Со стартом холодной войны, акцент, как в пропаганде, так и в научной среде, смещается. Классическим представителем тоталитаризма теперь считаются не страны Оси, а Советский Союз и КНР. Таким образом, происходит приравнивание двух режимов, более того, многие исследователи выводят за рамки тоталитарных режимов даже режимы Муссолини в Италии и Дольфуса в Австрии.

Признаки тоталитаризма приводит З.Бжезинский «единственно верная идеология; одна господствующая партия, как правило,

возглавляемая одной личностью; террористическая полиция; монополия на средства массовой коммуникации; монополия на вооружение; централизованная планируемая экономика» [6, с. 254]. При этом, авторы отмечают, что список признаков не исчерпывается приведёнными, а приведённые признаки стоит брать лишь в совокупности, но при этом, для тоталитаризма не обязательно присутствие каждого из приведённых признаков. Так же, в работе отмечается, что из-за значительного частного сектора в экономике, режимы Муссолини и Гитлера не вполне подходят под признаки тоталитаризма или являются менее тоталитарными чем страны Варшавского Договора и КНР.

Исходя из приведённых пунктов, можно сделать вывод о том, что применение данных тезисов к СССР, особенно к посталинскому периоду неправомерны. Очевидно, что во все периоды существования Советского Союза идеология носила всеобъемлющий характер, но с другой стороны, на данный момент существует аналогичная, единственно верная идеология, а именно концепты либерализма и свободы в странах ЕС и США. Многолетнее господство одной партии так же свойственно многим государствам 20 века, таким как Южная Корея, Япония, Сингапур и т.д. Монополия на средства массовой информации действительно существовала большую часть времени существования СССР, но говорить о том, что подобное существовало только в рамках соцлагеря нельзя. Монополия на вооружения вообще свойственна большинству стран на данный момент, а признак планируемой экономики выглядит странным, учитывая то, что экономика стран Оси имела значительные частные сектора и значительную степень свободы предпринимательства. Так же известен ультра рыночный диктаторский и в большой степени тоталитарный режим Аугусто Пиночета. Из приведённого выше, можно сделать вывод, что концепт тоталитаризма в западной науке времён холодной войны играл скорее пропагандистскую, чем научную роль. Можно говорить о коротком периоде тоталитаризма 30 – начала 40 годов, в то время, как в послевоенный период СССР явно не подходит под значительную часть признаков, а также их совокупность.

С развалом СССР и изменением внешнеполитической повестки для западных стран, изменилось и применение термина тоталитаризм и авторитаризм. Эпоха цветных революций заставила пересмотреть понимание тоталитаризма и, частично, войти в противоречие с предыдущими подходами. К примеру, Джин Шарп в оценке более или менее диктаторских и тоталитарных режимов ссылается на рейтинг организации Freedom House. [6, с. 11]. Предлагая методы борьбы с диктатурами, он не отдаёт себе оценку в том, что рейтинги Freedom House составляются на основе субъективных оценок избранных экспертов и не содержат в себе объективно проверяемых данных. Так, рейтинг был подвергнут критике профессором политологии Дэниэлом Трейсманом за то, что Россия, по уровню свободы, оказалась равной ОАЭ и Йемену.

В целом, на данный момент, заметно, что как в исследовании тоталитаризма, так и в публицистическом использовании термина, значительную роль играет идеологизированность и политический курс страны, в которой проводятся исследования. Таким образом, можно проследить эволюцию термина по отношению к мировой политической обстановке. Так, до 1945 года, термин применялся к фашистским диктатурам, а классическими представителями считались итальянский и германский режимы. С началом холодной войны, термин стал применяться к социалистическим странам, а классическими представителями стали режимы в СССР и КНР, при том, что появилось более толерантное отношение к фашистским режимам в Италии, Испании и др. за исключением Германии. После распада СССР и Варшавского блока термин стал более размытым.

Так, в рамках событий на Украине в 2014 году, западная и украинская пропаганда называла режим Януковича тоталитарным, хотя значительных, качественных отличий между периодом президентства Януковича и периодами президентства других президентов как до, так и после, – нет. Хотя, существовало отличие в политическом курсе, Янукович был недостаточно проевропейским, в отличие от последующего Порошенко. При этом, рейтинги демократии The Economist, говорят о ежегодном повышении демократичности режима с 2014 по 2018 года [5].

Аналогично, некая примордиальная тоталитарность России и «Русского мира» стала не только штампом западных СМИ, но и частью национальной идеи многих постсоветских государств.

Таким образом, термин «тоталитаризм» практически не применим к современным режимам, а в целом, является скорее публицистическим и пропагандистским, чем научным. Термин применим к специфичным режимам 20 века, но при этом, исследования тоталитаризма находились и находятся под значительным влиянием идеологии и сиюминутной политической конъюнктуры.

Список литературы

1. Кудрявцев Г.Г. «Доктрина фашизма» / Г.Г.Кудрявцев // «ВОЗРОЖДЕНИЕ» – «LA RENAISSANCE»; Париж; 1938. – С.5.
2. Поппер Карл. Открытое общество и его враги / Карл Поппер // Международный фонд «Культурная инициатива». Soros Foundation (USA), 2009 – С. 10.
3. Хайек, Фридрих Август фон Дорога к рабству / Пер. с англ. – М.: Новое издательство, 2005. – С. 15.
4. Шарп Д. От диктатуры к демократии: Стратегия и тактика освобождения // Пер. с англ. Н. Козловской – М.: Новое издательство, 2005. – С.11.
5. The Economist Democracy Index 2018 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.eiu.com/topic/democracy-index> (дата обращения: 18.09.2019)
6. FRIEDRICH CARL. J., BRZEZINSKI ZB. Totalitarian dictatorship and autocracy. // Cambridge (Mass.). – Harvard university press, 1965. – С.254.

ОСНОВНЫЕ ПРОГНОЗЫ МИР-СИСТЕМНОЙ ТЕОРИИ И. ВАЛЛЕРСТАЙНА И АКТУАЛЬНЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ РЕАЛИИ

Муза Д.Е., д-р филос. наук, профессор
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР
dmuza@mail.ru

31 августа 2019 года на 89 году жизни умер известный американский социолог, автор мир-системной теории Иммануэль Валлерстайн. Известно, что его последние работы были посвящены прогностике дальнейшего развития миро-системы, пережившей фазу Б (кондратьевского цикла: 1967/1973-1990 гг.) и вступившей в следующий – «темный период» (с 1990 г.).

Тем не менее, миро-система, пройдя путь от своего зарождения в «длинном шестнадцатом веке» (1450-1640 гг.), первой консолидации (1640-1815 гг.), становления мир-экономики как глобального предприятия (1815-1917 гг.), второй консолидации, проведенной под воздействием «революционного состояния» и мировых войн (1917-1990 / 2000 гг.) [1], вышла к фрактальному *modus vivendi*. Само по себе любопытно, что Валлерстайн предвосхитил нынешнюю хаосогенность мировой политики и международных отношений [2, с. 364-369], но всегда был занят поиском структур порядка.

Собственно ниже будет предложена интерпретация футурологических взглядов И. Валлерстайна, но с учетом кратко- и среднесрочной перспектив, плюс артикуляцией роли ключевых акторов, задействованных в жизни мир-системы.

Рассмотрение футурологических представлений американского социолога следует начать с фиксации такого методологического положения: «Какие процессы опосредуют переход от одной исторической системы к другой? Насколько адекватно описывают и их такие метафоры, как самоорганизация, креативность, возникновение порядка из хаоса?» [3, с. 267].

Между тем, данное положение соотносено с его тезисом о том, что капиталистическая мир-система переживает беспрецедентный «завершающий кризис» и при её обрушении следует (из её недр) рождение новой социальной реальности. Причем, пока неуловимой социальными науками, поскольку ранее они «отражали либеральную идеологию и способы господствующих групп контроля подчиненных групп» [1, Т. 1, с. 325]. Но впереди по сути *terra incognita* социальных наук, и политической науки, в частности.

В таком случае когнитивная «настройка» реализуется не иначе как прочерчиванием сценариев самоорганизации в которых вызревают новые «диссипативные структуры» с новыми иерархическими конфигурациями.

Более того, обозначенный И. Валлерстайном период можно трактовать как период кристаллизации нескольких точек «глобальной бифуркации» (В.П. Бранский). Но как они возможны в логике «small – big»?

Итак, американский социолог в 90-е годы настойчиво отстаивал мысль: главная политическая дискуссия для антисистемных движений («старых левых» в бывших коммунистических странах, феминисток, «зеленых» и множества «меньшинств» на самом Западе, а также фрагментов национально-освободительных движений в «третьем мире»), способная породить «антисистемный вирус», будет сосредоточена на создании стратегии трансформации глобального капитализма. Но поскольку в основе последнего лежит либерализм, пребывающий в состоянии агонии.

Между прочим, из уст нескольких современных политиков уже прозвучал речитатив о гибели либерализма (Президенты Российской Федерации В.В. Путин и Франции Э. Макрон). Для Валлерстайна либерализм – это «щит», созданный «господствующими в миро-системе силами для защиты от притязаний, выдвигавшихся опасными классами, начиная с 1789 года» [4, с. 339].

В этом ключе Валлерстайн говорит о крахе легитимности: во-первых, о превращении всего и вся в «товар»; во-вторых, де-легитимацией любых (кроме целе-рациональности) источников авторитета; в-третьих, о структурном кризисе капитализма (эко-кризисе, кризисе расходов на здравоохранение, кризисе расходов на большую науку и т.д.); политическая сознательность и осведомленность носят всемирный характер. Кроме того, утрата государствами легитимности «развяжет руки» многим иррациональным силам. Отсюда его прогноз о глобальной гражданской войне [4, с. 340-341].

С другой стороны его страновой анализ говорит о том, что ситуацию могут частично удержать США – Япония и ЕС, хотя альянс Китая и России во-многом станет определять траекторию и формат миросистемы. Причем, формат новой биполярности станет определяющим. Однако на фоне экспансии «стран Юга». В этом контексте западным державам («Северу») придется менять парадигму взаимодействия с «Югом», поскольку экономическая эксплуатация последнего, равно как и расизм более не смогут быть факторами позитивной динамики [2, с. 355-365].

В 2000-е годы И. Валлерстайн уточнил свой прогноз: «в течение ближайших 25-50 лет мы, скорее всего, будем наблюдать различные формы беспорядков на Юге и на Севере» [5, с. 173]. На «Юге» кристаллизуются три формы разрушения миро-системы: 1) «выбор Хомейни» или выбор радикальной несхожести, т.е. полный отказ от игры по правилам мир-системы; 2) «выбор Саддама Хусейна» – путь создания крупных военизированных государств, готовых к войне против «Севера»; 3) «выбор людей в лодке», т.е. массовая и незаконная миграция в богатые

страны [5, с. 174]. Собственно эти акторы мировой политики-и-экономики породят такие социальные формы: а) неофеодализм; б) демократический фашизм; в) радикальный всемирный порядок [5, с. 175].

Все они будут отличаться попытками ввести не только новые иерархии, децентрализовать систему и придать ей черты эгалитарности. Но управление мировыми процессами станет намного слабее, чем в мир-системе капитализма.

Таким образом перед нами концептуальная проработка образов будущего, в котором превалируют структуры хаоса, а самоорганизация и упорядоченность будут зависеть от способности новых акторов найти формулу не-капиталистической регуляции социальных процессов, в т.ч., морально оправданных. Но в этом отношении «Запад» («Север»), «Восток» и «Юг» уже не образуют монолита, а горизонтальные связи между группами и «меньшинствами» сами образуют открытую и нерешенную этическую проблему.

Список литературы

1. Валлерстайн И. Мир-система модерна / И. Валлерстайн. ТТ. I – IV. – М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2016. – Т. I: Капиталистическое сельское хозяйство и истоки европейского мира-экономики в XVI веке. – 553 с.: ил.; Т. II: Меркантилизм и консолидация европейского мира-экономики, 1600-1750 гг. – 528 с.; Т. III: Вторая эпоха великой экспансии капиталистического мира-экономики, 1730-1840-е годы. – 528 с.; Т. IV: Триумф центристского либерализма, 1789-1914 гг. – 496 с.: ил.
2. Валлерстайн И. Мир, стабильность и легитимность, 1990-2025 / 2050 / И.Валлерстайн / Валлерстайн И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. – СПб.: Издательство «Университетская книга», 2001. – С. 347-370.
3. Валлерстайн И. Взлет и грядущее падение миро-системного анализа / И.Валлерстайн / Валлерстайн И. Конец знакомого мира. Социология XXI века. – М.: Логос, 2004. – С. 257-268.
4. Валлерстайн И. Агония либерализма: что обещает прогресс? / И. Валлерстайн // Валлерстайн И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. – СПб.: Издательство «Университетская книга», 2001. – С. 324 – 346.
5. Валлерстайн И. Капиталистическая цивилизация / И. Валлерстайн // Исторический капитализм. Капиталистическая цивилизация. – М.: Товарищество научных изданий КМК, 2008. – С. 141-176.

О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ КАК ИНСТРУМЕНТА ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В АРКТИКЕ

*Муслиенко Т.В.*¹, д-р физ.-мат. наук, профессор,

*Лукин В.Н.*², д-р полит. наук, канд. ист. наук, доцент

¹ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский университет Государственной противопожарной службы МЧС России», ФГАОУ ВО «Государственный университет аэрокосмического приборостроения», Социологический институт РАН – филиал ФГБУН «Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук»,

г. Санкт-Петербург, РФ

²ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский университет Государственной противопожарной службы МЧС России», Социологический институт РАН – филиал ФГБУН «Федеральный научно-исследовательский социологический центр

Российской академии наук», г. Санкт-Петербург, РФ

lvn5555@mail.ru

Эффективная внешнеэкономическая политика государства способствует укреплению его национального суверенитета. В условиях глобальной конкуренции ее эффективность является главным условием решения этой задачи. В настоящее время Россия и непризнанные республики существуют в условиях экономических и политических санкций. В России наибольший урон после развала СССР понесла экономика Арктической зоны. Здесь решаются задачи, схожие с экономическими задачами ДНР. Это актуализирует проблему поиска эффективных решений.

Среди основных проблем обеспечения экономической безопасности остается организация экономической деятельности на современном уровне. В ходе реализации «Основ государственной политики» и «Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации» в 2019 года компетенции Министерства по развитию Дальнего Востока были дополнены компетенцией по решению проблем Арктики. Президент Российской Федерации В.В. Путин своим Указом от 26 февраля 2019 года № 78 переименовал Министерство Российской Федерации по развитию Дальнего Востока в Министерство Российской Федерации по развитию Дальнего Востока и Арктики. На это министерство были возложены функции по выработке государственной политики, нормативно-правовому регулированию в сфере развития Арктической зоны Российской Федерации, что должно способствовать систематизации всей арктической деятельности государства [1]. На повестке решение следующих проблем: организация международного экономического сотрудничества; наличие и последствия экономических и административных барьеров: усложненная логистика по доставке товаров (грузов) в труднодоступные и удаленные

территории, оторванные от транспортных систем; отсутствие пустых рыночных ниш, высокие финансовые и организационные риски при открытии нового направления в торговле; не всегда доступные финансовые инструменты.

Повышение инвестиционной привлекательности как инструмент ускорения экономического развития региона – одна из задач министерства. Совместные инвестиции в разработку арктических месторождений и транспортную логистику – залог взаимовыгодных отношений и сближения государств. Совместная экономическая интеграция является важным условием укрепления как международной, так и национальной безопасности.

Реализация крупных инвестиционных проектов: «Белкомур» – кратчайший путь, связывающий промышленные районы Западной Сибири с морским портом в Архангельске; Северный широтный ход, Транспортная магистраль и хордовые ветки к «континентальной железнодорожной системе» и портам на берегу Северного Ледовитого океана, и другие способствуют укреплению экономической безопасности России.

Расширяется круг стран, включая сильные экономики Китая и Индии, принимающих участие в этих проектах. Так, на Ямале работают 36 компаний, в том числе и иностранные. С 2007 года реализуется Международный проект «Баренц-2020», в рамках которого разрабатываются стандарты безопасности нефтегазодобычи [2].

В качестве инструментов экономического сотрудничества с региональными экономическими структурами мира могли бы использоваться Арктический совет, Совет Баренцева Евроарктического региона (далее – СБЕР).

Модели новой экономической географии утверждают принципы одновременной инерционности и динамизма в процессах размещения производительных сил. Одна из ключевых идей – связь процессов глобальной экономической интеграции и локальной концентрации экономической деятельности – актуальна как для России, так и для ДНР.

Совершенствование пространственной организации экономики предполагает социально-экономическое развитие АЗРФ через создание «опорных зон» в виде Арктических акваторриально-производственных комплексов (далее – АТПК). Одним из важнейших АТПК становится пилотный проект «Ямал–СПГ», а его реализация открывает новые возможности в укреплении безопасности на северных рубежах Евразийского геополитического пространства.

Один из приоритетов обеспечения экономической безопасности – развитие транспортной архитектуры, безопасность и защита экономических интересов страны, связанных с функционированием Северного морского пути (далее – СМП). Разрабатываются проекты круглогодичной эксплуатации СМП. Их реализации будет способствовать обновленный ледокольный флот России.

Проблемы обеспечения экономической безопасности не остаются без внимания и зарубежных исследователей [3,4].

Важное направление международного сотрудничества – научное. Обсуждается идея создания Единого Евразийского информационного Арктического центра, по примеру существующего Европейского Центра Информации об Арктике за Полярным кругом. Научный подход к решению насущных проблем экономической безопасности призван создать ее прочную основу.

Внешнеэкономическая политика России в Арктике направлена на привлечение инвестиций и новых технологий иностранных государств. Определенные результаты есть, но они не соответствуют масштабам тех задач, которые предстоит решить в деле обеспечения экономической безопасности России. Наша страна ощущает все усиливающееся противодействие геополитических противников в Арктике.

Список литературы

1. Указ Президента Российской Федерации от 26 февраля 2019 года № 78 // [Сайт Правительства Российской Федерации]-URL: <http://government.ru/newgovworks/678/events/35860/>_(Дата обращения: 08.09.2019).
2. Самсонов Р. Международное энергетическое сотрудничество в Арктике и направления его развития // [Сайт Будущее Арктики] URL: <https://будущее-арктики.рф/mezhdunarodnoe-energeticheskoe-sotrudnichestvo-v-arktike-napravleniya-ego-razvitiya/> (Дата обращения: 18.09.2019).
3. Governing the North American Arctic: sovereignty, security, and institutions / edited by Dawn Alexandra Berry, Nigel Bowles and Halbert Jones. New York, NY: Palgrave Macmillan, 2016. 277 p.
4. Sinevaara-Niskanen H. Setting the stage for Arctic development: politics of knowledge and the power of presence / Heidi Sinevaara- Niskanen. Rovaniemi: Lapin yliopisto, 2015. 158 p.

УДК 327.8

АЗОВСКО-ЧЕРНОМОРСКИЙ РЕГИОН: ИНТЕРЕСЫ, УГРОЗЫ И ВЫЗОВЫ ДЛЯ ДОНЕЦКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ

Онопко О.В., канд. полит. наук

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР

onopko.oleg@gmail.com

Контролируя с 2014 г. часть территории Северного Приазовья, Донецкая Народная Республика де-факто является участником геополитических отношений, существующих в Азовско-Черноморском регионе. Сложная военная обстановка, непредсказуемость дальнейших вариантов развития конфликта с Украиной, а также ограниченное международное признание серьезно осложняют возможности республики

реализовать и защищать свои интересы в региональной международной системе, делают её более уязвимой для различных угроз и вызовов.

Внешиполитические интересы представляют собой объективно обусловленные мотивы деятельности государства на меж- и надгосударственном уровне, направленные на удовлетворение потребностей его граждан, государствообразующей нации, правящей группы или режима. Они могут как осознаваться политической элитой страны, так и нет [2, с. 131]. В случае с ДНР осознание ряда неявных внешнеполитических интересов задерживается ввиду общей сфокусированности на ключевом интересе государства – выживании народа республики и её сохранении на политической карте мира.

Вместе с тем, объективные геополитические условия, в которых вынуждена существовать ДНР, ведут к её естественной вовлеченности в торгово-экономические и военно-политические процессы в Азовско-Черноморском регионе. Принимая это во внимание, можно выделить следующие внешнеполитические интересы ДНР в нём:

1. Мирное урегулирование вооруженного конфликта с Украиной, что создало бы платформу для активного государственного строительства; устойчивого хозяйственного освоения индустриальных территорий Донбасса и аграрных – Приазовья, акватории Азовского моря; интенсификации торговых связей с Россией и другими черноморскими государствами.

2. Признание и установление дипломатических отношений между ДНР и другими де-факто государствами региона – Приднестровской Молдавской Республикой и Республикой Абхазия. При этом особое значение для восстановления экономики ДНР имело бы признание со стороны последней, поскольку, являясь частично признанным государством, Абхазия может выступать посредником во внешнеэкономических операциях донецкого бизнеса.

3. Снижение военной напряженности между Россией и Украиной в акватории Азовского моря. С геополитической точки зрения, ДНР является буфером между Россией и Украиной, а потому любой вооруженный конфликт между ними (без расширения территории республики) потенциально представляет для неё угрозу.

4. Формирование позитивного общественного мнения и укрепление торгово-экономических связей с Россией (в первую очередь с регионами, входящими в Южный федеральный округ), а также Болгарией и Турцией, чьи граждане в силу исторических причин и соответственно текущей политической конъюнктуры находятся на менее антироссийских позициях, чем население Румынии, Молдавии и Грузии.

5. Восстановление территориальной целостности ДНР, восстановление контроля над Мариуполем, что значительно повысило бы экономический потенциал республики и её экспортные возможности.

Реализация этих и других интересов ДНР в Азовско-Черноморском регионе в ближайшее время представляется исключительно сложной и маловероятной. Вместе с тем в регионе уже сейчас существует ряд угроз национальной безопасности республики:

- рост международной напряженности, вызванный провокационной военной активностью Украины в акватории Азовского и Черного морей, Керченского пролива;

- потенциальное расширение евроатлантического сообщества за счёт государств Азовско-Черноморского региона (Грузия, Молдавия, Украина);

- международный терроризм и нелегальная миграция, связанные с близостью с одной стороны Европейского Союза, а с другой – проблемных территорий Ближнего Востока;

- международная организованная преступность (нарко- и работорговля, контрабанда);

- экологические угрозы, в равной степени актуальные как для Азовского моря, чья акватория загрязняется промышленными предприятиями Мариуполя, Таганрога и Ростова, так и для Черного моря, которое страдает от загрязнения бытовым мусором, нефтепродуктами, токсичными веществами и сточными водами.

Специальными угрозами, вызовами, для национальной безопасности ДНР в настоящее время являются:

- милитаризация региона (наращивание Украиной военной мощи в Приазовье, строительство базы ВМС в Бердянске [1], размещение в Мариуполе дополнительных сил и средств Морской охраны, периодическое присутствие в Чёрном море кораблей нечерноморских государств – в первую очередь, США и Великобритании);

- систематическое невыполнение Украиной Минских соглашений и Комплекса мер по их имплементации;

- неконтролируемая добыча украинской стороной рыбных ресурсов Азовского моря, браконьерство.

Эффективное противодействие угрозам национальной безопасности, исходящим из Азовско-Черноморского региона, а также реализация внешнеполитических интересов ДНР невозможны без всесторонней интеграции с Россией. При этом республика нуждается в увеличении собственной военной мощи в Приазовье, в частности – в расширении состава и повышении боеспособности Азовской флотилии.

Список литературы

1. Гальская О. В Бердянске создают базу ВМС Украины // Комсомольская Правда. URL: <https://www.donetsk.kp.ru/online/news/3248729/> (дата обращения: 26.02.2019)
2. Хрусталева М.А. Анализ международных ситуаций и политическая экспертиза. – М.: Издательство «Аспект Пресс», 2016. – 208 с.

К ВОПРОСУ ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ГОСУДАРСТВЕННОГО СТРОИТЕЛЬСТВА НЕПРИЗНАННЫХ ГОСУДАРСТВ ПОСТСОВЕТСКОГО ПРОСТРАНСТВА

Остроух Е.И., Багликова М.С., канд. ист. наук, доцент
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР
marina_baglikova@mail.ru, alena.ostroyh@gmail.com

Залогом выживания любого государства является выстраивание им эффективной, сильной, стабильной модели государственного управления. Для новообразованных государств это задача является первостепенной и наиболее приоритетной. Вопрос государственного строительства для непризнанных стран постсоветского пространства был многократно усложнён вследствие отсутствия признания их независимости со стороны других государств, а также наличием военного противостояния, развязанного против них «материнским государством». Несмотря на объективные трудности, все шесть непризнанных государства постсоветского пространства все же смогли приобрести основные атрибуты власти, выстроив тем самым механизмы государственного управления.

Непризнанное государство, по мнению ряда как зарубежных, так и отечественных исследователей, в той или иной мере обладает определенными признаками классического государства, имея в своем распоряжении территорию, систему органов управления, законодательство и налоговую систему, вооруженные силы и наличие государственной символики [3]. В условиях объективных трудностей становления их государственности, можно выделить и ряд особенностей, характерных для всех непризнанных государств постсоветского пространства, несмотря на разный срок их существования.

Одной из первых, является отсутствие полного контроля над территорией самопровозглашенных государств. Исключением в этом случае является лишь Абхазия, полностью контролирующая свои границы [1]. При этом, нужно отметить, что территориальные проблемы носят различный характер. Так, территория Осетии, как и её народ, разделены между тремя государствами. В Приднестровье часть территории находится под совместным контролем ПМР и Молдавии. ДНР и ЛНР всё ещё ведут борьбу за оставшуюся территорию Донецкой и Луганской области Украины.

Второй особенностью государственного строительства всех непризнанных государств постсоветского пространства является выбор президентской формы правления, что обусловлено, в первую очередь, объективными трудностями их возникновения и кризисами, затронувшими все сферы жизнедеятельности общества, которые требовали концентрации

власти в одних руках для оперативного, а иногда и экстренного принятия разного рода решений.

Третьей особенностью, имеющий негативный характер, является депопуляция населения, характерная в той или иной мере, для всех самопровозглашенных государств. Сокращение населения обусловлено, в первую очередь, военными действиями на их территории, сопровождавшимися гибелью мирного населения и перманентным обострением ситуации в зоне конфликтов. Депопуляция населения обусловлена также объективными и субъективными факторами становления государственности непризнанных государств. Определенную роль в этом процессе играет и отсутствие признания независимости самопровозглашенных государств, что во многом ущемляет права жителей, чьи документы за рубежом были признаны не действительными. Это заставило многих граждан покинуть непризнанные страны в поисках возможности получения гражданства других государств [2].

Еще одной особенностью государственного строительства этих непризнанных стран является заимствованный характер нормотворчества, в силу как отсутствия соответствующего опыта, так и решения насущных проблем, остро нуждавшихся в решении. Во всех кейсах, кроме Абхазии, выработка законодательной базы происходила путем заимствования или синтеза законодательств других государств.

К пятой особенности можно отнести «народные» истоки формирования регулярных вооруженных сил всех самопровозглашенных государств, основой которых стали группы отрядов самообороны или народного ополчения, отстаивавших независимость этих государств с момента возникновения конфликтов на этих территориях.

Таким образом, можем констатировать, что, все самопровозглашенные государства постсоветского пространства, имеют ряд особенностей, влияющих на процесс их дальнейшего государственного строительства. Возникшие в результате конфликтов и существующие в условиях отсутствия международной правосубъектности, они вынуждены адаптироваться к существующим условиям, что и обуславливает централизацию управления, заимствованный характер законодательства и интенсивное развитие силовых структур для сохранения и обеспечения их территориальной целостности от «материнских государств».

Список литературы

1. Абхазия хочет быть независимой [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.gazeta.ru/politics/2016/11/03_a_10303547.shtml (дата обращения: 12.09.2019)
2. Благодарских И.М. От самоопределения к международному признанию: Абхазия, Нагорный Карабах, Приднестровье, Южная Осетия / И.М. Благодарских – Тирасполь: ЦСПИ «Перспектива», 2008. – 35 с.
3. Ильин М.В. Альтернативные формы суверенной государственности / М.В. Ильин // Журнал политических и социологических исследований. – 2017. – № 3. – С. 13-19.

КОНЦЕПЦИЯ РУССКОГО МИРА, КАК ФАКТОР СОБИРАНИЯ ЗЕМЕЛЬ РУССКИХ

Половенко А.В.

Общественная организация «Русь Трехединая», г. Москва, РФ
kabonis@mail.ru

Введение. В качестве современных угроз и вызовов для России и Русского мира является, агрессивно навязываемая со стороны западных стран американизация, европеизация отдельных частей постсоветского пространства.

В Украине, всё это происходит под флагом осуществления политики демократизации, «десоветизации», «декоммунизации», «украинизации».

Ответом на такую политику стало провозглашение народных республик в Донецке и Луганске, их стремление к интеграции с Русским миром, а также, возникновение в отдельных городах Украины, в том числе, городе корабелов Николаеве, протестных движений, которые с 2014 года, проходят под флагом Русской весны, Русского мира, Новороссии.

В свете этих событий, в научной, экспертной, общественной среде формируется исследовательское направление, источником развития которого служат философские размышления участников и очевидцев происходящих судьбоносных событий.

Цель: Использование метода философских размышлений об исторических перспективах народных республик и судьбах протестного движения в осмыслении Концепции Русского мира, как части жизненного мира представленного в текстах и письменных свидетельствах участников и очевидцев Русской весны, его защитников и патриотов.

Основная часть. Цели и задачи очередного Международного интеграционного Форума «Русский мир и Донбасс: от сотрудничества к интеграции образования, науки, инноваций и культуры» определяют основной подход к рассмотрению концепции Русского мира, как интеграционного проекта.

Проекта построенного на интеграции образовательных, научных, творческих, духовных и культурных пространств.

Такой проектный подход совпадает с основным стратегическим трендом, обозначенным в экспертной среде, как смена экспертных дискурсов от раскрытия смыслов в контексте «Донбасс - очаг Русского мира», к реализации стратегии ««Донбасс — русский хаб на украинской территории»[1].

Смена дискурсов, ставит проблему приоритетности философского размышления связанного с разделением смыслов и образов, с одной стороны, относящихся к Русскому миру, с другой, к России.

Отношение к Русскому миру, к России и Украине, это те своеобразные мировоззренческие позиции, которые формировались в протестном движении и отображались в философских размышлениях основных и рядовых акторов Русской весны, находилось в основе появления социально-политического слоя «мнимых граждан» [2].

В этом отношении интересен анализ философских размышлений экс-министра информации ДНР Елены Никитиной в её опубликованной книге «Вопреки. Как я работала министром информации ДНР» [3].

В порядке размышлений построенных в рамках «вопрос-ответ» с пророссийски настроенными активистами Русской весны и «настоящими патриотами Русского мира» у Е. Никитиной формируется вывод об отсутствии единства в целях у акторов зарождающегося движения.

Одни выступали за федерализацию, другие – за независимость, третьи мыслили будущее только в составе Российской Федерации.

По итогам своего интервьюирования одного из лидеров протестного движения Донбасса Д.В. Пушилина, Е. Никитина отмечает его твердую позицию в 2014 году, где будущий Глава ДНР, говорит: - однозначно выступаю за федерализацию Украины и Донбасс как субъект федерации в новой Украине; - Да, мы патриоты Украины [4].

Для того, что бы, показать, насколько характерна эта позиция была для акторов протестных выступлений в других городах Украины, как автор данных тезисов, привожу свою краткую иллюстрацию событий в моем городе:

- Русская весна в Николаеве началась 23 февраля 2014 года, после того как 22 февраля произошел снос памятника Ленину группой приезжих националистов в количестве 100 человек.

Николаевцы собравшись у памятника героям Ольшанцам, говорили о том, что Николаев – русский город должен защитить себя.

Наш город стал говорить о федерализации, потому что, мы понимали, что в условиях произошедшего переворота находиться под властью Киева более невозможно.

И выжить в составе этой Украины можно только в случае если каждый регион будет чувствовать своих героев, развиваться пусть и в рамках единой страны, но со своим мнением, со своим языком со своими школами, со своими отношениями с Российской Федерацией. Именно в рамках этих идей все протестное движение и существовало далее.

Именно, в городе Николаеве, впервые, появился нынешний флаг Новороссии.

Его сшила и подняла активистка Николаевского сопротивления Светлана Сидорская.

Мы вышли с протестом, но мы не хотели никакого насилия, мы хотели быть услышанными и мы хотели, чтобы город Николаев не стал нацистским городом.

Заключение. Философские размышления, направленные на осмысление концепции Русского мира, основываются на самоочевидности сознания и неочевидности истории, силе суггестии и ассоциаций, ощущении связи времен. Их цель, поиск выражения духовного и постижение одномоментной истины, понимание мысли, «народной мысли».

Список литературы

1. Александр Халдей. Донбасс – русский мир на украинской территории? <https://regnum.ru/news/polit/2700860.html>
2. Бордовский Г.А. Жизнь как повод для размышлений. Ч.III: О жизни как таковой. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И.Герцена, 2016. – 455 с., с. 258-259.
3. Никитина Е. Н. Вопреки. Как я работала министром информации ДНР/Елена Никитина.- Донецк: ООО «НПП «Фолиант», 2018. – 256 с.
4. Там же, с. 44.

УДК 94 : 322 : 271.222(477)

АВТОКЕФАЛИЯ: УГЛУБЛЕНИЕ РАСКОЛА ПРАВОСЛАВИЯ НА УКРАИНЕ

Посредников Д.В., канд. ист. наук, доцент
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР
dposrednikov@yandex.ru

Актуальность проблемы определяется ситуацией, сложившейся в процессе образования Православной церкви Украины (ПЦУ), в ходе которого Украинская православная церковь (УПЦ) подверглась дискриминации (на конец сентября 2019 г. о переходе из УПЦ в ПЦУ заявило 518 общин [3]). В то время как в Украине в очередной раз были попораны принципы правового государства, обещанного П. Порошенко преодоления церковного разделения не произошло. Напротив, Украинская православная церковь Киевского Патриархата (УПЦ КП) ныне ведёт тяжбу с ПЦУ, тогда как раскол, вызванный вмешательством Константинопольского Патриархата в церковную жизнь Украины, коснулся также всех поместных церквей, которые оказались перед выбором: признания или непризнания ПЦУ.

В большинстве украинских публикаций (на официальных сайтах ПЦУ, УПЦ КП и УГКЦ), а также «РИСУ» и «Релігія в Україні») по данной проблеме цель создания ПЦУ определяется как: обретение духовной независимости Украины от «московского православия». Альтернативная точка зрения доводится в публикациях, подготовленных пресс-службой УПЦ, а в настоящее время – Союзом православных журналистов Украины.

Цель: выявить основные тенденции развития внутриправославного кризиса, вызванного предоставлением автокефалии ПЦУ.

Следует заметить, что за прошедшие девять месяцев поместные православные церкви ПЦУ не признали, объясняя свою позицию отсутствием у её епископата канонических хиротоний и антиканоническим вмешательством Константинопольского патриархата в юрисдикцию РПЦ.

По мнению Константинопольского патриархата, Элладская православная церковь (ЭПЦ) на Соборе в октябре готова к признанию ПЦУ, и только пока Синод или предстоятель ЭПЦ не взяли на себя ответственность. В то же время руководство других православных церквей и богословы высказались за созыв Всеправославного Собора для решения данного вопроса. Константинопольский патриархат свою позицию обосновал 9-м правилом Антиохийского Собора и 28-м правилом IV Вселенского Собора [2]. Прочие православные церкви считают, что у Константинопольского патриархата каноническая и догматическая прерогатива созыва Всеправославного Собора отсутствует. Поэтому Синод Антиохийского патриархата призвал собрать чрезвычайную Ассамблею православных церквей по вопросу автокефалии для Украины. Кипрская православная церковь поддержала и предложила созвать Всеправославный Собор. Румынская православная церковь предложила отдать решение по Украине Константинопольскому и Московскому патриархатам.

В Константинопольском патриархате ищут оправдание отказа от участия во Всеправославном Соборе, где, вероятно, патриарх Варфоломей не получит поддержку, ему придется дать ответ за неканонические деяния – причащение униата, восстановление в священстве духовенства ПЦУ (при отсутствии у них канонических хиротоний), создание параллельной иерархии УПЦ на Украине. По мнению патриархии, решение вопроса о предоставлении автокефалии должна готовить предсоборная комиссия, а Всеправославный Собор его ратифицирует. Данный сценарий, выгодный для Константинопольского патриархата и не выгодный для поместных церквей, не приемлем. Более предпочтительным вариантом мог бы стать отзыв томоса для ПЦУ, однако на признание ошибки Константинопольский патриарх Варфоломей вряд ли согласится. Прецедент такого решения – критика статьи митрополита Пирейского Серафима от 12 сентября со стороны советник патриарха Варфоломея редактора fanarion.blogspot.com Панайотиса Андриопулоса, [6]. В статье митрополит Пирейский Серафим заявил, что ПЦУ – несуществующая с канонической точки зрения «церковь», состоящая из канонических нарушителей. Серафим называет ПЦУ «геополитическим проектом»: «В украинском вопросе была задействована Православная Церковь, о чем свидетельствуют заявления государственных руководителей США. Первое поздравление пришло от госсекретаря США М. Помпео о предоставлении автокефалии так называемой «Украинской Автокефальной Церкви» [5].

На фоне развития диалога между Константинополем и Ватиканом, ведутся переговоры о полном сопричастии православной и Римско-католической церквей. Глава УГКЦ Святослав (Шевчук) встретился с Константинопольским Патриархом Варфоломеем в Ватикане. Предметом обсуждения были отношения между УГКЦ и ПЦУ. Святослав выразил надежду, что с момента провозглашения автокефалии, ПЦУ стала для УГКЦ главным собеседником в экуменическом диалоге, и предложил создать смешанную комиссию между Православной Церковью и Восточными Католическими Церквями, чтобы «дать новый толчок в экуменическом диалоге» [4]. Глава ПЦУ Епифаний считает: «Сейчас с УГКЦ у нас дружеские отношения. ...Впереди много работы, но наши две Церкви духовно патриотически настроены, поэтому между нами есть добрая воля сохранять и приумножать сотрудничество» [1].

Вместе с тем, Епифаний Думенко совершил ряд заявлений и действий, заставляющих предположить, что ПЦУ ориентируется на верующих Западной Украины. Так, выступая в апреле 2019 г. во Львовском национальном аграрном университете, он заявил, что горд называться бандеровцем. Епископ ПЦУ Виктор Бедь отслужил заупокойную службу по Р. Шухевичу, назвав его «борцом за национальную и государственную независимость Украины». В июле «благочинный» Золочевского района ПЦУ Василий Саган при перезахоронении останков бойцов подразделения СС «Галичина» назвал их святыми [1]. В г. Самбор на месте массового расстрела бандеровцами евреев в июле 1941 г., Епифаний Думенко вместе со Святославом Шевчуком отслужили молебен при открытии памятника, воздвигнутого на месте расстрела героям ОУН-УПА.

Вывод: Раскол в православии не преодолен, касается всей Вселенской Церкви, вызван вмешательством Константинопольского Патриархата в церковную жизнь Украины. Вселенская православная церковь оказалась в новой реальности, в которой придется делать выбор между Константинопольским патриархатом и Русской православной церковью; между признанием или непризнанием ПЦУ как автокефальной поместной церкви. Очевидно, что коллизия между Конституцией Украины и политикой «национально-государственного строительства» имеет цель: разрыв церковного, цивилизационного и исторического единства Украины и России с дальнейшим переформатированием украинского духовного пространства с участием греко-католической церкви.

Список литературы

1. Александров К. Зачем ПЦУ копирует униатов и заигрывает с галичанскими националистами / К. Александров [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://spzh.news/ru/zashhita-very/64492-zachem-pcu-kopirujet-uniatov-i-zaigrvayet-s-galichanskimi-nacionalistami>. – Загл. с экрана.

2. Каноны или книга правил Святых Апостолов, Святых Соборов, Великих и Поместных, и святых Отцов. – СПб.: «Общество святителя Василия Великого», 2000. – С. 55.
3. Карта переходів до ПЦУ з УПЦМП (модерує PICY) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.google.com/maps/d/u/0/viewer?mid=1XQR0sfHF FiiXyGiVYq 11mNylJ9fFPdnh&ll=49.47423,85410442,%2C28.04668,874999993&z=7&fbclid=IwAR0tZD7PJmR8Fz4pQJG_EZtiz1E_md2nc6dOanWsURfdlejbLC H512LJu-o. – Загл. с экрана.
4. Патриарх УГКЦ Святослав в Риме встретился с Вселенским Патриархом Варфоломеем [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://risu.org.ua/ru/index/all_news/confessional/interchurch_relations/77164/. – Загл. с экрана.
5. Цвилий О. Митрополит Элладской Церкви: ПЦУ не существует, ей нельзя дать автокефалию / О. Цвилий [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://spzh.news/ru/news/64968-mitropolit-elladskoj-cerkvi-pcu-ne-sushhestvujet-jej-nelyzya-daty-avtokefaliju>. – Загл. с экрана.
6. Чайка Т. Советник Варфоломея: Митрополит Пирейский ответствен за ситуацию в Украине [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://spzh.news/ru/news/64995-sovetnik-varfolomejamitropolit-pirejskij-otvetstvenen-za-situaciju-v-ukraine>. – Загл. с экрана.

УДК 321/42

РЕАЛИЗАЦИЯ ПРИНЦИПА КОНСТИТУЦИОННОЙ АВТОНОМИИ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В ДОНЕЦКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКЕ

Романенко К.А., Писарева А.В.

ГОУ ВПО «Донбасская юридическая академия», г. Донецк, ДНР
kristinaromanenko99@gmail.com

Формирование слаженной работы аппарата государственной власти в современной демократической политической системе сложно представить без создания системы органов местного самоуправления, которая отвечала бы современным потребностям и задачам государства, а также основным принципам Европейской хартии местного самоуправления одновременно [2].

Конституция ДНР устанавливает и гарантирует в главе 8 (ст. 82-83) право народа на местное самоуправление, его обособленность от системы органов государственной власти и право граждан путем прямого волеизъявления или через представителей защищать свои права и законные интересы [4].

Но на данный момент актуальным является вопрос об уточнении сущностного значения и путей реализации этого права, так как по факту, местные органы организованы и функционируют на основании «Временного (типового) положения о местных Администрациях Донецкой Народной Республики», утвержденного Указом Главы Донецкой Народной Республики № 13 от 19.01.2015 [5]. Из содержания которого видно, что

они выполняют функции исполнительно-распорядительной власти в переходный период. Главы административно-территориальных единиц назначаются и увольняются Главой ДНР. Несмотря на давнее наличие Закона ДНР «О местных выборах Донецкой Народной Республики» от 24 декабря 2014 г., выборы в органы местного самоуправления пока не проводились.

Таким образом, такой фундаментальный принцип местного самоуправления, как самостоятельность, или «принцип местной автономии», пока имеет относительный статус в республике. То есть, фактически создана система государственного управления, администрирования на местах, но не местного самоуправления в его классическом понимании.

Термин «автономия местного самоуправления» до сих пор не имеет лаконичного и четкого определения, поскольку это связывается с наличием культурного и этнического различия, откуда в последующем вытекает его независимость [3, с. 13], а также с фактической естественной сопряженностью институтов государства и общества.

Определение, которое предлагает М. Ю. Дитятковский, по мнению авторов, наиболее приближено к реальности, так как в нем обобщенно раскрываются все основные признаки и принципы организации местного самоуправления. Под самостоятельностью местного самоуправления понимается возможность населения и органов государственной власти самостоятельно формировать органы местного самоуправления, осуществлять собственное правовое регулирование порядка осуществления полномочий по решению вопросов местного значения, осуществлять указанные собственные полномочия без помощи иных органов публичной власти, преимущественно полномочия по решению вопросов местного значения, обладать достаточными материальными и финансовыми ресурсами, необходимыми для осуществления полномочий по решению вопросов местного значения [1, с. 50].

Дуальность функций управления и координации всем комплексом вопросов местного значения между государственными и выборными органами и лицами очевидна и неоспорима, она прослеживается во всех известных науке моделях местного самоуправления и их опыте практической реализации. Но суть проблемы трактовки принципа конституционной автономии лежит в необходимости наличия согласованного детального процессуального оформления и законодательного закрепления разделения компетенций, полномочий, ответственности, контроля и гарантий осуществления функций и обязанностей между представительными и государственными органами.

Выстраивание современной муниципально-правовой политики на принципе автономности местного самоуправления в первую очередь предполагает принятие закона о местном самоуправлении, проект которого должен быть предварительно придан гласности для ознакомления населением с правом гражданской инициативы по внесению изменений и

дополнений в определенные сроки. Только в таком случае можно будет говорить о реальных признаках демократичности процесса.

Принципиально важно, чтобы в законе были учтены:

- опыт муниципального развития зарубежных государств, имеющих схожие параметральные данные с ДНР;

- определение принципов и механизмов взаимодействия как органов публичной власти с органами местного самоуправления, так и сотрудничества органов местного самоуправления внутри системы различных уровней муниципальных образований;

- исключение возможности дублирования функций и полномочий между органами государственной и местной власти;

- обеспечение осуществления права муниципальных образований на достаточность финансово-материальных ресурсов, собственности, необходимых для бесперебойного функционирования системы;

- специфика инфраструктуры, этно-культурные характеристики населения конкретной территории при определении структуры административно-территориального деления.

Вопрос о реализации принципа конституционной автономии местного самоуправления в Донецкой Народной Республике является одним из наиболее актуальных. ДНР – молодое государство, в котором практически с нуля были созданы политическая и правовая системы, но, по мнению авторов, ее все же правильнее отнести к типу переходных или трансформирующихся систем, то есть тех, которые обладают определенным набором форм, признаков и характеристик прошлой системы, но модернизируются в соответствии со вновь сложившимися условиями. Это открывает ряд новых возможностей для внедрения более совершенных моделей управления на всех уровнях посредством постепенного реформирования и выработки максимально адаптивной к потребностям народа модели государственного устройства. Ее основой является сфера местного самоуправления, в которой отражаются и формируются основы гражданского общества и правового государства. Поэтому пришло время переходить от временных положений к реальным законам, призванным сформировать и укрепить фундамент общественных отношений для эффективной политики государственного строительства.

Список литературы

1. Дитятковский М.Ю. О конституционной самостоятельности местного самоуправления [Текст] / М.Ю. Дитятковский // Вестник Омского университета. Серия «Право». – 2012. – №2 (31). – С. 49-64
2. Европейская хартия местного самоуправления от 06.11.1996 [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://smr.gov.ge/Uploads/evropuli_q_39dab5dc.pdf.
3. Західна О. Місцеві бюджети як фінансова складова органів місцевого самоврядування [Текст] /О.Р.Західна // Науковий вісник національного лісотехнічного університету України: збірник наук.-техн. праць. – 2007. – вип.17.7. – С.169-175.

4. Конституция Донецкой Народной Республики от 11.09.2015 г., № 92-ІНС, действующая редакция № 01- П НС от 30.11.2018г. // Верховный Совет Донецкой Народной Республики. 2018 г.;
5. «Временное (типовое) положение о местных Администрациях Донецкой Народной Республики», утв. Указом Главы ДНР № 13 от 19.01.2015. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://goskomzemdnr.ru/normativnaya-baza/ukazy-rasporyazheniya-glavy-donetskoj-narodnoj-respubliki/>.

УДК 32-027.21:004.738.5:316.77

СОЦИАЛЬНЫЕ СЕТИ КАК НОВАЯ ПЛАТФОРМА ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ

Романов В.В., Анастасов А.И., канд. полит. наук, доцент
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР
Jin.Romanov@yandex.ru

В последние годы наблюдается увеличение пользователей социальных сетей. Такие сайты как Facebook, Twitter, Вконтакте стали все чаще использоваться в политическом контексте как гражданами, так и политическими институтами. Партиям важно активно участвовать в политической коммуникации, основанной на использовании социальных сетей, особенно во время избирательных кампаний. Социальные сети тем самым представляют собой информационную базу и идеальное средство для оценки общественного мнения о политике и политических позициях, уровне поддержки партии, кандидатов, или государственных учреждений [4]. Было замечено, что в очень короткие сроки политики по всему миру стали использовать социальные сети для привлечения своих избирателей, вступая в прямые диалоги с гражданами и активные политические дискуссии с оппонентами. Первые президентские выборы, на которых кандидаты использовали социальные сети в качестве инструмента для позиционирования себя в кампании, были президентские выборы в США 2008 года. Использование социальных сетей Бараком Обамой для коммуникации с избирателями оценивают как фактор его привлекательности среди молодежи Америки – даже среди тех, кто был еще недостаточно взрослым, чтобы голосовать [3]. Сегодня все больше политиков используют Facebook или Twitter для передачи сообщений непосредственно аудитории, тем самым сокращая посредников, которыми выступают средства массовой информации. Твиты Дональда Трампа являются ярким примером этой тенденции. С другой стороны, социальные сети имеют потенциал для расширения политического участия и дискуссий между людьми. Twitter, Facebook и другие социальные сети позволяют пользователям дать свою оценку политическим событиям в собственном блоге.

Технологии в корне меняют способ предоставления политической информации общественности. С помощью Интернета информация может быстро передаваться людям без вмешательства традиционных средств массовой информации. Использование социальных сетей открывает выгодные возможности для политиков, общественных деятелей и партий. Во-первых, социальные сети гораздо доступнее, чем традиционные средства массовой информации, что дает политикам больше самостоятельности. Использование социальных сетей позволяет политикам и кандидатам работать индивидуально и относительно автономно от партии, общаясь с потенциальными избирателями. Тем не менее, онлайн деятельность не всегда является выгодной для партии. Политики порой комментируют проблемные вопросы в Интернете без необходимой профессиональной сдержанности, причиняя вред как своей репутации, так и репутации партии. Например, сотрудник Белого дома Джофи Джозеф был отстранен от службы из-за его публикаций, под псевдонимом, в Twitter критических высказываний в адрес правительства президента США Барака Обамы [2]. Хотя изначально, по его словам, он хотел лишь иронически указать на недостатки работы американской администрации.

Во-вторых, можно эффективно использовать социальные сети для набора волонтеров, организации кампании, мобилизации населения и сбора средств. В-третьих, из-за огромного количества информации о пользователях, собранной в социальных сетях, они хорошо подходят для таргетированной рассылки определенным группам избирателей. В контексте политической кампании это предполагает, что кандидаты распределяют свои усилия на несколько разных каналов, каждый с определенными сообщениями для разных целевых групп. Кроме того, это может быть особенно полезно для малоизвестных кандидатов, сообщения которых не упоминаются в традиционных средствах массовой информации.

В-четвертых, социальные сети предоставляют площадку для распространения информации пользователям вне зависимости от характера их политического участия. Ранее сайты политических партий, как правило, привлекали граждан с большим интересом к политике. Сейчас же кандидаты, использующие социальные сети в своих кампаниях, имеют возможность заставить пользователя «случайно» обнаружить политический контент. Политики, активно использующие социальные сети, получают возможность создавать инфоповоды, позволяющие повысить внимание к себе. В современном мире журналисты традиционных средств массовой информации часто ссылаются на аккаунт политика в качестве первоисточника информации.

Стоит отметить, что, несмотря на все преимущества социальных сетей, политический дискурс в них часто провокационен и изобилует троллями. Низкое качество политического онлайн-дискурса объясняется в том числе существованием кампаний дезинформации, фейковыми

сообщениями и поляризацией политики [1]. В конечном итоге это снижает мотивацию пользователей вести конструктивный диалог друг с другом.

Исследования показали, что органам власти необходимо постоянно собирать, отслеживать, анализировать, обобщать и визуализировать политически значимую информацию из социальных сетей с целью улучшения общения с избирателями [4]. Например, важно выявить лидеров мнений и следить за обсуждениями, происходящими в рамках их блогов, особенно в периоды избирательных кампаний. Другие актуальные вопросы могут касаться выявления возникающих проблем и тенденций, а также умения прогнозировать повестку дня. Тем не менее, это считается сложной задачей из-за огромного количества различных социальных сетей и не структурированности данных.

Таким образом, в современном мире социальные сети стали повсеместным каналом коммуникации политиков со своими избирателями. Такие платформы как Facebook, Twitter, Вконтакте позволяют кандидатам напрямую связаться с избирателями, мобилизовать сторонников и влиять на общественную повестку дня. Функциональные возможности социальных сетей предоставляют возможность их использования как в качестве платформы для распространения пропаганды, так и для создания пространства дебатов среди политиков или граждан. Социальные сети являются потенциально важными инструментами в политическом и гражданском процессах, поскольку открытая платформа для диалога, выступает одной из основ формирования политических взглядов граждан.

Список литературы

1. Голосманов Д.С. Интернет как среда политической коммуникации: перспективы и противоречия [Электронный ресурс] / Д.С. Голосманов // Вестник СибГИУ. – 2012. – №2. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/internet-kak-sreda-politicheskoy-kommunikatsii-perspektivy-i-protivorechiya>. – (дата обращения: 18.09.2019).
2. Сотрудник Белого дома лишился работы из-за критики правительства Обамы в Twitter [Электронный ресурс] // Russia Today. – Режим доступа: <https://russian.rt.com/article/17241>. – (дата обращения 17.09.2019).
3. Cogburn D. From networked nominee to networked nation: examining the impact of Web 2.0 and social media on political participation and civic engagement in the 2008 Obama campaign [Electronic resource] // Journal of Political Marketing 10: 189–213. – Mode of access: https://www.researchgate.net/publication/233146523_From_Networked_Nominee_to_Networked_Nation_Examining_the_Impact_of_Web_2_0_and_Social_Media_on_Political_Participation_and_Civic_Engagement_in_the_2008_Obama_Campaign. – (accessed: 16.09.2019).
4. Zeng D. Social media analytics and intelligence [Electronic resource] // IEEE Intell Syst 25(6):13–16. – Mode of access: <https://ieeexplore.ieee.org/document/5678581>. – (accessed: 16.09.2019).

ЭТАПЫ СТАНОВЛЕНИЯ ПАРЛАМЕНТАРИЗМА В ДОНЕЦКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКЕ

Руденко М.В.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР
m.rudenko@odsd.ru

Нынешний год примечателен обилием юбилейных дат, связанных со становлением парламентаризма в ДНР. Так, 2 ноября 2019 г. исполняется 5 лет со дня первых выборов в Народный Совет. Институт парламентаризма в ДНР прошел в своем развитии ряд этапов, выделению и краткой характеристике которых и будет посвящен данный доклад.

На фоне бездействия существовавших в Донецкой области местных советов, 3 марта 2014 г. в занятом восставшими зале заседаний облсовета была предпринята первая попытка формирования нового народного представительного органа власти (Верховного совета Донецкой области) [1]. С середины марта деятельность по налаживанию взаимодействия между участниками протестов начал Координационный совет Донецкой области (КСДО), ставший прообразом представительного органа [2].

7 апреля 2014 г. на съезде восставшего народа Донбасса в здании Донецкой ОГА был сформирован Совет представителей территориальных громад, политических партий и общественных организаций Донецкой области. В него вошло около 80 человек [3]. Это был первый высший представительный орган государственной власти ДНР, своеобразный протопарламент. Вскоре за ним закрепилось сокращенное название – Народный Совет ДНР [4]. Работа Народного Совета протекала довольно стихийно, что объясняется особенностями революционного времени. Но вместе с тем, это был первый этап становления парламентаризма в ДНР, и данным органом были приняты ключевые для становления Республики решения и документы, обеспечено успешное проведение референдума.

14 мая 2014 г. был образован первый законодательный орган ДНР – Верховный Совет. Его депутаты также были делегированы от территориальных общин, общественных организаций и партий. Их списочный состав был утверждён на первом пленарном заседании парламента в количестве 150 человек. Данный законодательный орган считался временным, действующим до первых демократических парламентских выборов. Верховный Совет сыграл важную роль в легитимизации системы органов исполнительной власти ДНР. С июня 2014 г. в первом парламенте шла работа по формированию профильных комитетов и устойчивых депутатских групп. В июле Верховный Совет ДНР пережил свой парламентский кризис и попытку вооружённого захвата. Период деятельности Верховного Совета ДНР с 14 мая по 14 ноября 2014 г. можно

отнести ко второму этапу становления парламентаризма в Республике, который характеризовался накоплением опыта в сфере законодательной деятельности. За 6 месяцев было проведено более 40 пленарных заседаний, принято более 100 законов и постановлений. 24 сентября Верховный Совет принял законы о выборах депутатов парламента и Главы Республики, а также назначил дату их проведения [5]. Тем самым первый парламент обеспечил легитимный переход от революционных, временных органов власти к демократически избранным и постоянно действующим.

2 ноября 2014 г. одновременно с выборами Главы ДНР состоялись выборы в Народный Совет Республики I созыва. Это событие ознаменовало собой начало третьего этапа в становлении донецкого парламентаризма. То, что деятельность избранного парламента это уже качественно иной этап, подчеркивалось изменением названия законодательного органа, и началом отсчета его созывов исключительно с первого пленарного заседания вновь избранного Народного Совета (14 ноября 2014 г.). В Луганске, к примеру, первым созывом парламента считается период работы Верховного Совета ЛНР (май-ноябрь 2014 г.), а избранный также 2 ноября Народный Совет ЛНР относят уже ко II созыву законодательного органа, что, по мнению автора, хорошо отражает преемственность этапов в развитии парламентаризма.

3 ноября 2014 г. ЦИК ДНР огласила итоги парламентских выборов. Народный Совет был избран сроком на четыре года в количестве 100 депутатов, из них общественное движение (ОД) «Донецкая Республика» получило 68 депутатских мандатов, ОД «Свободный Донбасс» – 32 мандата, сформировав одноименные фракции. За период работы Народного Совета I созыва (14 ноября 2014 г. – 19 ноября 2018 г.) на рассмотрение парламента было внесено 599 законопроектов и принято 272 закона [6]. Также в этот период набирает силу тенденция к рутинизации процесса принятия решений. Народный Совет I созыва в рамках законотворческой деятельности урегулировал основные вопросы жизнедеятельности Республики и заложил основы законодательной базы.

11 ноября 2018 г. в ДНР прошли очередные выборы депутатов парламента. По результатам голосования общественное движение «Донецкая Республика» получила 74 места в Народном Совете, «Свободный Донбасс» – 26 мест. В целом эти выборы продемонстрировали стабильность существующей политической системы и преемственность курса. Первое пленарное заседание органа законодательной власти в новом составе состоялось 19 ноября. За первую весеннюю сессию Народного Совета II созыва было проведено 19 пленарных заседаний, на которых принято 37 законов [7]. В целом работу Народного Совета II созыва, ввиду отсутствия принципиальных отличий от I созыва, можно рассматривать как продолжение третьего этапа становления парламентаризма.

Итак, в результате исследования были выделены следующие этапы становления института парламентаризма в ДНР. Подготовительный (март

– начало апреля 2014 г.) – осознание политическим активом необходимости формирования представительного органа власти, первые попытки его создания. Первый (7 апреля – 14 мая) – формирование и работа первого высшего представительного органа власти, – Совета представителей территориальных громад, политических партий и общественных организаций (Народного Совета) ДНР, принятие базовых для ДНР нормативных актов, обеспечение референдума о самоопределении. Второй (14 мая – 14 ноября) – образование и работа первого законодательного органа государственной власти, – Верховного Совета ДНР, накопление опыта в сфере законотворчества, легитимизация исполнительных органов власти, подготовка демократических выборов. Третий (14 ноября 2014 г. – по настоящее время) – формирование по итогам парламентских выборов Народного Совета I и II созывов, стабилизация работы парламента, рутинизация процесса принятия решений, закладка фундамента законодательной базы, гармонизация законодательства ДНР с законодательством Российской Федерации.

Список литературы

1. Губарев П. Факел Новороссии / П. Губарев. – СПб.: Питер, 2016. – С. 107-109.
2. Черкашин К.В. Деятельность Координационного совета Донецкой области в ходе событий «Русской Весны» в Донбассе / К.В. Черкашин // Сборник материалов Первой научной конференции историков ДНР «История Донбасса: анализ и перспективы». – Донецк, 2015. – С. 50-52.
3. Барков А. Новороссия в моем сердце/ Александр Барков. – М: Книга по требованию, 2017. – С. 429-430.
4. Руденко М.В., Никольский В.Н. Создание первого высшего представительного органа власти и временного правительства в Донецкой Народной Республике / М.В. Руденко, В.Н. Никольский // Донецкие чтения 2017: Русский мир как цивилизационная основа научно-образовательного и культурного развития Донбасса: Материалы Международной научной конференции студентов и молодых ученых (Донецк, 17-20 октября 2017 г.). – Том 5: Социально-политические, исторические и философские науки / под общей редакцией проф. С.В. Беспаловой. – Донецк: Изд-во ДонНУ, 2017. – С. 134-137.
5. Руденко М.В. Первые шаги донецкого парламентаризма / М.В. Руденко // Актуальные проблемы истории Донбасса. Сборник материалов Второй научной конференции историков ДНР. – Донецк, 2019. – С. 93-100.
6. История Народного Совета Донецкой Народной Республики [Электронный ресурс] // Официальный сайт Народного Совета ДНР. URL: <https://dnrsovet.su/istoriya-ns/> (Дата обращения: 16.09.2019).
7. Там же.

СОЦИАЛЬНОЕ НАСИЛИЕ КАК ПОЛИТОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА

Руженцев С.Е., канд. ист. наук, доцент,

Смирнов А.В., канд. полит. наук, доцент

ГБОУ ВО «Воронежский государственный медицинский университет

им. Н.Н. Бурденко», г. Воронеж, РФ

rsevrn@gmail.com

Политическая власть в любом обществе неизбежно и обязательно использует социальное насилие, функционально опирается на него. Разумеется, различаются уровень и масштаб применения насилия, его формы и степень жесткости в зависимости от целого ряда условий.

Проблема социального насилия является в высшей степени дискуссионной. До сих пор не выработано единого общепринятого ее понимания. Одни исследователи определяют насилие исключительно через противозаконное поведение, тогда как другие особо подчеркивают форму действия и его намерение [1]. В отечественном праве проводится различие между уничтожением людей или имущества вследствие намеренного насилия и ущербом, причиненным по небрежности.

Резюмируя имеющиеся точки зрения, представляется возможным предварительно определить насилие как применение различных, вплоть до вооруженного воздействия, форм принуждения в отношении отдельных индивидов или социальных групп. При этом надо обязательно вводить социальный контекст насилия. Ведь не всякое применение силы или принуждения следует понимать как насилие.

Конечно, насилие есть внешнее воздействие на человека, по преимуществу его физическое принуждение. Однако понятие «социальное насилие» не следует редуцировать исключительно к физическому принуждению, хотя оно составляет его важнейший аспект. Вместе с тем, заметим к слову, широкое и систематическое применение физического принуждения можно расценивать как своеобразный индикатор неэффективности и незрелости политической власти. Неспособность и неумение использовать весь возможный спектр методов и способов политического воздействия и ставка преимущественно на физическую силу самым ярким образом демонстрирует очевидную слабость и некомпетентность власти. Так как в современных условиях фундаментальное значение в социальных и политических отношениях социальное насилие проявляет, прежде всего, в своих символических и структурных ипостасях.

Структурное насилие имеет характер общественного признания, оно представлено в культуре, в социальных символах, общественных и политических ритуалах и атрибутах. Таким образом, это форма

легитимного насилия. Д. Галтунг, выделяя структурное насилие, особое внимание обращает на «культурное насилие». Он отмечает, что оно ведет к тому, что структурное насилие начинает выглядеть и восприниматься как справедливое или, во всяком случае, «недурное дело» [2].

Заметим, что манифестное насилие различается по параметрам: насилие общественное, насилие в семейных отношениях и сексуальное насилие. Э. Фромм несколько иначе выделяет основные формы насилия: игровое, реактивное, насилие из мести, потрясение веры, компенсаторное и архаичный тип насилия – «жажда крови» [3]

Нам представляется обоснованным использовать концепт социального насилия в широком смысле – для обозначения всей совокупности различных социальных институтов и технологий, применяемых для подавления и принуждения людей в обществе. С этой точки зрения, по нашему мнению, социальное насилие представляет собой целенаправленное воздействие (физическое, административное, экономическое, информационно-психическое и т.д.) одного человека или группы на другого без его добровольного согласия, нарушающее право граждан на автономию и личную неприкосновенность.

Насилие обязательно предполагает подавление воли другого человека, ее узурпацию. При этом заметим, что насилие – это такое социальное взаимодействие, которое имманентно предполагает со стороны субъекта, насильника категорический отказ другому, своему «партнеру», в значениях какой-либо самостоятельности. За объектом принуждения не просто не признаются значения дееспособности, самодостаточности, самооценности, а вообще безоговорочно отрицаются любые социальные ценности, кроме тех, что предписываются, принудительно навязываются субъектом насилия. Иначе говоря, социальное насилие обязательно предполагает систематическую дискриминацию любого партнера [4].

Набор социальных институтов, реализующих насилие в обществе, чрезвычайно широк. Социальное насилие, прежде всего, включает в себя:

(а) Законодательство, обязывающее индивида к безоговорочному подчинению власти, к реализации решений, принятых субъектами политического управления.

(б) Идеологическая обработка населения. Однако следует заметить, что институтом социального насилия выступает не идеология как таковая, а именно систематическая и принудительная индоктринация. Такая индоктринация призвана внедрить в общественное сознание постулаты полного подчинения и лояльности власти. Как тонко подмечает В.М. Кайтуков, одной из главных социальных целей идеологического воздействия в тоталитарных системах выступает придание труду позитивного значения в условиях отсутствия внутренних стимулов и мотивов, когда не действуют ни рыночные механизмы, ни гедонистские мотивы трудовой активности [5, с. 50].

Существенную роль в организации и проведении социального насилия играет военно-промышленный комплекс страны (ВПК). С одной стороны, ВПК создает и постоянно обновляет материально-техническую базу социального насилия. С другой стороны, деятельность ВПК и соответствующая идеология милитаризма мотивируют применение насилия, делали его в глазах людей вполне легитимным и оправданным.

Непосредственное функционирование и действенность всех элементов социального насилия на практике обеспечивает совокупность разнообразных репрессивно-силовых органов. Эти органы в своем единстве гарантируют реализацию норм законодательства, проведение политического курса власти, подкрепляя действие цензуры и идеологической индоктринации, которые служат важнейшим условием лояльности населения и его активного участия в политической жизни.

Венчает и интегрирует систему социального насилия в обществе совокупность государственных органов управления. Разветвленная и многоуровневая структура административных органов государства регулирует и согласовывает деятельность различных структур социального насилия, ставит задачи и определяет приоритеты. Именно государственный аппарат определяет цели, интенсивность и направленность социального насилия. А репрессивно-силовые структуры выступают специализированным инструментом государственной власти.

В своем единстве все эти аспекты социального насилия образуют разветвленную, многоступенчатую и всестороннюю, проникающую во все слои и уровни социума, систему ментального, идейно-политического и поведенческого контроля и регулирования. В общественном и индивидуальном сознании каждого гражданина эта система инициирует твердую уверенность в постоянной поднадзорности, жестком контроле и неминуемой каре за неблагонадежность и, более того, даже за потенциальную нелояльность.

Список литературы

1. Гусейнов А.А. Понятие насилия / А.А. Гусейнов // *Философия, наука, цивилизация*. – М.: Изд-во МГУ, 2002. – 326 с.
2. Галтунг Д. Культурное насилие / Д. Галтунг // *Социальные конфликты: Экспертиза, прогнозирование, технология разрешения*. Вып. 8 – М.: Центр конфликтологии, 1995 – С. 34-37.
3. Фромм Э. *Анатомия человеческой деструктивности*. – М.: АСТ-ЛТД, 1998. – 672 с.
4. Викторук Е.Н. *Насилие и этическое образование* / Е.Н. Викторук // *Образование и насилие*. Сб. статей / под ред. К.С. Пигрова. – СПб.: Изд-во Санкт-Петерб. гос. ун-та, 2004. – С. 226-242.
5. Кайтуков В.М. *Эволюция диктата. Опыты психофизиологии истории* / В.М. Кайтуков. – М.: Урамос, 1991. – 415 с.

ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОГО РАЗВИТИЯ РУССКОГО МИРА: ТУПИКИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Сазонов Д.В.

ФГБОУ ВО «Московский педагогический государственный университет»,
г. Москва, РФ
danila.sazonov00@mail.ru

Образование – неотъемлемый аспект социализации личности, формировании собственного мировоззрения. Через просвещение можно добиться свободы, можно научиться прогнозировать социальные изменения, можно этими изменениями управлять, можно получать удовольствие от процесса познания. Особенно важно понимать ценность знаний в информационную эпоху, в котором общество перенасыщено различной информацией. Современный человек должен не только знать, но и обладать инструментами, чтобы отличить правду от неправды, истину от заблуждения. Нельзя пройти мимо понятия «Русский мир», над значением которого ведутся дискуссии в различных экспертных кругах. В данной работе под «Русским миром» понимается социокультурное русско-говорящее пространство, имеющее общие культурно-исторические связи.

В данной статье будут рассмотрены образовательные тенденции исторического образования, описаны их регрессивные черты, рассмотрены возможные перспективы и выходы из складывающейся ситуации. Необходимо учитывать, что автор лишь обозначает проблему, а не предлагает её полный и детальный анализ, не предлагает универсальный выход.

Современное общество находится в состоянии кризиса, который проник во все сферы человеческой жизни. Образование также подвержено этому негативному влиянию [1, с. 128]. Данную ситуацию усложняет и тот факт, что надо находить баланс между старыми эффективными методами преподавания и новыми, искать гармонию между прошлым и будущим. В России же на данный момент происходит перевес в сторону заимствования образовательных технологий у Запада [3, с. 56]. В это время, например, в Великобритании переходят на советскую систему образования [5].

Проанализируем частный случай. Рассмотрим рабочие программы по истории для 6 класса России и Луганска. В последней отдельно выделяется тема «Русь под властью Золотой Орды» и отдельно «Население Луганского края в период Золотой Орды» [6]. Такое деление никак нельзя отнести к факторам, способствующие развитию интеграционных тенденций Донбасса. Существует вероятность, что у обучающихся может сложиться неправильное понимание единого исторического процесса, ведь в данной программе можно выделить три составных части: история

России, история, преподаваемая на территории Украины, история Луганска. Нельзя согласиться с тем, что смешение трёх систем, которые имеют свои отличия, свои сильные и слабые стороны, можно признать удачным и прорывным решением накопившихся проблем в сфере исторического образования, даже если мы и будем учитывать политическую конъюнктуру. В российской системе подобная тема занятия формулируется следующим образом: «Завоевательные походы Батыя на Русь и Восточную Европу и их последствия. Образование Золотой Орды. Русские земли в составе Золотой Орды... Влияние Орды на политическую традицию русских земель, менталитет, культуру и быт населения. Золотая Орда в системе международных связей». В этой системе всё рассматривается в целом. Однако учителя могут провести занятия, например, по той же теме, ограничившись географией своего региона, на истории родного края, что не забирает временные ресурсы у основополагающей дисциплины. Если мы обратимся к рабочей программе, которая используется в Донецкой Народной Республики, то увидим следующее: «Древнерусское государство и Донецкий край в X – начале XII вв.» [7]. Возникает логичный вопрос: почему Донецкий край дифференцируется от Древнерусского государства? Логичнее было бы рассматривать историю государства целиком, а на занятиях по краеведению изучать историю своего края в разные эпохи.

У российской системы тоже есть недостатки. Например, истории русскоговорящих людей, проживающих на территории современной Украины, уделяется мало внимания. Слабо рассматривается тема, связанная с гетманством. Как правило, данная тема поднимается в ходе рассмотрения воссоединения Русского царства и Запорожской Сечи, упразднения гетманства Екатериной II и событий времён гражданской войны. Помимо неполного историко-географического охвата, к слабым сторонам российской системы можно отнести коммерциализацию, недостаточную подготовку педагогических кадров, общий ценностно-нравственный упадок, ориентацию на западные модели, активное развитие дистанционного образования, которое не всегда отличается высоким качеством, введение бакалавриата, который с формальной точки зрения может и не заниматься научно-исследовательской деятельностью, отрыв науки от образования [4, с. 7], раннюю и глубокую профилизацию, общее снижение качества образования на уровне и школ, и университетов.

Нельзя обойти стороной историческое образование на территории Украины. Остановимся на существенных отрицательных аспектах системы. Видны тенденции, направленные на национализм и мифологизацию исторического образования, проявляющиеся в удревнении украинской государственности и намеренной фальсификации фактов [2, с. 149-150]. На наш взгляд, ложная трактовка исторического процесса на территории Украины обретает невиданные масштабы. К чему всё это может привести? К сожалению, никаких оптимистических прогнозов дать нельзя.

Подводя итоги вышесказанному, вновь отметим, что каждая из перечисленных систем имеет свои слабые стороны. Однако из синтеза подобных образовательных механизмов ничего эффективного не получится. На наш взгляд, существует необходимость в создании совместной рабочей группы, которая будет состоять из экспертов-педагогов и учёных, на которых ляжет задача в решении всех вышеперечисленных проблем. Итогом их деятельности мы видим в создании единой образовательной системы на территории Русского мира в постсоветской плоскости, это станет ещё одним шагом к консолидации, а следовательно и к укреплению Русского мира, который сталкивается с вызовами современности.

Список литературы

1. Антонова О.Г., Дыльнова З.М. К вопросу о тенденциях развития российского высшего образования // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-tendentsiyah-razvitiya-rossiyskogo-vysshego-obrazovaniya> (дата обращения 17.09.2019).
2. Мишечкин Г.В. Мифологизация истории в постсоветской Украине: истоки, характерные черты и тенденции // Вестник Донецкого педагогического института [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/mifologizatsiya-istorii-v-postsovetskoy-ukraine-istoki-harakternyye-cherty-i-tendentsii> (дата обращения 17.09.2019).
3. Назарова С.И. Тенденции развития современной системы образования // Управление образованием: теория и практика [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/tendentsii-razvitiya-sovremennoy-sistemy-obrazovaniya> (дата обращения 17.09.2019).
4. Репина Л.П. Профессиональное историческое образование в России: современное состояние и перспективы развития // Диалог со временем: альманах интеллектуальной истории. – М.: УРСС. – 387 с.
5. <https://newizv.ru/news/society/19-01-2019/nazad-v-budushee-angliya-perehodit-k-sovetskoy-sisteme-obrazovaniya/>
6. <https://infourok.ru/rabochaya-programma-po-istorii-otechestva-klassi-1312931.html>.
7. <https://infourok.ru/rabochaya-programma-po-istorii-na-uchebniy-god-dlya-klassov-2723745.html>

ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В ДНР В КОНТЕКСТЕ ИНТЕГРАЦИИ ДОНБАССА В РУССКИЙ МИР

Сальников В.И.¹, канд. ист. наук, доцент, *Небольсин Ю.В.²*

¹ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет», г. Воронеж, РФ

²ВФ Российской академии народного хозяйства и государственной службы
при Президенте РФ, г. Воронеж, РФ
vyachs@yandex.ru, yurenebo@yandex.ru

Донецкая Народная Республика, также как и Луганская Народная Республика, – самопровозглашенные государства, которые прошли путь от повстанческих государств, возникших на обломках украинской государственности в период Русской Весны, где значительную роль играли стихия народной самоорганизации и полевые командиры, – до государств-де-факто, контролирующих занимаемую территорию, имеющих конституции и работающие органы государственной власти, исполняющие свои основные функции [5].

В этих сложных условиях республика сделала немало для институционализации своей государственной системы. Кроме принятия Конституции и организации народной милиции были созданы органы государственной власти (законодательные, исполнительные, судебные и др.). Хотя и не без проблем, но функционируют системы образования, здравоохранения, социального обеспечения, налоговая система. Работают СМИ, формируя общественное сознание дончан. Укрепляется законодательная база. Формируется система государственной и муниципальной службы ДНР. Республика возвращает себе контроль над предприятиями под украинской юрисдикцией, действующими на ее территории и не платящими налоги в республиканский бюджет. Работают программы по восстановлению разрушенного военными действиями жилья, социальной инфраструктуры, хозяйственных объектов. Совершенствуются механизмы государственно-частного партнерства и поддержки малого и среднего бизнеса. Несмотря на трудности, связанные с признанием, власти ДНР активно работают над привлечением инвестиций и над развитием инновационного потенциала республики. Действует Государственная программа по воссоединению народа Донбасса. Создана Специальная комиссия по фиксации и сбору доказательств военных преступлений украинской власти на Донбассе. Развиваются дипломатические отношения с другими непризнанными государствами (ЛНР, Южной Осетией, Абхазией) и, несмотря на санкции, – трансграничные связи с российскими регионами и муниципальными образованиями. Постепенно, во многом благодаря российской помощи, восстанавливается экономика.

Однако у ДНР, как и у ЛНР, есть ряд проблем, главной из которых является проблема международного признания, что в сочетании с отсутствием необходимых для самостоятельного развития ресурсов, негативно сказываются и на перспективах их государственности, в силу чего пока открытыми остаются вопросы:

- 1) сохранят ли они курс на независимость;
- 2) войдут ли в состав нового государства (Новороссии, Малороссии и т.п.);
- 3) продолжат интегрироваться в РФ и ЕАЭС;
- 4) вернуться в состав Украины;
- 5) согласятся на международный протекторат после ввода миротворцев?

Многое здесь будет зависеть от расклада сил на международной арене, и прежде всего: 1) от позиций украинского «материнского государства» по отношению к своим «выпавшим регионам», пребывающим в состоянии «фактической сецессии» [3], и 2) «государства-покровителя» – РФ, без чьей помощи донбасские самопровозглашенные республики не состоялись бы, но которая пока их официально считает «особыми районами Донецкой и Луганской областей Украины» (ОРДиЛО) [2].

Что касается позиции Украины, то, после прихода к власти там В.А. Зеленского стали предприниматься попытки перенести акценты с военного решения проблемы Донбасса на методы «мягкой силы». Ведутся переговоры по привлечению иностранных инвестиций в инфраструктуру Донбасса. Предлагается снять транспортную и экономическую блокаду ЛДНР. Благоустраиваются КПП на границе Украины и ЛДНР. Зондируется возможность возвращения контролируемых ЛДНР предприятий украинским владельцам...

Однако прочность позиций и степень самостоятельности Зеленского многими экспертами ставится под сомнение, в силу чего Россия, как «стержневое государство» Русского мира, просто обязана не допустить зачистки Донбасса, усилив курс на интеграцию ЛДНР в Русский мир и в евразийское экономическое пространство. И здесь, несмотря на отсутствие официального признания ДНР и ЛНР со стороны России, сделано немало.

С марта 2017 г. действует Интеграционный комитет «Россия – Донбасс». В 2018 г. с целью усиления процессов интеграции Донбасса с РФ в гуманитарных, социальных и культурных аспектах, создания прочных и устойчивых взаимоотношений между общественными организациями Донецкой Народной Республики и субъектами РФ при помощи Фонда «Русский Мир» основан Русский Центр, возглавляемый Д.В. Пушилиным. Важной вехой в интеграции Донбасса в Россию является подписание президентом В.В. Путиным указа об упрощенном получении российских паспортов жителями ДНР и ЛНР [6]. А так как российский лидер не исключил, что в скором времени данная упрощенная процедура будет распространена на всех граждан Украины, так как русские и

украинцы, по его мнению, – один народ [4], то это может быть расценено как заявка на возвращение Украины в Русский мир. Но для этого нужно очень много сделать. И республики Донбасса могут, по мнению А.М. Бабицкого, сыграть здесь важнейшую роль, выступив в «роли локомотива, который когда-нибудь потащит вагоны с украинскими областями в нужном направлении» [1].

Для этого, по мнению авторов, нужно не только восстановить существующие до 2014 года социально-экономические и культурные связи между российской и украинской частью Донбасса, но и придать трансграничным региональным отношениям цивилизационное измерение, позволяющее объединить Донбасс и Украину в едином культурно-цивилизационном пространстве Русского мира.

Список литературы

1. Бабицкий Андрей. «Интенсивная фаза интеграции». Как ДНР и ЛНР связаны с Россией? / Андрей Бабицкий // Украина.ру. 2019. 30 янв. URL: <https://ukraina.ru/opinion/20190130/1022515489.html> (дата обращения: 11.09.2019)
2. Комплекс мер по выполнению Минских соглашений // Официальный сайт ОБСЕ. 2015. 12 февр. URL: <https://www.osce.org/ru/cio/140221?download=true> (дата обращения: 26.08.2019)
3. Попов Ф. Пространственные аспекты деградации и краха суверенного государства / Ф.Попов // МЭМО. – 2014. – №7. – С.78-86.
4. Путин упростил получение гражданства России для украинцев // REGNUM. 2019. 01 мая. – URL: <https://regnum.ru/news/2622628.html> (дата обращения: 28.08.2019).
5. Сальников В.И. Донецкая и Луганская народные республики как проблемные государства: современные реалии и возможные перспективы / В.И.Сальников, Ю.В.Небольсин // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология. – 2017. – №1. – С.105-107.
6. Указ Президента Российской Федерации «Об определении в гуманитарных целях категорий лиц, имеющих право обратиться с заявлениями о приеме в гражданство Российской Федерации в упрощенном порядке» №183 от 24.04.2019. URL: <http://pravo.gov.ru/laws/acts/32/495651.html> (дата обращения: 18.05.2019)

УДК 327.5

ТЕРРОРИЗМ И ПОЛИТИКА

Скворцов Ю.А.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР

Uriy162@gmail.com

Терроризм рассматривается как средство достижения цели, эффективность приобретает различные значения. Некоторые ученые учитывают различные мотивы отдельных лиц в рамках террористических организаций для оценки эффективности террористических организаций.

Терроризм можно считать эффективным, если он приносит пользу его членам. Постоянное выживание организации может также представлять собой эффективность, поскольку терроризм помогает организации изыскивать ресурсы и поддержку, чтобы продолжать свою деятельность.

Главной целью политического терроризма всегда была дестабилизация государственных режимов, возбуждение обеспокоенности у населения из-за незащитности перед лицом насилия, смена государственной власти в стране. Как правило, политический терроризм всегда осуществлялся небольшими политическими группировками.

Политика – это «публичная конкуренция за приобретение, поддержание и расширение государственной власти, понимаемая как способность распределять ценности или принимать решения и действовать на их основе» [1, с. 4].

Грань между конкуренцией и конфликтом, между мирной, справедливой борьбой за голоса с помощью убедительных средств и враждебным антагонизмом, который использует насильственные методы, часто пересекается. Террористические акты обычно, но не исключительно, происходят в контексте политического конфликта. Сам конфликт не является незаконным, а частью человеческого существования и может быть позитивным механизмом социальных и политических перемен. Как выразились немецкие профессора Вольф-Дитер Эбервейн и Свен Хойнаки: «Конфликт имеет решающее значение для интеграции внутри общества и между обществами до тех пор, пока насилие отсутствует, что является одной из основных производительных сил в эволюции отношений внутри общества и между обществами. Если, однако, насилие используется, конфликт является разрушительным» [1, с. 4].

Тот факт, что политические партии иногда выступают в качестве прикрытия для террористической группы или, в качестве альтернативы, что политические партии организуют для себя такие группы, является свидетельством того, насколько партийная политика и террористическая деятельность могут быть связаны в некоторых странах. Терроризм часто имеет место в условиях роста политической напряженности, например, во время выборов. Там, где контроль над государством имеет решающее значение для выживания группы в обществе, поскольку существует мало или нет других ступеней к власти и ресурсам, борьба за получение или поддержание государственной власти ожесточенна.

Терроризм иногда является единственным, а иногда и одним из нескольких инструментов политической стратегии. Хотя существуют неполитические формы терроризма (такие, как преступный или психопатологический терроризм), политические мотивы терроризма часто присутствуют и подчеркиваются аналитиками, а тем более самими террористами. Поскольку террористы, как правило, оспаривают монополию государства на насилие и его способность защищать своих

граждан, террористические акты приобретают политическое значение даже тогда, когда их мотивация носит не политический, а религиозный, криминальный или психопатологический характер.

В политическом конфликте использование терроризма может ограничиваться одной стороной, что придает конфликту заметную асимметрию. Если террористической стороне удастся «втянуть» другую сторону в использование подобной тактики, моральное различие между нападающим и защитником быстро стирается – что имеет очень серьезные последствия для общества.

Часто оппозиция не в состоянии «играть в той же лиге», что и власть имущие. Асимметрия власти может «заставить» его реагировать на другом уровне. Насилию со стороны государства можно противостоять с помощью ненасильственных кампаний по прагматическим причинам (нет оружия), а также по основным причинам (желание сохранить моральную высоту в конфликте, чтобы привлечь международную поддержку). С другой стороны, бывают ситуации, когда государство занимает высокие моральные позиции, а террористы используют провокации из репертуара насильственной политики, чтобы расстроить демократическое правительство. Тот факт, что терроризм чаще встречается в демократических странах, чем в недемократических, свидетельствует о широком использовании этой стратегии [2, с. 272].

Акты политического терроризма совершаются рядом с множеством других политических актов, некоторые из которых являются насильственными, некоторые нетрадиционными, некоторые совершаются самими террористами, некоторые – единомышленниками, но менее жестокими людьми, которые разделяют их цели, не одобряя их методов.

Терроризм может быть не внутренним, а импортированным другими государственными или негосударственными субъектами. Международный терроризм является либо интернализацией внутреннего терроризма другого государства, либо связан с государственным терроризмом или терроризмом, спонсируемым государством. Существует несколько причинных факторов, например поддержка иностранным правительством репрессивного режима может мотивировать членов вооруженной оппозиции подвергаться преследованию представителей общественности иностранного покровителя местного режима. В качестве альтернативы поддержка местных террористических групп используется в качестве средства ведения войны по доверенности государствами, которые не желают или не могут непосредственно участвовать в вооруженном конфликте с другим государством [3, с. 7]. Из-за этой взаимосвязи внутренних и международных политических конфликтов и терроризма изучение второго без изучения первого является методологически некорректным.

Подводя итог, можно констатировать, что большинство, если не все действия, обычно совершаемые террористами, считаются незаконными

международным сообществом. Типичные проявления террористического насилия, такие, как неизбирательные взрывы бомб, вооруженные нападения на гражданских лиц, целенаправленные убийства, похищения людей, захват заложников и угон, считаются уголовными преступлениями в национальном или международном законодательстве.

Хотя преступный характер террористических актов получил широкое признание, большинство наблюдателей признают наличие политических мотивов, лежащих в основе некоторых террористических действий. Две категории – преступность и политика – не исключают друг друга, о чем свидетельствует понятие «политическая преступность», существующее в некоторых правовых рамках. Мотив или намерение преступления может быть «политическим», но само деяние считается «преступным».

Террористов можно и нужно обезвреживать и наказывать, но победить терроризм как явление можно только тогда, когда в обществе создастся такая атмосфера, что и сами террористы, и разделяющие их политические взгляды, поймут, что они являются опасными сумасшедшими. Борьба с террористами должно государство, но победить их может только общество.

Список литературы

1. Вольф-Дитер Эбервейн и Свен Хойнаки Научная необходимость и политическая полезность. Данные о насильственных конфликтах / Вольф-Дитер Эбервейн и Хойнаки Свен // Научный Центр социальных исследований, Документ конференции. – Берлин, 2001. – С. 3-8
2. Pevtsov, G.V. Informatsiyna bezpeka u voyennyi sferi: problemy, metodolohiya, systema zabezpechennya: monohrafiya , Digital printing-house No. 1 / G.V. Pevtsov, S.V. Zalkin, S.O. Sidchenko K.I Khudarkovsky – Kharkiv, 2013. – 272 с.
3. Новикова Г. Сильная стратегия слабых / Г. Новикова //Взгляд из Еревана. – 1999. – № 8(20). – С. 6-10

УДК 930

О ЗАПАДНОЙ ИДЕОЛОГИЧЕСКОЙ ПРОВОКАЦИИ ПРОТИВ СССР ПО ВОПРОСУ «НАЧАЛО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ»

Там Хок Чиу

Пекинский университет, г. Пекин, КНР
Volodja1217@gmail.com

Начало Второй Мировой Войны и история войны до сих пор остаются актуальным и спорным вопросом в научных исследованиях в России, Китае и странах Запада, но основные споры по этой теме до сих пор не разрешены. Данная проблемы стала полем информационной борьбы за историческую память.

Термин «Вторая Мировая Война» является искусственным политико-идеологическим продуктом западных держав и не совсем соответствуют реальной истории [1, с. 3-20]. В годы Холодной Войны западные исторические и пропагандистские работы публиковались не ради научных результатов и анализа вышеуказанных вопросов, а для создания антисоветской политико-идеологической базы по использованию истории.

Механизм идеологической провокации в первую очередь заключался в умалении достижений СССР в военный период, чтобы в дальнейшем отказаться от его вклада в Победу. Для реализации этой цели, согласно «научной логике» необходимо было доказать, что помимо Гитлеровской Германии, СССР также был сообщником Третьего Рейха или одним из «главных виновников» начала Второй Мировой Войны в связи с Договором о ненападении с Германией. А британо-французский блок, в свою очередь, старался всей своей силой, чтобы сохранить мир в Европе и остановить возможную войну.

На основе исследования можно сделать следующие выводы. Концепция и термин «Вторая Мировая Война» на самом деле являются искусственной политической и идеологической продукцией в напряжённой борьбе между СССР и Западом в послевоенный период. История показывает, что в 1940-е годы в западных официальных документах и книгах вообще не использовался этот термин. Потом стало ясно, что формулирование термина «Вторая Мировая Война» реализовалось больше всего не только на базе Америцентризма (Americentrism) и Европоцентризма (Eurocentrism), но и в связи с формированием систематической антисоветской идеологии. Тем более, что ещё при И. В. Сталине советские историки уже сформулировали тезис, что начало активных военных действий в Европе относится к Гражданской Войне в Испании или захвату Чехословакии Третьим Рейхом после Мюнхенского соглашения. Война, таким образом, началась совсем не с 1 сентября 1939 г. после того, как немецкие войска напали на Польшу. Фактически, только в послевоенный период по всему миру постепенно была принята концепция «Второй Мировой Войны» как исторический, военный и политический термин. Однако, в историческом нарративе посвященном Второй Мировой Войне, западные историки и пропагандисты во многом негативно и враждебно относились к И.В. Сталину и СССР не только в связи с Холодной Войной, но и с колоссальными для Советского Союза результатами после захвата Берлина. Это очень сильно беспокоило и даже «возмушало» западных политиков.

Приходится констатировать, что научными спорами о начале Второй Мировой Войны воспользовались западные историки (фальсификаторы) и пропагандисты как оружием в идеологической провокации против СССР в годы «Холодной Войны». Однако, основные научные вопросы, соответствующие историческим событиям, до сих пор не были разрешены

на базе оригинальных архивных материалов. Проанализировав документы, можно сказать, что так называемые западные историки главным образом уделяли только внимание экспансионистским планам А. Гитлера и Третьего Рейха, а также советско-германским отношениям и Договору о ненападении. Главная цель, очевидно, заключалась в попытке обвинить СССР в развязывании войны наравне с Германией. Однако, при этом они сознательно не уделяли внимания важным событиям в европейском кризисе 1938—1939 гг., специально игнорируя действия Британии, США и Франции за кулисами политики умиротворения. На Западе, в годы Холодной Войны было очень мало историков, таких как А. Дж. П. Тейлор [2], которые сумели обоснованно критиковать политизированный процесс фальсификации истории.

Список литературы

1. Волков Ф. Д., За кулисами Второй Мировой Войны, М., изд. Мысль, 1985, 303 с.
2. Taylor A. J. P., The origins of the Second World War, American edition, New York, Atheneum, 1983, 296 p.

УДК 32.019.51

ОСОБЕННОСТИ ПРИВЛЕЧЕНИЕ МОЛОДЁЖИ К ПАТРИОТИЧЕСКОМУ ДВИЖЕНИЮ В ГЕРМАНИИ

Тимофеева И.И.

Память ради Будущего, Кёльн, Германия, ФРГ
prb.koeln@gmal.com

Введение. В Германии в настоящий момент проживает примерно 10 миллионов русскоязычных граждан.

Смена поколений среди российских соотечественников, проживающих в Германии, делает актуальным вопрос о привлечении новых поколений молодых соотечественников, родившихся в Германии к патриотической деятельности в области сохранения Памяти и Наследия, а также, разработки для них определённых поведенческих стратегий.

Цель. Обобщение практического опыта в организации патриотических акций и мемориальной работы в Германии среди молодого поколения российских соотечественников, выявление практических проблем в области разрешения конфликтных и адаптивных ситуаций.

Основная часть. В канун 70-летия Победы в мае 2015 года в Кёльне образовалась инициативная группа, готовая проводить практическую работу по организации торжественных и памятных мероприятий, развитию патриотической и мемориальной деятельности среди российских соотечественников.

Всех участников группы объединяло желание организовывать и проводить такие мероприятия ежегодно, и общая цель: сохранение преемственности поколений, привлечение молодёжи, чтобы молодое поколение переняло эстафету и продолжили традиции старшего поколения.

Инициативная группа получила название «Память».

Группа «Память» стала ухаживать за могилами русских солдат, проводить субботники на разных кладбищах, отмывать старые обелиски, надгробные камни, плиты и находить по возможности имена погибших русских воинов на территории Германии, устанавливать связь с их родственниками из стран бывшего Союза.

В июне 2018 года инициативная группа разделилась, и из неё выросли две общественные организации: «Память», зарегистрированная в Дюссельдорфе и «Память ради будущего», зарегистрированная в Кёльне. Каждая организация работает в своём направлении, но мы делаем одно общее дело.

Большой толчок развитию патриотической и мемориальной деятельности дало участие «Память ради будущего» в организации и проведении Шествия Бессмертный полк в Германии.

Разделяя Устав Полка, нам нужно было решать ряд непривычных для российских координаторов Бессмертного полка организационных проблем:

- привлечение на Шествие Бессмертный полк молодежи, родившейся в Германии, или которая переехала сюда ещё совсем маленькими и имеющая уже совсем другой менталитет;
- сохранение традиции празднования Дня Победы в Германии, где этого праздника нет, а есть День Памяти, который проводится 8 мая;
- взаимодействие со старшим поколением, преодоление имеющихся у этого поколения имеющихся фобий;
- отстаивание патриотической символики шествия Бессмертного полка и согласование её использования в местах дислокации и построения Бессмертного полка;
- обеспечение адвокатского сопровождения при проведении акции Бессмертный полк в согласованных местах.

Особенностью организации и проведению Шествия Бессмертный полк в Кёльне является то, что местом его дислокации и маршрутом Шествия является местные кладбища, на которых имеются захоронения советских солдат.

Требования со стороны местной администрации, связанные с запретом на использование символики Победы советского народа в Великой Отечественной войне на немецких кладбищах превращают День Победы и прохождение Бессмертного полка из Праздника в Панихиду.

В таких условиях возникает проблема преодоления конфликтных ситуаций и их трансформация в адаптивные.

Заключение. Развитие патриотической и мемориальной деятельности среди молодого поколения российских соотечественников требует не просто организационных усилий и инициатив со стороны общественных организаций, но и необходимость учета адаптивных потребностей молодого поколения, разработки поведенческих стратегий для разрешения адаптивных ситуаций, предотвращения возникновения конфликтных и протестных ситуаций.

УДК 316.77

ПЕРЕПИСЫВАНИЕ ИСТОРИИ КАК ТЕХНОЛОГИЯ МАНИПУЛИРОВАНИЯ МАССОВЫМ СОЗНАНИЕМ

*Туарменский В.В.*¹, канд. пед. наук,
*Туарменский А.В.*²

¹ФКОУ ВО «Академия права и управления ФСИН России», г. Рязань, РФ

²ФГБОУ ВО «Рязанский государственный университет им. С.А. Есенина», г. Рязань, РФ
tuarmensky@gmail.com

Тема манипуляции сознанием в условиях информационного общества остаётся на протяжении последних десятилетий одной из наиболее актуальных проблем политической науки. Методы манипуляции сознанием масс появились на ранних этапах развития человеческой цивилизации, однако именно в XX веке механизмы их применения были доведены до впечатляющих показателей эффективности. Этому способствовал ряд взаимосвязанных процессов. Во-первых, это развитие фундаментальной и прикладной науки. Труды психологов, социологов и политологов заложили, с одной стороны теоретические основы понимания процессов манипуляции сознанием, с другой – «предложили» кругу заинтересованных лиц прикладные разработки для «улучшения» имевшихся методов манипулирования. Во-вторых, появился новый, более совершенный и разнообразный инструментарий воздействия на массы: кинематограф, радио, телевидение и Интернет [5]. В качестве мощных катализаторов развития технологий манипулирования выступили: Первая и Вторая Мировые войны и менее кровавая, но более длительная – Холодная война. Именно в рамках последней войны обкатывались механизмы влияния на население потенциального противника. Исключая постоянные локальные горячие конфликты, возникавшие в точках столкновения интересов противостоящих общественно-политических систем, информационная борьба не прекращалась, а лишь приобретала всё новые и более изощрённые формы. Уход великого противостояния систем оставил в руках специалистов богатый инструментарий манипуляции сознанием, который продолжает использоваться по всему миру.

Переписывание истории представляет собой целенаправленный процесс разрушения исторического знания, переоценки исторических событий и переосмысления роли субъектов исторического процесса. Фальсификация истории стара как мир. Первые попытки изменения истории исследователи обнаружили ещё в Древнем Египте. Примерами являются отношение потомков к деяниям Хатшепсут и Эхнатона. Отечественная история изобилует такими примерами. Историческая наука претерпевала колоссальные изменения не только в узловые моменты смены общественных формаций (1917 и 1991 годы), но и при изменении политического руководства страны. В этом случае приходит на ум высказывание академика М.Н. Покровского: «История – это политика, опрокинутая в прошлое». И хотя этому высказыванию уже почти 100 лет (1928 г.), его актуальность для исторической науки трудно переоценить. Нас интересует современное состояние переоценки истории и его влияние на массовое сознание.

Профессор А.Н. Ланьков предлагает возможные направления переписывания истории. Первое направление касается обоснования древности народа, поисков его корней среди великих этносов и цивилизаций. Второе направление обосновывает автохтонность народа на данной конкретной территории, а существование других этносов и цивилизаций на ней замалчивается. В рамках следующего направления создаются мифы об отторгнутых ранее территориях, которые необходимо вернуть историческому хозяину. И последнее направление фальсификаций касается замалчивания положительного иностранного влияния на развитие данного народа. Все иностранные заимствования считаются вредными. Параллельно формируется образ опасного и враждебного окружения.

Такой тип переписывания истории характерен для большинства государств постсоветского пространства, где декларированный ранее коммунистический интернационализм сменил пещерный национализм.

Более сложные механизмы переписывания истории применяются в США. По объективным причинам население страны (за исключением индейцев) не является автохтонным и данное государство не потеряло никаких территорий. А, в остальном, переписывание истории работает и в Соединённых Штатах. О трансформации образа врага №1 можно наблюдать пересматривая знаменитую Бондиану.

Как можно описать фальсификацию истории с точки зрения теории коммуникации? Выделяется несколько подходов. К ним следует отнести: модель процесса убеждения В. МакГайра, модель рациональных действий М. Фишбейна и И. Айзена, теорию социального влияния Г. Келмана и К. Ховланда. В числе основных подходов, исследующих влияние средств массовой информации на общественное мнение, необходимо назвать: теорию «определение повестки дня» М. Маккомбса и Д. Шоу, концепцию «спирали молчания» Э. Ноэль-Ньюмана и др. [6]. Среди отечественных

исследователей следует отметить работы Г.Г. Почепцова, В.А. Сороченко и С.Г. Кара-Мурзы [1,2,3].

Метод переписывания истории в отечественной литературе относится не к кратковременным, инструментальным методам, а к социальным технологиям терминального плана, нацеленным на далёкую перспективу. Этот факт хорошо иллюстрирует В. Сороченко на примере США [3]. В отличие от стран, занимающихся переписыванием национальных историй, США, являющаяся мировой державой занимается искажением истории в планетарных масштабах. Эта страна использует богатейший инструментарий, начиная от Голливуда, заканчивая некоммерческими организациями и фондами, функционирующими практически во всех странах мира. Данный потенциал «мягкой силы» является важнейшей составляющей мирового господства США [4]. Благодаря Голливуду весь мир узнал, что Рэмбо выиграл войну во Вьетнаме, а спасение рядового Райана переломило Вторую Мировую войну. Именно подобные блокбастеры со временем сформировали убеждённость населения многих стран мира о решающем вкладе США в победу над фашизмом (о чём свидетельствуют социологические опросы). Такая точка зрения практически восторжествовала в странах Восточной Европы, находящихся в информационном поле Запада. Следствие этого становятся однопорядковые события на Украине, где уничтожаются все напоминания о России и СССР, снос памятников советским воинам в Польше и розовая краска на монументе маршалу И. Коневу в Праге.

Мы установили, что в современном информационном мире, благодаря новейшим достижениям глобальной коммуникации, существует опасность массового манипулирования сознанием в планетарном масштабе. Переписывание истории является коммуникативной технологией, направленной на разрушение объективного исторического знания и обесцениванию исторической науки.

Список литературы

1. Кара-Мурза С.Г. Манипуляция сознанием / С.Г. Кара-Мурза – М.: Эксмо, 2004. – 832 с.
2. Почепцов Г.Г. Психологические войны / Г.Г. Почепцов – М.: Омега-Л, 2007. – 528 с.
3. Сороченко В.А. Энциклопедия методов пропаганды / В.А. Сороченко. – М.: ПСИ-ФАКТОР, 2004. – 160 с.
4. Туарменский В.В. Ресурсы мягкой силы России / В.В. Туарменский // Наука и образование XXI века: Материалы X-й международной научно-практической конференции. – Рязань, 2016. – С. 53-55.
5. Туарменский В.В. Роль СМК в образовании и профессиональном выборе молодёжи / В.В. Туарменский // Наука и образование XXI века: материалы II-ой Международной научно-практической конференции. – Рязань, 2008. – С.83-88.
6. Туарменский В.В. Массовая коммуникация и PR: Учебное пособие / В.В. Туарменский, И.С. Косорукова, Р.А Чубарь. – Рязань: Изд-во РГПУ, 2005. – 184 с.

ПАТРИОТИЗМ В ФИЛОСОФСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ И.А. ИЛЬИНА И С.М. ВОЛКОНСКОГО

Хахалева Ю.Р., Багликова М.С., канд. ист. наук, доцент
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР
marina_baglikova@mail.ru
juliawelsh7@gmail.com

В науке и общественно-политической мысли еще не сформировалось точного определения понятия «патриотизм», что зачастую приводит к искажению сущности данной категории. В зависимости от доминирующей идеи в обществе, политического режима и других условий, сформировавшихся в государстве, патриотизм приобретает ту форму и содержание, которые на данный момент представляются наиболее выгодными. Изначальное понимание патриотизма «размывается», что позволяет манипулировать обществом, насаждая заведомо ложные представления о долге и Родине.

В связи с этим, необходимо обратиться в прошлое, когда патриотизм рассматривали не в качестве искусственно выращенного чувства, а как неотъемлемый компонент духовной жизни отдельного человека и народа в целом. Особенную роль здесь сыграла русская эмиграция, представители которой с ещё большей ответственностью подходили к осмыслению патриотизма, поскольку на собственном опыте смогли осознать его глубинные проявления.

Взгляды русского философа-эмигранта И. А. Ильина представляют особый интерес, поскольку даже будучи «в изгнании» он продолжал изучать судьбу русского народа и самобытность России. Философ был выслан в 1922 году, однако, несмотря на это, он сохранил свою приверженность идеям славянофильства. Важное место в его работах занимает вопросы осмысления патриотизма, который он трактовал, прежде всего, как духовную связь с родиной, как естественно возникающее чувство, а не предписанное и обязательное. Не менее значимые рассуждения о природе патриотизма представлены и в работах русского театрального деятеля и литератора С. М. Волконского, который в 1921 году вынужден был эмигрировать в Италию. Ещё во времена своей преподавательской деятельности (1918-1921 гг.) он тесно общался с И. Ильиным, прежде всего, на почве общих представлений о важности «свободы мышления и свободы его выражения», что, в конечном счёте, позволило ему сформировать собственное видение о патриотизме, народе и Родине.

И. Ильин писал о том, что Россия нуждается во вдохновляющей национальной идее, которая может стать двигателем развития общества и

государства в целом. По словам автора, для этого необходимо «вновь утвердить свой национальный духовный лик». Эту задачу суждено решить не одному поколению, однако, философ был убеждён, что данная цель всё же будет достигнута [3, с. 185]. С. М. Волконский также писал о некоем двигателе самосовершенствования общества, которым, по его мнению, может стать самокритика и способность конкретной народности адекватно воспринимать свои недостатки, а не слепо идеализировать родину. «Патриотизма без критики я не понимаю, все равно как не понимаю настоящей народной литературы без сатиры. Считаю, что сильна та народная сущность, которая рядом с болезнью, из своих же недр родит и врачевание» [1, с. 116].

Патриотизм И. А. Ильин осмыслял через призму своеобразия, самобытности России, её культурных особенностей и специфики национального сознания. Он настаивал на том, что русский народ не нуждается в заимствованиях, в поисках чужеродных содержаний и смыслов. По его мнению, именно патриотизм является катализатором «русского содержания» и «русской формы», а также залогом сохранения культуры [3, с. 196]. В то же время Ильин критиковал своих оппонентов, которые называли идею патриотизма несостоятельной. По его мнению, главная ошибка заключается в ложном понимании «родины», под которой понимается территория, климат, язык, быт и другие эмпирические условия жизни. На самом деле, по мнению И. А. Ильина, «родина есть нечто от духа или для духа». Только после того, как исторические, природные и кровные связи приобретают духовное значение, можно говорить об истинном патриотизме [3, с. 232]. В связи с этим он выводит принципиально важное положение: поскольку любовь к родине коренится в глубине души, а соответственно каждый человек самостоятельно и самобытно переживает подлинное обретение родины, то навязываемый патриотизм является недопустимым. И.А. Ильин писал: «Никто не может предписать другому человеку его родину – ни воспитатели, ни друзья, ни общественное мнение, ни государственная власть, ибо любить, и радоваться, и творить по предписанию вообще невозможно» [2, с. 178]. Согласно его представлениям, главная задача воспитания заключается не в том, чтобы насильно прививать ребёнку любовь к отечеству, а пробудить в нём настоящий патриотизм, который, прежде всего, заключается в готовности, способности и потребности доказывать свою любовь к Родине реальными делами [2, с. 180].

С. М. Волконский, рассуждая о природе патриотизма, убеждён, что в случае утраты родины физически, перед человеком открывается возможность её метафизического обретения. Здесь его размышления в чём-то схожи со взглядами И. А. Ильина о связи патриотизма и духовного начала отдельного человека. По мнению С. М. Волконского, при переходе в метафизическое состояние родина «лишается узости земных границ и

получает беспредельность личного сознания, отрешаясь от земных условий, от привязанности к месту...» [1, с. 55].

Путь обретения метафизической родины, таким образом, становится и способом самопознания, формой обретения метафизического «Я», а с ним – и того живительного начала духовности, с которым – как это отмечал ранее И.А. Ильин, – сопряжена самая идея родины.

Таким образом, философские работы И. А. Ильина и С. М. Волконского являются источником осмысления такой актуальной категории как патриотизм. Их взгляды во многом могут поспособствовать формированию более глубокого понимания данного явления, которое в своём истинном значении проявляется не в искусственных конструкциях и понятиях, создаваемых по воле государства или общества, а на уровне духовного состояния отдельного человека.

Список литературы

1. Волконский С. М. Мои воспоминания: В 2 т. Т. 2. / С. М. Волконский. – М.: Искусство, 1992. – 380 с.
2. Ильин И. А. Путь духовного обновления / И. А. Ильин. – М.: Институт русской цивилизации, 2011. – 211 с.
3. Ильин И. А. Путь к очевидности / И. А. Ильин. – М., 1993. – 432 с.

УДК 327

ГЕНЕЗИС И ЭВОЛЮЦИЯ РУССКОЙ РУСОФОБИИ КАК «САМОНЕНАВИСТНИЧЕСТВА»

*Цяцько В.А., Муза Д.Е., д-р филос. наук, профессор
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР
Vlad.tsyatsko@mail.ru*

Русофобия данное слово все чаще и чаще начинает встречаться в последнее время. Кажется, есть все основания полагать, что дело не в новомодном понятии, а актуальности международной и общественной жизни, которые данным словом могут быть описаны. Как ни странно попыток осмысления данного явления было сделано не так уж и много. Зато есть обширный фактический материал, с которым мы имеем дело. До этого же тема русофобии, как в официальных идеологиях, так и общественной жизни была как бы неприличной или же сказать запрещенной, и уже начиная в 1990-е и 2000-е гг. начали говорить все активнее и уделять все большее внимание. Чаще употреблять его стали и политики.

Актуальность данной темы обусловлена нарастанием русофобских заявлений среди русских людей иногда весьма почитаемых. Раньше они говорили нам, и они, действительно, так считали, что в России им

ненавистно бесправие, отсутствие свободы печати и т.д., и т.п., что потому именно они так нежно любят Европу, что она, бесспорно, обладает всем тем, чего нет в России. А что мы видим ныне? По мере того, как Россия, добиваясь большей свободы, всё более самоутверждается, нелюбовь к ней этих господ только усиливается. И наоборот мы видим, что нарушения в области нравственности, правосудия, и даже цивилизации, которые происходят в Европе, ничуть не уменьшили к ней пристрастия.

Цель – раскрыть сущность «самоненавистничества» как русской русофобии.

Говоря о русофобии невозможно пройти мимо темы русской русофобии. Впервые термин русофобия в качестве научного понятия выводил Ф.Тютчев в своем письме 20 сентября 1867 года на французском языке к своей дочери. Так, по мнению некоторых исследователей, он противопоставлял русофобии панславизм. Все же само слово русофобия употреблялось еще в 1844 году П.А.Вяземским в тексте по поводу книги Кюстина «Россия в 1839 году». Цитаты Ф. Тютчева дочери которые как раз были посвящены данной теме, о ней же аналогично написана монография Игоря Шафаревича ставшая классикой. Существует очень хорошее слово, которое точно подчеркивает ее это – самоненавистничество. О существовании в России самоненавистничества говорится в журнале Тим Керби утверждающей об особенной религии самоненависти»: Чем больше я живу в России, тем больше я вижу, русские как никакой другой народ больше всего ненавидит свой собственный. Для тех русских, которые ненавидят сами себя, факты ничего не значат – они являются членами Церкви этнической неполноценности [11]. Видение такой картины жизни в собственной стране, можно видеть как некое религиозное явление, отметить специфические формы верований.

Данное явление начинает проследиваться в первой половине XIX века, активно обсуждается в русском обществе, здесь же появляются как критики, так и сторонники самоненавистничества. Пушкин упоминает о сторонниках данной идеи, он пишет: Свой разум осветил ты просвещением, и правды чистый лик увидел ты, и чуждые народы возлюбил, и мудро свой возненавидел. Достаточно выражено эти настроения о себе заявляют во времена польского восстания 1830-1831гг. Очень четко Пушкин подмечает свойство русского самоненавистничества это нежная любовь по отношению к другим народам. Проще говоря, здесь мы видим проявление враждебных настроений, ненависти и неприятия своего, и в то же время обратное состояние происходит в отношении других народностей, можно расценить как весьма специфичное психологическое состояние. Не удивляет тот факт, что такое видение присуще для людей, которые определяют себя как западников. О таких людях можно сказать как о западноверующих, на деле происходит ориентация не на определенную европейскую культуру или историю

западного опыта, а на абсолютно нерациональную мечту о великолепном и просвещенном Западе, на идеальный образ Запада, появившийся в русской послепетровской культуре. Можно утверждать, что русская русофобия хоть и имеет свои собственные особенности, как особое местное явление но, прежде всего, напрямую исходит от западной русофобии и есть ее прямым перенятием. В частности по мере того как начинает воспринимать русофобские идеи российское интеллектуальное общество и формируется самоненавистничество. После активных действий Польши XVII в. ее культура все больше начинает проникать в высшие слои русского общества, во второй половине во времена Петра I происходит практика отправлять учиться дворянских детей на запад, в России начинает складываться особый тип русского культурного человека, который отчуждается от собственной культуры в пользу западной. Именно тогда и происходит формирование русской русофобии как местного явления.

Это можно расценивать как особое сочетание двух культур, и мышления, как русских, так и западных традиций, происходит смешивание двух цивилизаций, которые в конечном итоге ведут к неизбежному конфликту. Человек видит себя в свете сомнения о себе как о колонизаторе, человеку который взирает на восточную культуру, и аборигена которого пытаться колонизировать, подчинить себе, вести просветительскую работу, насаждая свой образ жизни быт, культуру, традиции и т.д. Такое состояние двойственности сознания русской интеллигенции в полном объеме соответствует как государственности, так и формам русской жизни, колонизируя как бы саму себя. Данную черту мышления хорошо показывал, Борис Гройсрусский интеллигент расколот на некое «Европейское сознание» и его «русское иное» так если Руссо погружался в мечты об индейцах, Гоген о полинезийцах, германская философия об индийцах, Пикассо об африканцах и т.д. То объединил все воедино русский интеллигент ставший кентавром из Шопенгауэра и индеец, Руссо и индеец, Пикассо и африканец. На экспансию Запада Россия отвечает самоколонизацией, самоокупацией и самоевропеизацией [5, с. 251-252]. Таким образом, русский интеллигент похож на расколотое, надвое русское подсознание и западное сознание.

Западный взгляд, на Россию имеющий большое количество русофобских идеологов, входит в нашу традицию, тем самым срастаясь с ней становясь неотделимым от нее. Многие русские люди воспринимают господствующие исторические версии России как неприемлемые, исходя из своих русских культурных ценностей. Среди хороших историков происходит в итоге понимание о необходимости создания других трактовок и других моделей. Более простой и совершенно естественный ход мыслей это просто взять и возненавидеть собственную историю. Во многих случаях русофобские настроения связывают с принятием среди населения России любой западной идеологии, впоследствии

отождествление, с которой становится первоочередным. Здесь можно привести в пример как русских коммунистов, так и русских нацистов и русских либералов. В свое время об такой мысли Ленин делал совершенно обычные заявления: О необходимости ему решительно протестовать против, подражания западноевропейцев методам полуварваров русских. Г.А. Соломон в своих воспоминаниях написал рассказ о словах вождя пролетариата: «Дело не в России, на нее, господа хорошие, мне все равно, это всего лишь этап, через который мы следуем к мировой революции» [22, с.5]. Троцкий так же в свою очередь был резким в своих суждениях, но в отличие от Ленина, он никогда не был свойственен русской идентичности. В России людям, не перечисляющим по определенной причине себя к русской идентичности, намного проще в плане того что они могут спокойно делать русофобские заявления, при этом не чувствуя за собой вины, тем самым не обращая на них никакого внимания. При этом они живут в русском окружении, оказывая определенное влияние на него. Что самое примечательное, большинство по итогу приходит к мнению, мол, что им стыдно быть русским! как когда то, заявлял Герцен, восклицая во время польского восстания.

По отношению к западной русофобии, русская ничуть не слабее. В большинстве случаев она даже намного радикальнее, тем самым достигая крайней формы, среди которых расизм. Академик С.Б. Веселовский произнес известные слова: «Из года в год, помалу у меня формировалось убеждение, о том, что русские не только культурно отсталые, но и низшая раса» [3, с. 94]. Как мы знаем на просторах интернета много всего интересного, в том числе и игры. Так можно найти игру, где нужно подбирать русофобские цитаты. Читателю приходится постоянно угадывать, кому принадлежали данные слова. По итогу можно сказать, что угадать не так то и просто. В одной из своих книг «Энциклопедия русской души» В. Ерофеев пишет хорошо известные пассажи о русских, от лица лирического героя «Русских надо бить палкой. Русских необходимо расстреливать. Русских нужно размазывать по стенам. Или они перестанут быть русскими» [9, с. 167-168].

Таким образом, можно сказать, что русофобская идеология имеет единую внутреннюю целостность и логичность, со временем за полтысячелетия остается почти неизменной, так допустим, все это мы без особых трудностей можем прочесть и увидеть в работах Герберштейна Сигизмунда и других польских авторов XVI–XVII веков. Такое видение и учение о России распространяется по всему земному шару, которое так же покоряет сердца и головы некоторых жителей России. Так некоторая открыто русофобская информация, становится, к сожалению частью самосознания и информационной среды современных русских. А потому русофобскую идеологию следует тщательно осмыслить и вести активную борьбу, ибо русофобия это явление, которое возникло с возрождением

русской государственности в XV–XVI веках, и по сегодняшний день не имеющая каких-либо преград в ее распространении и даже наоборот потому такое положение дел требует изменений.

Список литературы

1. Веселовский С.Б. Из старых тетрадей. Страницы из Дневника. 1917-1923 В. С. Веселовский. Встречи с И.А. Буниным в 1917 году; Итог революции и гражданской войны / С. Б. Веселовский – АИРО-XX – Москва, – 2004. 94 с.
2. Гройс Б.Е. Россия как подсознание Запада // Б. Гройс Утопия и обмен. – Москва: 1993. –251–252с.
3. Ерофеев В.В. Энциклопедия русской души. – Москва, 2002. –167–168 с.
4. Керби Т. Б. Религия самоненависти // 18 июля 2012 [Электронный ресурс]. – Режим доступа:<http://www.rosbalt.ru/blogs/2012/07/18/1012601.html> (дата посещения: 04.09.2018).
5. Соломон Г.А. Среди красных вождей: Т.1. Осмысление века: кремлевские тайны / Г.А. Соломон. – Москва: Современник, 1995. – 5 с.

УДК 323

ИНФОРМАЦИОННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ ВОЙСК И ЗАЩИТА ЛИЧНОГО СОСТАВА ОТ НЕГАТИВНОГО ИНФОРМАЦИОННО- ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ

Шатрова Л.Г., Писарева А.В.

ГОУ ВПО «Донбасская юридическая академия», г. Донецк, ДНР

lida.shatrova@yandex.ru

Взаимосвязь информационного фактора и военного дела известна и прослеживается с давних времен. Боевые действия войск исторически сопровождалось информационным прикрытием. Уже в древности воюющие страны прибегали к военным хитростям, стремились запугать врага, ввести его в заблуждение о времени и месте военных походов. Широко распространялись слухи о превосходстве своих сил, о храбрости своих воинов или наоборот преуменьшались. Нередко такая тактика позволяла одержать победу с наименьшими затратами человеческих и других ресурсов.

Тот факт, что мы живем в условиях информационной войны уже давно никем не оспаривается. В целом, информационная война представляет собой действия, предпринимаемые в целях достижения информационного превосходства путем воздействия на информацию, основанные на информации процессы, информационные системы и компьютерные сети противника, при одновременной защите своих собственных, основанных на информации процессов, информационных систем и компьютерных сетей [1].

Современная научно-техническая революция произвела подлинный переворот в информационной борьбе военных блоков, специализированных разведывательных управлений: активно и глобально стали проводиться психологические операции, развивается радиоэлектронная борьба, интенсивно внедряются новые информационные технологии в киберпространстве, и все более масштабными становятся последствия. Правовое регулирование в этой сфере осложняется тем, что НПА по кибербезопасности разрабатываются гораздо медленнее, нежели технологии.

В связи с этим актуализируется проблема обеспечения информационной безопасности, разработки и внедрения действенных методов защиты вооруженных сил государства, потому как это является частью национальной безопасности страны.

Под информационной безопасностью принято понимать состояние защищенности жизненно важных интересов граждан, общества и государства в информационной среде. В свою очередь, информационная среда общества – это совокупность информационных ресурсов, система формирования, распространения и использования информации, информационной инфраструктуры.

В «Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года», утвержденной указом Президента РФ в мае 2009 г., и федеральных законах от 28 декабря 2010г. N 390-ФЗ «О безопасности» и от 28 июня 2014г. N 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» отражены и указаны способы борьбы с угрозами информационной безопасности, в том числе и по повышению уровня защищенности корпоративных и индивидуальных информационных систем, но, как обычно, в реальности реализация положений сталкивается с рядом материальных, технических сложностей и пресловутым человеческим фактором [4].

Недостаточная защищенность информационных ресурсов приводит к утрате важной политической, экономической, научно-технической и, что особенно важно, военной информации.

Военная информация – сведения военного характера, а также процесс их передачи и получения, а именно сведения, касающиеся военной доктрины и военно-экономического потенциала государства, строительства вооруженных сил и их боевой готовности, количества, состава, состояния войск (сил), их боевых возможностей, способов и условий ведения боевых действий, состава мобилизационных ресурсов, количества, качества и перспектив развития военной техники и вооружения, а также уровня и тенденций развития военного искусства [2].

Эффективность работы по защите личного состава от негативного информационно-психологического воздействия и противодействию психологическим диверсиям противника будет в решающей степени зависеть от того, насколько удастся командирам (начальникам), офицерам

по воспитательной работе на практике реализовать принципы упреждения, доходчивости и эмоциональной насыщенности проводимых мероприятий.

Мобильная связь давно является неотъемлемой частью жизни современного человека. Но в случае с военными, есть угроза того, что приватное общение по мобильному телефону, переписки в социальных сетях и мессенджерах могут быть использованы умышленно или непроизвольно во вред государственным интересам. Группой риска в данном случае, авторы считают в первую очередь переменный состав вооруженных сил. Люди, временно имеющие отношение к военным подразделениям, к примеру солдаты-срочники, временно наёмные, зачастую не идентифицируют себя с вооруженными силами в полном значении. Поэтому часто относятся к уставным требованиям формально.

Защита личного состава от психологических операций противника может быть представлена как система мероприятий по прогнозированию, профилактике, оценке, срыву информационно-психологического воздействия противника на наши войска и население и ликвидации его негативных последствий. На сегодняшний день разработан ряд основных направлений защиты личного состава от негативного информационно-психологического воздействия со стороны противника, но выработать эффективные способы информационной защиты от «самих себя» оказывается гораздо сложнее.

В ДНР вопрос информационной безопасности стоит в ряду наиболее значимых и актуальных. В условиях непрекращающихся военных действий, активной работы диверсионных групп противника государственными органами и ведомствами постоянно ведется работа по усовершенствованию систем информационной безопасности, как населения, так и военного контингента республики, созданы специальные органы (МГБ, Комитет НС по внешней политике, международным связям, информационной политике и информационным технологиям), которые занимаются обеспечением защиты конституционных прав граждан на защищенность от внутренних и внешних информационных угроз.

По мнению авторов, путь к решению проблемы обеспечения информационной безопасности для РФ и ДНР лежит в плоскости повышения уровня гражданской и правовой культуры населения в общем, улучшения уровня жизни, в комплексной работе по углублению уровня патриотических чувств, методичной деятельности государства по укреплению имиджа вооруженных сил, а также в систематическом контроле за освоением выделяемых государством средств на обеспечение войск и личного состава специализированными средствами связи, защиты, а также обучение и повышение квалификации старшего и высшего военного руководства.

Список литературы

1. Зинченко Ю.П. Информационно-психологическое противоборство в войне: история, методология, практика./ Ю.П. Зинченко. – М.: МГУ, 2007. – 72 с.
2. Коротченко Е.Г. Информационно-психологическое противоборство в современных условиях / Е.Г. Коротченко. – М: Военная мысль, 2012. – 123с.
3. Фоменко П.П. Морально-психологическое обеспечение боевых действий войск (сил)/ П.П. Фоменко. – Екатеринбург, 2013. – 43 с.
4. «Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года», утв. указом Президента РФ в мае 2009 г. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://rg.ru/2015/12/31/nac-bezopasnost-site-dok.html>

УДК 308

ИНФОРМАЦИОННОЕ ПРОТИВОБОРСТВО В ПЕРИОД ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ: ОПЫТ ДЛЯ СОВРЕМЕННОСТИ

Штода Д.А., Писарева А.В.

ГОУ ВПО «Донбасская юридическая академия», г. Донецк, ДНР
linekiv@ukr.net

В современном мире, известно, что любая война помимо реальных боевых действий сопровождается работой на информационном фронте – пропагандой, распространением слухов, дезинформацией армии. Вторая мировая война подвергла проверке жизнеспособность теоретических положений об эффективности умелого организованного информационно-психологического воздействия на войска и население противника [4].

Именно в ходе Второй мировой войны происходит рывок в совершенствовании методологии применения информационного ресурса как отдельного вида военных действий.

В этот период «работа» с массовым сознанием во внутренней и внешней политике ведущих мировых держав приобретает новый сущностный статус, о чем свидетельствует институционализация на высшем государственном уровне. В США – «Управление военной информации», в Германии – «Министерство народного просвещения и пропаганды», в Великобритании – «Управление специальных операций», в СССР – «Управление пропаганды и агитации» ЦК ВКП(б) и «Отделение по работе с войсками противника Главного политического управления РККА» [2].

В основу информационного воздействия была положена пропаганда и контрпропаганда, которая выстраивалась на создании мифических образов лидеров, армий и государств, дезинформации населения, «черной пропаганде» и т.д. В спектр средств входили – печатная продукция, радиовещание, наглядная агитация.

Успешный опыт применения психологических методов борьбы с противником, полученный в ходе Второй мировой войны, заложил основу теориям и практике информационных, гибридных войн современности.

По сути, содержание сохраняется то же, меняются только формы и каналы передачи информации. На сегодняшний день, мы можем говорить о том, что пропаганда и контрпропаганда как способы влияния на общественное мнение не просто не утратили актуальности, но и продолжают входить в ядро стратегических программ во внешней и внутренней политике многих стран.

«Черная пропаганда» в современном исполнении – это те же «фейкньюз», которые вбрасывают ложную информацию для дальнейшего распространения слухов, нанесение урона имиджу и репутации противника в глазах мировой общественности.

Печатная и наглядная продукция также не утратили актуальности – наружная и печатная реклама буквально везде, куда бы ни упал взгляд человека. И это при критически низком уровне этической цензуры, характерной для либеральных демократий современности.

Использование радиовещания имело очень действенный эффект в период Второй мировой, потому как одномоментно охватывало достаточно большие группы людей. Сегодня телевидение и интернет открывают возможности для глубинного воздействия на психику индивида и социума, как посредством прямой рекламы, пропаганды, так и через контекстную рекламу, которая не выглядит так агрессивно, но эффект имеет показательный. От прямого давления на сознание еще можно защитить человека, просто исключив определенные СМИ, ТВ-каналы, интернет-сайты, социальные сети из пользовательского набора. Но контекстная реклама завоёвывает доверие и проникает глубоко в сознание на сенсорном уровне, особенно через киноиндустрию, музыку, популярную и художественную культуру.

Не только сама идея работы с массовым сознанием собственного населения и населения других стран сохраняется сегодня, но и базовый подход к подбору целевых групп для воздействия. По-прежнему, ставка делается на носителей наиболее рыхлого сознания, которое проще и перспективнее сформировать, то есть молодёжь и детей. Как тогда, в нацистской Германии создавались гитлерюргенды, в СССР пионерия, полностью ангажированные образовательные программы, так и сегодня первыми в пропагандистскую машину попадают именно эти слои населения. В современной Украине мы наблюдаем судорожное и очень торопливое «переписывание истории» и закрепление результатов в первую очередь через систему образования, создание специальных лагерей для возвращения новых «патриотов».

В информационном противодействии в период Второй мировой войны наблюдается также акцентирование на символизме. Графические изображения, которые символизируют политикум того времени, по сей день известны всему миру и активно используются современными политтехнологами (свастика, флаги, знамена).

Реальные военные действия Германия начала только после разработки плана, который включал концептуальные морально-психологические приемы, выведенные на основе глубокого анализа особенностей внутреннего положения в СССР. Растущая военная напряжённость на планете сегодня, начавшаяся негласная гонка вооружений представителей ведущих геостратегических регионов сопровождается открытой войной в информационном пространстве. Уж очень похоже на ситуацию в преддверии Второй мировой войны...

Информационное противоборство между ведущими странами сегодня напоминает Гоббсовскую «войну всех против всех». В глобальном киберпространстве одновременно сталкиваются внешненаправленные и внутриориентированные потоки информации, посылы, волны и информационные поводы буквально от всех активных участников международных отношений. Цифровизация современного общества, будучи достижением развития науки и техники, а также глобализационных процессов, определяет новый социотип человека все более зависимого во всех сферах жизни от информационного пространства и возможности доступа к нему. Расширение рамок в области получения знаний, развития науки, культурного обмена и так далее граничит с угрозой утраты национальной самобытности и самоидентичности. Вот такой получается прогрессивный регресс!

По мнению авторов, значимость опыта информационного противоборства в период Второй мировой войны и его результатов представляет большую ценность для анализа современных политических процессов.

Список литературы

1. Данилова М.И. Информационная война как реальность. Историческая и социально-образовательная мысль / Д.М.И.анилова. – 2012. – С.229-231.
2. Кунакова Л.Н. Информационная война как объект научного анализа (понятие и основание характеристики информационной войны) / Л.Н.Кунакова // Альманах современной науки и образования. – 2012. – № 6. – С.93-96.
3. Почепцов Г.Г. Информационно-психологическая война / Г.Г.Почепцов. – М., 1999.
4. Информационное противоборство во второй мировой войне [Электронный ресурс] – Режим доступа:<http://panarin.com/konflikt/56-informacionnoe-protivoborstvo-vo-vtoroy-mirovoy-voyne.html>

ЦИФРОВОЙ БАРЬЕР: ПОНЯТИЕ, СУЩНОСТЬ, АКТУАЛЬНОСТЬ

Щербань Г.Ю., Писарева А.В.

ГОУ ВПО «Донбасская юридическая академия», г. Донецк, ДНР
scherbantv@mail.ru

XXI век сегодня принято назвать информационной эрой. Сущность и специфика информационных технологий стали определяющими факторами для формирования нового типа культуры современного человека, живущего в глобальном интерактивном социуме.

Каждое государство и общество в начале XX–XXI века неизбежно ощутило на себе влияние развития цифровых технологий, которые переформатировали глобальную экономику и, как следствие, характер внутренней и внешнеэкономической деятельности. Однако, вследствие неравномерного развития цифрового пространства, по субъективным и объективным причинам, в обществе появилось такое феноменальное понятие как цифровой барьер, которое на сегодняшний день выступает индикатором степени цифровой, а значит и комплексной развитости государства.

Актуальность рассматриваемого вопроса для современного человека, общества и правовой системой каждого развитого и развивающегося государства постоянно возрастает. Для современных государств, движение в глубину цифровизации экономики и общественных отношений является одним из способов «вписаться в современность».

Под цифровым барьером обычно понимают ограничение возможностей социальной группы из-за отсутствия у неё доступа к современным средствам коммуникации.

Изучая и анализируя современную литературу по теме, можно сделать вывод, что понятийный аппарат, сформировался во втором десятилетии XXI века, и «цифровой барьер» имеет такие синонимы как «цифровое неравенство», «информационное неравенство», «цифровое разделение», «цифровая пропасть», «дигитальная яма», «дигитальный разрыв», «цифровой занавес».

Данное понятие перекочевало в страны СНГ из цифровой практики Европы. Там это определение носит название «Digital divide», что дословно переводится как цифровой разрыв, который проявляется на двух уровнях – первый по степени доступа к сетевым ресурсами, второй по уровню практики использования информационных технологий населением в реальной жизни.

В настоящее время цифровой барьер является термином социально-политического характера, отражающим одну из особенностей взаимодействия социальных субъектов информационной эпохи, и имеющим ряд объективно-субъективных причин.

Внешнегосударственные причины, заключаются в международном положении и международных связях конкретного государства. Замечается тенденция, что чем более стабильно и влиятельно государство, тем меньше замечается цифровой барьер или он вообще не существует (Эстония, Германия, Швеция, Норвегия и т.д.) [3].

Внутригосударственные причины заключаются во внутренней политике государства, которая касается не только развития и распространения цифровых технологий, но и финансирования этих сфер, а также различия между городскими и муниципальными административно-территориальными образованиями. На цифровые возможности населения так же оказывают влияние отсутствие или ограниченный доступ к телевидению, радио, мобильной и стационарной телефонной связи, интернету, которые являются первичными каналами распространения информации.

Термин «цифровой барьер» может применяться как в отношении разницы возможности использования цифровых технологий разными объединениями людей внутри одного общества, так и как разницу между странами. К примеру, на 30.06.2017 года в Афганистане доступ к интернету имело всего 4 % населения, а в Норвегии – 96,8 % населения. В России доступ к интернету имеет около 76%, а в Украине – 52,4 % [3].

«Глобальный тренд заключается в том, что информационная экономика подключает к своей сети тех, кто представляет для неё ценность (тем самым придавая им дополнительную ценность), но отключает тех, кто не имеет для неё ценности (тем самым ещё более уменьшая их шансы обрести какую-то ценность)» – Пекка Химанен, Мануэль Кастелс [1].

Первые попытки локализовать проблему были предприняты в 1995г (доклад ЮНЕСКО «К обществам знаний»), потом была принята резолюция Генеральной Ассамблеи ООН (2014 г.), которая провозгласила Всемирный день информационного общества. Одной из целей было повышение уровня информированности о путях преодоления «цифровой пропасти» [2], также были созданы различные специализированные подразделения, органы, которые отслеживают динамику в области развития информационно-коммуникационных технологий в разных странах мира.

В РФ на данный момент реализуется программа «Цифровая экономика Российской Федерации» (утв. Указом правительства РФ 28.07.2017г), отражающая задачи «Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017-2030 годы» (утв. Президентом РФ 9.05.2017г).

Эти документы ставят огромный ряд задач, среди которых преодоление цифрового нигилизма взрослого и пожилого населения, модернизация системы образования, глобальная, местная и региональная интеграция по всем направлениям общественных, культурных, гуманитарных, хозяйственных и экономических отношений.

Вопрос развития цифровизации в Донецкой Народной Республике имеет неоднозначный статус. Это объясняется множеством общераспространенных факторов, но и усугубляется военным положением, которое мешает развитию государства в целом, а также накладывает дополнительные сложности с техническим обеспечением и вопросами безопасности. По сути, наше «цифровое общество» и технологии, которые используются, остановились в своём техническом развитии в 2014 году. Негативно так же то, что ДНР не имеет собственного интернет-пространства, а доминирующее место в числе используемых населением сетевых ресурсов занимают сайты, социальные сети, мессенджеры иностранного производства, которые имеют возможность влиять на формирование общественного мнения.

Но на данный момент в ДНР при поддержке правительства, министерствами и ведомствами Республики постепенно запускаются цифровые сервисы, которые упрощают жизнь населения. За 5-ти летие запущены интернет-сайты всех государственных органов, ведомств. Особо показательным в этом плане является постоянное развитие продуктов ЦРБ ДНР. К примеру, сервис sprutrau.ru на данный момент позволяет оплачивать широкий набор частных и государственных услуг как физическим, так и юридическим лицам в режиме онлайн.

Решение проблемы внешнего цифрового барьера на территории ДНР, по мнению авторов, имеет перспективу исключительно по окончании военных действий. Что касается преодоления внутреннего цифрового барьера, то процесс хоть и медленно, но движется, и может стать более целесообразным и целеопределенным после проведения и анализа результатов местных выборов, переписи населения, которые позволят получить адекватное представление о социальной стратификации нашего общества и выработать соответствующие программы развития.

Список литературы

1. Пекка Химанен, Мануэль Кастелс. Информационное общество и государство благосостояния. Финская модель – Логос, 2002. – 224 с.
2. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 20 декабря 2013 года A/RES/68/198 "Использование информационно-коммуникационных технологий в целях развития" [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://unctad.org/en/PublicationsLibrary/ares68d198_ru.pdf
3. Каспар Корьюс. Управляющий директор e-Residency "Цифровой прорыв Эстонии"[Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://realist.online/article/cifrovoy-proryv-estonii-i-uroki-dlya-ukrainy>

К ПРОБЛЕМЕ ИСЛАМИЗАЦИИ СТРАН ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Эль-Кухали В.А.,

Посредников Д.В., канд. ист. наук, доцент

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР

ffydd.ffydd@gmail.com

Актуальность проблемы определяется усилением политической роли ислама на протяжении последних десятилетий. Страны Среднего Востока – зона возрастающей нестабильности: военно-политической, этнополитической, социально-политической, где радикальные организации – ключевые акторы, которые представляют собой маятник политической напряженности. Проблематика в отсутствии конструктивного диалога между представителями разных течений ислама, только усугубляет ситуацию. Как итог – наблюдается обострение конфликтов на всех уровнях мусульманской уммы.

Процессу исламизации посвящены труды А.А. Игнатенко, в которых изучаются процессы в социально-политической и культурно-идеологической сферах ряда мусульманских стран [3]. Т.П. Милославская, характеризуя движение «исламской солидарности», подчёркивала его историческую связь с панисламизмом [4]. И.П. Добаев дал содержательный анализ роли исламизации в мировой политике в конце 1970-х – начале 1980-х годов [2].

Цель исследования: выявить роль процесса исламизации в странах Центральной Азии в 1990–2000-х гг.

В кризисные 1990-е годы в странах Центральной Азии одним из главных регуляторов общественной жизни, культурной и цивилизационной идентификацией становится религия, которая является фундаментом для консолидации общественности на тот период. Однако вместе с появлением в регионе радикального исламизма общественный порядок и безопасность были поставлены под угрозу.

На международной арене сопредельный сценарий наблюдается в странах Среднего Востока и Центральной Азии: дестабилизация режима, помощь в свержении правящей элиты, лишение религиозного прикрытия – источник в установлении нужного и «гибкого» политического влияния для заинтересованных лиц.

Идеология салафизма – возрождения фундаментальных принципов ислама, является одним из ключевых факторов исламизации, и становится основой многих исламских организаций, группировок и движений. Что превращается в ключевой элемент при реализации внутри- и внешнеполитических аспектов. Следует отметить, что прямые элементы

структуры социально-политического механизма распространения ислама, регламентируемые мусульманским правом, являются составной частью всей политической конъюнктуры. Это оказывает воздействие на политическое поведение лидеров тех или иных государств. Низкий уровень секуляризации общества в странах традиционного распространения ислама обуславливает значительную меру между исламизацией внешней политики и социально-политическим обликом правящей элиты, а также личностными характеристиками лидера. На определённом этапе частные устремления и интересы правящей элиты могут стать определяющим фактором кардинального изменения внешнеполитического курса, даже если процесс исламизации происходит вразрез с национальными интересами. Тем самым, не удивительна растущая дифференциация внутри мусульманского мира, что сужает возможности использования легитимирующей и объединяющей функций ислама на международном уровне, тогда как коммуникативная функция используется во внешнеполитической пропаганде отдельных акторов. Рассматривая роль исламизации во внешней политике, можно обнаружить её двойное влияние – «изнутри», в силу включённости ислама в общественные институты, и «снаружи», под воздействием других субъектов международных отношений. Важно относить к религиозным факторам и характер социально-экономического, а также политического строя. Со второй половины XX века вспышки радикализации политического ислама усугубляют положение в мусульманском мире [1].

Рассматривая феномен исламизации в странах Центральной Азии, необходимо отметить, что ислам остается одним из важных регуляторов общественных отношений. Политизации ислама в Центральной Азии в постсоветский период, с одной стороны, способствовали национальные элиты, пытавшиеся использовать его как инструмент для создания новой идентичности. С другой стороны, комплекс объективных и субъективных причин – бедность, коррупция, перенаселенность, идеологический вакуум, конфликт поколений в сочетании с целенаправленной работой внешних сил. Жёсткость в выборе и реализации ключевых решений правящей элитой и лидеров исламских движений – создали возможность для появления, а в дальнейшем и распространения в регионе радикального исламизма, особенно на фоне экономической и социально-политической напряжённости.

Таким образом, несмотря на то, что правительства республик Центральной Азии прилагают усилия, чтобы пресечь распространение радикального ислама взглядов, данный процесс лишь расширяет охват деятельности. Радикальные течения дают иллюзию того, что в регионе возможен «лучший вариант». Стратегия тотального подавления лишь усугубляет ситуацию, и в целом не может остановить распространение радикализма. Из-за постоянных репрессий становится затруднительно

выявить и ликвидировать экстремистские течения. Здесь могли бы оказать помощь политические и социально-экономические реформы, направленные на ликвидацию причин недовольств населения, которые представители радикальных объединений используют в своих целях.

Меры, которые позволят нивелировать конфликтогенный потенциал в республиках Центральной Азии, предлагаются следующие:

- своевременно решать социально-экономические проблемы, которые являются основой для радикализации ситуации и интереса со стороны различных социальных групп;

- инициатива всегда должна оставаться за государством, которому необходимо пресечь деятельность салафистских организаций на своей территории и не допустить распространения радикализма на социально незащищенные слои населения;

- постоянный мониторинг интернет-ресурсов (и социальных сетей), на которых ведут информационно-пропагандистскую деятельность радикальные организации;

- усилить самоидентификацию населения с государством. Как показывает опыт, при правильной реализации, национализм и регионализм могут создать конструктивное взаимодействие в строительстве светского государства;

- в рамках закона требуется усилить кооперацию и координацию страны, своевременную смену политических элит, рост культурно-экономического сотрудничества, нивелирование межгосударственных антагонизмов;

- необходимо также усилить взаимодействие в рамках Шанхайской организации и Евразийского экономического сообщества государств.

Список литературы

1. Белоглазов А.В. Влияние ислама на политические процессы в Центральной Азии / А.В. Белоглазов – Казань: Казан. ун-т, 2013. – 294 с.
2. Добаев И.П. Исламский радикализм: генезис, эволюция, практика / И.П. Добаев // отв. Ред. Ю.Г. Волков. – Ростов-на-Дону: СКНЦ ВШ, 2002. – 334 с.
3. Игнатенко А.А. Эндогенный радикализм в исламе / А.А. Игнатенко // Центральная Азия и Кавказ. – 2000. – № 2(8). – С. 24-32.
4. Милославская Т.П. Международные мусульманские организации – Ислам. Краткий справочник / Т.П. Милославская, Г.В. Милославский. – Москва: Наука, 1983. – 120 с.

Международные отношения и внешняя политика

УДК 327(560):(862.33)+(479.24)

ТУРЕЦКО-АРМЯНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ И АЗЕРБАЙДЖАН

Акташ Э., Ерхов Г.П., д-р ист. наук, профессор
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР
eviaktash1997@gmail.com

Армения является единственной страной Центрального Кавказа, с которой у Турции отсутствуют дипломатические отношения. Несмотря на то, что она одной из первых признала независимость Республики Армения, спустя 20 лет между сторонами так и не были установлены дипломатические отношения.

В 11 параграфе принятой Верховным Советом Армении 23 августа 1990 года Декларации о независимости Армении говорилось, что «Республика Армения поддерживает дело международного признания геноцида армян 1915 года в Османской Турции и Западной Армении».

Данный текст буквально выводил события 1915 года в Османской империи на международный уровень, и Армения практически выступала с территориальными претензиями, определяя часть территории Турецкой Республики «Западной Арменией».

С данными намерениями Турция не намеревалась мириться, выступив с требованием отказаться от данных притязаний.

Необходимо отметить, что полностью отношения между двумя странами прекратились после оккупации армянскими войсками Кельбеджарского района Азербайджанской Республики в апреле 1993 года. В связи с этим Турцией были закрыты границы с Арменией.

Начиная с 2008 года, Турецкая Республика начала рассматривать пути улучшения отношений с Республикой Армения.

Основой таких действий стала новая внешнеполитическая доктрина Турецкой Республики, так как важнейшим принципом стал «нулевой уровень проблем» с соседними странами, а также налаживание многосторонних отношений с ними.

Также изменение отношения Турции к странам Центрального Кавказа и Республике Армения связано с новой геополитической ситуацией после российского конфликта с Грузией в 2008 году, в частности, с признанием независимости новообразованных Абхазии и Южной Осетии.

После этих событий состоялся визит премьер-министра Р. Эрдогана в Россию, где впервые была озвучена идея о Платформе стабильности и сотрудничества на Кавказе [1]. Данное событие послужило началом налаживания турецко-армянских отношений между странами. Быстро начало развиваться сотрудничество, которое должно привести к открытию границы и установлению дипломатических отношений.

Было бы возможным развитие событий в подобном ключе, если бы не позиция Азербайджанской Республики, которая негативно отреагировала на сближение сторон и замедление в поиске решения Нагорно-Карабахского конфликта. Азербайджан настаивал, чтобы открытие границы проходило одновременно с освобождением оккупированных территорий, так как причиной закрытия границ стал захват территорий армянскими военными.

Разногласие между Турцией и Азербайджаном возникло не только в политической сфере, но и в экономической, и, прежде всего, в области энергетики. Турция, учитывая свое геополитическое положение, намеревается развить стратегию, согласно которой через её территорию будут проходить основные коридоры транспорта нефти и газа [2]. При этом Турция рассчитывает приобретать азербайджанский газ по сниженной цене и перепродавать его в западные страны. Такие намерения не могли устраивать Азербайджан, поэтому он отказался подписывать новое соглашение с Турцией о ценах на поставляемый газ.

Необходимо отметить, что Турция оценила такие действия как давление на страну по вопросу о её сближении с Арменией. Впервые в новейшее время турецко-азербайджанские отношения стали напряженными.

Несмотря на это, стороны понимали, что ухудшение отношений не отвечает интересам ни одной из стран, а также Турция ясно осознавала, что разрушение отношений с Азербайджаном – не та цена, которую она готова заплатить за сближение с Арменией. Турция заверила Азербайджан, что развитие отношений с Республикой Арменией возможно лишь в случае, если она начнет процесс по разрешению Нагорно-Карабахского конфликта.

В 2010 году в Цюрихе, во время подписания между Турцией и Арменией двух протоколов, которые касались установления дипломатических отношений и открытия границ, реакция Азербайджана была намного сдержанней. Подписи под «Протоколом об установлении дипломатических отношений» и «Протоколом о развитии двусторонних отношений» поставили главы внешнеполитических ведомств Турции и Армении А. Давутоглу и Э. Налбандян [3].

Однако ратификации не последовало не только в парламенте Турции, но и в парламенте Армении.

Несогласие между сторонами привело к переосмыслению контактов между Турцией и Азербайджаном. Стало очевидно, что необходимо рассмотреть отношения под другим углом и вывести их на более высокий

уровень. Вследствие, стороны решили создать новый формат взаимодействия – Совет стратегического сотрудничества между Турцией и Азербайджаном.

Первое заседание Совета состоялось 25 октября 2011 года в турецком городе Измире. В ходе заседания было подписано порядка 15 документов, среди которых важное место занимает соглашение о продаже природного газа с месторождения Шах-Дениз, начиная с 2017 года в рамках разработки второй фазы этого месторождения.

Другое важное соглашение связано с транзитом азербайджанского газа из месторождения Шах-Дениз в период с 2017–2042 годов по территории Турции через трубопроводную сеть турецкой компании [4].

Подписанием данных положений был положен конец расхождению во мнениях между сторонами, которое длилось с 2008 года. Данные действия усилили позиции страны в энергетической сфере.

В свою очередь, Республика Азербайджан обеспечила себе транзитные возможности для транспортировки своего природного газа как на рынки Турции, также как и на рынки третьих стран.

Одним из главных факторов развития стратегических отношений между данными странами остаются взаимные экономические отношения.

Уровень отношений между Турецкой Республикой и Республикой Азербайджан изменяется по мере развития экономических возможностей.

Происходит поиск форматов для более углубленного взаимодействия сторон.

Новые реалии в политической и экономической сфере создают условия для институционализации двусторонних отношений.

Что касается Армении, то по мере расширения обновленных стратегических отношений между Турцией и Азербайджаном возобновление переговоров по поводу нормализации отношений этой страны с Турцией до начала разрешения Нагорно-Карабахского конфликта является маловероятным.

Список литературы

1. Асланлы А., Гасанов И. Внешняя политика Азербайджана при Гейдаре Алиеве / А. Асланлы, И. Гасанов. – Анкара: Platin, 2005. – С. 20.
2. Азербайджан-Турция, 7 ноября 2011. URL: http://www.analitika.az/browse.php?sec_id (дата обращения: 13.09.2019).
3. Касим К. Кавказ после холодной войны / К.Касим. – Анкара: Usak, 2009. – С. 437.
4. Контракт века, 7 ноября 2011. URL: http://www.azerbaijan.az/_Economy/_OilStrategy/ (дата обращения: 13.09.2019).

ЭВОЛЮЦИЯ «ФОЛКЛЕНДСКОЙ ПРОБЛЕМЫ» В ПОСТБИПОЛЯРНЫЙ ПЕРИОД (1991–2019)

Бабик А.О., Крысенко Д.С., д-р ист. наук, доцент
ГОУ ВПО «Луганский национальный университет имени Т. Шевченко»,
г. Луганск, ЛНР
mataj2@rambler.ru

Введение. События Фолклендской войны 1982 г. были названы Хорхе Луисом Борхесом «Ссорой двух лысых из-за расчёски» [Цит. по: 1]. Однако по нашему мнению, предмет спора Буэнос-Айреса и Лондона не заслуживает подобной иронии. Среди локальных конфликтов второй половины XX в. аргентино-британский выделяется особым образом, поскольку был инспирирован периферийной латиноамериканской страной против мировой ядерной державы, имеющей многовековые традиции морской борьбы. Итак, **целью** доклада является реконструкция эволюции «фолклендской проблемы» в 1991–2019 гг.

Основная часть. Распад СССР в 1991 г. ознаменовал собой глобальные перемены в международных отношениях. На смену устоявшейся за полвека двухполюсной системе, в которой находившиеся «в тени» Москвы и Вашингтона государства мира могли выбирать, «с кем и против кого дружить», получая выгоду и, что не менее важно, уважение, пришёл однополюсный Брюссельско-Вашингтонский порядок, в котором не было места для сопротивления воле англосаксов. С учётом этого, идеологической основой внешнеполитического курса правительства К. Менема, остававшегося на посту главы Аргентины до конца 1999 г. была концепция «периферийного реализма», краеугольным камнем которой была объективная оценка роли страны в регионе и мире.

Несмотря на то, что к середине 1990-х гг. провал неолиберальных реформ стал очевидным, их осуществление продолжилось. Всё это привело к дальнейшему росту внешней задолженности, в результате чего на рубеже веков Аргентина погрузилась в тяжелейший после «Великой депрессии» экономический и социально-политический кризис. Сменившие друг друга в течение 1999–2003 гг. исполняющие обязанности президента Ф. де ла Руа, Ф. Р. Пуэрта, А. Р. Саа, Э. Каманьо, Э. Дуальде не смогли справиться с ситуацией, уходя в отставку. Безразличие к ситуации в стране со стороны стран Запада и отсутствие обещанной поддержки вызвало возвращение казавшихся забытыми антибританских фобий. «Разрядка» в отношениях с Лондоном была неофициально прекращена.

Начало нового витка развития «мальвинского вопроса» было ознаменовано принятием 22 ноября 2000 г. конгрессом Аргентины закона № 25 370, согласно которому 2 апреля было объявлено «Днём ветеранов и погибших в войне на Мальвинских островах».

Несмотря на то, что в 2001 г. премьер-министр Великобритании Т. Блэр посетил с официальным визитом Аргентину, политика нагнетания антибританских настроений продолжалась. В частности, на всех пограничных контрольно-пропускных пунктах перед указателями «Аргентинская Республика» был размещён лозунг «Мальвины принадлежат Аргентине», а в школьные программы по истории возвращён тезис о том, что территория страны без Мальвин «недостаточна» и обретение ею «конституционного размера» является общенациональной задачей.

Кризис 2001–2002 гг. стал переломным моментом истории Аргентины, одним из следствий чего была тенденция возвращения в её внешнеполитическую стратегию националистических мотивов. Именно перонизм в контексте преодоления последствий кризиса явился для президентов Н. Киршнера (2003–2007) и К. Киршнер (2007–2015) основой для выбора союзников, в качестве которых наибольшие симпатии вызывали КНР и РФ. Сближение происходило и с леворадикальными правительствами Венесуэлы, Боливии и Кубы.

В начале 2010-х гг. «фолклендская проблема» вновь вошла в международную повестку дня. Помимо напряжения ситуации в Аргентине, такая ситуация была связана с началом разработки весной 2010 г. британцами нефти в акватории островов. На протесты аргентинского МИДа и требование К. Киршнер немедленно прекратить работы, британский премьер-министр Д. Кэмерон ответил категорическим отказом.

В ответ, при поддержке участников МЕРКОСУР Аргентине удалось добиться закрытия южноамериканских портов для судов, проводивших разведку и добычу нефти в акватории Мальвинских островов. Протесты британского МИДа (как и обвинения властями Фолклендских о-вов аргентинцев во вмешательстве в их внутренние дела) были проигнорированы. В свою очередь, британцы проигнорировали все требования аргентинцев о прекращении разработки месторождений.

С учётом указанных тенденций, в 2013 г. на островах был проведён инициированный Великобританией референдум, явка на который составила 92 % (1518 избирателей из 1672 имеющих право голоса). На вопрос: «Хотите ли вы, чтобы Фолклендские острова сохранили свой нынешний политический статус заморской территории Соединённого Королевства?» – утвердительно ответили 98,8% участников плебисцита. Впрочем, Аргентина результаты референдума охарактеризовала как «манипулирование» и предупредила, что «это не положит конец спору о суверенитете».

В апреле 2014 г. новым губернатором островов стал К. Робертс, который обвинил Аргентину в «моральных пытках» островитян, подчеркнув, что «Буэнос-Айрес должен вести себя хорошо, чтобы избежать новой напряженности с Лондоном». Столь резкие заявления вызвали такой же резкий ответ аргентинского посла в Лондоне А. Кастро,

которая заявила о том, что «это британцы неуважительно относятся к Аргентине», будто она «подчинена» Британской империи [2].

Надежда на ослабление напряжения появилась в результате избрания в 2015 г. президентом Аргентины М. Макри. Однако несмотря на некоторое смягчение официальной риторики, можно констатировать, что аргентинцы продолжили бороться за свою национальную идею. Дополнительные шансы на её реализацию появились в результате «брекзита» – выхода Великобритании из Европейского союза в 2016 г. Для Лондона ситуация усложняется тем, что в результате такого решения были усугублены многие «замороженные» территориальные проблемы Великобритании: спор с Испанией о принадлежности Гибралтара, о статусе Шотландии и о демаркации границ Северной Ирландии с Республикой Ирландия. Вновь обострился и «фолклендский вопрос», поскольку Лиссабонский договор 2009 г. (согласно которому страны-участницы ЕС рассматривали Фолклендские острова как Британскую заморскую территорию) официально прекратил своё действие. По словам министра иностранных дел Аргентины Х. Фори в интервью «The Daily Telegraph» 25 октября 2018 г., «независимо от того, выйдет Великобритания из ЕС или нет, позиция Аргентины о возвращении суверенитета над Мальвинскими островами остается неизменной» [3].

Заключение. Подводя итог, отметим, что неразрешённый территориальный спор Аргентины с Великобританией по поводу принадлежности Фолклендских островов по-прежнему остаётся наиболее болезненным вопросом двусторонней повестки дня. Аргентина, как и ранее, претендует на суверенитет над островами, и никакое мыслимое правительство не сможет отказаться от этого требования.

Список литературы

1. Borges J. L. The Falklands thing was a fight between two bald men over a comb / J. L. Borges [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://izquotes.com/quote/21424>.
2. Negrete C. Malvinas: errores de la diplomacia a 35 años de la Guerra / C. Negrete [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://noticias.perfil.com/2017/06/14>.
3. Faurie J. Argentina will exploit a no-deal Brexit to «enhance» its claims to Falklands. / J. Faurie [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.telegraph.co.uk/news/2018/10/25>.

СОТРУДНИЧЕСТВО МЕЖДУ КАЗАХСТАНОМ И УЗБЕКИСТАНОМ В ВОЕННОЙ СФЕРЕ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Бурцев И.И.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР
alex.byr.251091@gmail.com

Центральная Азия – регион, имеющий большое геополитическое значение, на территории которого пересеклись интересы стран-мировых лидеров. Длительное время Казахстан и Узбекистан соперничали за влияние на данной территории, но с началом президентства Ш. Мирзиёева им удалось достичь компромисса по ряду вопросов. Важным аспектом двухсторонних отношений между этими странами является сотрудничество в военной сфере.

Для достижения поставленной задачи была собрана информация о двухсторонних дипломатических мероприятиях, проанализированы документы о сотрудничестве в военной сфере, выделены наиболее актуальные направления взаимодействия. Источниковую базу исследования составляют двухсторонние документы, подписанные в обозначенный период, а также материалы СМИ. Различные аспекты сотрудничества между Казахстаном и Узбекистаном были рассмотрены в работах Самиева Я.И. и Ионовой Е.П. [1]. Однако следует отметить, что в них сотрудничеству в военной отрасли уделено недостаточное внимание.

На протяжении 2017–2018 гг. главы Казахстана и Узбекистана провели ряд встреч на высшем уровне. 22–23 марта 2017 г. узбекская делегация во главе с Ш. Мирзиёевым посетила Казахстан. По итогам визита между министерствами обороны республик было подписано Соглашение о военном сотрудничестве. Согласно документа, планируется расширение сотрудничества в деле подготовки кадров, материально-технического обеспечения и обучения войск, в оборонной политике, воспитательной работе и т.д. На основании Соглашения был разработан план двухлетнего совместного сотрудничества. Также стороны подписали Меморандум о военно-техническом сотрудничестве между оборонными ведомствами Узбекистана и Казахстана [2].

Важный вклад в развитие военного сотрудничества между странами был сделан во время визита министра обороны Казахстана С. Жасузакова в Узбекистан 18-19 августа 2017 г. Он провел встречу со своим узбекским коллегой Кабулом Бердиевым, с которым детально обсудил развитие двухстороннего сотрудничества и укрепление практического взаимодействия в оборонной сфере. Стороны уделили внимание реагированию на угрозы безопасности в центрально-азиатском регионе. По итогам встречи

был подписан План военного сотрудничества, в котором описаны мероприятия по оперативной и военной подготовке вооруженных сил. Необходимо отметить, что подобный документ подписан впервые за всю историю двусторонних отношений военных ведомств Казахстана и Узбекистана. 19 августа министр обороны Казахстана встретился с Ш. Мирзиёевым, который выразил удовлетворенность интенсификацией взаимоотношений между странами. Стороны уделили особое внимание вопросам подготовки военных кадров и развитию промышленной кооперации [3]. 26 августа С. Жасузаков встретился с секретарём Совета безопасности при президенте Узбекистана В. Махмудовым. В ходе данной встречи стороны обсудили соглашение о военно-техническом сотрудничестве между странами. В. Махмудов заявил о заинтересованности Узбекистана в покупке казахской военной техники [4].

16-17 сентября 2017 г. Н. Назарбаев посетил с государственным визитом Узбекистан. В аэропорту Ташкента его встретил лично Ш. Мирзиёев. По результатам визита был подписан пакет документов, среди которых важное место занимает Соглашение о сотрудничестве в военно-технической сфере. В нем подробно описаны направления сотрудничества между Казахстаном и Узбекистаном. Согласно текста документа, стороны планируют осуществлять поставки военной продукции, обмениваться результатами интеллектуальной деятельности и информацией, выполнять работы по обслуживанию и ремонту военной техники, осуществлять деятельность по подготовке военных кадров, создавать совместные предприятия по производству военных товаров. Привлекает внимание тот факт, что со стороны Казахстана реализация данного соглашения возлагается не только на Министерство обороны, но и на Министерство оборонной и аэрокосмической промышленности. Анализ документа свидетельствует о том, что Казахстан и Узбекистан не только расширяют сотрудничество в военной отрасли и формируют необходимую для этого нормативно-правовую базу, но и имеют планы по созданию совместного военно-промышленного комплекса. Примечательно, что на выставке казахских товаров, прошедшей 15–17 сентября 2017 г. в Ташкенте, особое внимание было уделено военной продукции. Здесь были представлены армейские автомобили Peugeot, Lada, JAC, военная техника на базе КАМАЗ. После завершения выставки военная техника была направлена на полигон для прохождения дополнительных испытаний под присмотром специалистов.

Важным событием в деле развития военного сотрудничества между Казахстаном и Узбекистаном стал визит министра обороны Узбекистана А. Азизова в Казахстан, состоявшийся 15 июля 2018 г. Он был приурочен к проведению первого этапа совместных командно-тактических учений «Ерік дала». Военнослужащие обеих стран отработали действия по обнаружению и ликвидации незаконных вооруженных формирований.

Второй этап учений был проведен на территории Узбекистана 23 июля 2018 г. В ходе визита узбекская делегация посетила воинские учебные заведения и другие объекты [5]. 27 октября 2018 г. состоялась встреча Секретарей Советов Безопасности Казахстана и Узбекистана Г. Байжанова и В. Махмудова. Они обсудили перспективы регионального сотрудничества в Центральной Азии и взаимодействия в международных организациях. Стороны уделили внимание борьбе с терроризмом и экстремизмом, обеспечению информационной и кибербезопасности. Стороны также обсудили реализацию дорожной карты по вопросам сотрудничества в сфере водных отношений. Были даны конкретные поручения соответствующим государственным органам двух стран.

На основании вышеизложенного материала можно сделать следующие выводы. На протяжении 2017–2018 гг. Казахстан и Узбекистан достигли успехов в развитии сотрудничества в военной сфере. Были подписаны документы, регулирующие различные аспекты взаимоотношений в этой отрасли. Центральное место в военном сотрудничестве двух стран играет обеспечение региональной безопасности, борьба с контрабандой и незаконным оборотом наркотиков, подготовка кадров, торговля товарами для вооруженных сил. С высокой долей вероятности можно утверждать, что в ближайшее время сотрудничество в военной сфере между Казахстаном и Узбекистаном будет укрепляться и расширяться.

Список литературы

1. Самиев А.Я. Узбекистан-Казахстан: новый этап культурно-духовного сотрудничества / А.Я. Самиев // Молодой ученый. 2018. № 51 (237). С. 318–321; Ионова Е.П. Развитие отношений Казахстана и Узбекистана, как фактор регионализации в Центральной Азии / Е.П. Ионова // Россия и новые государства Евразии. 2018. № 4 (41). С. 132-145.
2. Соглашение между Министерством обороны Республики Казахстан и Министерством обороны Республики Узбекистан о военном сотрудничестве. URL: https://tengrinews.kz/zakon/mejdunarodnyie_organyi_i_organizatsii/mejdunapodnyie_otno_sheniya_respubliki_kazahstan/id-O1700000005/ (дата обращения: 15.09.2019).
3. Министр обороны Казахстана встретился с президентом Узбекистана. URL: https://forbes.kz/news/2017/08/19/newsid_152868 (дата обращения: 15.09.2019).
4. Узбекистан и Казахстан обсудили перспективы военного сотрудничества. URL: <https://regnum.ru/news/2314273.html> (дата обращения: 15.09.2019).
5. Военные Казахстана и Узбекистана провели совместные учения. URL: https://forbes.kz/news/2018/07/16/newsid_177305 (дата обращения: 15.09.2019).

ПОЛИТИКА ФИНЛЯНДИИ НА АФРИКАНСКОМ КОНТИНЕНТЕ В 1973–1980 гг.

Дибас О.А., канд. ист. наук

ГОУ ВПО ЛНР «Луганский национальный университет имени Тараса Шевченко»,
г. Луганск, ЛНР
oksana-dibas@rambler.ru

21 июля 2019 года Президент Российской Федерации Владимир Путин осуществил официальный визит в Финляндию, которая на международной арене закрепила за собой роль посредника между великими державами, занимая позицию «активного нейтралитета» [1]. Данная позиция особенно востребована в условиях обострения международного соперничества.

Одним из наиболее успешных финских политиков, претворяющий позицию «активного нейтралитета» в жизнь является Марти Ахтисаари, удостоенный нобелевской премии мира в 2008 году [2] и основавший СМІ (Crisis Management Initiative), организацию, обозначившую в качестве главной цели деятельности – посредничество в урегулировании гражданских конфликтов и помощь в установлении взаимодействия на уровне гражданского общества.

Однако, прежде чем проявить себя в качестве успешного переговорщика, Марти Ахтисаари прошел длительный путь дипломатической деятельности, значительный отрезок из которого пришелся на африканский континент.

Целью исследования является изучить особенности внешней политики Финляндии по отношению к молодым независимым государствам Африканского континента и значение деятельности Марти Ахтисаари в данном процессе.

Марти Ахтисаари, направленный послом Финляндии в Танзанию с одновременной аккредитацией в Замбии, Сомали и Мозамбике, изучив социально-экономическую и политическую обстановку во вверенных странах неоднократно пытался активизировать деятельность Хельсинки в регионе. Однако, министр иностранных дел – Ахти Карьялайнен в то время не интересовался африканскими делами. В Финляндии другие вопросы имели более приоритетное значение. Финляндия подписала Соглашение о ЕЭС в 1973 году, несмотря на жесткую оппозицию слева. Руководство страны балансировало между признанием двух германских государств и готовилось к реализации великой мечты президента Кекконена – проведению Конференции по европейской безопасности. Руководство Финляндии пыталась сохранить баланс между Советским Союзом и Западом, и, поскольку склонение в одном направлении означало

отказ от другого, каждый шаг, в том числе и в Африке, должен был быть взвешен на чувствительном международном барометре. Соблазн ничего не делать был крайне велик.

В начале 1970-х годов Финляндия еще официально не признала ни одного освободительного движения в Южной Африке и не выделяла никакого финансирования на их развитие. Поддержание контакта с ними считалось сомнительным. По мнению многих финнов, СВАПО, Фрелимо, МПЛА, АНК, ЗАПУ и ЗАНУ были сомнительными черными марксистскими террористическими организациями, которых следовало избегать любой ценой. Даже политикам было трудно представить, что эти разрозненные повстанческие группы уже были на полпути к лидерству в независимых государствах [3, p. 320].

Однако, взаимодействие с африканскими освободительными движениями стало предметом горячих споров в Финляндии. Левые, по большей части, вместе с группой студенческих и общественных организаций пытались создать какое-то понимание того, что представляют собой различные африканские движения за свободу.

Весной 1973 года правительство решило, что Финляндия могла бы направлять помощь беженцам, терпящим бедствие, но такая помощь должна была строго ограничиваться гуманитарными потребностями.

Будучи послом в Дар-эс-Саламе и Лусаке, столице Замбии, Ахтисаари начал активно строить отношения с повстанческими организациями. Среди лидеров, с которыми он был знаком были председатель АНК, адвокат Оливер Тамбо и будущий президент Южной Африки Джейкоб Зума. Поскольку многие другие влиятельные деятели из Южной Африки и Намибии, в том числе Нельсон Мандела, все еще были заперты в печально известной тюрьме острова Роббен, Ахтисаари узнал их только спустя годы. Освободительный фронт Мозамбика Фрелимо, лидеры которого Самора Машел и Хоаким Чиссано все еще были вовлечены в ожесточенную партизанскую войну против португальцев, также располагал своей штаб-квартирой в Дар-эс-Саламе [3, p. 328].

Общим заклятым врагом всех движений за свободу и тех африканских стран, которые уже обрели независимость, была Южная Африка. Движение за бойкот Южной Африки стало ощущаться и в мире, все более выступающем за прекращение политики апартеида.

Уже в 1974 году благодаря усилиям Марти Ахтисаари, министр иностранных дел – Ахти Карьялайнен совершил первый официальный визит на территорию Африки, что отразилось на приоритетах финской внешней политики в регионе и переориентации от колониальных элит к молодым национальным элитам, представленным в движении за освобождение Африки.

Таким образом, приход к руководящей должности в рамках дипломатической миссии Финляндии в Танзании Марти Ахтисаари

коренным образом отразился на финской политике в регионе, а именно – способствовал установлению диалога между финскими политиками и представителями национально-освободительных движений Намибии, Замбии, Сомали. А также способствовал установлению двусторонних взаимоотношений, при этом руководство Финляндии в коалиции со странами Северной Европы способствовало формированию новой политической элиты, представленной местными национальными группами, которые в дальнейшем смогли бы занять руководящие должности в своих странах.

Список литературы

1. Путин в Хельсинки: как Финляндия хочет стать голубем мира (NowaEuropaWschodnia, Польша) – URL: <https://inosmi.ru/politic/20190827/245713499.html> (Дата обращения: 11.08.2019).
2. Марти Ахтисаари. Личная страница. – URL: http://cmi.fi/?content=cv_board&id=1 (Дата обращения: 25.08.2019).
3. Merikalio K., Ruokanen T. A. Biography of MarttiAhtisaari. – London: Hurst and Company, 2014. – 640p.

УДК 327.8

КИТАЙСКАЯ СТРАТЕГИЯ США В ПЕРИОД КАДЕНЦИИ ДЖ. БУША – СТАРШЕГО

Дибас О.А., канд. ист. наук, *Попов Д.С.*
ГОУ ВПО ЛНР «Луганский национальный университет
имени Тараса Шевченко», г. Луганск, ЛНР
oksana-dibas@rambler.ru

Архитектоника регионального механизма взаимоотношений претерпела детерминации в результате распада СССР, проявившись в постепенном формировании многополюсного мира, одним из центров которого стал Китай.

Учитывая неуклонный рост экономических показателей КНР, вызванный успешно проведенными реформами Дэн Сяопина, представители мировой политической элиты были вынуждены выстраивать новую систему взаимоотношений, учитывающую динамику развития «фабрики мира».

С начала 1990-х гг. важнейшим обстоятельством, которое оказывает принципиальное влияние на определение внешнеполитического курса американских президентских администраций в отношении Китая, стало возвышение Китая: стремительное увеличение его комплексной национальной мощи, повышение роли Китая в мировой политике и увеличение его международного влияния [1].

Целью исследования является изучение политик США в отношении КНР в рамках крушения биполярного мира и в условиях становления многополярного.

В период президентства Дж. Г. У. Буша (1989–1993 гг.) основное место в отношениях между США и Китаем занимали торгово-экономические вопросы – проблемы доступа к рынку, защиты интеллектуальной собственности, торгового дефицита, переговоры о вступлении Китая в Всемирную торговую организацию (ВТО). Решающее влияние на развитие этих отношений имели масштабные экономические преобразования в Китае, в результате которых он стал важным торговым партнером США, большим рынком для американских товаров, услуг, инвестиций. Со своей стороны, США стали для Китая крупнейшим экспортным рынком. В 1993 г. на американский рынок поступало 38 % китайского экспорта. Однако различия во взглядах на демократию и права человека существенно осложняли отношения между двумя государствами [2, с. 159].

Первая администрация США постбиполярного периода, возглавляемая президентом Дж. Г. В. Бушем, не сомневалась относительно перспектив Китая как великой державы и продолжала реализацию стратегии его «широкого привлечения», начатую предыдущей администрацией Р. Рейгана. В условиях резкого ухудшения двусторонних отношений после подавления китайским правительством акций протеста в Пекине в июне 1989 г., Дж. Буш приложил много усилий, чтобы сохранить их от полного разрыва. Для этого он акцентировал внимание на многостороннем взаимодействии с Китаем в международных делах. США и Китай сотрудничали в СБ ООН по международному противодействию в Ираке в связи с аннексией им Кувейта и урегулирования камбоджийской проблемы, провели успешные переговоры о присоединении к Китаю, Гонконга и Тайваня в рамках форума Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества (АТЭС) Пекин согласился оказывать давление на Северную Корею, чтобы исключить ее превращения в ядерную державу. В 1992 г. начались двусторонние торговые переговоры между США и Китаем, результатом которых стало подписание ими Соглашения о рыночном доступе (октябрь 1992 г.) [3, р. 45].

Последняя Стратегия национальной безопасности США, разработанная администрацией Дж. Г. У. Буша (январь 1993), вмещала положения о необходимости внимательно следить за появлением на мировой арене Китая, «поддерживать, сдерживать или балансировать» в степени, необходимой для защиты интересов США.

Таким образом, внешняя политика США по отношению к КНР в период краха биполярного мира и становления многополярного характеризуется попытками сохранения отношений в условиях международных санкций, вызванных событиями на площади Тяньаньмэнь

и резкой критики действий китайского руководства со стороны мирового сообщества. В связи с этим отношения были преимущественно сконцентрированы в рамках экономического взаимодействия, откладывая идеологические разногласия на неопределенный срок.

Список литературы

1. Лексютина, Яна Валерьевна. Американо-китайские отношения в условиях трансформирующейся международной системы в начале XXI в. : диссертация ... доктора политических наук : 23.00.04 / Лексютина Яна Валерьевна.– Санкт-Петербург, 2012.– 475 с.
2. Шевчук О.В. Китай у зовнішньополітичній стратегії США (1990-ті - 2000-ні рр.) / О.В. Шевчук // Наукові праці Чорноморського державного університету імені Петра Могили. Сер.: Політологія. – 2010. – Вип. 118. – С.157–162.
3. Chinese Foreign Affairs Minister on World Affairs, 1992 // China. Facts & Figures Annual Handbook / Ed. By John D. Friske. – V. 17. – Breeze, Florida: Academic International Press, 1993. – 462 p. – P.44-46.

УДК 327:316.422.44

СЕРАЯ ЗОНА КАК ИСТОЧНИК ИДЕЙ ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА ГОСУДАРСТВА

*Елисеев Г.Г., Беловолов Ю.Г., д-р ист. наук, профессор
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР
ixlmt7@gmail.com*

Серая зона – это территория, которая находится между миром и войной [1]. Так в современной политологии принято называть то, что образуется в результате столкновения интересов двух или более крупных игроков. Но в силу собственного могущества они вынуждены прибегать к асимметричным способам противоборства.

Теоретическое обоснование предложений основ концептуального базиса, который способен быть фундаментом поиска конструктивных решений и идей в условиях сложности современных военно-политических кризисов рассмотрен в работах Л. Робинсона, М. Маццара, Д. Капусты, Т. Хельмиуса. В отечественной науке данное явление изучается Л. Савиным, В. Коровиным, Р. Арзуманяном.

Однако начать стоит с небольшого отступа с описанием другого весьма важного термина «political warfare» [2]. Он играет роль фундамента, на котором выстраивается феномен серых зон. Термин специально необходимо оставлять непереуведенным на русский язык, так как английский наиболее полным образом отображает его сущность. Понятие восходит к идеям, описанным классиком военного дела Клаузевицем и его концепции

«войны во время мира» [3]. По своей сути она представляет из себе специфическую трактовку пословицы «хочешь мира готовься к войне», но с той лишь разницей, что сторонник данного тезиса признает лучшей защитой нападение. На практике это означает непосредственно сам процесс столкновения экономических и военно-политических интересов двух сильных акторов. Собственно в этом и кроется загвоздка. Возникающая в итоге серая зона представляет из себя довольно сложный феномен. Как правило, это территория государства, которое, в силу внутренних проблем, не способно достаточно эффективно отстаивать свои национальные интересы. Оно может прибегнуть за помощью к более сильным игрокам мировой шахматной доски. На этой территории могут потенциально быть какие-либо ценные ресурсы, производства или что-то еще, что-то, что в силу военно-политической ситуации может даровать преимущества.

Открытая конфронтация в современном мире несет множество издержек. Это репутационные, имиджевые потери, это и специфика современной экономики, и ее потенциальное развитие в будущем, которое находит более правильным компрадорский захват производственных возможностей, нежели прямой захват территории, это и угроза применения ОМП. В последнее время в их число постепенно начинает вклиниваться высокоточное оружие, тем самым ставя с ног на голову привычные взгляды международного гуманитарного права на т.н. обычные виды вооружений. Впрочем, не одними только «калибрами/томагавками» может похвастаться современная оружейная мысль. Вместе с тем активно развиваются средства противодействия РЭБ и ПВО. Теперь в лексиконе властных элит появилась такое понятия как зона A2/AD (запрет доступа и маневра) [4]. Примером является размещение в Сирии комплексов С-400 и Красуха, произведшее огромный фурор в рядах западных партнеров.

Само по себе противостояние в серой зоне может чем-то напоминать маневренную войну. Однако наличие равных по технологическим возможностям противников приводит стороны в состояние клинча, переводя конфронтацию на другой уровень – асимметричный. Причем обоюдная асимметрия – это не партизанская война более слабой стороны против сильной. Это как если бы партизаны умудрились воевать с партизанами. Конечно, приведенное здесь замечание является абстракцией. На деле не так уж и редки случаи, когда одна из сторон финансирует или же вкладывается в создание прокси-сил на базе местного сопротивления, борющегося против регулярной армии, поддерживаемой оппонентом с другой стороны. Здесь более важным является то, что конфликтующие стороны находятся как бы за баррикадами, тем самым выводя специфику применения силы на новый уровень. Прежде всего, стоит отметить инструментализацию и некое дробление ранее монолитных структур. В рамках маневренной войны, не взирая на существующие деление на рода, войска применяются на месте, синергично. В рамках

серой зоны тенденция идет от обратного. Учитывая высокую политическую чувствительность, применение силы здесь может потребовать морально-политического права. Таким образом, отдельные виды войск или чаще всего даже отдельные модели и виды вооружений размещаются в рамках специального интеллектуального фрейма. То есть, материальное по-прежнему требует чего-то, что находится за рамками его самого.

На этой ноте стоит перейти к описанию современных взглядов на то, в условиях какой экономики мы живем. Как известно из мировой истории, в мире было как минимум три промышленных революции. Начиная с конца 1980-х постепенно началось внедрение компьютеров, в мире началась цифровизация. Однако, в отличие от двух предыдущих, этот процесс идёт довольно стремительно. На пороге уже четвертая промышленная революция с шестым технологическим укладом. На данный момент мы находимся на периферии этого процесса. Одними из фундаментальных понятий нынешнего технологического развития являются hardware, software и теперь уже «новое» brainware [5]. Это означает, что в условиях набирающих обороты «систем больших данных», стремления к инновациям на переднем плане по-прежнему остается умение формулирования правильных идей. Серая зона в некотором смысле представляет из себя специфический кластер, среду. На него вполне возможно накладывание специальных условных доменов, описывающих характер применения вооружений и силы, политических особенностей такого применения. Вероятно, это может быть производство или же ресурсы с их потенциальным применением в той или иной сфере. Все это вместе способно образовать единую и неразрывно связанную внутри систему. Ретроспективно мировая история довольно красноречиво демонстрировала нам, что конфликт практически всегда был двигателем прогресса. Собственно полученные в результате данные и опыт противостояния в перспективе могут выступать в роли основы для разработки новых технологических решений как военного, так и невоенного характера.

Исходя из реалий и специфики современной конфронтации, а также развития взглядов на базис того, на основе чего необходимо развивать современные технологии, возможно создание парадигмы, в пределах которой видятся возможности поиска конструктивных решений дальнейшего устранения посткризисной ситуации. Вполне возможно, что в дальнейшем в рамках союзнических отношений сторона, одерживающая вверх, может на основе извлеченных знаний и опыта налаживать выгодную взаимосвязанную систему создания новейших инновационных решений, опираясь на дружественные экономические отношения с союзником, чему может способствовать нестандартная и нелинейная природа конфронтации в рамках уникальной специфики отдельно взятой серой зоны.

Список литературы

1. Kapusta P. The Gray Zone / P. Kapusta // Special warfare. October 2015. – Vol. 28. – P. 18-25.
2. Mazzarr M. Mastering the gray zone: understanding a changing era of conflict / M. Mazzarr. – N.Y.: Strategic Studies Institute, 2016. – 157 P.
3. Robinson L. The Growing Need to Focus on Modern Political Warfare / L. Robinson // Rand. org [2019]. URL: https://www.rand.org/pubs/research_briefs/RB10071.html
4. Morris L. Gaining Competitive Advantage in the Gray Zone/ L. Morris // Rand. org [2019]. URL: https://www.rand.org/pubs/research_reports/RR2942.html
5. Nathan F. Outplayed: Regaining Strategic Initiative in Gray Zone / F. Nathan. – N.Y.: Strategic Studies Institute, June 2016. – 114 P.

УДК 327 + 93/94

ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННЫХ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ: РОССИЯ И ЗАПАД

Зубкова Ю.Б.¹, Глущенко А.И.²

¹МОУ «Гимназия № 6 города Донецка», г. Донецк, ДНР

²ФГАО УВО «Российский университет дружбы народов», г. Москва, РФ

juliaZubkova2006@narod.ru

В условиях современной глобализации на первый план выходят проблемы взаимоотношений не только отдельных государств: обострившееся политическое и, вследствие его, экономические противостояние между Россией и странами Запада, создают условия для расширения мирового конфликта. И такое политическое и экономическое противостояние многие известные политологи, историки и публицисты всё чаще называют «Холодная война 2.0.». Так же необходимо отметить, что современное противостояние называют «горяче-холодной» или гибридной войной, имея в виду противостояние в информационной среде и СМИ, в социальных сетях, вооруженный конфликт на Украине и в других регионах планеты с участием основных мировых игроков.

Градус международных отношений растет с каждым днем и деление мира на «мы» и «они» сменяется традиционным противостоянием больших игроков, которое, казалось, окончилось с распадом СССР. Тем не менее, очень многие достижения того исторического периода стали «достижениями» этого противостояния: современная система коммуникации, технологии, новые отрасли науки, развитие и совершенствование дипломатического искусства и т.д. Но на современном этапе мир больше склонен к возрождению другой традиции Холодной войны – «образ врага», но в новом облике становится основой формирования обновленных стереотипов в наше время. Кроме того, стереотипы и информационные клише, укоренившиеся в сознании

народов, в информационном пространстве и сегодня при малейшем поводе возрождаются. Напряженные отношения между США и Россией остаются, доказывая то, что запад не желает иметь никаких отношений с «врагом» и всячески проводит политику для изоляции России на современной международной политической арене [6].

Современная американская политика, как и в годы Холодной войны прошлого века, строится на доктрине ядерного сдерживания России, и свидетельствует, что доктринальный подход не изменился со времени середины XX века. «... Старые геополитические истины остаются пока в силе. А коль скоро это так — то и холодную войну нельзя считать в полной мере законченной.» [7]. В международных отношениях сохраняется и риторика угроз: так президент Б. Обама после присоединения Крыма пригрозил России изоляцией, в духе выступлений американских президентов середины прошлого века [3].

Однако само понятие холодной войны со временем трансформировалось, приобретя большие масштабы, расширились цели и задачи и количество участников, а особенно изменились ее формы и методы. «Сегодняшнюю войну называют «горяче-холодной» (гибридной), имея в виду войну на Украине рядом с границей России, вооруженные действия в других регионах. Но все-таки напрямую пока не воюет ни одна из великих стран. Мир находится в состоянии холодной войны, хотя градус международных отношений растет с каждым днем...» [4].

Но есть и кардинальные отличия в событиях середины XX века и сегодняшним днем: несмотря на серьезные противоречия и резкие заявления обеих сторон, начальникам генштабов армий России и США не мешает находиться на «постоянной связи по Сирии, а двум президентам – обсуждать вопросы подготовки своей встречи» [1]. Многие угрозы и вызовы прошлой Холодной войны сохраняют актуальность сегодня: гонка вооружений, накопленный ядерный потенциал. И, несмотря на то, что они кажется отошли на второй план и не так остры, - являются фактором новой напряженности. Тем более, что эти «старые» угрозы дополняются современными – терроризмом и тем, что увеличилось число стран, обладающих ядерным оружием [8]. В начале 21 века идет новая Холодная война, которая вышла на новый уровень, утратив некоторые характерные черты по сравнению с Холодной войной предыдущего периода, но приобретя новые, соответствующие современным тенденциям и технологиям, черты.

18 мая 2017 года в Музее военной истории Российского военно-исторического общества состоялось заседание дискуссионного клуба «Гучков Дом», посвященное теме «Холодная война между СССР и Западом: история и современность», на котором профессор Института стран востока, эксперт РАН А. Кошкин высказывает мнение, что «это противостояние больше чем идеологическая борьба, так как

противостояние нашего государства и англо-саксонского мира имеет почти 1000-летнюю историю и отличается лишь интенсивностью» [2]. В продолжении этой мысли можно привести точку зрения генерал-майора С. Печурова: вопрос трансформации Холодной войны в современное противостояние, он рассматривает с позиции их последовательности как этапов мирового соперничества. И это соперничество в мировом масштабе насчитывает «три «поколения»: войны «преднаполеоновского» периода, войны периода 1805–1939 годов, войны периода с 1939 года» [5]. А современный – четвертый этап характеризуется нечеткостью состояния войны и мира, нелинейностью столкновений, стиранием границ между фронтом и тылом, участием в противостоянии «военных» и «гражданских» структур одновременно [5]. Той же точки зрения придерживается историк К. Жуков и дополняет, что этот цивилизационный конфликт восходит ко времени Великого Князя Ивана III и, который не прекращается до сих пор, изменяются только методы противостояния. «...отрицание сегодня признаков холодной войны со стороны Запада, дезориентирует наше общество и органы власти. Это противоречит национальным интересам России и отрицание этого факта может обойтись очень дорого» [2].

В соответствии с вышеизложенным можно сделать вывод о том, что опыт той Холодной войны и ее анализ создает условия для формирования путей выхода из современной напряженной международной обстановки и конкретных политических, экономических и военных конфликтов.

Список литературы

1. Акопов П. Чем настоящее время отличается от холодной войны / Discred.ru. – 2018. – 03 апреля [Электронный ресурс]. URL: <https://www.discred.ru/2018/04/03/chem-nastoyashhee-vremya-otlichaetsya-ot-holodnoj-vojni/> (дата обращения: 07.09.2019).
2. Гаспарян А. Холодная война между СССР и Западом: история и современность. / Российский учебник – 2017. – 18 мая [Электронный ресурс]. URL: <https://rosuchebnik.ru/material/kholodnaya-voyna-mezhdu-sssr-i-zapadom-istoriya-i-sovremennost/> (дата обращения: 07.09.2019).
3. Доброхотов Л. Итак, новая холодная война? / Геополитика.ru. – 2014. – 07 апреля [Электронный ресурс]. URL: https://www.geopolitica.ru/article/itak-novaya-holodnaya-voyna_ (дата обращения: 07.09.2019).
4. Ильинский И.М. Холодная война: новый этап. // Знание. Понимание. Умение.: электронный научный журнал. – 2015. – №3 [Электронный ресурс]. URL: http://www.zpu-journal.ru/zpu/contents/2015/3/Ilinskiy_Cold-War-New-Stage/fulltext/ (дата обращения: 07.09.2019).
5. Печуров С.В. Ожидании неопределённого будущего. / Военное обозрение: электронный научный журнал. – 2014. – 6 февраля [Электронный ресурс]. URL: <https://topwar.ru/39354-v-ozhidanii-neopredelennogo-buduschego.html> (дата обращения: 07.09.2019).
6. Польшов М.Ф. Холодная война как способ борьбы США против СССР/ М. Ф. Польшов // Общество. Среда. Развитие (Terra Humana). – 2008. – № 3(8). – С. 36-54.

7. Шаклеина Т.А. Война продолжается / Т.А. Шаклеина // Внешняя политика и безопасность современной России 1991-2002. Хрестоматия в четырех томах. – Том 1. Исследования. – 2002. – С. 10-14. [Электронный ресурс]. URL: <https://scicenter.online/vneshnyaya-politika-scicenter/voyna-prodoljajetsya-36813.html> (дата обращения: 07.01.2019).
8. Экл А. «Холодная война» ушла в прошлое, но опасность конфликтов остается // Голос Америки. – 02.01.2007 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.golos-ameriki.ru/a/a-33-2007-01-02-voa2/620439.html> (дата обращения: 07.01.2019).

УДК 94:341.48(4)

ТРАНСГРАНИЧНАЯ ПРЕСТУПНОСТЬ КАК ФАКТОР ДЕЗОРГАНИЗАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКИХ, ЭКОНОМИЧЕСКИХ И ИДЕОЛОГИЧЕСКИХ ИНСТИТУЦИЙ ЕВРОПЕЙСКОГО ОБЩЕСТВА

Искра Е.С., Морозов Р.Н., канд. ист. наук, доцент
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР
misfitek@gmail.com

Во многих странах наблюдается рост трансграничной преступности. Развитие все более сложных средств быстрого пересечения границ облегчило преступникам передвижение по всему миру. Сложные структуры современных обществ и постоянный рост международных обменов открывают больше возможностей для международной преступной деятельности, которая в настоящее время достигла тревожных масштабов. Отдельные лица и компании подвергаются все большему давлению со стороны преступников, что приводит к широкому распространению чувства незащищенности.

Маршруты незаконного оборота наркотиков и многие структуры отмывания денег являются глобальными. Национальная полиция и судебная система по-прежнему играют центральную роль в борьбе с транснациональной организованной преступностью. На местном, национальном и глобальном уровнях растет убежденность в том, что борьба с транснациональной организованной преступностью не должна вестись исключительно полицией и судебными органами. Например, ООН стимулирует участие гражданского общества в борьбе с преступностью. Увеличение числа участников борьбы с транснациональной организованной преступностью также связано с деятельностью местных правительственных организаций, секторами здравоохранения, образования и предпринимательства [1].

Экономический эффект от миграции в Европе ощущается уже сегодня. Идея спасения Европы за счет миграции основана на постулате

культурной и этнической абсорбции. Плавильный котел народов Европы перестал работать. Подтверждением тому является переход Евросоюза к политике мультикультурализма, которая обернулась остановкой культурной абсорбции и формированием обширных этнических анклавов в европейских странах. В производстве и продаже запрещенных веществ задействовано больше трети организованных преступных группировок в Европе. Благодаря доходам от наркобизнеса, преступники в дальнейшем финансируют другие криминальные действия, в том числе и терроризм. Более всего в Евросоюзе распространяются кокаин и марихуана.

Экономика некоторых стран мира тесно связана с наркобизнесом либо на конкретном историческом промежутке времени, либо в более долгосрочной перспективе. Страна, обладающая этим ресурсом, никогда не ориентируется только на внутреннее его потребление – это лишено экономического смысла. Страна-экспортер наркотиков вывозит их как в виде исходного природного ресурса, так и в виде готовой продукции. Понятно, что оборот наркотиков относится к теневой экономике. Но если теневой наркобизнес является единственной экономикой страны, то рассматривать его можно как обычные экономические отношения. Производство, переработка и потребление этого природного ресурса могут быть учтены в официальном ВВП страны-производителя [2].

Лидеры стран, экономика которых тесно связана с экспортом наркотиков, могут произносить сколь угодно зажигательные и агрессивные речи о борьбе с наркотическим социальным злом. Это сознательное или неосознанное лукавство. С экономическим интересом можно бороться только экономическими методами. Всякий другой вид борьбы просто переведет производство и экспорт наркотиков на еще более «теневой» уровень. Страна-импортер наркотиков также на первых этапах развития наркобизнеса получает некоторые экономические выгоды. Увеличение смертности и заболеваемости в трудоспособных группах населения (от 16 до 64 лет) вследствие употребления наркотиков нивелируется значительным притоком рабочей силы из других стран, в том числе из страны-экспортера наркотиков. Собственная же рабочая сила, стоимость которой в развитых странах высока, заменяется рабочими-иммигрантами. Это дает эффект роста ВВП [3].

Транснациональная организованная преступность является глобальной угрозой, требующей скоординированного подхода во многих областях. На протяжении многих лет преступные рынки, на которых действуют транснациональные организованные преступные группы, доказали свою устойчивость. Угроза транснациональной организованной преступности – это угроза, которая постоянно проявляется в насилии, сделках на незаконных рынках и преступной выгоде.

Список литературы

1. Organized crime, organized responses – countering cross-border crime // International Crisis Group. URL: <https://www.unodc.org/unodc/en/frontpage/2011/June/organized-crime-organized-responses-countering-cross-border-criminality.html> (дата обращения: 15.09.2019).
2. Экономика наркомании: выгоды реальные и мнимые // Независимая. URL: http://www.ng.ru/ideas/2003-02-28/10_narkomany.html (дата обращения: 13.09.2019).
3. Transnational organized crime // United Nations Office on Drugs and Crime. URL: <https://www.unodc.org.unodc.en.data-and-analysis/toc.html> (дата обращения: 14.09.2019).

УДК 323.266:316.3

ИНФОРМАЦИЯ И ИДЕОЛОГИЯ, КАК СПОСОБ МАНИПУЛЯЦИИ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫМИ ОСНОВАМИ ОБЩЕСТВА

Казаренко Д.С., Медовкина Л.Ю., канд. ист. наук, доцент
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР
danira.13@mail.ru

На современном политическом Олимпе к «шахматной доске» допускаются только сильные игроки.

По определению сильным государством может быть только великая страна.

Величие страны определяется не только количеством ядерных бомб, наличием военно-космических комплексов или же единицами добытых баррелей нефти, но и высокообразованными гражданами.

Если государство не заинтересовано в образовании и просвещении своих подданных, то жители начинают приобретать статус легко управляемого населения.

Для России, как и для молодых независимых государств, первоочередной задачей является сохранение мыслящего и созидющего индивида, помнящего свою историю, чтущего национально-культурные ценности и отстаивающего свой менталитет.

Однако такое возможно только при условии возвращения государства в сферу многовекторного образования и воспитания своих граждан.

В рамках этого социально-политического преобразования общества необходимо жёстко контролировать, а в некоторых случаях и запрещать коммерциализацию культуры, образования, медицины, науки и, конечно, СМИ на любых площадках.

Безусловно, это сложный и долгий процесс, который необходимо начинать уже сейчас, чтобы иметь возможность в будущем уберечь

граждан от различных отрицательных манипуляций со стороны недружественных государств и их «демократических благ».

О том, что для достижения своих целей используются различные манипуляционные приёмы человечеству известно ещё с давних времён.

Одним из таких историко-манипуляционных шедевров являются трёхсотлетние китайские стратагемы, которые часто используются и в современных политических кульбитах, то есть применяются непрямые тактические ходы для достижения скрытого замысла [1].

В двадцать первом веке невероятно расширились манипулятивные способы воздействия на мнение мировой общественности. Это стало возможным благодаря научно-техническому прогрессу, который способствовал появлению глобализации средств связи (СМИ, Интернет, социальные сети). Имеет место быть активное влияние манипулятивных технологий в психологии (НЛП) и псевдо-культов (сайентология, различные секты).

На сегодняшний день манипулятивные технологии достигли высочайших вершин и причины этого, конечно же, глобально-политические. То есть, мы говорим о стремлении к перекраиванию политической карты мира.

Именно при помощи информационных манипуляций теневое правительство проводит консциентальные войны: сталкивает государства, имеющие разные религиозно-национальные ценности, стремящиеся переформатировать и перепрограммировать сознание людей, изменить их духовно-нравственные качества и превратить человека-созидателя и патриота своей родины в равнодушного эгоистического потребителя.

Экспертам и специалистам хорошо известны все составляющие консциентальной войны. Такая война является психологической по форме, цивилизационной по содержанию и информационной по средствам. В ней объектом разрушения и преобразования являются ценностные установки народонаселения противника.

В результате этого первичные цели заменяются вторичными, третичными и более низкими, приземного уровня, с несколько увеличивающейся вероятностью их достижения, причём эта вероятность, за счёт экономических и других материальных рычагов воздействия варьируется таким образом, что достижение заменяющих целей воспринимается человеком как его благо [2].

Вышеупомянутая стратегия манипулирования является ярким примером использования китайских стратагем мировым политическим истеблишментом.

Виртуозно жонглируя полуправдой, полуложью, полуфактами, политические гроссмейстеры, используя все возможные информационные ресурсы, искусственно создают патовые ситуации для переформатирования мирового порядка.

Знаменитая фраза немецкого бизнесмена Натана Ротшильда, гласящая о том, что владеющий информацией – владеет миром, уже давно стала

крылатой и неоднократно доказала свою истинность, став, по сути, своего рода наглядным отображением политической картины современного мира.

В настоящее время прогрессивные государства обращают особое внимание на то, что для защиты от информационных атак и манипуляций необходим целый комплекс мер, наличие которого означает налаженную тесную связь между институтами власти и общественностью; популяризацию государственных новостных площадок на всех уровнях, начиная с регионального, чтобы минимизировать риск манипуляции общественным сознанием.

Популяризация достойных доверия официальных каналов позволяет людям, желающим получить сведения «из первых рук», получать правдивую информацию, а не слухи и сплетни, распускаемые сомнительными источниками.

Повышение уровня доступности печатной продукции может сыграть немалую роль, ведь, как известно, чтение не только учит критическому мышлению, но способствует умению анализировать предложенную информацию.

В России уже сделан первый шаг в направлении противостояния информационным манипулированием и борьбой с ложной информацией в Интернете: 12 апреля 2018 года в Государственной Думе состоялось первое чтение законопроекта «О борьбе с распространением ложной и противоправной информации в социальных сетях» [3].

Это один из ярких примеров для молодых государств в сфере политики государственной и национальной безопасности.

Подводя итоги, стоит отметить, что для международной стабильности немаловажной является политическая грамотность общества, его способность анализировать и критически оценивать преподносимую информацию.

Это станет важным фактором в процессе противостояния любым информационным манипуляциям, применяемым в ходе консциентальных войн.

Победа в такой войне возможна только при наличии политически активных граждан не просто имеющих некое абстрактное представление о политике, но и умеющих думать о политике.

Список литературы

1. Потехин В.К. Современные войны и национальная безопасность России / В кн.: Кому будет принадлежать КОНСЦИЕНТАЛЬНОЕ ОРУЖИЕ в XXI веке? М. 1997. С. 69-87. URL: http://svitk.ru/004_book_book/17b/3777_potehin-sovremennie_voyni.php (дата обращения: 07.09.2019).
2. Тридцать шесть стратагем. Китайские секреты успеха / Перевод с кит. В.В. Малявина. М. Белые альвы. 2000. URL: http://www.pseudology.org/chtivo/36_stratagem (дата обращения: 07.09.2019).

ПРОЦЕСС СТАНОВЛЕНИЯ ИРАКСКОГО КУРДИСТАНА В УСЛОВИЯХ ШИРОКОЙ АВТОНОМИИ

Крысенко Д.С., д-р. ист. наук, доцент,

Нога М.С.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР

rita.noga.93@mail.ru

Несмотря на обостренность обстановки на территории Ирака, сохранившуюся после завершения процесса политического урегулирования и избрания легитимной власти в конце 2005 года, ситуация в иракском Курдистане была более стабильной, чем в целом по стране.

Однако оставался ряд болезненных для курдов вопросов, в частности, это касалось принадлежности Киркука и границ Региона Курдистан.

Курдским политикам удалось занять свою нишу в, так называемом, умеренном блоке, основной целью которого была стабилизация обстановки в стране. Также основными направлениями деятельности были укрепление внешнеполитического взаимодействия, прежде всего, со США, и развитие экономики региона с помощью привлечения иностранных инвестиций.

7 мая 2006 года парламент иракского Курдистана одобрил состав единого Регионального правительства во главе с Нечирваном Барзани, что стало фактическим объединением двух обособленных правительственных структур, существовавших в Эрбиле и Сулеймании, и ознаменовало создание единой легитимной власти в автономии [1].

Это стало возможным благодаря равномерному распределению 27 министерских постов между представителями ДПК и ПСК, а также тому, что лидеры этих партий заняли два самых важных для иракского Курдистана поста. Масуд Барзани был избран президентом Региона Курдистан, а Джаляль Талибани был избран парламентом Ирака на второй срок президентом страны в апреле 2006 года. К тому моменту на территории северного Ирака уже действовали свои законы, свои силы безопасности, имевшие право не допускать иракскую армию в автономию, а также своя виза [2].

В сентябре 2006 года Региональное правительство Курдистана создало Департамент внешних связей для поддержания отношений с международным сообществом. Исходя из взвешенной и прагматичной политики в отношении курдской автономии Ирака, а также своих экономических интересов, Исламская Республика Иран 6 ноября 2007 года открыла два консульства – в Эрбиле и Сулеймании, став первым государством, в состав которого входит часть этнографического Курдистана. На тот момент уже планировалось открытие генерального

Как и консульства Российской Федерации, которое состоялось 28 ноября 2007 г.

Несмотря на недовольство таким положением дел со стороны большинства стран Ближнего Востока, появление ряда дипломатических представительств на территории Южного Курдистана стало фактическим признанием широкой автономии курдов в Ираке.

Расширение внешнеполитических и экономических связей способствовало дальнейшему развитию Региона Курдистан, однако сложной оставалась ситуация в политической сфере.

Все молодые государства, курды столкнулись с проблемой коррупции в государственных органах, которая, к тому же, была усилена значимостью кланово-родственных отношений среди представителей власти и бизнеса. Сложным оставался и вопрос с распределением нефтяных доходов. Проект закона о нефти, выдвинутый иракским правительством, предусматривал распределение доходов населения в провинциях Ирака через национальную казну.

В 2008 году на политической арене Южного Курдистана появляется новое политическое движение «Горран», которое изначально было создано в пределах ПСК несколькими ее членами, однако, впоследствии, они были исключены из состава партии. Выборы, прошедшие 25 июля 2009 года в Региональное правительство Курдистана, изменили динамику курдской политики в Ираке, поскольку впервые появилась реальная политическая оппозиция двум правящим курдским партиям. «Горран», или «Движение перемен», получило чуть менее 25 процентов голосов курдов, что стало показателем того, что ПСК и ДПК на протяжении десятилетий блокировали местную политику [3].

На прошедших 7 марта 2010 года выборах в парламент Ирака коалиция ДПК и ПСК, зарегистрировавшихся, как и в прошлый раз, единым списком, получила 43 мандата и заняла четвертое место по результатам выборов. Курдская оппозиционная партия «Горран» получила 8 депутатских мандатов, что ознаменовало ее выход на политическую арену не только Курдистана, но и Ирака в целом. В 2011 году, когда события «Арабской весны» сотрясали весь Ближний Восток, именно партия «Горран» возглавила протестные акции в Сулеймании, требуя обновления властных структур за счет искоренения партийного принципа руководства, следования закону, прозрачности оборота финансовых средств от продажи нефти и т.п. Ситуация в Курдистане, как и по всему Ближнему Востоку, раскачивалась за счет акцентирования внимания оппозицией на самых сложных социально-экономических проблемах, а также на недоработках действующей власти.

Несмотря на затянувшийся военно-политический кризис в стране и политическое противостояние внутри самой курдской автономии, 7 июля 2017 года на встрече основных курдских политических сил было принято

решение о проведении 25 сентября 2017 года референдума о независимости курдских территорий Ирака.

При этом было заявлено, что голосование пройдет не только в трех провинциях, официально входящих в курдскую автономию, но и в таких городах, как Ханкин, Махмур, Синджар и Киркук, принадлежность которых оспаривали Эрбиль и Багдад [4].

Благодаря приобретению широкой автономии в 2005 году курдским государственным деятелям удалось выстроить прочную систему государственного управления практически во всех сферах Региона Курдистан.

Им удалось заложить жизнеспособную экономическую базу для дальнейшего развития с помощью привлечения иностранных инвестиций, прежде всего, в сферу добычи углеводородов. Также подобного эффекта удалось достичь благодаря успешному использованию экономической дипломатии в отношении соседних государств.

Применение именно этого вида дипломатии позволило курдам развить устойчивую систему внешнеполитических сношений в качестве субъекта внешней политики.

В данном контексте следует отметить и развитие в Регионе Курдистан сферы безопасности, что дало автономии возможность оставаться самой спокойной частью Ирака во время событий «Арабской весны» и оккупации боевиками ИГ части территории страны. Однако напряженность между РегПК и Багдадом, в основном из-за распределения ресурсов и нефти, а также контроля над спорными территориями породила дальнейшее стремление к дистанцированию между официальным Эрбилем и центральным правительством Ирака.

Список литературы

1. Мосаки Н.З. О региональном правительстве Иракского Курдистана // Институт Ближнего Востока. URL: <http://www.iimes.ru/?p=4612> (дата обращения: 04.04.2019).
2. Сажин В.И. К вопросу об обострении курдской проблемы // Институт Ближнего Востока. URL: <http://www.iimes.ru/?p=5934> (дата обращения: 04.04.2019).
3. Barkey H., Talibani Q., Hiltermann J., Marcus A. Kurdish Elections: Implications for Iraq and the Region // Carnegie Endowment for International Peace. URL: <https://carnegieendowment.org/2009/08/06/kurdish-elections-implications-for-iraq-and-region-event-1380> (дата обращения: 04.04.2019).
4. Юрченко В.П. Военно-политическая обстановка в Ираке (июнь 2017 года) // Институт Ближнего Востока. URL: <http://www.iimes.ru/?p=36234> (дата обращения: 04.04.2019).

ЕАЭС: ФОРМИРОВАНИЕ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ МОЛОДЕЖИ

Кузнецова Е.В., канд. полит. наук, доцент
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР
eku16@mail.ru

Евразийский экономический союз (ЕАЭС) создан для укрепления и углубления экономических связей между странами постсоветского пространства. В Решении Высшего Евразийского экономического совета от 6 декабря 2018 г. № 19 «Об Основных направлениях международной деятельности Евразийского экономического союза на 2019 год», как одно из приоритетных направлений, закреплено «взаимодействие с правительствами третьих стран, региональными объединениями, международными организациями, бизнес-сообществами и экспертными кругами третьих стран в целях продвижения актуальной информации о евразийской экономической интеграции и формирования позитивного представления о Союзе как эффективной и конкурентоспособной международной организации региональной экономической интеграции, в частности путем проведения презентаций Союза и совместных профильных мероприятий на различных международных площадках» [1]. Акцент делается на инструменты «мягкой силы» через легитимизирующие структуры [2, с. 11].

Молодежная повестка актуальна в рамках Евразийского экономического союза, ибо дальнейшая интеграция будет зависеть от того, кто будет её осуществлять, как подготовлены кадры, как сформировано общественное мнение. Как отметил Председатель Коллегии ЕЭК Т. Саркисян: «Успех Союза зависит от того, кто будет носителем нашей (евразийской. – *Авт.*) идеи» [3]. Его поддерживает и министр по торговле ЕЭК Никишина В., которая, оценивая работу Форума молодых дипломатов евразийского пространства (10 июля 2019 г., г. Москва), заявила: «Возможность личного общения молодых представителей будущей политической и экономической элиты наших стран будет способствовать укреплению связей, повышению открытости и доверия, созданию прямого и продуктивного диалога» [4].

В качестве примера формирования среди молодежи позитивного имиджа ЕАЭС можно выделить работу первой евразийской молодежной медиашколы, проходившей 24-29 марта 2019 года в г. Минске. Целью данного проекта для молодых журналистов стал поиск путей совершенствования медиaprостранства в странах ЕАЭС и странах-партнерах, подключение региональных СМИ к освещению евразийской интеграции. По словам заместителя Департамента развития интеграции ЕЭК Гоар Барсемян: «Евразийская интеграция открывает все больше

перспектив и возможностей для граждан и бизнеса, поэтому потребность в доступной и понятной информации о Союзе растет» [5].

Среди мероприятий по реализации евразийской интеграции можно выделить следующие. Так, 28-31 октября 2018 г. в Москве и Рязани прошел Фестиваль молодежи и студентов стран пояса добрососедства (евразийской молодежи) «Евразия – это мы!», на котором обсуждались вопросы межнационального сотрудничества, реализации общих проектов и молодежной политики, образования молодежи. В декабре 2018 г. уже в третий раз в НИУ «Высшая школа экономики» прошла деловая игра Международная модель ЕАЭС, в которой приняли участие не только студенты, но и чиновники из ЕЭК. В рамках проведения 25-27 сентября 2019 г. в г. Бишкеке IV Международного выставочного форума «Евразийская неделя» будет работать «Школа молодого лидера ЕАЭС», направленностью которой станет укрепление сотрудничества молодежи стран-участниц, повышение образовательного уровня молодого поколения, презентация образовательных программ вузов ЕАЭС, поиск новых возможностей для реализации молодежных инициатив и перспектив обучения и трудоустройства. Данное мероприятие позволит рассмотреть различные направления развития Союза и возможности, которые он открывает для молодых и активных людей. Важным шагом для привлечения молодежи к углублению евразийской интеграции станет создание Молодежного совета при ЕЭК, направленного на регулярное взаимодействие с объединениями молодых дипломатов министерств иностранных дел государств-членов ЕАЭС. Идет работа по созданию Ассоциации молодых дипломатов ЕАЭС. Взаимодействие молодых дипломатов, формирование экономической и политической элиты позволит углубить интеграцию на пространстве Большой Евразии.

В рамках Департамента развития интеграции ЕЭК ежегодно проходят школы для молодых экспертов, ученых и журналистов. Представители ЕЭК принимают участие в различных научно-практических конференциях и форумах, проводят лекции для студентов высших учебных заведений государств Союза. Эти и другие мероприятия представляются своевременными и востребованными, так как больше внимания всегда уделялось экономической части, созданию институциональной и нормативно-правовой базы Союза, но информационная поддержка оставалась крайне низкой. Игнорирование популяризации этого интеграционного проекта, имиджевой и разъяснительной работы по деятельности и преимуществах ЕАЭС негативно отразилось на формировании общественного мнения. Так, по результатам исследований Центра изучения перспектив интеграции, и Института социологии НАН Беларуси, был представлен Евразийский медиаиндекс, который является недостаточным в странах-участницах. В докладе отмечается, что страны ЕАЭС не занимаются активным продвижением интеграционной повестки и

в целом мало внимания уделяют проблематике Союза, при этом именно государственные СМИ могут стать основным инструментом информационных кампаний [6]. Иначе, медиапространство будет заполняться другими источниками информации, не всегда положительно настроенными по отношению к Союзу. Так, в Беларуси у молодежи (48 % поддержки среди молодых людей от 18 до 34 лет) более критичное отношение, чем у старшего поколения (от 35 до 54 лет – 62 %, а в возрасте старше 55 лет – 67 %). Для повышения интереса молодежи необходимо предложить привлекательный образ этого интеграционного объединения, используя современные цифровые технологии и искусственный интеллект.

Необходимо уделить внимание формированию положительного общественного мнения о ЕАЭС, в первую очередь, среди молодежи. Проведение подобных мероприятий позволит укрепить интеграционные тенденции на евразийском пространстве. Информирование о деятельности ЕАЭС, например, в сфере инвестиций, образовательных или культурных программ, будет способствовать формированию позитивного молодежного мнения о ЕАЭС.

Список литературы

1. Решение Высшего Евразийского экономического совета от 6 декабря 2018 года № 19 «Об основных направлениях международной деятельности Евразийского экономического союза на 2019 год». URL: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01220198/scd_07122018_19 (дата обращения: 15.09.2019).
2. Мешкова Т.А., Изотов В.С., Демидкина О.В., Кофнер Ю.К. ЕАЭС в меняющемся геополитическом пространстве: приоритеты международного сотрудничества // Вестник РУДН. Серия: Политология. 2019. Т. 21. № 1. – С. 7-33. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/eaes-v-menyayuschemsya-geopoliticheskom-kontekste-prioritety-mezhdunarodnogo-sotrudnichestva> (дата обращения: 15.09.2019).
3. Выступление Т. Саркисяна 03 апреля 2019 года в Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (РАНХиГС). URL: <http://www.eurasiancommission.org/ru/nae/news/Pages/03-04-2019-6>. (дата обращения: 16.09.2019).
4. Вероника Никишина: «От молодежи зависит, как будет развиваться Евразийский экономический союз». 10.07.2019 г. URL: <http://www.eurasiancommission.org/ru/> (дата обращения: 16.09.2019).
5. Выпускники первой евразийской молодежной медиашколы и их наставники: «Проект востребован!». URL: <http://www.eurasiancommission.org/ru/nae/news/Pages/03> (дата обращения: 17.09.2019).
6. Бородачева Е.М., Щекотуров А.В. Евразийский медиаиндекс. II квартал 2017 года. Москва-Минск. 2017. 46 с. URL: <https://eurasiamonitor.org/uploads/gffzlsnrpxne/file> (дата обращения: 17.09.2019).

РОЛЬ ЛИЧНОСТИ ШАРЛЯ ТАЛЕЙРАНА В СТАНОВЛЕНИИ НОВОГО БАЛАНСА СИЛ НА ВЕНСКОМ КОНГРЕССЕ

Лавриненко Д.С.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР

daria.lavrinenko@gmail.com

В современном мире на международные отношения и историю становления отношений между странами влияют политики, возглавляющие их, и более того, их имидж во многом влияет даже больше, чем их решения. Для того, чтобы понять тенденцию развития личности современного политика, необходимо исследовать и проанализировать суть поведения и историю жизни политиков, стоявших у истоков зарождения современной системы международных отношений.

Для достижения цели анализа роли политика в истории становления дипломатии был изучен жизненный и карьерный путь Шарля-Мориса де Талейрана-Перигора.

На протяжении своей жизни и в течение некоторого времени после смерти легендарный французский политик и дипломат Шарль-Морис де Талейран-Перигор (1754-1838) был весьма обсуждаемой, однако противоречивой фигурой как на родине, так и за рубежом [1].

Ему удалось значительно повлиять на противоречивые тенденции во время Французской революции (1789-1799), наполеоновской эры (1799-1815) и дальнейших изменений власти и ведения внешней и внутренней политики Франции.

Пожалуй, Ш. Талейран наиболее известен своими действиями на Венском конгрессе (1814-1815), где политическая карта Европы была значительно перерисована после падения режима французского императора Наполеона Бонапарта, который завоевал большие части Европы.

На Венском конгрессе в 1814–1815 годах он договорился о выгодном для Франции урегулировании международной обстановки, отменив завоевания Наполеона Бонапарта [2].

Талейран Ш. работал на высших должностях в правительстве сменявших друг друга французских режимов власти, чаще всего в качестве министра иностранных дел. Его карьера охватила режимы Людовика XVI, времен Французской революции, Наполеона Бонапарта, Людовика XVIII и Луи-Филиппа. Те, кому он служил, часто не доверяли Шарлю Талейрану, но, подобно Наполеону Бонапарту, находили его чрезвычайно полезным. Выражение «Талейран» стало отголоском коварной, циничной дипломатии.

После падения режима Наполеона Бонапарта, Венский конгресс 1815 года установил международную систему дипломатического ранга с

послами наверху, поскольку они считались личными представителями своего суверена.

Венский конгресс часто подвергался критике со стороны дипломатов 19-го века и более поздних историков за игнорирование национальных и либеральных импульсов и навязывание удушающей реакции на континенте.

Эта критика была неотъемлемой частью того, что стало известно, как Консервативный Орден, в котором свободы и гражданские права, связанные с американской и французской революциями, были подчеркнуты, чтобы можно было достичь справедливого баланса сил, мира и стабильности [3].

Следует отметить, что одним из важнейших результатов Венского конгресса стал политический результат, так как одной из основных целей конгресса было установление нового «Баланса сил» [4]; возможность предотвратить империализм в европейских странах, таких как наполеоновские империи, и сохранить мир между великими державами.

Этот баланс сил состоял из Австрийской империи, Великобритании, России, Пруссии и позже, в этот союз вошли французы. Кроме того, значение демократии было изменено в международных отношениях. После проведения конгресса у могущественных стран появилось больше земель. Наполеон Бонапарт вернул земли, которые он завоевал в наполеоновских войнах. Те страны, которые участвовали в Венском конгрессе, пытались сохранить систему королевства [5].

Таким образом, некоторые европейские государства после этого конгресса начали применять «систему конгрессов» и «систему конференций» в политике. После конгресса, в соответствии с политическими преимуществами Австрийской империи, Великобритании, России и Пруссии, это привело к балансу сил, который получил название «статус-кво».

Венский конгресс рассматривался как важное событие для Европы, и он стал частью переломного момента в ее истории. После наполеоновских войн было необходимо воссоздать новые политические границы для европейских стран и империй [6].

Под руководством европейских сверхдержав при участии Ш. Талейрана, представителя Франции участники переговоров подписали Венский конгресс с Австрийской империей, Великобританией, Германией, Францией и Италией. Талейран Ш. был одним из самых эффективных лидеров Конгресса [7].

Однако границы были установлены независимо от религии, наций и языков людей. Кроме того, по этой причине такая ситуация длилась недолго. Кроме того, эти решения создали новый вектор ведения внешней политики.

После Венского конгресса политические успехи стали более важными, чем успехи в войнах [8].

Анализируя роль личности Шарля Талейрана в становлении нового баланса сил в Европе на Венском конгрессе и развития дипломатии Франции 19 века, необходимо отметить, что Шарль Морис де Талейран был искусным дипломатом старой школы в качестве посла и министра иностранных дел.

Талейран III. имел собственное видение интересов Франции, которое заключалось в том, чтобы сделать переход от старого режима к новому как можно более безболезненным, сохраняя при этом территориальные интересы французской нации.

Его верность тем, кто оказался во главе французского государства, сохранялась в лучшем случае лишь до тех пор, пока сохранялась и их власть, но этот бесподобный циник, похоже, обладал подлинной преданностью Франции как страны, и его очевидные измены можно рассматривать как продукты более высокой лояльности.

Список литературы

1. Boudon J.-O. 1814, la campagne de France. Paris: Berlin. 2014. P. 140.
2. Тарле Е.В. Талейран // Тарле Е.В. Избранные сочинения. Т. 2. Ростов-на-Дону. 1994. С. 303.
3. Weil M.-H. Les dessous du Congrès de Vienne: d'après les documents originaux des archives du Ministère impérial et royal de l'intérieur à Vienne. Paris: Payot. 1917. Т. 1-2. P. 138.
4. Eynard J.-G. Au Congrès de Vienne. Journal de Jean-Gabriel Eynard / Publié avec une introduction et des notes par Édouard Chapuisat. Paris: Plon Nourrit et Cie. 1914. P. 223.
5. Киссинджер Г. Дипломатия. М., 1997. URL: <http://www.rulit.net/books/diplomatiya-read-283887-1.html> (дата обращения 13.06.2019).
6. Kerautret M. Quelques réflexions sur l'historiographie française du Congrès de Vienne // Napoleonica. La Revue. 2015. N 1 (22). P. 87-103.
7. Kissinger H. Diplomacy. New York: Simon and Schuster Paperbacks, 1994. 912 p.8. Lentz T. Le Congrès de Vienne, une refondation de l'Europe. 1814–1815. Paris: Perrin. 2013. P. 318-322.
8. Schroeder P.W. The Transformation of European Politics, 1763–1848. Oxford: Clarendon Press. 1994. P. 544-545.

УДК 351.746.1:327.5[(53)+(33)]

АРАБО-ИЗРАИЛЬСКИЙ КОНФЛИКТ В КИБЕРПРОСТРАНСТВЕ

Левчук К.А., Медовкина Л.Ю., канд. ист. наук, доцент
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР
levchuk.kristina@mail.ru

Современные информационно-коммуникационные технологии предоставляют всё новые возможности для обучения, ведения бизнеса, общения, политической деятельности. Конфликты также не являются

исключением из этого правила. Ярким примером можно считать борьбу израильских и палестинских хакеров.

Ареной для этих жестоких столкновений является Интернет и его разнообразные площадки: Facebook, Twitter, Википедия, YouTube, сайты крупных новостных агентств. С одной стороны, эти площадки предоставляют пользователям Интернета различные виды инструментов создания, контроля и манипулирования словами, изображениями, видео-файлами для удовлетворения собственных политических или идеологических интересов. С другой стороны, представители конфликтующих сторон могут использовать Интернет в качестве площадки для диалога, примирения и миростроительства.

В последнее время все крупные сражения между израильтянами и арабами сопровождались серьезными битвами в киберпространстве. Например, в 2000 году, после срыва мирных переговоров в Кэмп-Дэвиде и объявления «Второй палестинской интифады», пропалестинские и произраильские хакеры усердно работали над взломом и уничтожением основных веб-сайтов противника.

В 2008 году во время бомбардировок сектора Газа кибер-боевики снова возобновили атаки друг против друга. Марокканские хакеры взламывали израильские веб-сайты и распространяли через эти ресурсы листовку с надписью «Вы убиваете палестинцев; мы убиваем израильские серверы» [1].

Очередной всплеск кибер-атак произошел в 2010 году, когда военноморской флот Израиля задержал корабли с гуманитарной помощью, отправленной пропалестинскими активистами для жителей сектора Газа. Сразу после того как сообщение было передано в эфир, большое количество израильских веб-сайтов подверглось множественным атакам, включая веб-сайт израильской разведывательной службы (Моссад), службы безопасности (Шабак или (Шин-бет) и веб-сайт израильской армии.

Для того чтобы успокоить общественность израильский истеблишмент незамедлительно опроверг сообщения о нападении пропалестинских хакеров, объясняя ситуацию техническими сбоями [2]. В ответ израильские хакеры атаковали палестинские телекоммуникационные сети, в результате чего территория Палестины временно лишилась связи с внешним миром.

Обострение 2012 года также сопровождалось агрессией в виртуальном пространстве. По данным «The Times of Israel», к 2013 году было совершено более 60 миллионов попыток взлома израильских веб-сайтов, при этом большинство из них не нанесли конкретного ущерба [3].

Помимо вышеупомянутых примеров, конфликтующие стороны, в своих битвах за общественное мнение, придают всё большее значение социальным сетям: Facebook, Twitter; также таким приложениям как YouTube, Википедия, Google Earth, блогам и т.д. По словам пресс-

секретаря израильской армии майора А. Лейбовича, «блогосфера и новые СМИ – еще одна зона военных действий. Мы должны идти в ногу со временем» [4].

По данным The Telegraph, израильтяне и палестинцы первыми стали использовать возможности Twitter для ведения конфликта. Например, аккаунт Армии Обороны Израиля (<https://twitter.com/idf>) за 24 часа получил более 50 000 новых подписчиков. Израильское консульство в Нью-Йорке даже создало специальный аккаунт, наполняя его новостями и сводками, через призму произраильского взгляда, что по утверждению ведущего израильского ежедневника «Haaretz» вызвало «революцию в израильской дипломатии» [5].

В столкновениях 2014 года социальные медиа сыграли еще большую роль. Не только обычные граждане превратились в журналистов, сами журналисты начали вести репортажи с помощью Twitter, а их твиты транслировались по всему миру. В этот раз палестинцы уделили значительное внимание социальным сетям, освещая жестокость израильской военной машины. Многие наблюдатели отметили, что на этот раз «палестинцы выиграли битву в социальных сетях» [6].

Тогда люди по всему миру отказывались от «политкорректной» версии истории, предлагаемой CNN и BBC, и обратились к социальным медиа, чтобы понимать, что происходит на самом деле. Другим примером ожесточенных сражений в сети можно назвать борьбу на просторах онлайн-энциклопедии Википедии по поводу определения статуса Иерусалима. Со времени создания в октябре 2001 года страницы, дающей определение и описание Иерусалима, было зарегистрировано более 12 000 её правок. Все вышперечисленное относится к использованию киберпространства с целью пропаганды насилия и нетерпимости. Но все же существует несколько инициатив, которые используют возможности Интернет-пространства в качестве платформы для диалога и установления мира.

Одной из таких платформ стала конференция «YaLa – Молодые лидеры», организованная в 2012 году Ури Савиром, бывшим израильским посредником в арабо-израильском конфликте. Идея возникла еще в 2011 году, воплощением стала группа в Facebook [7], которая позволяет молодым палестинцам и израильтянам обсуждать вопросы войны и мира.

На базе этой группы и была проведена масштабная виртуальная конференция. Спонсором мероприятия стал Тель-Авивский Центр «Переса за мир», а морально поддержали инициативу самые разные известные люди – от принца Иордании Хассана бин Талала и госсекретаря США Хилари Клинтон до оперного певца Андреа Бочелли [8]. Активисты движения YaLa, израильтяне, арабы и палестинцы, работают и сотрудничают посредством Интернета, чтобы создать в регионе атмосферу, в которой царит мир, процветание и оптимизм.

Анализируя изложенное, можно сделать вывод, что в современном мире невозможно вычеркнуть влияние информационно-коммуникацион-

ных технологий из контекста ведения конфликтов. В арабо-израильском противостоянии медиа активно используются как миротворцами, так и разжигателями конфликта. Остается лишь надеяться, что в ближайшем будущем мирная инициатива все же возобладает.

Список литературы

1. Арабские хакеры взламывают израильские сайты // SecurityLab. URL: <https://www.securitylab.ru/news/269681.php> (дата обращения: 07.09.2019).
2. Elizabeth Flock, Palestinians say hackers have taken down phone and Internet services // The Washington Post. URL: <http://www.washingtonpost.com/blogs/blogpost/post/palestinians-say-hackers-have-taken-down-phone-and-internet> (дата обращения: 07.09.2019).
3. David Shamah, Major failures, minor successes for anti-Israel hackers // The Times of Israel. URL: <https://www.timesofisrael.com/major-failures-minor-successes-for-anti-israel-hackers/> (дата обращения: 09.09.2019).
4. Adi Kuntsman, Rebecca L. Stein, Another War Zone, Social Media in the Israeli-Palestinian Conflict // Middle East Research and Information Project. URL: <https://reliefweb.int/report/occupied-palestinian-territory/another-war-zone-social-media-israeli-palestinian-conflict> (дата обращения: 09.09.2019).
5. Shlomo Shamir, 'Twitter revolutionized Israeli diplomacy' // Haaretz. URL: <https://www.haaretz.com/1.5066384> (дата обращения: 11.09.2019).
6. Al Jazeera, Gaza and Israel: War of the hashtags // Aljazeera. URL: <https://www.aljazeera.com/programmes/insidestory/2014/07/who-winning-social-media-war-over-gaza-2014722172425666235.html> (дата обращения: 12.09.2019).
7. YaLa Young Leaders (@YaLaYLhttps) // Facebook. URL: <https://www.facebook.com/YaLaYL> (дата обращения: 10.09.2019).
8. Facebook стал платформой для крупной международной конференции // ToWave.ru. URL: <http://www.towave.ru/news/facebook-stal-platfomoi-dlyakрупnoi-mezhdunarodnoi-konferentsii.html> (дата обращения: 10.09.2019).

УДК 504+32(481):(4)

ЭКОПОЛИТИКА НОРВЕГИИ: РЕШЕНИЕ ПРОБЛЕМЫ ЭФФЕКТИВНОСТИ ЗАЩИТЫ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ

Лесик Е.В.,

Ерхов Г.П., д-р ист. наук, профессор

ГОУ ВПО Донецкий национальный университет, г. Донецк, ДНР

katelesik@yandex.ru

Охрана окружающей среды на современном этапе как никогда ранее занимает одну из наиболее острых и требующих скорейшего решения позиций наряду с иными глобальными вопросами XXI века. Значительное место в решении экологических проблем в последние годы принадлежит Европейскому Союзу.

Состояние современного природопользования, которое отличается своей сложностью, связано, в большей степени, с неэффективным

использованием природных ресурсов, и как следствие, непоследовательной правительственной экологической политики. Игнорирование принятых экологических законов и федеральных программ, неадекватное оценивание вопросов планирования и реального финансирования природоохранных мероприятий в бюджетах всех уровней приводит к затягиванию процесса решения проблем защиты окружающей среды.

Главное внимание к себе привлекает политика, проводимая странами, которые являются участницами Европейского Союза в виду того, что некоторые из данных государств носят звание наиболее экологичных стран мира. В этой связи, важным аспектом является детальное рассмотрение актуальных политических шагов, которые направлены на гармонизацию экологического аспекта, как каждого государства, так и Европейского Союза в целом.

Тенденции, которые можно проследить в политике ЕС, заставляют задуматься над трудно решаемыми теоретическими вопросами, к которым относится, прежде всего, формирование экологической стратегии в целях восстановления, защиты и сохранения окружающей природной среды Европы. Существует понимание, что в ЕС политика в области экологии должна быть направлена на достижение следующих целей:

- охрана здоровья человека;
- изменение уровня качества окружающей среды;
- рациональное использование природных ресурсов;
- решение как региональных, так и общемировых экологических проблем посредством международного сотрудничества по выработке действенных мер.

В основу деятельности по сохранению окружающей среды северной природы в Норвегии, Дании, Швеции и Финляндии положены как национальные подходы, так и требования Киотского протокола и Зелёных книг Европейского Союзу. К ним относится: научный анализ природного состояния северных территорий, изучение влияния электроэнергетики и других областей на окружающую среду. Требования Киотского протокола и Зелёных книг Евросоюза определяют, главным образом, допустимые значения выбросов газов в атмосферу [1].

Скандинавские страны, используя опыт Евросоюза в области защиты окружающей среды, наиболее серьезно воспринимают проблемы в сфере экологии. Прежде всего, это связано с обострением проблем в связи с активным развитием экономики региона, с усилением влияния ее промышленности и электроэнергетики.

Норвегия как государство, которое находится в уникальной электроэнергетической ситуации, имеет прямой доступ к возобновляемым источникам энергии посредством гидроэлектростанций. Стремление Норвегии следовать нормам экологических актов ЕС и Киотскому протоколу ограничивает возможности расширения использования нефти,

газа для производства электроэнергии из-за вредных выбросов. В этой связи, норвежское правительство строит свою природоохранную политику как на прямом директивном регулировании объема экологически вредных побочных продуктов электроэнергетики, так и на экономических действиях в области промышленности.

С 1988 года в Норвегии действует Национальное ведомство по расследованию и пресечению экономической и экологической преступности. Под контролем данного органа подготавливаются руководства, направленные на борьбу с загрязнением окружающей среды [2].

В качестве основных направлений экополитики были определены:

- развитие структуры, направленной на устойчивое производство и потребление;
- использование инструментов для контроля социального развития по вопросам защиты окружающей среды в различных областях;
- международное сотрудничество в целях решения региональных и глобальных экологических проблем;
- деятельность, направленная на защиту и сохранение существующего биологического разнообразия, снижению выбросов парниковых газов и т.д.

Анализируя современное экологическое состояние Норвегии, следует отметить, что экономика государства изначально основывалась на природных ресурсах и географическом положении, а также всегда динамично реагировала на изменения положений мирового рынка. Наличие большого количества полноводных и бурных рек ставит Норвегию на первое место по запасам гидроэнергии в Западной Европе.

В последние десятилетия отрасли с современными технологиями вышли на первый план. В настоящее время растет направленность на производство высокотехнологичной продукции, к которой относится электроника, промышленная работа, биотехнология и др.

Важным фактором успеха внедрения экологической политики является усилия Норвегии по соблюдению Парижского соглашения о сокращении выбросов парниковых газов. Особое внимание следует уделить ответственному участию широкой общественности и промышленности в избирательном сборе отходов, что затрагивает вопрос проблемы эффективного использования, переработки ресурсов.

Активная работа по созданию и развитию Зеленого пояса Фенноскандии представляет собой физико-географический район на севере Европы, объединяющий Скандинавию, Финляндию, Кольский полуостров и Карелию. На территории Норвегии и Финляндии есть некоторые, специально защищённые, природные территории, входящие в состав трансграничного объекта "Зеленый пояс Фенноскандии". Основная цель сотрудничества – это содействие устойчивому трансграничному экологическому, социальному и культурному сотрудничеству с целью сохранения разнообразия флоры и фауны региона.

Подводя итоги, следует отметить, что крупнейшим регионом, который оказывает в той или иной степени влияние на мировую экологическую политику, является Европейский Союз. Современный Европейский Союз – это единственная из всех ныне существующих групп стран, возникших в процессе региональной экономической и экологической интеграции, максимально близкая к стадии абсолютной интеграции [3].

Экологическая политика остается важнейшим направлением деятельности Норвегии в рамках Европейского Союза. В этой области сформирована обширная система экологического законодательства, нормы которой успешно реализуются на практике.

Список литературы

1. Ерхов А.Г. Экономика Скандинавских стран: рыночные реформы в электроэнергетике / А.Г. Ерхов // Монография: 2-е издательство / [под ред. Г.О. Черниченка]. – Д., 2013. – С. 203.
2. Экологическая политика / [под ред. С.В. Устинкина]. – Н., 2003. – С. 100.
3. Буторина О.В. Расширение Европейского Союза и Россия / О.В.Буторина, Ю.А.Борко. – М.: Деловая литература, 2006. – С. 568.

УДК 94:339.9:303.44.6

ОПЫТ СОТРУДНИЧЕСТВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ В СФЕРЕ НАУКИ И ОБРАЗОВАНИЯ

Морозов Р.Н., канд. ист. наук, доцент

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР

rusl.morozow@yandex.ru

Стремление народов Беларуси и России к социокультурному сотрудничеству было и остается стабильным. Наряду с интеграционными процессами в экономической сфере, большое значение имеет взаимодействие в области образования и науки.

С момента подписания в декабре 1999 г. Договора о создании Союзного государства постепенно стали устраняться расхождения относительно содержания и качества подготовки, перечня профессий и направлений (специальностей). Повысились возможности получения образования в вузах как России, так и Беларуси. Углублению такого рода взаимодействия способствовало принятие совместной программы «Формирование и развитие единого образовательного пространства Союзного государства» [1]. На сегодняшний день развитие единого образовательного пространства двух стран регламентируют более 10 основных нормативно-правовых актов. Дипломы и другие документы,

подтверждающие образовательный уровень, признаются двумя сторонами, право на получение бесплатного образования предоставляется гражданам двух стран от дошкольного возраста и до послевузовского образования. В 2016 г. в вузах России обучалось 18 тыс. молодых людей из Беларуси, в вузах Беларуси – 2 тыс. из России. На общих основаниях они получают стипендии и живут в общежитиях [2].

Формой вступительных экзаменов в ВУЗы РФ для граждан Беларуси является единый государственный экзамен РФ (ЕГЭ). Принимаются на обучение белорусы в соответствии с ежегодной квотой, выделяемой Республике Беларусь, по результатам вступительных испытаний, проводимых вузами самостоятельно. Необходимо отметить, что результаты ЕГЭ, как для граждан РФ, так и для граждан РБ, в учреждениях образования Республики Беларусь не учитываются [3]. Формой вступительных испытаний в вузы Беларуси для граждан России является централизованное тестирование (ЦТ), которое проводится в учебных заведениях Республики. Однако на платную форму обучения в Беларуси граждане России принимаются по результатам собеседования без сдачи ЦТ, стоимость обучения приравнивается к стоимости обучения для иностранных граждан.

Традиционными являются такие формы сотрудничества как повышение квалификации педагогических работников из Беларуси в учебных заведениях России, проведение совместных научных мероприятий, обмен опытом школьного самоуправления, взаимные визиты делегаций педагогов и т.д. Беларусь взаимодействует с 65 регионами России в сфере образования и молодежной политики, в том числе с 38 регионами в рамках региональных программ сотрудничества. Наиболее динамично развивается взаимодействие с органами управления образованием и учреждениями образования Москвы, Санкт-Петербурга, Московской, Смоленской, Брянской областей, Северо-Западного федерального округа, Краснодарского и Ставропольского краев [4].

В апреле 2006 г. на совещании ректоров высших учебных заведений белорусско-российского приграничья было принято решение о создании Международной ассоциации вузов приграничных областей Беларуси и России. В нее вошли государственные и негосударственные учебные заведения приграничных областей. В работе Координационного совета ассоциации принимали участие свыше 40 ректоров и проректоров вузов Гомельской, Могилевской, Брянской, Смоленской, Псковской и Курской областей. Под эгидой данной общественной организации проводится активная межвузовская деятельность. Так, Могилевский государственный университет им. А. Кулешова к 2018 г. заключил 33 международных договора о сотрудничестве с российскими вузами, общее число такого рода соглашений – 72 [5].

Постоянный Комитет Союзного государства России и Беларуси регулярно проводит конкурсы на лучшую научную работу по истории. Здесь важная роль принадлежит историческим факультетам МГУ и БГУ. Белорусские и российские вузы регулярно проводят совместные мероприятия по патриотическому воспитанию молодежи. Начал реализацию новый проект «Молодежь Союзного государства».

Солидная научно-исследовательская база традиционно представлена ведущими вузами Беларуси – Белорусским государственным университетом, Белорусским университетом транспорта, Гомельским государственным техническим университетом им. П.О. Сухого. Наиболее активные научные связи данные учебные заведения и научные школы поддерживают с коллегами из Москвы, Санкт-Петербурга, Брянска, Мурманска и Калининграда. В Гомельском техническом университете работает программа «Приглашенный профессор», с 2004 г. в университете организована лаборатория физических исследований, сотрудники лаборатории участвуют в реализации долгосрочного проекта «АТЛАС. рр-эксперимент общего назначения на ЛНС» совместно с Объединенным институтом ядерных исследований (г. Дубна, Россия) [6].

Сложившаяся структура научного сотрудничества Беларуси и России дает экономически оправданную возможность осуществить модернизацию в единой технологической цепочке. Это касается подготовки научных кадров. Интеграция в этом направлении демонстрирует значительные достижения. Так, Высшая аттестационная комиссия Беларуси приняла номенклатуру специальностей научных работников Российской Федерации в качестве базовой. Кандидатские, докторские диссертации российских и белорусских ученых признаются в обеих странах. Можно работать над диссертацией в Беларуси или России, защищать ее в России или Беларуси. На территории Союзного государства они имеют одинаковую силу.

Такого рода примеров успешного сотрудничества между научными центрами довольно много. Вместе с тем, существующие трудности в плане определенной «второстепенной» роли региональных научных центров не всегда позволяют эффективно налаживать равноценные формы взаимодействия. Сильным препятствием является несоответствие уровней компетенции органов местной власти, местного самоуправления. Научно-техническое сотрудничество недостаточно увязано с темпами внутренних преобразований как в Беларуси, так и в России. Белорусско-российская интеграция в научно-образовательной сфере сегодня является индикатором процесса сближения двух государств, тех явлений и процессов, которые во многом определяют весь ход и содержание сложного пути взаимодействия. Решение всего комплекса научно-образовательных задач предполагает не только формирование совместного пространства в данных сферах, что представляется не такой сложной задачей. Сложнее определить корректировку мировоззрения ученых и педагогов, широкого круга общественности как в Беларуси, так и в России.

Опыт сотрудничества двух государств в данных направлениях имеет для нашего региона важное значение, учитывая близость образовательного и научного пространства, установившиеся связи, менталитет и традиции. Взаимное содействие будет способствовать развитию образовательных и научных учреждений, имеющих всю необходимую базу в условиях мировой конкуренции и модернизации.

Список литературы

1. Сборник нормативных правовых документов Союзного государства. Москва-Минск, 2001-2002. 402 с.
2. Козляков В.Е. Роль Союзного государства в развитии межвузовского сотрудничества Беларуси и России. Труды БГТУ, 2017. Серия 6. № 2. С. 38.
3. Права граждан Союзного государства России и Беларуси. / Старичёнок В.В., Авдонин А. А.; Центр изучения перспектив интеграции. М.: ЦИПИ, 2018. С. 61.
4. Козляков В.Е. Указ. соч. С. 39.
5. Могилевский государственный университет им. А. Кулешова. Официальный сайт. Отдел международных связей. URL: <https://msu.by/mezhdunarodnoe-sotrudnichestvo> (дата обращения: 16.09.2019).
6. Гомельский государственный технический университет им. П.О. Сухого. Официальный сайт. Международное сотрудничество. URL: <https://www.gstu.by/international-activities/points> (дата обращения: 16.05.2019).

УДК 327(520):(470+571)

«МЯГКАЯ СИЛА» ЯПОНИИ: РОССИЙСКИЙ ВЕКТОР

Попова В.О.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР
valeria.popova12@mail.ru

В XXI в. военная мощь, наличие ядерного оружия, как и в прошлом столетии, выводит государство на позиции того, кто диктует правила, а не того, кто им подчиняется. Тем не менее, в условиях трансформации международных отношений всё большую актуальность приобретает «мягкая сила». Это понятие ввел Дж. Най во второй половине 1980-х годов.

«Мягкая сила», опирающаяся на культурную привлекательность, экономический успех, политические ценности страны и т.д., помогает добиваться желаемых результатов тем кто её применяет. Вдобавок такое «оружие» позволяет государству скрытно влиять на международные процессы, даже не являясь членом Совета безопасности ООН.

Япония, будучи до середины XIX в. закрытой страной, вынуждена была заключить ряд неравноправных договоров с западными державами.

После Второй мировой войны Япония поставила себе задачу стать полноправным участником международных отношений и избавиться от

клейма агрессора. В настоящее время Токио, как ключевой игрок на мировой арене, каждый год поднимается на строчку выше в глобальном индексе «Мягкая сила 30».

Актуальность темы заключается в том, что «мягкая сила» играет одну из решающих ролей в российско-японских отношениях, оказывая влияние на имидж Российской Федерации в Японии. Токио, в отличие от Москвы, довольно умело продвигает свой положительный образ по всему миру.

Цель – выявить основные каналы воздействия «мягкой силы» и их степень влияния на Российскую Федерацию.

Предложенную проблематику в своих работах рассматривали Казаков О.И. [1], Катасонова Е.Л. [2], Кочнева Е.Д. [3] и другие.

Основными направлениями «мягкой силы» Японии являются: распространение своей культуры и национального языка, продвижение своих достижений в различных сферах и областях жизни страны. В такой ситуации она представляет себя как «государство-пример», что менее затратно, чем наращивание вооружений.

Механизмы «мягкой силы» немного хуже развиты в России, из-за чего свой образ за рубежом строит не она сама, а ее оппоненты. Именно американские и европейские СМИ формируют негативный образ Российской Федерации в Японии. Зачастую Россия выставляется агрессором в любой ситуации, а также как государство, которое для достижения своих целей обходит нормы международного права. В противовес западным СМИ, к примеру, активно работает канал Russia Today.

Многочисленные опросы доказывают, что Российская Федерация занимает низкие позиции в рейтингах.

Этого нельзя сказать про Японию, которая, наравне со США, многие годы удерживает лидирующие позиции.

Согласно глобальному индексу «Мягкая сила 30» агентства Portland в 2015 г., Япония заняла 8 место, в 2016 г. – 7, в 2017 г. – 6 и в 2018 г. – 5. Российская Федерация в 2016 г. расположилась на 27 месте, в 2017 г. – на 26 и в 2018 г. – на 28 [4].

Таким образом, можно наблюдать положительную динамику у Японии и нестабильную ситуацию у Российской Федерации.

В своей пропагандистской деятельности Токио делает упор на продвижение японского языка и культуры. К слову, одним из ярких примеров японской «мягкой силы» являются фестивали, проводимые при поддержке Японского фонда (Japan Foundation) по всему миру, создающие позитивный образ и в России. Фонд был основан в 1972 г. как юридическое лицо под эгидой МИД Японии, а 2003 г. получил статус независимой административной организации [5].

Российская Федерация, как близкий сосед, проводит фестивали российской культуры в Японии. Но они малоэффективны, поскольку

японские аналоги помимо культурно-развлекательной программы проводят информационно-образовательные мероприятия (семинары, лекции, научные конференции и т.д.).

Выделение грантов, приглашение российских специалистов, ученых, японоведов, – всё это оказывает значительный эффект. Многие иностранные студенты могут пройти конкурс и выиграть стипендию японского правительства (МЕХТ) на обучение в японских университетах.

Для активизации изучения японского языка по всему миру в 1984 г. Япония ввела единый экзамен (Japanese Language Proficiency Test) [6], который планомерно ежегодно проходит в различных странах.

Например, на сайте NHK (японская государственно-общественная центральная телерадиокомпания) можно найти красочные уроки с аудиозаписями, которые познакомят потенциальных студентов не только с языковыми особенностями, но и с культурой Японии [7]. Кроме того, ежегодно при посредничестве таких компаний как Gaku.ru и Manabo, в Россию и некоторые страны СНГ приезжают представители японских языковых школ, вместе с известными людьми и блоггерами, приглашая в Японию на обучение. Gaku.ru и Manabo оказывают поддержку по всем вопросам, связанным с оформлением документов на обучение и проживанием в Японии.

Большие ставки Япония делает на молодежь, которая чаще всего подвержена влияниям моды. Широкомасштабным проектом является «Cool Japan» [8] («Занимательная Япония»), направленная на распространение японской культуры за границей (дорамы, анимэ, j-рор, косплей, манга, японская кухня, архитектура, единоборства и т.д.).

В качестве инструмента «мягкой силы» в России открываются японские центры. Сейчас их уже шесть: в Нижнем Новгороде, Москве, Санкт-Петербурге, Хабаровске, Владивостоке и на Сахалине.

В результате из-за огромного увлечения подростков японской поп-культурой в русский язык начинают проникать различные японские слова, которые переделаны на русский лад.

Опыт у японских коллег в этой деятельности, несомненно, богаче российского. Япония предстает в глазах людей идеальной страной для проживания и путешествий. Комплексный подход японских властей воздействует на умы народов, заставляя их задумываться о несостоятельности своего правительства, а в каких-либо вопросах международной жизни принимать сторону Японии, нежели своего государства.

В таком серьезном положении Российская Федерация должна принять ответные меры и грамотно подойти к применению «мягкой силы». В условиях глобализации и расширения медиапространства, «мягкая сила» порой более эффективный метод в политической борьбе и разрешении давних проблем.

Список литературы

1. Казаков О.И. О роли «мягкой силы» в российско-японских отношениях / О.И. Казаков // Актуальные проблемы современной Японии. Выпуск XXVII. – М.: ИДВ РАН, 2013. – С. 89-110.
2. Катасонова Е.Л. Япония и азиатский сценарий Джозефа Ная / Е.Л. Катасонова // Азия и Африка сегодня. Выпуск 9 (674). – М.: Российская академия наук, 2013. С. 70-74.
3. Кочнева Е.Д. Япония как мировой лидер продвижения soft power / Е.Д. Кочнева // Дискурс-Пи Выпуск № 2-3. Том 11. 2014. С.134-138.
4. Soft Power 30. softpower30.com URL: (дата обращения: 12.09.2019).
5. Japan Foundation. Отдел японской культуры в ВГБИЛ. URL: jpfmw.ru (дата обращения: 15.09.2019).
6. Japanese Language Proficiency Test. URL: www.jlpt.jp (дата обращения: 14.09.2019)
7. Уроки японского языка от NHK. URL: www.nhk.or.jp/lesson/russian/ (дата обращения: 15.09.2019).
8. Cool Japan. URL: www.cj-fund.co.jp (дата обращения: 14.09.2019).

УДК П 94:327(73) "1937/1941"

К ПРОБЛЕМЕ ФОРМИРОВАНИЯ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ США НАКАНУНЕ И В НАЧАЛЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Посредникова Т.Г.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР
tposrednikova@yandex.ru

Актуальность проблемы формирования внешней политики Соединенных Штатов в 1937–1941 гг. обусловлена тем, что предметом дискуссий стал вопрос о степени вовлеченности США в события предвоенного кризиса и начала второй мировой войны.

В отечественной науке данная проблема рассматривалась под углом соперничества Президента, желавшего, по мнению историков (Н.И. Егорова, В.И. Мальков, Д.Г. Наджафов, Г.Н. Севостьянов, В.Я. Сиполс, А.И. Уткин, Н.Н. Яковлев) демонтировать законодательство о нейтралитете, и Конгресса, охваченного изоляционистскими настроениями. В американской историографии оформилось четыре направления. Традиционалисты (У. Лангер и С. Глисон, А. де Конде, Х. Фейс, Р. Шервуд) видели Ф.Д. Рузвельта дальновидным политиком, который был ограничен действием акта о нейтралитете. Ревизионисты считали пагубным втягивание США в европейские дела. Реалисты (Д. Кеннан, Р. Осгуд, У. Липпман) упрекали Рузвельта в неспособности преодолеть сопротивление изоляционистов. «Новые левые» полагали, что политика Рузвельта была экономически обоснованной и жёстко прагматичной (Б. Бернштейн, В. Вилльямс, Л. Гарднер, Г. Колко). Тем не менее, вопрос:

была ли деятельность администрации Рузвельта ситуативной или подчиненной плану в формировании американской внешней политики до вступления в войну, остался открытым.

1930-е годы стали периодом серьёзной модернизации американской системы государственного управления. «Великая депрессия» вскрыла изъяны в структуре власти, пробелы в обороне, отсутствие инструментов воздействия Белого дома на СМИ. В свой первый президентский срок Ф.Д. Рузвельт занимался осуществлением «Нового курса», однако с осени 1937 г. он перешел к вопросам внешней политики. Президент действительно ощущал ограниченность своих действий, обусловленную политикой изоляционистов в Конгрессе, актом о нейтралитете, что уже не отвечало требованиям международной ситуации. Это подтолкнуло Ф.Д. Рузвельта к перестройке механизмов управления в период с осени 1937 по декабрь 1941 гг., когда начала формироваться новая концептуальная база внешней политики, а с 1941 г. началась разработка основ послевоенного мироустройства [1]. Поиск нового внешнеполитического курса США был обозначен в «карантинной речи», произнесённой Ф.Д. Рузвельтом в Чикаго 5 октября 1937 г.

Важную роль в изменении подходов также сыграл меморандум личного советника Рузвельта по вопросам внешней политики Н.Е. Дэвиса от 20 октября 1937 г., где были определены задачи, к решению которых с началом войны приступили Соединенные Штаты. В качестве основной угрозы была определена Япония, приоритет отдан тихоокеанскому направлению, для разрешения кризиса в АТР обозначена необходимость сближения с Англией, с которой совпали интересы США.

Как известно, первую попытку изменить акт о нейтралитете 1937 г., в целях расширения полномочий Президента при формировании внешней политики, Рузвельт предпринял в обращении к Конгрессу 4 января 1939 г. Он заявил, что «существуют много методов помимо войны, сильнее и эффективнее пустых речей...», намекая, что против Германии, Италии и Японии можно действовать методом санкций. Завязавшаяся в СМИ дискуссия заставила Президента временно отступить, тем не менее, повестка дня была озвучена.

После неудачи в Конгрессе Рузвельт перешёл к реформированию военной сферы. Было изменено положение оборонных структур в процессе выработки стратегических решений, откорректирована концепция построения вооруженных сил, заложены основы американского ВПК, поднят вопрос о базах; в 1941 г. Президент добился принятия закона об оказании военной помощи Великобритании, который стал прецедентным для организации помощи союзникам по антигитлеровской коалиции.

В начале 1939 г. изоляционисты возобновили прерванную в 1938 г. дискуссию о нейтралитете при обсуждении темы об испанском эмбарго. В данной ситуации политику Президента определил меморандум

председателя сенатского комитета по международным отношениям К. Питтмана от 11 января 1939 г., советовавшего Президенту остаться в стороне от обсуждений в Конгрессе. Избранная тактика не дала ожидаемого результата: критика Белого дома по вопросу об испанском эмбарго возобновилась, отдаляя начало изменений внешнеполитического курса [2]. В результате, пересмотр законов о нейтралитете Президент смог частично осуществить лишь только после нападения Германии на Польшу.

23 февраля 1940 г. генерал Дж. Маршалл, выступая перед конгрессменами, смог убедить их в необходимости проведения качественно новой политики: «Если в конце весны или лета начнется пожар в Европе, – сказал он, – мы должны подготовить наш дом прежде, чем искры достигнут западного полушария» [3]. Поскольку агрессия в Европе приостановилась, Конгресс урезал расходы на оборону. Но когда немцы оккупировали Данию, Норвегию, Бельгию, британцы эвакуировались из Дюнкерка, пала Франция, Америка испытала шок. Конгрессмены стали готовы к выделению средств на вооружение и к изменению политики. К этому времени главным объектом борьбы между изоляционистами, представленными ядром республиканской партии и интернационалистами во главе с администрацией, стала общественная поддержка: Рузвельт смог нейтрализовать фактор оппозиционных к Белому дому СМИ, что проявилось во время выборной кампании 1940 г. Соединенные Штаты, действуя на международной арене как нейтральная держава, с 1939 г. втянулись в помощь союзникам и в военные операции в северной Атлантике; известно, что ещё до Пёрл-Харбора, Рузвельт счёл необходимым ведение боевых действий вооруженными силами США с целью остановки продвижения Японии в Юго-Восточной Азии [4]. 11 марта 1941 г. Ф.Д. Рузвельт подписал директивы, давшие старт реализации программы ленд-лиза. Директива № 1 объявляла, что жизненно важной для обороны США является защита Великобритании, тем самым включив англо-американское военное сотрудничество в стратегию ведения войны.

Таким образом, внешнеполитический курс США, формируемый командой Рузвельта, имел определённые цели и приоритеты. Существенные преобразования, которые удалось провести Рузвельту в ходе развития механизма выработки внешней политики, заключались в следующем: во-первых, в преддверии войны значительно расширились полномочия исполнительной власти. Во-вторых, укрепились позиции военных в механизме формирования внешней политики. В-третьих, был «нейтрализован» фактор межпартийного соперничества, налажено взаимодействие Белого дома и СМИ. Война закрепила институты и формы функционирования американской бюрократии. Вступление США в войну 8 декабря 1941 г. обозначило завершение первого этапа модернизации американского внешнеполитического механизма, которая стала базой для дальнейших реформ, предопределив тенденции на десятилетия вперед.

Список литературы

1. Григораш И. В. Эволюция механизма формирования внешнеполитического курса США в 1937–1941 гг. : дис. ...канд. ист. наук : 07.00.03 / Григораш Игорь Владимирович. – Москва, 2004. – 260 с.
2. Трофименко В.Г. Политическая система и основы внешней политики США [Электронный ресурс] : учеб. пособие / В.Г. Трофименко. – Архангельск : Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова, 2017. 193 с.
3. George C. Marshall papers. George C. Marshall Library. Lexington. Virginia; Stark H.R. Interview for I.C. Poguc. Washington DC : March 13, 1959. Tape 54 (transcript).
4. National Archives, College Park, MD: RG 165.

УДК 316.774:323.39

СПЕЦИФИКА МАСС-МЕДИЙНОГО ПОЗИЦИОНИРОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ ЭЛИТ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Стоколос М.Д.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР
margarita.stokolos@gmail.com

В современном мире средства массовой информации (далее – СМИ), наряду с политическим, экономическим и административным ресурсом, являются важнейшим условием деятельности представителей политических элит разных уровней. СМИ формируют и способствуют выражению мнения определенных общественных групп, поэтому вопрос взаимодействия структур власти и информационных источников является крайне актуальным.

Информация сегодня обретает способности универсального капитала, являясь неотъемлемым ресурсом политического процесса в государстве.

СМИ, помимо традиционных функций, контролируют сам процесс борьбы политических элит за власть, осуществляют контроль деятельности властной элиты, а также выступают с критикой прежних политических ценностей.

Одной из самых популярных информационных платформ в течение последних нескольких лет остается Интернет, который вытесняет традиционные СМИ и имеет ряд преимуществ, среди которых высокая скорость подачи информации, а также возможность получения качественной обратной связи [1].

В Российской Федерации система коммуникации представителей высшего политического руководства с гражданами развита на высоком уровне. Одним из первых подобную систему выстроил Д.А. Медведев. Бывший Президент России в феврале 2009 г. впервые пообщался с гражданами в рамках передачи «Беседа с президентом» [2].

Действующий Президент России В.В. Путин создал качественно новый для государства проект – многочасовая «прямая линия» общения Президента с народом в прямом эфире.

В 2014 г. общение В. Путина с гражданами продолжалось 3 часа 56 минут, а уже в 2019 г. состоялась семнадцатая по счету «прямая линия» продолжительностью более 4 часов.

Немецкая газета Die Welt отнеслась к «прямой линии» 2014 г. с критической точки зрения, обозначив, что «прямая линия» с Владимиром Путиным – это просто шоу для избирателей и инсценировка прямой демократии» [3].

Издательство «Аргументы и факты» 24 мая 2015 г. опубликовало данные о 15 наиболее популярных аккаунтах мировых политических деятелей [4].

Премьер-министр Российской Федерации Д. Медведев занимал 11 строчку в списке, на первом месте располагался Президент США Б. Обама (2009-2017 гг.), а замыкал рейтинг – бывший губернатор Калифорнии А. Шварценеггер (2003-2011 гг.).

За исключением Д. А. Медведева остальные политические деятели Российской Федерации не вошли в данный рейтинг, что может свидетельствовать о низком уровне взаимодействия представителей политической элиты как со средствами массовой информации, так и с рядовыми гражданами субъектов РФ.

В сентябре 2014 г. Институтом независимых политических исследований совместно с Национальной службой мониторинга, при использовании метода экспертного опроса, был опубликован медиа-рейтинг информационной активности глав регионов в социальных сетях. По итогам сентября 2014 г. в тройку наиболее активных в социальных сетях губернаторов вошли:

- экс-глава Кировской области Никита Белых (409 записей в Twitter по состоянию на 2014 г. и 38,2 тыс. записей в настоящее время) [5];

- руководитель Чеченской Республики Рамзан Кадыров (351 публикация в Twitter в 2014 году и 5 394 записей по состоянию на сентябрь 2019 г.) [6];

- президент Татарстана Рустам Минниханов (255 сообщений в Twitter в 2014 году, 4 654 записей в сентябре 2019 г.) [7].

Активность глав регионов в масс-медиа является своего рода стабилизирующим фактором их деятельности.

Благодаря участию представителей высшего политического руководства в социальных сетях коэффициент информационной открытости становится сбалансированным, потому что отражает работу пресс-службы, а также личную экстравертность руководителей.

Единоличным лидером популярности среди российских политиков по запросам Яндекса и по упоминаниям в СМИ Яндекс является Владимир Путин.

Данные рейтинга «Биржевого лидера» по состоянию на декабрь 2014 г. свидетельствуют, что за месяц поступило 2 489 889 запросов в Яндекс в адрес Президента Российской Федерации [8].

В 2018 году В. Путин, по данным компании «Медиалогия», упоминался отечественными изданиями 3 694 852, что дало ему право возглавить рейтинг самых упоминаемых в российских СМИ персон в 2018 году [9].

Средства массовой коммуникации на современном этапе развития международных отношений выступают не только в качестве объектов, но и в качестве активных субъектов процессов взаимодействия с представителями политических элит. СМИ сейчас являются инструментом для достижения целей элит.

Позиционирование представителей политической элиты напрямую зависит от коммуникации со СМИ. Для политических элит особенно важны умение и навыки взаимодействия со СМИ, которые преобразуются во все более активного игрока на политической арене.

Список литературы

1. Батаев А.Х. Взаимодействие политической и информационной элиты в политическом процессе (региональный аспект) / А.Х. Батаев, М.В. Бекоев // Бюллетень ВИУ, 2012. № 39. С. 145.
2. «Лицом к народу». Дмитрий Медведев призвал представителей власти наладить прямое общение с гражданами страны // Expert Online. 2011. 20 января. URL: <http://expert.ru/2011/01/20/litsom-k-narodu> (дата обращения: 17.09.2019).
3. Welt: Общение Путина с народом – «инсценировка демократии» // Die Welt. 2015. 16 апреля. URL: <http://russian.rt.com/inotv/2015-04-18/Welt-Obshhenie-Putina-s-narodom> (дата обращения: 13.09.2019).
4. Алексеева Л. Президент говорит: 15 аккаунтов популярных политиков в Твиттере / Л. Алексеева // Аргументы и факты. 2015. 24 мая. URL: http://www.aif.ru/society/web/prezident_govorit_15_akkauntov_populyarnyh_politikov_v_twitter (дата обращения: 17.09.2019).
5. Никита Белых в Twitter. URL: <https://twitter.com/nikitabelyh?lang=ru> (дата обращения 17.09.2019).
6. Рамзан Кадыров в Twitter. URL: <https://twitter.com/rkadyrov?lang=ru> (дата обращения: 17.09.2019).
7. Рустам Минниханов в Twitter. URL: <https://twitter.com/rusminnikhanov> (дата обращения: 17.09.2019).
8. Названы 50 самых популярных политиков РФ в Интернете декабря 2014 г. // Биржевой лидер, 2015. 15 января. URL: <http://www.profi-forex.org/novosti-rossii/entry1008241826.html> (дата обращения: 17.09.2019).
9. Путин возглавил рейтинг самых упоминаемых в российских СМИ персон в 2018 году // ТАСС. 2018. 19 декабря. URL: <https://tass.ru/obshchestvo/5932815> (дата обращения 17.09.2019).

ИНФОРМАЦИОННЫЕ СИСТЕМЫ, КАК СПОСОБ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ МИРОВОГО СОЦИУМА

Сухобоченков Е.С.

ФГБОУ ВО «Российская Академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации», г. Москва, РФ
evgenyj-ser@yandex.ru

Современные информационные сети, согласно мнениям экспертов, выполняют серьезную функцию по просвещению общества в различных сферах жизни. Но так ли это на самом деле, и действительно ли сегодня человек способен получать правдивую информацию в «океане» различного контента при высоком уровне дезинформации? Эта проблема и обуславливает актуальность данного исследования.

Информация – это отражение реальности, передающееся при помощи знаков, сигналов, звуков, жестов и т.д. Данное определение говорит о том, что информация – это лишь отраженное представление о каком бы то ни было объекте. Поэтому любую информацию можно интерпретировать по-разному, адаптировав ее для конкретного человека, группы людей или общества [1].

Сегодня существует большое количество способов передачи информации, которые называются информационными системами. В каждом городе, регионе стране и государстве есть свои информационные системы, которые занимаются поиском, обработкой и передачей информации [2].

Все информационные системы взаимодействуют друг с другом, тем самым создавая мировую (глобальную) информационную систему. Именно глобальная система распространения информации отвечает за донесение контента до мировой аудитории. В данной системе существуют свои игроки – информационные акторы. Это может быть как государство, так и какая-либо организация, объединение, средство массовой информации или конкретный индивид [3]. В идеальных условиях, вся система должна работать на один результат – просвещение получателей информации, то есть населения планеты. Но довольно часто информационные акторы стремятся изменить имеющийся у них контент под свои нужды и цели. Поэтому уровень качественной и правдивой информации сегодня серьезно падает. Несмотря на развитие большого количества информационных сетей, при помощи которых индивид добывает себе информацию, нет абсолютной гарантии того, что такая информация будет правдивой [4].

Любой актор информационной среды способен интерпретировать передаваемую информацию так, что она будет иметь совершенно противоположный смысл, как правило ложный. Исходя из этого, можно

составить следующую формулу: чем больше информации производится в мире, тем легче ее скомпрометировать. Особенно эта формула хорошо просматривается в политической сфере. Каждая страна, блоки стран стремятся к предоставлению такого контента, который соответствовал бы их национальным интересам. Наиболее активно эта практика применяется в западном мире. Здесь локомотивом процесса выступают США, чьи технологии по формированию параллельного мира информационной реальности достигли огромных масштабов. Когда данные технологии используются против других стран, то возникает ответная реакция, что приводит к информационной войне.

По своей сути информационная война – это есть соперничество двух или более информационных систем за превосходство над остальными. Соответственно победа в таком виде конфронтации позволяет расширить зону информационного влияния, добавив к ней новые территории или же весь мир, если мы говорим о мировой войне [5].

В этой связи необходимо отметить, что роль информации и информационных сетей в политическом просвещении общества серьезно снижается. Основными каналами политического образования социума сегодня являются СМИ и Интернет – те информационные системы, где информация искажается больше всего. Сообразно этому растет и политическое оглушение мира. Людям насаждается превратное понимание протекающих в мире политических процессов. Отсюда и вытекают такие проблемы, как русофобия на Западе, различные перевороты и революции.

Отметим, что в этих процессах очень важна роль США, которые с 1990-х гг. продолжают удерживать передовые позиции в сфере информационного воздействия. Особенно данное направление, как часть внешней политики, развилось при Б. Обаме, при котором была принята концепция стратегической коммуникации. При помощи ложного политического просвещения, основанного на гиперболизированных понятиях демократии и равенства, США удалось сформировать в отдельных государствах протестные, и даже революционные настроения, которыми они умело манипулировали. Яркий пример – Украина 2014 г., где, помимо финансируемых радикалов, в перевороте принимали участие и люди, верящие в европейский демократический путь Украины и прочую ерунду [6]. Конечно, сознание этих людей было заблаговременно «обработано» при помощи технологий пропаганды. Им были навязаны неправильные политические установки и приоритеты, что было использовано во время протестных акций, и используется до сих пор. Это хороший пример того, как может работать ложное политическое просвещение в современных условиях информационного мира. Конечно, в информационных системах существует и сегмент традиционных политологических знаний. Но здесь основной проблемой является то, что большинство людей не желают их

потреблять, так как они слишком сложны для восприятия, если у человека нет соответствующего уровня образования. Из-за этого люди обращаются к низкосортным, маргинальным рассказам о политике, где все упрощенно до уровня базовых школьных знаний. Из этого вытекает проблема серьезной политической безграмотности определенного процента мирового социума, что создает некоторым странам (например, США) благоприятную почву для манипуляций общественным мнением и идеологической обработки обществ.

В свете вышесказанного можно сделать вывод, что информационные сети сегодня играют одну из основных ролей в вопросах политического просвещения населения планеты. И, как показывают различные тренды, эта зависимость будет расти в геометрической прогрессии (если принять, как данность наступление новой эры технологического мира). Поэтому сегодня важной задачей для любого государства является обучение своих граждан правильному пониманию политики, ее устоев и основных процессов, протекающих в ней. Только в таком случае государство будет способно оградить общество от негативного воздействия извне и снизить риск возникновения революционных настроений в нем. Но эту информацию необходимо представлять в упрощенном виде для того, чтобы вся масса людей была способна ее воспринять и понять. Политическое просвещение – это залог государственной стабильности, а его мировое измерение – залог стабильности современного и будущего мира.

Список литературы

1. Пахомова В.А. Понятие термина «Информация» и его историческое развитие // Киберленинка. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-termina-informatsiya-i-ego-istoricheskoe-razvitie> (дата обращения: 15.09.2019).
2. Барахнин В.Б. Информационная система: взгляд на понятие / В.Б.Барахнин, А.М.Федотов // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Информационные технологии. – 2007. – № 2. – С. 12-19.
3. Там же. – С. 14.
4. Соловьев А.В. Информационная война: понятие, содержание, перспектива // Киберленинка. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/informatsionnaya-voyna-ponyatie-soderzhanie-prospektiva> (дата обращения: 14.09.2019).
5. Там же.
6. Капустин Б.Г. Просвещение, как критика / Б.Г.Капустин // Вестник Российского университета дружбы народов. – Серия: Политология. – 2015. – № 4.– С. 68-84.

ПОЗИЦИЯ РФ И США ПО ВОПРОСУ О СТАТУСЕ ИЕРУСАЛИМА

Филобок А.О., Кухтин М.М., канд. полит. наук
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР
anastasia.filobok14@gmail.com

В течение всей истории Иерусалим многократно передавался из рук в руки, при этом оставаясь святым местом одновременно для трёх религий – христианства, иудаизма и ислама. С возникновением Израиля усугубился спор между евреями и арабами о принадлежности как Иерусалима в целом, так и его отдельных частей.

Президент США Д.Трампа в декабре 2017 года признал Иерусалим столицей еврейского государства, а также заявил о переносе посольства США в «город Давида». Это постановление претворило Россию в действительно единственного главного посредника в разрешении израильско-палестинского конфликта. Хозяин Белого дома в телеобращении заявил: «В конце концов, сегодня мы признаем очевидное: столицей Государства Израиль является Иерусалим. Это признание реальности, не более того». Достойной внимания является дата проведения Парижской конференции – ровно за пять дней до инаугурации Дональда Трампа, а именно 15 января 2017 года. Как позже стало ясно, одновременно с новым президентом Соединённые Штаты обретают и новую политику касательно Ближнего Востока. В период предвыборной гонки Дональд Трамп отмечал Совместный всеобъемлющий план действий по Ирану «печальной сделкой истории», вдобавок, обещал объявить Иерусалим столицей еврейского государства.

Следует отметить, что Конгресс США еще в 1995 году принял закон о переносе своего посольства в Иерусалим, связав это с 3000-летней годовщиной нахождения еврейского народа на земле «города Давида». Интересно, один из пунктов закона позволял хозяину Белого дома каждые шесть месяцев переносить исполнение закона на неопределённый срок. Этим и пользовались президенты Барак Обама, Джордж Буш-младший и Билл Клинтон. Но только не Дональд Трамп. По прошествии столь малого времени сложно с уверенностью утверждать о подлинных мотивах, на которые опирался американский лидер во время принятия столь спорного решения. Масштаб версий развернулся от так называемых закулисных договорённостей с Саудовской Аравией [1].

Министерство иностранных дел Российской Федерации, как и подавляющая часть стран мира, об обновлённой ближневосточной инициативе США высказалось отрицательно. «В Москве объявленные в Вашингтоне решения восприняты с серьезной обеспокоенностью. Исходим из того, что справедливое и надежное урегулирование застарелого

палестино-израильского конфликта должно достигаться на известной международно-правовой основе, включая соответствующие резолюции СБ и ГА ООН, которые предусматривают урегулирование всех аспектов окончательного статуса палестинских территорий, в том числе столь чувствительного вопроса Иерусалима, в ходе прямых палестино-израильских переговоров», – гласит официальный комментарий [2].

Осуждение «иерусалимского» решения 45-го президента США, доносящееся со всех сторон международного сообщества, несомненно, справедливо. Сегодняшняя мировая политика напоминает уже не последовательность выверенных поступков, а беспорядочное движение из необдуманных, резких поступков и скоропалительных заявлений политиков, которые при столкновении создают хаос. Вместе с тем, следует не забывать о том, что проблема Иерусалима является лишь частью достаточного трудного и широкого израильско-палестинского конфликта, который в последнее время попал в глухую стену, имеющую название «два государства – для двух народов». Цитируя политолога А. Эпштейна, «создание Палестинского государства поставит около двух миллионов людей, три четверти из которых – так называемые израильские арабы, а четверть – так называемые еврейские поселенцы, на грань гуманитарной катастрофы» [3]. В какой мере оправданным и насколько возможным в таких условиях представляется появление государства Палестина? Опираясь на мнение академика Виталия Наумкина, «...происходящие в регионе события создают окно возможностей для России, которой в этих условиях необходимо вновь подчеркнуть свое взвешенное, уважительное отношение ко всем партнерам на Ближнем Востоке и свои уникальные возможности быть посредником в конфликтных ситуациях» [4].

Список литературы

1. Город раскола: к чему приведет решение Трампа по Иерусалиму // РСМД. URL: <http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/gorod-raskola> (дата обращения: 05.04.2018).
2. Комментарий Департамента печати и информации МИД России в связи с признанием США Иерусалима столицей Израиля // МИД РФ. URL: http://www.mid.ru/web/guest/maps/us/-/asset_publisher/unVXBbj4Z6e8/content/id/2 (дата обращения: 04.04.2018).
3. Эпштейн А.Д. Горизонты и миражи палестинской государственности / А.Д. Эпштейн. – М.: Институт Ближнего Востока, 2008. – 432 с.
4. «Двойной тулуп» Трампа // РСМД. URL: <http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/gorod-raskola-k-chemu-privedet-reshenie-trampa-po-ierusalimu/> (дата

Конституционное и международное право

УДК 341.1

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО КАК ОБЕСПЕЧЕНИЕ МЕЖДУНАРОДНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В СИСТЕМЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Гридин А. Н., канд. ист. наук

ГОУ ВПО «Донбасская юридическая академия», г. Донецк, ДНР
gridin_pol@mail.ru

Основной задачей для современных субъектов международных отношений в сфере реализации и обеспечения системы международной безопасности на политическом уровне является соблюдение норм международного права в условиях, диктуемых временем и обстоятельствами, при надлежащей реализации мер ответственности в случае нарушения и/или несоблюдения норм и принципов международного права участниками мировой и внешней политики.

Именно десять основополагающих принципов создают тот необходимый режим универсальности, который способен предотвратить более опасные формы противостояния, связанные с необходимостью и желанием реализовать исключительно собственные интересы, суть национальные (государственные) и/или жизненно важные (*l'interet vital*), которые зачастую связывают с возможностью оправдания нарушения международного права [3].

Иногда подобная реализация может быть связана и обусловлена реализацией собственных политических амбиций и/или сугубо материальных интересов. На практике иллюстрацией противоречия между этими двумя видами интересов могут служить попытки радикальной модернизации процедуры применения права вето в СБ ООН, в частности, с целью значительного расширения возможностей проведения в жизнь группой государств силовых сценариев. Подобные устремления могут весьма негативно сказаться на системе международной безопасности, которая может быть реализована только на основе и при соблюдении международного права, на условиях взаимности и согласования собственных интересов с общими целями, принципами и задачами поддержания международного мира и безопасности, что само по себе формирует мощный универсальный интерес.

Следует отметить, что сама система международного права обладает внутренней логикой и последовательностью, а, следовательно, один его

отраслевой сегмент – например, право международной безопасности – не может быть изъят и отдельно реализован вне общего контекста, но вполне может быть реализован и обусловлен его рамками.

Международное право не предполагает наличия механизма наднационального (надгосударственного) принуждения ввиду наличия принципа «равный над равным власти не имеет» (*par in parem non habet imperium*) [2]. ООН таковым инструментом не является, хотя и предполагает широкий спектр мер и действий превентивного и принудительного характера, содержащихся в ее арсенале для обеспечения системы международной безопасности. Однако эти меры и необходимость их применения требуют именно согласованной интерпретации и не предполагают индивидуального толкования, диктуемого реализацией своекорыстных политических задач. Последнее, действительно, может создать впечатление о несовершенстве системы международной безопасности, попытки ее ограничения, упразднения или модернизации по какому-то одному образцу, не универсальному и не приемлемому для ряда или многих субъектов международных отношений и политики безопасности [1; 3].

Вместо этого, целесообразнее более полно обеспечить, наконец, реализацию уже согласованных норм, сообразуясь и руководствуясь уже созданными механизмами, требующими согласованных усилий участников международных дел при детальной проработке вопроса об ответственности, согласно международному праву.

Обострившиеся проблемы в области международной безопасности, связанные с террористическими актами и угрозами их совершения, экстремистской деятельностью, их отягчающих форм, включающих международный (транснациональный, иностранный) аспект, требуют пресечения и урегулирования, в том числе на международно-правовом уровне.

Однако при поиске средств для искоренения указанных явлений, представляющих угрозу обществам и государствам, в том числе в международном аспекте, наряду с международным правом следует задействовать внутригосударственные политико-правовые механизмы, во избежание перегруженности сегментов сложившейся системы международной безопасности и в целях повышения эффективности реализации существующих механизмов. Кроме того, международно-правовое регулирование деятельности субъектов международного права в борьбе с указанными противоправными явлениями сконцентрировано в рамках такой отрасли, как международное уголовное право, и требует отдельного рассмотрения.

Таким образом некоторые зарубежные представители школ международного права все более склонны противопоставлять суверенитет государств и международное право. В то же время представители других

школ международного права, включая многих отечественных специалистов, напротив, считают, что государственные интересы должны согласовываться и соотноситься с международным правом, ввиду его универсальности и всеобщности. Хотя на практике эту цель порой весьма непросто реализовать, к ней, тем не менее, следует постоянно стремиться – в общих интересах, связанных с обеспечением международного мира и безопасности в глобальном контексте – одной из главных целей, провозглашенных ООН еще в 1945 г.

Список литературы

1. Лукашук И. И. Международное право – Общая часть. Учебник для юридических факультетов и вузов. Москва, Издательство БЭК, – 2014.
2. Федоров В. Н. Организация Объединенных Наций, другие международные организации и их роль в XXI веке. – М.: Логос, 2015. С. 4.
3. Черниченко С. В. Контуры международного права. Общие вопросы. – М.: Научная книга, 2014. С. 107.

УДК 341.1/8

ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ И СТАНОВЛЕНИЯ ИНСТИТУТА ПРИЗНАНИЯ ГОСУДАРСТВ

Ковалёв И. П., канд. юрид. наук

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР
foxmob@mail.ru

Введение. Проблема появления и признания независимости новых государств в качестве полноправных членов международного сообщества на сегодняшний день является актуальным и дискуссионным вопросом в современном международном публичном праве.

Распад СССР, Югославии, Чехословакии, появление новых государств, субъектов международного права, их полное или частичное признание (Турецкая Республика Северного Кипра, Южная Осетия, Абхазия, Приднестровская Молдавская Республика и т. д.), стремление к самостоятельности отдельных частей уже давно существующих субъектов (Каталония в Испании, Шотландия в Великобритании, Тибет в Китае) определяют актуальность данной проблемы и побуждают к более основательному ее изучению.

Целью настоящего исследования является исследование процесса возникновения, становления, развития института признания независимости государств, и определения возможности учета исторического опыта в его совершенствовании.

Основная часть. Первым примером международного признания было коллективное признание всеми участниками Вестфальского мира Соединенных Нидерландов. Тогда же, 1648 г., Суверенитет получил Швейцарский союз.

В 1776 г. году 13 штатов Северной Америки отказались от каких-либо обязательств перед Британской монархией и заявили о своем суверенитете. Декларация независимости Томаса Джефферсона провозглашала рождение новой нации, а бороться за независимость Америки означало борьбу за собственные естественные права. Впоследствии в 1778 году между Америкой и Францией был подписан договор о дружбе и торговле, согласно которому Франция признавала суверенитет Америки. Кроме того, был подписан еще и союзный договор, который предусматривал, что при вступлении Франции в войну обе страны не сложат оружия, пока Америка не получит независимость, обе страны давали территориальные гарантии относительно их владений в Америке [1]. 3 сентября 1783г. между Великобританией и США было заключено Парижское соглашение, согласно которому Великобритания признавала независимость, свободу и суверенитет тринадцати бывших колоний, которые превращались в государства или штаты.

Принципы признания возникали исторически. Д. Анцилотти выделяет три основных принципа, которые оказали существенное влияние на развитие института признания независимости [2]. Принцип легитимизма был выдвинут на Виденском конгрессе Шарлем Морисом Талейраном согласно которому законность государства зависела главным образом от династических основ. В результате работы Конгресса был не только проведен территориальный передел Европы, но и разработаны принципы, которые легли в основу дипломатической практики во всем мире.

Принцип легитимизма был выдвинут в первую очередь для защиты территориальных интересов Франции и состоял в возвращении «законным» владельцам утраченных ими территорий. Сторонники легитимизма предлагают признавать государство (даже новообразовавшееся) при условии господства в ней «законной» (легитимной) власти.

Второй принцип – принцип национальности – сформировался во второй пол. XIX–нач. XX в. Согласно ему, законными могли быть только государства, имеющие в своей основе однородный национальный состав. После Второй мировой войны с активизацией антиколониального движения этот принцип получил новую силу и нашел свое оформление в резолюциях Генеральной Ассамблеи ООН 1960, 1962, и 1976 гг.

Историко-правовой основой возникновения тезиса о «праве народа на самоопределение» связывают с именем американского президента Вудро Вильсона. Но в его понимании эта идея не имела этнических

аспектов, а речь шла только о праве народов самостоятельно определять для себя форму правления.

В международном праве дискуссия о признании государств сводится к существованию двух теорий: конститутивной и декларативной. Конститутивная теория возникает из того, что субъект международного права появляется только в результате его признания другими государствами. Декларативная теория не легитимирует факт возникновения нового субъекта международного права, а означает, что его появление принято во внимание тем или иным уже существующим субъектом международного права [3].

Заключение. Институт признания независимости государств имеет длительную историю становления и развития. В эпоху Древнего Мира проходил процесс становления института международной правосубъектности, что в дальнейшем способствовало формированию различных институтов международного права, в том числе института дипломатии, посольского права и института признания государств.

Трансформация института признания государств происходит в соответствии с развитием Международных отношений. Так, важным этапом в этом процессе можно назвать распад колониальной системы после второй мировой войны. Активные национально-освободительные движения привели к возникновению на карте мира новых государств в Азии и Африке. В 90-х гг. прошлого века произошла новая волна образования суверенных государств. Следует отметить, что ни Устав ООН, ни другие универсальные международно-правовые документы не содержат нормы, которые бы детально регламентировали процесс признания. Следовательно, институт международно-правового признания остается слишком политизированным, что несет за собой создание слишком опасных прецедентов в будущем. Создается политика двойных стандартов и неоднозначная (непонятная) практика использования этого института. Поэтому, с целью избегания злоупотреблений и давления между государствами целесообразно было бы урегулировать институт признания государств на правовом уровне и закрепить в международном публичном праве однозначные, понятные критерии правовых процедур для новых государственных образований для их дальнейшего международного признания.

Список литературы

1. История соединенных штатов Америки: Нарис: – Пер. Ю. Лисняк и др; под ред. Говард Синкова и др.-Инф.аген. США, 1998. – с. 75
2. Анцилотти Д. Курс международного права. Т.1: Введения-общая теория / Пер. А. Л. Саккетти, Э.М. Фабрикова; Под ред. Д.Б. Левина. – М.:ИЛ, 1961. – С. 164.
3. Кошеваров В.П. Международное право: Учебное пособие. К.: Истина, 2009. – С. 26.

РОЛЬ СПРАВЕДЛИВОСТИ В ФУНКЦИОНИРОВАНИИ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА

Ковалева Е. В. канд. юрид. наук, доцент

ГУ ЛНР «Луганской академии внутренних дел имени Э.А. Дидоренко», г. Луганск, ЛНР
kafedra.tigp@bk.ru

Справедливость в международных отношениях – это нравственная модель должной организации и функционирования международной системы, включая международное право. Справедливость как нравственная категория носит классовый характер. Классовой является и справедливость в международной системе – государства с различным социальным строем вкладывают различное содержание в понятие справедливости. Но как в справедливости вообще существует общесоциальное звено, состоящее из простых норм справедливости, закрепляющих нравственный минимум, достигнутый в процессе социального прогресса, так и в международной сфере существует общечеловеческое, общедемократическое содержание справедливости, соответствующее представлению прогрессивного и миролюбивого человечества.

Справедливость – основополагающая идея современной международной нормативной системы в целом. Она определяет содержание и действие не только моральных, но также политических и правовых норм. Г. В. Мальцев правильно отмечает, что справедливость есть средство интеграции политики, морали и права в единой плоскости действия [2]. Без взаимосвязи эти нормативно-регулятивные системы не могли бы действовать согласованно, решать возложенные на них задачи. Право относится к числу социальных явлений, наиболее тесно связанных со справедливостью. Для международного права эта связь подчеркивалась еще более. Первые юристы-международники доказывали само существование международного права ссылками на справедливость, которая должна быть обеспечена во взаимоотношениях между народами.

Под справедливым миром, соглашением понимается такое урегулирование, при котором учитываются законные права и интересы всех затрагиваемых им государств на основе полного равноправия. Одновременно подчеркивается, что «сохранение всеобщего мира неотделимо в наше время от признания равноправия всех государств». Следовательно, равноправие государств, независимо от существующих между ними различий, признание и уважение законных прав и интересов всех государств – таковы основные элементы справедливости в международном праве. К этому добавим, что законность прав и интересов

определяется, прежде всего, на основе принципов международного права, представляющих собой главное воплощение справедливости в

В справедливости видели основу международного права многие видные юристы-международники. Так Ф. Ф. Мартенс писал, что международное право имеет своим источником идею правды и справедливости [4]. Такой подход направлен на то, чтобы доказать, что справедливость имманентно присуща международному праву, и тем самым содействовать повышению его авторитета.

Принципы международного права справедливы по своему характеру в целом и каждый в отдельности. Но, кроме того, они либо прямо апеллируют к справедливости, либо, как это имеет место в большинстве случаев, содержат нормативные положения, которые явно вытекают из идеи справедливости. Главное состоит в том, что урегулирование международных вопросов должно достигаться не угрозой силой или ее применением, а мирными средствами таким образом, чтобы не подвергать угрозе международный мир, безопасность и справедливость. Государства должны стремиться к скорейшему и справедливому разрешению своих международных споров. Ни одно государство не может ни применять, ни поощрять применение экономических, политических мер или мер любого иного характера с целью добиться получения от другого государства каких бы то ни было односторонних преимуществ.

Справедливый характер носит принцип самоопределения, согласно которому все народы имеют право определять без вмешательства извне свой политический статус и осуществлять свое экономическое, социальное и культурное развитие. То же можно сказать и о закреплении неотъемлемого права каждого государства выбирать свою политическую, экономическую, социальную и культурную систему без всякого внешнего вмешательства. Воплощением справедливости является принцип суверенного равенства. Равенство как никакая другая категория связано со справедливостью[3].

Требования справедливости воплощаются также в общих принципах права, в так называемых аксиомах права, присущих и международному праву, например: «никто не может быть судьей в своем деле», «выслушай другую сторону», «никто не должен получать выгоду из совершенных им правонарушений» и др. Нарушение такого рода общих принципов права способно вести к несправедливым результатам, к нарушению международного права,

Выражением справедливости представляется положение о том, что международное сотрудничество должно быть свободно от дискриминации. Справедливость находит отражение и в других принципах международных отношений, например в принципе взаимного уважения, взаимной выгоды. Особо отметим справедливый характер такого важнейшего принципа, как принцип равенства и одинаковой безопасности – единственно возможной

основы достижения справедливых соглашений в области разоружения и при решении других международных проблем.

Юристы, касающиеся роли справедливости в международном праве, обычно подчеркивают ее роль именно в процессе осуществления правовых норм. Международные суды и арбитражи в своих решениях неоднократно констатировали, что справедливость (или принципы справедливости) издавна рассматривалась как часть международного права и применялась судами; стороны также могут опираться на нее для обоснования своих претензий.

Непосредственное регулирующее значение справедливость оказывает лишь в той мере, в какой ее требования признаны большинством государств, находят отражение в их практике, а следовательно, в той или иной мере и в международном праве. Международное право не только отражает достигнутый уровень справедливости, но и служит ориентиром развития содержания справедливости в соответствии с коренными общими интересами государств, требующими обеспечения мира и развития взаимовыгодного сотрудничества.

Справедливости принадлежит важная роль в регулировании вопросов международно-правовой ответственности, возмещения причиненного ущерба. Весьма показательна ее роль при решении совершенно новой и весьма сложной проблемы международной ответственности за вредные последствия действий, не запрещенных международным правом.

Таким образом, роль справедливости в международном праве велика и многообразна. Справедливость оказывает растущее влияние на стабильность системы международных отношений, включая ее нормативную часть. Прочный порядок в международных отношениях может быть обеспечен только на справедливых основах. Устойчивость любой системы международных отношений все в большей мере зависит от оценки ее участвующими государствами как справедливой.

Список литературы

1. Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных наций от 24 октября 1970г. // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://base.garant.ru/2541031/>
2. Мальцев Г.В. Культурные традиции права: Монография / Г.В. Мальцев. - М.: Норма: НИЦ ИНФРА-М, 2013. – 608 с.
3. Мальцев Г.В. Нравственные основания права: Монография / Г.В. Мальцев - 2 изд., пересмотр. - М.: Юр. Норма, НИЦ ИНФРА-М, 2019. – 400 с.
4. Мартенс Ф. Ф. Современное международное право / Под ред. В.А. Томсинова – М.: Зерцало, 2008. – 251 с.

О СИСТЕМАХ ПАРЛАМЕНТСКИХ КОМИТЕТОВ

Кулакова Е. В., канд. юрид. наук

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР

kulakovaliza@mail.ru

Введение. Структура парламента обычно включает в себя такие подразделения как комитеты, формируемые по отраслевому принципу. Как правило, комитеты функционируют в течение всего срока полномочий парламента или палаты, если комитет создан в качестве органа этой палаты, но могут быть и временными, когда вопросы, которые они решают выходят за рамки регулярной работы.

Действенность большинства комитетов парламента обеспечивается, прежде всего, наличием сильной системы комитетов, именно в них концентрируется основная политическая и законотворческая деятельность парламента и осуществляется процесс принятия решений.

В зарубежной парламентской практике не существует идеальной формулы построения системы парламентских комитетов. Системы парламентских комитетов тех законодательных органов, в которых они являются достаточно эффективными и влиятельными, существенно отличаются друг от друга. Таким образом, представляется уместным обращение к сравнительно-правовым исследованиям относительно эффективности деятельности парламентских комитетов и объема закрепленных за ними полномочий в республиках различных видов, чем и обусловлена **актуальность представленного исследования.**

Целью настоящего исследования является изучение правового опыта регулирования деятельности парламентских комитетов в президентских, парламентских и смешанных республиках.

Система сильных комитетов.

Примером парламента с сильными комитетами может быть Конгресс США 103 созыва. Так, Сенат имел 20 постоянных и 4 общих с Палатой представителей комитета. Палата представителей имела 23 комитета. Количественный состав комитетов варьировался от 12 до 63 человек.

Так, основными характеристиками сильных парламентских комитетов являются:

- личный состав комитетов формируется по договоренности с партийными лидерами;
- распределений должностей в комитетах осуществляется по решению партий, но таким образом, что главой комитета всегда является член партии большинства, что дает возможность партии большинства обеспечивать себе определенное преимущество во всех комитетах;

- депутаты подают своему партийному руководству заявления с указанием профильного комитета, в котором они хотели бы работать, после чего составляются списки, которые далее выносятся на голосование на партийной конференции. Потом эти списки комитетов утверждаются парламентом в целом;

- структура комитетов и их процедуры определяются Регламентом комитета, который разрабатывается каждым профильным комитетом отдельно;

- депутаты могут работать в составе любого комитета, но право голоса имеют только в том профильном комитете, членом которого они являются;

- комитеты имеют достаточно большое влияние на правительство, поскольку должностные лица исполнительной власти *должны отчитываться* перед ними по вопросам, которые входят в компетенцию профильного комитета;

- комитеты регулярно делают запросы в различные правительственные учреждения, при этом, за непредоставление им необходимой информации, комитеты сами не могут применять санкции, однако могут ставить вопрос об ответственности конкретного должностного лица и о его соответствии занимаемой должности;

- министры и члены правительства назначаются президентом только по рекомендации профильных комитетов верхней палаты: комитеты Сената рассматривают более 200 кандидатур, выдвинутых президентом на должности министров, служащих исполнительной власти, а также федеральных судей, после чего данные кандидатуры утверждаются на заседании Сената [1, с. 41–70].

При этом необходимо отметить, что авторитет сильных комитетов, их независимость в выполнении контрольных функций обеспечивается независимым финансированием.

Система слабых комитетов. Примером парламента со слабыми комитетами может быть парламент Великобритании. Правительство может создавать и распускать любой парламентский комитет по своему усмотрению.

Так, основными характеристиками слабых парламентских комитетов являются:

- большинство процедурных правил, которыми регламентируется деятельность комитетов устанавливается и контролируется правительством;

- в парламенте создаются комитеты двух типов: временные (*ad hoc*) комитеты для рассмотрения одного или нескольких законопроектов, после чего они прекращают свою работу; постоянные комитеты;

- правительство имеет возможность ограничить по времени заседание временных комитетов и координировать их работу по конкретному вопросу;

- правительство может установить регламент и количество поправок, которые может рассмотреть комитет, кроме того, правительство определяет целесообразность внесения тех или иных поправок в законопроект;

- постоянные комитеты создаются для рассмотрения заранее не определенных законопроектов и проведения слушаний, связанных с работой отдельных министерств;

- во временных комитетах партии получают такое количество мест, которое является пропорциональным их представительству в парламенте, при этом, конечно, учитываются и профессиональные интересы депутатов;

- в постоянных комитетах партийная принадлежность не учитывается. Они по принципу своего построения должны быть беспартийными, их члены выбираются парламентскими лидерами партий по рекомендации правительства, а также под контролем оппозиционной партии;

- главы парламентских комитетов назначаются из состава Сборов глав, в котором принимают участие члены как правящей, так и оппозиционной партий;

- комитеты имеют право законодательной инициативы, но, в основном, уступают это право правительству и руководству партии;

- большинство законопроектов вносится в парламент правительством, комитеты могут внести в него свои поправки, которые прежде чем будут вынесены на голосование в парламент, должны быть утверждены соответствующим министром;

- комитеты могут налагать вето, но только на поправки к закону, а не на сам закон;

- постоянные комитеты обладают правом законодательной инициативы и могут проводить слушания, а временные комитеты такого права не имеют, при этом, большинство слушаний в постоянных комитетах проходят только с целью сбора необходимой информации [2].

Система переходных комитетов. Если рассматривать Конгресс США и британский парламент как две противоположности с точки зрения силы систем их комитетов, то системы комитетов стран Латинской Америки, Российской Федерации, Украины находятся где-то посередине, что, в общем-то является характерным для смешанных республик.

Так, основными характеристиками переходных парламентских комитетов являются:

- большинство комитетов действуют на постоянной основе с закреплением за ними определенных сфер деятельности;

- численный состав парламентских комитетов в период между выборами не очень стабилен; например, при наличии 3–5 партий в парламенте их соотношение может существенно изменяться от выборов, соответственно меняется и их представительство в комитетах, поскольку они формируются на пропорциональной основе от парламентских партий;

- профильные комитеты играют существенную роль в законодательном процессе, поскольку именно в них создаются законы, рассматриваются законопроекты, внесенные различными субъектами законодательной инициативы;

- профильные комитеты также играют важную роль и в бюджетном процессе, так как могут создать специальный комитет для изучения предложенного правительством проекта Государственного бюджета на следующий год [3].

Заключение. В президентских, парламентских и смешанных республиках парламентские комитеты естественно не являются одинаково эффективными, однако проведенный анализ позволяет выделить общие основные функции парламентских комитетов:

1) комитеты являются реальным центром создания законов, поскольку предоставляют возможность специализации каждому депутату в отдельной политической сфере;

2) комитеты играют важную роль в осуществлении контроля за деятельностью исполнительной власти, так как депутаты имеют определенную специализацию, то могут осуществлять контроль в своей сфере, а также принимать участие в разработке основ политического курса государства;

3) работа комитетов является важным способом улучшения понимания общественностью сложностей государственной политики (типичной является процедура проведения профильным комитетом парламентских слушаний, в которых могут принимать участие граждане, определенные специалисты, а также государственные служащие).

Список литературы

1. Бруслик О.Ю., Мукомела І.В. Комітеті Верховної Ради України: час реформ. – Харків: Юрайт, 2017. – 108 с.
2. Заславський О., Соколова М., Жерибор О. Функції, склад і види парламентських комітетів та їх роль у співпраці парламенту з урядом: світові практики // Часопис Парламент. Науково-популярний жуонал. – вип. 3. – 2018. – С. 9-32.
3. Эффективность организации парламентской деятельности. Сравнительные исследования (Сборник материалов) Серия: Международный опыт парламентской деятельности. Актуальные темы: Издание Совета Федерации // Аналитический вестник. – №10 (494). – 79 с.

ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ

Лapidус О.С.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР
lapidus.oksana@mail.ru

Коррупция на сегодняшний день приобрела такие масштабы распространения, что составляет угрозу национальной безопасности целых государств, в том числе и Донецкой Народной Республики (далее – ДНР). Коррупция приводит к разрушительному воздействию на демократические принципы государства, подрывает экономику страны, ее политическую систему, авторитет государства, становится неотъемлемым атрибутом системы государственного управления [1] и эффективно используется в процессе борьбы за власть.

Вместе с тем, несмотря на актуальность и важность политических аспектов коррупции, они остаются малоисследованными отечественными криминологами и политологами. Только некоторые научные труды содержат анализ такого опасного вида коррупции, как политическая коррупция и представляют исследования отдельных политических аспектов коррупции, в том числе и политических последствий коррупции. В частности, Н.И. Мельник к политическим последствиям коррупции относит нарушения демократических основ государства и общества [1]. Такого же мнения придерживается и российский ученый В.В. Лунеев. Он видит политические последствия коррупции в том, что демократия становится неэффективной [2].

Продолжая эту мысль, следует заметить, что такие тенденции очень опасны и влекут за собой сращение политиков и служащих с организованными преступными группировками. Криминальные структуры, накопив первоначальный капитал, пытаются идти во власть для защиты собственного нелегального бизнеса, собственных интересов. Вместе с тем они привлекают к своей преступной деятельности представителей различных органов власти, предлагая им материальное вознаграждение. При таких обстоятельствах можно себе представить, к каким последствиям может привести спланированная упорядочена деятельность такого «тандема» – криминал плюс власть. Это способствует тенизации экономики, криминализируются все ее сферы: бюджетная, кредитно-финансовая, налоговая, топливно-энергетический комплекс и другие [2]. При таких тенденциях стали коррумпированные связи становятся неотъемлемым элементом организованной преступности и, с другой стороны, институт независимости всех ветвей власти, в том числе

правоохранительных органов и судов теряет свой авторитет и становится лишь декларативной нормой. Власть теряет доверие у населения. Уровень правосознания и нравственности граждан снижается, а формирование устойчивого антикоррупционного мнения в обществе становится почти неразрешимой задачей.

Возникают вполне логичные вопросы: что делать и кто виноват? Не будем искать виновных, а прежде всего попытаемся найти возможные средства противодействия распространения коррупции в обществе. Практических сдвигов в этом направлении еще слишком мало, а применяемые средства противодействия коррупции пока оказываются малоэффективными. Возникает необходимость поиска более эффективных средств противодействия коррупции, в том числе и политических средств. К сожалению, на этом пути существует много препятствий, преодоление которых и будет служить основой противодействия. Первым препятствием и одновременно парадоксом здесь следует считать коррумпированность именно тех органов власти, на которые и возлагается именно разработка и осуществление направлений антикоррупционной политики. Низкая эффективность деятельности правоохранительных органов, отсутствие политической воли в борьбе с коррупцией, а также отсутствие общественной воли, активности только углубляет эту проблему.

К тому же существует мнение, что коррупция вообще является необходимым средством увеличения прибыли в условиях перераспределения собственности [3].

Для эффективного противодействия таким тенденциям в первую очередь необходимо установить соответствующий государственный и общественный контроль над процессами управления государственной собственностью, использованием государственных средств и всей системой государственного управления. На этом пути необходимо тщательно пересмотреть подходы к кадровой политике в сфере государственной службы. Эффективными методами считаются сокращение бюрократического аппарата и повышение профессионализма действующих кадров путем проведения регулярных аттестаций, ротаций, семинаров, конференций.

Привлечение общественности в этот процесс также будет только способствовать прозрачности проведения кадровой политики. Существует мнение о предоставлении законодательной инициативы общественным организациям. Продолжая эту мысль, следует отметить целесообразность предоставления такой инициативы, в частности, при разработке антикоррупционных программ, концепций, законов, проведении профилактических антикоррупционных мероприятий, разъяснительной работы среди населения. Повышению эффективности антикоррупционной политики способствовало бы издание соответствующей литературы, например, с таким названием: «Как защитить себя от коррупции?»

В связи с этим существует необходимость введения в учебные программы юридических вузов специального курса по изучению проблем коррупции, коррупционной преступности и различных аспектов предотвращения и противодействия этому явлению. Также целесообразным будет введение в вузах отдельной специализации по подготовке специалистов по борьбе с коррупцией.

Неоднократно упоминалось о создании института криминологии по проблемам коррупции. Таким институтом мог бы стать научно-исследовательский центр по изучению существующих и разработке новых более эффективных средств борьбы с коррупцией с введением специалистов всех отраслей права, экономики, финансов, сферы управления и политологии. Здесь также не обойтись без представителей общественности. Важным моментом здесь может выступать привлечение к этой деятельности представителей правоохранительных органов и международных организаций. Последний момент является очень важным, учитывая значимость международного опыта в процессе противодействия коррупции.

Опираясь на опыт зарубежных стран, некоторые специалисты считают необходимым для усиления эффективности антикоррупционной деятельности создать независимое учреждение или назначить независимого специалиста по борьбе с коррупцией. В некоторых странах деятельность таких учреждений имела положительные результаты, в частности, в США, КНР, Тайване и т.д. [2].

Таким образом, с учетом вышесказанного, можно сделать следующие выводы. Политические аспекты противодействия коррупции является крайне важной составляющей антикоррупционной политики и всего процесса борьбы с коррупцией в обществе и государстве. Правильное определение и идентификация препятствий на пути противодействия коррупции является неременным условием успеха этого дела. Продуманная кадровая политика и общественный контроль должны быть в основе разработки эффективных антикоррупционных методов и стратегий. Кроме того, в ДНР не хватает высококвалифицированных специалистов по борьбе с коррупцией, в связи с чем целесообразно будет введение в вузах отдельной специализации по подготовке специалистов по борьбе с коррупцией. Существует необходимость в создании научно-исследовательского Центра по изучению проблем коррупции.

Список литературы

1. Мельник М.І. Корупція – корозія влади (соціальна сутність, тенденції та наслідки, заходи протидії): Монографія. К., 2004. 400 с.
2. Коррупция: политические, экономические, организационные и правовые проблемы. Сборник материалов Международной научно-практической конференции (г. Москва, 9-10 сентября 1999 г.) / Под ред. В.В. Лунеева. М., 2001. 429 с.
3. Козлов Ю.Г. Коррупция: криминологические и социально-политические аспекты // Право. 1998. № 1. С. 13.

ВНУТРЕННИЙ ВООРУЖЕННЫЙ КОНФЛИКТ И ПРИМЕНИМЫЕ К НЕМУ НОРМЫ МЕЖДУНАРОДНОГО ГУМАНИТАРНОГО ПРАВА

Мазина Н.Е., канд. полит. наук, доцент,
Копыл И.А.

ГОУ ВПО «Донбасская юридическая академия», г. Донецк, ДНР
mazina_nataliya@mail.ru, kop.iva@yandex.ru

Внутренний вооруженный конфликт, по статистике самый распространенный в современном мире, возникает в случае систематического организованного вооруженного насилия внутри государства, направленного на политические изменения, обретение территориальной независимости либо восстановление политического контроля над всей или частью территории государства [1]. Следует отметить что, в современных условиях любой вооружённый конфликт, в том числе и внутренний, затрагивает интересы больших геополитических игроков и на том или ином уровне связан с вмешательством иностранных государств. В юридической литературе такие конфликты называют интернационализированными вооружёнными конфликтами (ИВК). По мнению британского профессора М. Калдор, ИВК следует относить к категории «новых войн» – нового вида организованного вооруженного насилия, сформировавшегося во второй половине XX века [2]. Так же М. Калдор делает акцент на необходимости новых подходов в области международного права и политики, исходя из современных реалий [2]. Практика показывает, что на сегодняшний день назрела объективная необходимость в пересмотре ряда норм международного гуманитарного права (далее МГП) относящихся к внутренним вооружённым конфликтам, характерным для эпохи «новых войн» и исследовании возможности расширенного применения норм МГП к различным современным моделям вооружённого противостояния.

На сегодняшний день проблема применения норм МГП к современному внутреннему вооружённому конфликту исследована фрагментарно, и не достаточно представлена в научном и правовом дискурсе. Ряд зарубежных учёных, в частности, Ф. Буше-Сольнье, Н. Мельцер, Ж.-М. Хенкертс, М. Калдор, выделяя ИВК в особую категорию, отмечают несбалансированность в области права немеждународных вооружённых конфликтов. По мнению российских ученых после принятия Женевских конвенций 1949 г. понятие «вооруженный конфликт» настолько видоизменилось, что уже не имеет той точности, которой оно обладало во время его разработки и принятия [3,

с. 42]. Эксперт по международной военной политике и военно-техническому сотрудничеству Института проблем безопасности СНГ Б. А. Смирнов указывает на то, что практически все современные вооружённые конфликты являются интернационализированными. Ученый подчёркивает, что международно-правовое содержание определения «транснациональный внутренний вооруженный конфликт» до сих пор не обосновано теоретически с точки зрения отнесения к той или иной области международного права и международных отношений [1, с. 85]. Важно отметить, что факт признания или отрицания состояния вооруженного конфликта государством, позволят государству решать вопрос о пороге применимости МГП с точки зрения политической целесообразности, а не позиций объективной квалификации фактов [4].

Внутренний вооруженный конфликт регулируются, прежде всего, общей для всех Женевских конвенций ст. 3 и Дополнительным протоколом II. Кроме этого важную роль для данного типа конфликтов играют нормы обычного международного права, которые в отличие от норм договорного права достаточно широко применяются к данному типу конфликтов. Так из 161-й нормы МГП применяемой к международным вооружённым конфликтам 147 применяются и к внутренним вооружённым конфликтам. Предложение распространить применимость Конвенций в полном объеме на немеждународные (внутренние) вооруженные конфликты было внесено на переговорах, предшествующих принятию Женевских конвенций 1949 г., однако из соображений политической целесообразности, опасений всплеска сепаратистских настроений и создания мотивации для вооружённых выступлений оппозиции поддержки со стороны мирового сообщества эта идея не получила. В то же время, для применения норм общей ст. 3 единственными критериями выступают уровень организации противоборствующих вооружённых групп и порог интенсивности насилия. [5, с. 17]. Дополнительный протокол II, принятый в 1977 году дополняет и развивает содержащиеся в общей ст. 3 положения. Статья 1 Протокола гласит: «1 Настоящий Протокол [...] применяется ко всем вооруженным конфликтам [немеждународного характера], [...] происходящим на территории какой-либо Высокой Договаривающейся Стороны между ее вооруженными силами и антиправительственными вооруженными силами или другими организованными вооруженными группами, которые, находясь под ответственным командованием, осуществляют такой контроль над частью ее территории, который позволяет им осуществлять непрерывные и согласованные военные действия и применять настоящий Протокол. 2 Настоящий Протокол не применяется к случаям нарушения внутреннего порядка и возникновения обстановки внутренней напряженности, таким как беспорядки, отдельные и спорадические акты насилия и иные акты аналогичного характера, поскольку таковые не являются вооруженными конфликтами» [5, с. 284]. В этом случае

используются более строгие критерии определяющие специфику вооруженного противостояния. Одной из сторон конфликта обязательно должно являться правительство государства, а оппозиционные вооружённые группы обязательно должны осуществлять эффективный контроль над частью территории, что приближает их к уровню фактического осуществления власти, с проистекающими отсюда обязанностями и правам. Что касается временных рамок внутреннего вооруженного конфликта, то он начинается, как только вооружённое противостояние достигнет определённого уровня интенсивности, и при этом будет происходить между достаточно организованными сторонами. Начиная с этого момента, и до достижения мирного урегулирования применяются нормы МГП.

В заключении следует отметить, что МГП как отрасль права возникло в 50х годах XX века, придя на смену классическому праву войны. Претерпел изменения и понятийный аппарат. Вместо классического понятия «война» стали использовать новый термин «вооружённый конфликт», который большей мере соответствовал современным реалиям. МГП оценивает происходящие события с фактической точки зрения, в отличие от формального подхода классического права войны. При этом вооружённые конфликты с точки зрения МГП подразделяются на международные и немеждународные. Такая «бинарная квалификация» значительно усложняет разбирательства в случаях интернационализированных конфликтов. Исходя из того, что большинство вооруженных конфликтов в настоящее время имеют признаки иностранного вмешательства, можно сделать вывод о том, что система МГП требует пересмотра с точки зрения современных реалий.

Список литературы

1. Зверев П.Г. Дефиниции вооруженного конфликта в международном праве // Юридические исследования. – 2015.– № 5. – С.69-103. DOI: 10.7256/2409-7136.2015.5.14356. URL: http://e-notabene.ru/lr/article_14356.html (дата обращения: 02.09.2019).
2. Калдор, М. Новые и старые войны: организованное насилие в глобальную эпоху / пер. с англ. А. Апполонова, М. Дондуковского; ред. перевода А. Смирнов, В. Софронов. – М.: Изд-во Института Гайдара, 2015. – 416 с.
3. Смирнов Б. А. Международно-правовые и политические подходы к квалификации вооруженного конфликта немеждународного характера // Международное сотрудничество евразийских государств: политика, экономика, право. 2017. № 11. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mezhdunarodno-pravovye-i-politicheskie-podhody-k-kvalifikatsii-vooruzhennogo-konflikta-nemezhdunarodnogo-haraktera> (дата обращения: 02.09.2019).
4. Досвальд-Бек Л. Обычное международное гуманитарное право. Нормы / Л. Досвальд-Бек, Ж.-М. Хенкертс // МККК, 2006. – 874 с.
5. Женевские конвенции от 12 августа 1949 года и дополнительные протоколы к ним. Издание пятое, дополненное. – М: МККК, 2011. – 300 с.

ТЕНДЕНЦИИ ЗАЩИТЫ АВТОРСКОГО ПРАВА В СФЕРЕ ИНФОРМАТИЗАЦИИ НА ПРИМЕРЕ США

Нарыжный Н.А., Кизилова А.В.

Министерство юстиции Донецкой Народной Республики, г. Донецк, ДНР
naryzhnyj@yandex.com

Информация, знания и культура являются ключевыми факторами развития свободы личности, поэтому изучение тенденций и способов возникновения и распространения информации через интернет имеет глубокий и доктринальный характер [1].

Основная задача государства на современном этапе развития цивилизации заключается в построении информационного общества. Не случайно в международных актах и национальном законодательстве стран широко применяются термины «цифровая эпоха», «цифровая эра», что обусловлено развитием научно-технического прогресса и цифровых технологий. Построение и развитие информационного общества сегодня предполагает необходимость усовершенствования, трансформации как национальных, так и международных норм права [2]. Неотъемлемым элементом общественного прогресса является развитие права, а институт авторского права и смежных прав в этом отношении не исключение.

Распространение любого вида творчества с помощью интернет-технологий ставит ряд проблемных вопросов: поощрение авторов к выражению творчества и стимулирование к преодолению новых вызовов в условиях расширения границ действия законодательства об авторском праве; поиск баланса между желаниями собственников исключительных прав в расширении полномочий относительно использования результатов интеллектуального творчества и пользователей, заинтересованных в свободном доступе к творчеству, а также свобода выражения творчества в эпоху цифровых технологий.

Исследованию проблем авторского права и выражения интеллектуального творчества в эпоху информатизации общества посвящены труды таких авторов как Р. О. Будник, С. Лессига, Н. Луки, А. Г. Назарова, К. Раустиала, К. Спригмана, О. И. Харитонова и др.

Американская правовая система в определенных случаях достаточно оперативно реагирует на проблемы и требования по внесению изменений в законодательные акты, в связи с чем результаты изучения и анализа американского опыта правоприменения в области интеллектуальной собственности могут быть эффективно использованы в сфере информатизации.

Главной целью работы является исследование вопросов правового регулирования авторского права и проблемных аспектов

правоприменения, которые возникают в связи со стремительным распространением интернета в США и развитием информационных технологий.

Современные тенденции развития общества поражают. Так, технологический и экономический прогресс человечества привел к свободной циркуляции идей и знаний. Обычные люди начали создавать, копировать, изменять и делиться своими работами с публикой в мировых масштабах без требования обращения к коммерческим посредникам контента, таким как издатели, звукозаписывающие компании, студии и др. [3].

Распространение информации в интернете, способы регулирования деятельности в сети привели к расширению законодательных или регулирующих прав интеллектуальной собственности, которые распространяются не только на коммерческую деятельность авторов, но и на коммерческое творчество каждого.

Новые информационные технологии создали новые возможности для потребителей и в то же время некоторой мерой пошатнули позиции компаний, представленных в индустрии, и создателей контента.

Проблемы глобализации привели к увеличению значения международной торговли, потребностей в инвестициях, развитию информационных технологий и стандартизации, повлияли на развитие национального законодательства, заключение международных сделок, а также поиск путей взаимодействия в сфере интеллектуальной собственности.

Насколько эффективным будет применение права интеллектуальной собственности для развития национальной экономики зависит от политики государства.

Государства принимали осознанные решения относительно своих систем права интеллектуальной собственности, адаптировали внутреннее законодательство в сфере интеллектуальной собственности к своему уровню развития. В частности, история законодательства в отрасли интеллектуальной собственности в тех государствах, которые на данный момент относят к развитым, показывает, что они не вводили усиленную охрану до тех пор, пока не достигли соответствующего уровня развития [4, с. 49].

По данным Бюро технической оценки проектов при конгрессе США, будучи развивающимся государством, США отказались придерживаться норм международного права в сфере интеллектуальной собственности на том основании, что свободный доступ к творчеству иностранных авторов способствует социально-экономическому развитию.

По высказыванию профессоров К. Раустиала и К. Спригмана, рост экономики США был аналогичен тому, как сегодня происходит увеличение реального производства продукции Китая – из-за изготовления и распространения контрафактной продукции. В XVIII–XIX вв. изобретения и товары, изготовленные в Великобритании, были мишенью

для копирования товаропроизводителей США, на них они сосредотачивали промышленное шпионство. Американские предприниматели стремились повторить секретные британские проекты для ткацких верстальщиков и мельниц, а правительство США всяческими способами способствовало этому [5]. Поэтому китайское правительство придерживалось политики «коренных инноваций», утвержденной в 2006 г., которая выражалась в увеличении оригинальных инноваций на основе применения и повторения иностранных инноваций и технологий.

Ранее законодательство США содержало запрет на получение иностранными авторами патентов на изобретения, которые были запатентованы в других государствах, и значительные препятствия для иностранных изобретателей. Авторское право США не предусматривало защиту для иностранных авторов и изобретателей. Следовательно, издательства США, которые публиковали иностранные произведения без разрешения авторов, не нарушали национального законодательства. Этот запрет просуществовал до 1891 г., и даже после иностранным авторам для обеспечения защиты своих авторских прав необходимо было издать свое произведение в США. Это требование полностью не исчезло из законодательства до 1980 г. Сторонником такой политики был Бенджамен Франклин, во время политической деятельности которого было распространено переиздание произведений британских авторов без выплат вознаграждений. Такое ведение бизнеса американскими производителями широко критиковалось британцами [5].

Таким образом, конкуренция интересов в сфере интеллектуальной собственности заключается в том, что правообладатели заинтересованы в предоставлении им широкой монополии на использование результатов творческой и интеллектуальной деятельности, тогда как пользователи заинтересованы в упрощенном порядке доступа к объектам интеллектуальной собственности и ограничении монопольного положения создателей объекта права интеллектуальной собственности.

Список литературы

1. Йохай Бенклер. Богатство сетей: как социальное производство меняет рынок и свободу. URL: <http://www.успех.укр/kniga-yohay-benkler-bogatstvo-setey/>.
2. Савина В.С. Авторское право в информационном обществе: перспективы развития. Ленинградский юридический журнал. 2013. № 2 (32). С. 138-142.
3. The people formerly known as the audience. URL: <https://www.economist.com/node/18904124>
4. Основные тенденции развития права интеллектуальной собственности в современном мире, в том числе новые объекты интеллектуальных прав и глобальная защита, подготовлено по заказу Акционерного общества «Российская венчурная компания». Москва, 2017.
5. Raustial K., Springman C. Fake It Till You Make It. URL: <https://www.foreignaffairs.com/>.

ИНТЕГРИРОВАННОЕ ОБУЧЕНИЕ СТУДЕНТОВ ЮРИДИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА КАК ОДИН ИЗ МЕТОДОВ МОДЕРНИЗАЦИИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА

Соловьёва Ю. А., канд. юрид. наук
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР
Soloveva5585@bk.ru

Ведение. Законом Донецкой Народной Республики «Об образовании» [1] закреплено, что одним из принципов государственной политики и правового регулирования отношений в сфере образования является обеспечение права на непрерывное образование в течение всей жизни в соответствии с потребностями личности, адаптивность системы образования к уровню подготовки, особенностям развития, способностям и интересам человека. Реализации указанного принципа призвана способствовать, среди прочего, инновационная направленность деятельности преподавателей, включающая в себя введение интегрированной системы обучения.

Цель. В связи с этим особо актуальным представляется исследование вопроса об инновационных технологиях в педагогике, одной из которых является метод интегрированного подхода к образовательному процессу, что бесспорно, позволит более эффективно использовать учебное время и приведет к более осмысленному восприятию знаний студентами.

Основная часть. Аксиоматично, что для профессионального образования в области юриспруденции наибольшее значение имеют связи, объединяющие предметы отдельных юридических наук; связи правоотношений в различных сферах жизнедеятельности; связи теоретических знаний с практической деятельностью. Однако предметная разобщенность становится одной из причин фрагментарности мировоззрения выпускника, в то время как в современном мире преобладают тенденции к экономической, политической, юридической и информационной интеграции [2, с. 87]. В тоже время важно отметить, что во время изучения юридических дисциплин, отдельное внимание уделяется вопросам междисциплинарных связей, рассматриваются правовые акты не только отраслевого законодательства, а и смежных правовых наук. При этом положения фундаментальных отраслей права, которые были исследованы студентами ранее во время учебного процесса, остаются за пределами изучения дисциплин, либо рассматриваются «вскользь». Этот подход позволяет построить наиболее оптимальную модель воспитательно-образовательного процесса на занятиях.

Основными задачами использования таких интегрированных методов обучения являются следующие:

- исключение дублирования и повторов, неизбежных при преподавании разных юридических предметов;

- интегрирование учебного материала, его уплотнение, установление межпредметных связей;

- реализация принципа целостности обучения, сущность которого заключается в организации учебно-познавательной деятельности студентов, направленной на решение системы взаимосвязанных внутри- и межпредметных учебных проблем, понимание условности строгого деления общеобразовательных и спецдисциплин на отдельные образовательные области [2, с. 90];

- систематическое и органическое подкрепление понятий и навыков на новом предметном материале, что приводит к формированию у студентов умений использовать ранее полученные знания;

- формирование творческих способностей обучаемого на основе учета его индивидуальных особенностей.

Последнее, в частности, предполагает формирование следующих элементов компетенций студента:

- самостоятельный перенос знаний и умений в новую правовую ситуацию;

- видение новой проблемы в знакомой правовой ситуации;

- альтернативное мышление, то есть видение возможных решений данной правовой ситуации и т. д.

Критериями эффективности интегрированного процесса обучения студентов юридических специальностей являются следующие:

- формирование глубоких общепрофессиональных знаний;

- активизация правотворческой и правоприменительной деятельности;

- развитие исследовательских навыков и умения принимать самостоятельное правомерное решение.

Заключение. Современные государственные образовательные стандарты в Донецкой Народной Республике направлены на формирование у студентов комплекса знаний, умений, навыков и качеств, которые бы позволяли выпускникам стать конкурентноспособными и профессионально трудоустроиваемыми на рынке труда. В связи с чем, особое внимание должно быть уделено различного рода методам модернизации образовательного процесса, что позволит добиться устойчивого интереса со стороны студентов к изучаемым предметам, приблизить образование к практическим нуждам обучающихся и общества в целом. Трудно не согласиться с таким фактом, что интегрированное обучение, среди прочего, имеет следующее преимущество: способствование информационному обогащению содержания обучения за

счет включения интересного взаимодополняемого материала, который позволяет с различных сторон познавать студентами правовые процессы.

Список литературы

1. Об образовании: Закон Донецкой Народной Республики от 19.06.2015 г. № 55-ІНС [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://donnuet.education/attachments/pdf/documents/zakon-ob-obrazovanii-dnr.pdf>.
2. Ужан О. Ю. Роль и место интегрированных уроков в формировании творческих способностей обучающихся / О. Ю. Ужан // Профессиональное образование в России и за рубежом. – 2013. – № 1 (9). – С. 87–91.

УДК 433.07

ОСОБЕННОСТИ АДМИНИСТРАТИВНО-ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО УСТРОЙСТВА В ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ

Тимофеева А.А.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР
aries_a@rambler.ru

Введение. Функционирование местных органов власти применяется в границах определенных территориальных единиц, на которые подразделяется территория государства [1, с. 31]. Данное подразделение называется административно-территориальным делением и является важной составляющей в процессе государственного устройства.

По общему правилу, территория государства, а если это федерация, то территория субъекта федерации, делится на административно-территориальные единицы.

Цель – выявление особенностей административно-территориального устройства в зарубежных странах.

Основная часть. На сегодняшний день большинство зарубежных стран перешло к многоуровневой системе местного самоуправления. При этом происходит расширение муниципалитетов, формирование территорий и установление границ муниципалитетов с учетом определенных критериев.

Так, в США непосредственными административно-территориальными подразделениями во всех штатах (кроме Коннектикута и Род-Айленда) являются графства. По количеству их чуть более трех тысяч. При этом они разнятся по размеру их территорий и численности населения.

Особенностью американской системы местного самоуправления являются тауны и тауншипы, т. е. самоуправляющиеся общины, входящие в графство. В основном тауншипы получили свое распространение на севере и северо-востоке страны.

Тауншипы и графства, как правило, охватывают сельское население и лишь незначительная их часть расположена в городах.

Тауны создаются на базе одного или нескольких мелких городских поселений и окружающей сельской местности с небольшим населением. Иногда это просто отдельная деревня.

В административно-территориальной организации США большую роль играют особые подразделения штатов – специальные округа. Они создаются для управления отраслями местной жизни, выделенными из компетенции муниципальных советов. [2; 3]. Так, в границах штатов существуют школьные, транспортные, парковые округа, округа по пожарной охране, жилищному строительству, снабжению водой и др. Они иногда охватывают территорию нескольких графств (общее число округов превышает 40 тыс.). Администрация и советы таких округов, обычно выборные, пользуются значительной автономией [4].

Канада также имеет многообразный состав местного самоуправления. В большинстве провинций существуют четыре типа: сити, тауншипы, вилиджи и муниципалитеты. Основным признаком данных типов является численность населения, которое проживает на муниципальной территории. Например, для сити минимальная численность населения колеблется от 5 до 15 тыс. человек, а для таунов – 500 человек. Существуют и некоторые другие критерии.

В ФРГ в административном отношении земли делятся на округа, уезды и общины (Бавария, Баден-Вюртемберг, Гессен, Саксония, и др.). Некоторые земли – только на уезды и общины (Бранденбург, Тюрингия, Саар, Шлезвиг-Гольштейн и др.). Крупные города приравниваются к уездам.

В Великобритании в городах функционируют муниципалитеты, а в сельской местности управление осуществляется через приходы (в Уэльсе и Шотландии – общины). Приход обычно объединяет один сельский населенный пункт или группу мелких поселений. В настоящее время местное управление и самоуправление Англии представлено 32 районными советами Лондона, корпорацией лондонского сити, 39 советами графств, 36 городскими округами, разделяющими территорию 6 крупных агломераций, и 296 окружными советами.

Франция обладает довольно сложной административно-территориальной структурой. Традиционно в качестве ее составных частей выступают (снизу вверх): коммуна, кантон, округ, департамент и регион. Основными являются – департамент и коммуна. Из этих пяти образований два – кантон и округ – фактически не обладают органами общей администрации и, скорее, выступают как территориальные пределы деятельности некоторых специальных административных органов. Кроме них во Франции существует целый ряд других специальных округов – это военные, судебные, школьные и другие округа. Их границы могут не совпадать с границами административно-территориальных единиц. В

современной Франции только коммуны, департаменты и регионы имеют органы самоуправления и служат территориальной основой деятельности самоуправляющихся территориальных коллективов.

Основным низовым звеном местного самоуправления Франции являются коммуны, численность которых составляет около 37 тыс., при этом население более 32 тыс. коммун – менее 2 тыс. человек [5, с. 19].

Иерархическая система административно-территориального деления Японии строится на основе двух звеньев. Верхнее звено образуют префектуры (их в Японии – 47) четырех категорий: «то» (Токио), «до» (Хоккайдо), «фу» (Осака и Киото) и «кен» (43 остальные префектуры). Правовое положение префектур различных категорий одинаково, а отнесение их к разным категориям является исторической традицией. Низовое звено административно-территориального деления образуют города («си»), поселки («мати») и сельские общины («мура»). Столица страны г. Токио в административном отношении представляет собой 23 специальных района, приравненных к городам.

Наряду с префектурами и муниципалитетами, которые представляют собой обычные органы местного самоуправления, в Японии могут создаваться особые органы местного самоуправления – такие, как особые столичные районы, корпорации регионального развития, ассоциации органов местного самоуправления, финансово-промышленные округа, создаваемые специально для решения конкретных задач [4, с. 574].

В Индии муниципалитеты обычно создаются на территории, численность населения которой составляет не менее 5 тыс. человек, при условии, что 3/4 не должны быть заняты в сельском хозяйстве. Плотность населения при этом, как правило, должна быть не менее 1 тыс. человек на 1 квадратную милю [5, с. 12].

Заключение. Учитывая вышеизложенное, можно сделать вывод, о том, что на сегодняшний день в большинстве зарубежных государств происходит расширение муниципалитетов, разнообразие звеньев, формирование территорий и установление границ муниципалитетов с учетом определенных критериев. Критериями выступают: численность населения, размер территорий, исторические предпосылки и т.д. Для таких стран, как США, ФРГ, Канада присуще многообразие видов низового звена местного самоуправления.

Список литературы

1. Курячая М. М. Опрос населения: понятие и основы правового регулирования / М. М. Курячая // Конституционное и муниципальное право. – 2015. – № 1. – С. 31–33.
2. Чиркин В. Е. Конституционное право зарубежных стран / В. Е. Чиркин. – М.: Юрист, 2001. – 567 с.
3. Скоков А. М. Местное управление и самоуправление в зарубежных государствах / А. М. Скоков // Российский медико-биологический вестник имени академика И.П. Павлова. – 2003. – № 1–2. – С. 184–192.

4. Конституционное право зарубежных стран: Учебник для вузов / под общ. ред. чл.-корр. РАН, проф. М. В. Баглая, д. ю. н., проф. Ю. И. Лейбо и д. ю. н., проф. Л. М. Энтина. – М.: Норма, 2004. – 832 с.
5. Капустян Л. А. Отечественный и зарубежный опыт территориальной организации местного самоуправления / Л. А. Капустян // Вопросы имущественной политики. – 2008. – № 10 (85). – С. 18–21.

УДК 342.726-053.2 (477.61-ЛНР)

ПРОБЛЕМА ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В СВЕТЕ ДЕЙСТВУЮЩЕЙ СТРАТЕГИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: НА ПРИМЕРЕ СОЦИАЛЬНОЙ, ДУХОВНОЙ И ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Тимофеева Е.В.

ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет имени первого
Президента России Б. Н. Ельцина», г. Екатеринбург, РФ
tery-mia@mail.ru

Согласно определению учёного Косолапова Н. А. [5, с. 15], под национальной безопасностью понимается «поддерживаемая на протяжении длительного времени стабильность» [5, с. 15] и состояние защищённости от «реально существующих опасностей и угроз» [5, с. 15], но защищённости динамической и разумной; кроме того, национальная безопасность – это способности такие вызовы не только «распознавать» [5, с. 15], но и «своевременно принимать меры, необходимые для их нейтрализации» [5, с. 15].

На законодательном уровне определение понятия и основные ориентиры безопасности государства обозначены в Указе Президента Российской Федерации. Так, отмечается, что национальная безопасность Российской Федерации – это «состояние защищённости личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз, при котором обеспечиваются реализация конституционных прав и свобод граждан Российской Федерации, достойные качество и уровень их жизни, независимость, суверенитет, государственная и территориальная целостность, устойчивое социально-экономическое развитие Российской Федерации. Национальная безопасность включает в себя оборону страны и все виды безопасности, предусмотренные Конституцией Российской Федерации и законодательством Российской Федерации, прежде всего государственную, общественную, информационную, экологическую, экономическую, транспортную, энергетическую безопасность, безопасность личности» [2].

В свете указанных установок и определений рассмотрим такие блоки национальной безопасности [4, с. 18], как: социальная, духовная и информационная безопасность государства. Очевидно, что в строго отдельные несвязанные блоки разграничить эти виды национальной безопасности не удастся, но проследить их определённую связь, а также выделить возможные угрозы в этом направлении мы попытаемся.

Нас в нашем исследовании интересуют намеченные направления уже утверждённой политики государства, гарантом которой является Президент государства и поддерживает выбранный курс в указанных рамках [1].

В исследованиях по данной теме ориентироваться мы будем на действующие законодательные нормы Российской Федерации, на источники, работающие в рамках действующего законодательства, в частности на нормы принятой Стратегии национальной безопасности Российской Федерации (далее – Стратегия) [2], а также на исследования учёных, уже проведённые в выбранной нами области изучения.

В рамках намеченного нами исследования следует отметить направления, сформулированные в п. 11 в Стратегии, в которой говорится о необходимости возрождения нравственных и духовных ценностей, уважении конфессиональных семейных традиций. При этом для национальной безопасности страны это означает сохранение ценностей, составляющих «фундамент государственности» [2]. К ним относятся такие основные составляющие как независимость и свобода [2]. В этом случае, целостность государства может создавать и поддерживать единство культур, согласие и межнациональный мир внутри государства.

Однако, в силу политической ситуации в мире, национальной безопасности противостоит большое количество угроз. Такие угрозы могут возникать чаще всего внутри государства. Проникновение их возможно через информационные ресурсы. Поэтому стоит говорить об информационной безопасности с целью сохранения государственной целостности общества.

«Благодаря» расшатыванию отдельных элементов, информационное воздействие может оказать значительное влияние на многие сферы жизни современного общества. Так, в свете современного развития информационных технологии и применения психологических технологий воздействия на широкий круг гражданской аудитории внутри государства, растёт опасность влияния информации на многие сферы жизни общества. Это представляет опасность, поскольку неоднозначное восприятие определённой информации может вызвать напряжённость в обществе и привести к конфликтной ситуации и развитию отдельно взятого конфликта. Дальнейшее информационное «подогревание» в определённом направлении способно привести к психологическому воздействию на отдельные общественные группы, что ведёт к возникновению массовых конфликтов.

Следует отметить, что это универсальная схема воздействия и она актуальна для любого общества и государства. В случае же с многонациональным либо многоконфессиональным государством, возможны различные элементы для воздействия или толкования поступающей информации. Поэтому необходимо сохранение здорового иммунитета к подобной информации на уровне отдельной личности. Желательным же в этом случае является сокращение возможных источников дестабилизации жизни общества и предотвращение возникновения в обществе подобной информации. Это важно, поскольку речь идёт о сохранении общества и поддержанию в обществе мирного психологического климата без негативных всплесков.

Поддержание именно таким образом внутри общества информационной безопасности способствует сохранению всех общественных социальных отношений. Потому это является наиболее важной и стратегической основой безопасности государства и общества в целом.

Что касается духовной безопасности общества и государства [3, с. 75], здесь речь идёт о сохранении нравственных, духовных, культурных и религиозных традиций без вмешательства деструктивных разрушающих течений, влияющих не только лишь на настрой и состояние психики отдельного человека, но воздействующих на группы людей, примеров которого в современном мире немало существует в любом из государств. Стабильность по этой схеме подрывается на территории отдельных населённых пунктов и имеет разное основание, вплоть до бытовых несогласий по, казалось бы простым вопросам, в которых в действительности все решается простой договорённостью [3, с. 29] всех несогласных с чем-либо сторон.

Несмотря на это, все чаще возникают ситуации, которые на практике все чаще не решаются мирным путём. Невозможность любого иного их решения продолжает культивироваться в обществе. Основанием для таких ситуаций выступают самые неожиданные бытовые ситуации, источники их могут быть самые разные и, часто с первого взгляда бывает трудно разобраться во взаимосвязи таких источников и субъектов их воздействия на общество. Тем не менее следует «способствовать снижению общей конфликтности, социальных переживаний, страданий людей и конструктивному и наиболее рациональному отношению к противоречиям общественного развития и жизни» [3, с. 118].

Действительно, решение проблемы обеспечения социальной, духовной и информационной безопасности, на наш взгляд, составляет основу здорового и функционального развития и способствует обеспечению стабильности в других сферах обеспечения безопасности и личности, и общества, и государства, с его внутренними и сопредельными территориями. Что позволит нам устоять перед вызовами современности.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации с гимном России. – М.: Проспект, 2019. – 185 с.
2. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года (утв. Указом Президента РФ от 31 декабря 2015 г. N 683). [Электронный ресурс] Точка доступа: URL: <https://base.garant.ru/71296054/> (дата посещения: 19.09.2019).
3. Богатуров А. Д., Косолапов Н. А., Хрусталева М. А. Очерки теории и методологии политического анализа международных отношений. М.: НОФМО, 2002. 390 с.
4. Борщевский Г. А. Роль государства в формировании преемственного исторического сознания в контексте проблемы обеспечения национальной безопасности России // Информационный гуманитарный портал «Знание. Понимание. Умение». – 2012. – № 1 (январь – февраль). С. 33 – 38.
5. Косолапов Н. А. Форматирование национальной ресурсной политики. М., 2000. 317 с. [справка: Косолапов Н. А. занимается исследованиями в области политологии, прогнозирования международных отношений, исследования проблем социальной психологии и национальной безопасности].

УДК 342.7

ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВА РЕБЕНКА В ЛУГАНСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКЕ

Тищенко Е.В.¹, Дударева А.П.²

¹ГОУ ВПО «Луганский национальный университет имени Тараса Шевченко»,

²ГУ ЛНР «ЛЮУСОШ № 17 имени В. Брумеля», г. Луганск, ЛНР

authoressKatyusha@yandex.ua

В современных условиях развития Луганской Народной Республики актуальной является проблема обеспечения и защиты прав ребенка. Проблема рассматривается в политической, общественной и социальной жизни. С нашей точки зрения, основными причинами актуальности является правовой статус ребенка в Луганской Народной Республике, психолого-педагогические аспекты развития ребенка и отношения к нему.

Проблему прав ребенка можно рассматривать с социальным, психолого-педагогическим и идеологически-общественным показателем. Правовая база основывается на ценностных ориентирах общества. Обеспечение прав ребенка считается обязанностью родителей, государства, школы и общества.

В условиях развития и строительства демократического правового государства обеспечение защиты прав и свобод ребенка, на наш взгляд, является первоочередной задачей и должно быть урегулировано законодательно. В действующем законодательстве ЛНР в правовой сфере приняты Законы «О защите детей от информации, причиняющих вред их здоровью и развитию» [1], «Об основных гарантиях прав ребенка в

Луганской Народной Республики» [2], «Об Уполномоченном по правам ребенка Луганской Народной Республики» [3] и др. Данные нормативные правовые акты предусматривают поддержку семьям с детьми.

Вопросы защиты прав и свобод ребенка сегодня в Республике не урегулированы в полной мере. На стадии разработки находится Закон ЛНР «О присоединении Республики к Конвенции ООН о правах ребенка».

На сегодняшний день вопросы о защите прав и свобод ребенка в нашем государстве не урегулированы в полной мере. С целью совершенствования законодательной базы ЛНР в современных политических и социально-экономических реалиях необходимо проанализировать законодательную базу других государств в этой сфере.

Интересным является опыт Швеции, в которой работает Кодекс отцовства и опекунов, в котором предпочтение отдается правам ребенка. В данном законе предусматривается необходимость избегать насильственных форм физического наказания [5, с. 351].

Обращаясь к опыту Российской Федерации в сфере защиты прав и свобод ребенка проблемой детства занимаются Уполномоченные по защите ребенка, которые осуществляют свою деятельность в каждом регионе, органы опеки и попечительства при муниципалитетах, комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав, межведомственные структуры, действующие на районном уровне, различные общественные организации. Они реализуют свою деятельность с целью создания в обществе благоприятных условий для жизни детей и воспитания в них высоких моральных и нравственных качеств на основе патриотизма и гражданственности; содержательного наполнения воспитательной работы в детских учреждениях, что способствует формированию в каждом ребенке личности гражданина и патриота, созидателя, не равнодушного к судьбам людей и страны; содействию возвращению детям помещений под детские учреждения как для школьных, так и для дошкольных и внешкольных занятий; расширению сети таких учреждений; содействию созданию нормальных условий для жизни, получения воспитания и образования детей в детских домах, домах-интернатах, спецшколах и прочих детских учреждениях для детей-сирот и «трудных» детей; консолидации деятельности общественных объединений и отдельных граждан для всестороннего улучшения условий жизни детей, в том числе для получения ими своевременной и достаточной социальной помощи, высоконравственного воспитания, полноценного образования, бесплатного медицинского обслуживания.

Особый интерес представляет опыт РФ по внедрению патронажа, который помогает решению важной задачи – сохранить ребенка для семьи и семью для ребенка. Эта форма устройства ребенка в семью и работы с проблемной семьей, где несовершеннолетним, проживающим с биологическими родителями, но лишенным эмоциональной близости с

ними, предоставляется психологическая помощь. В Москве открыт детский дом под эгидой Центра обучения и исследований проблем детского благосостояния «Христианская солидарность» с патронажным воспитанием [4].

В данном аспекте следует подчеркнуть, что в развитых странах мира началась новая административная реформа. В основе ее лежит образование системы подготовки государственных служащих, в странах с переходным периодом, в работе с родителями и их детьми по опыту более развитых государств.

В ЛНР, как и в любом демократическом государстве, основным приоритетом есть обеспечение защищенного и благополучного детства. В ЛНР функционируют органы опеки и попечительства, Управление по делам детей, семьи и молодежи, комиссии по делам несовершеннолетних при МВД ЛНР, Уполномоченный по правам ребенка и др. организации, целью которых является обеспечение и защита прав ребенка в ЛНР. Одной из важнейших задач, указанных институций, в силу, сложившейся геополитической обстановки в ЛНР является обеспечение права детей, рожденных в ЛНР на имя и гражданство, решение вопросов, связанных с получением и восстановлением документов: свидетельств о рождении, паспортов, справок об инвалидности и др. С данной проблемой граждане нашей Республики не редко обращаются к Уполномоченному по правам ребенка, однако ее разрешению препятствуют вполне объективные причины.

Таким образом, в ЛНР существует необходимость и ведется расширение законодательной базы в сфере защиты прав и свобод ребенка, защиты детства, оказания социальной, психологической и материальной помощи семьям с детьми. С целью повышения уровня социально-правовой защищенности детей в ЛНР полезным, на наш взгляд, будет изучение опыта функционирования организаций, осуществляющих предоставление социально-гуманитарной, методической и психологической помощи родителям, ощущающим затруднения в выполнении родительских функций, а также организаций, осуществляющих психологическую поддержку несовершеннолетним детям, проживающим с биологическими родителями, но лишенных эмоциональной близости с ними, в частности – патронажа.

Список литературы

1. О защите детей от информации, причиняющих вред их здоровью и развитию: закон ЛНР № 25-II от 08.05.2015 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://nslnr.su/zakonodatelstvo/normativno-pravovaya-baza/1093/>. – (Дата обращения: 02.09.2019 г.).
2. Об основных гарантиях прав ребенка в ЛНР: закон ЛНР № 56-III от 14.06.2019 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://nslnr.su/zakonodatelstvo/normativno-pravovaya-baza/7524/>. – (Дата обращения: 22.08.2019 г.).

3. Об Уполномоченном по правам ребенка Луганской Народной Республики: закон ЛНР № 55-III от 14.06.2019 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://nslnr.su/zakonodatelstvo/normativno-pravovaya-baza/9061/>. – (Дата обращения: 27.08.2019 г.)
4. Работа Детского дома № 19 ЦАО г. Москвы как уполномоченного учреждения органов опеки и попечительства. – Москва, 2001 г. – 103 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://docsarchive.net/3514315/>. – (Дата обращения: 06.09.2019 г.).
5. Раджабов О.Ш. Научные концепции о защите прав ребенка // Научные работы МАУП. – № 2 (18). – 2008 г. – С. 346-351.

УДК 342.8

К ПРОБЛЕМЕ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ВЫБОРОВ

Фомичева О. А., канд. юрид. наук, доцент,

Емельянова Е. В.

Орский филиал Аккредитованного образовательного ЧУ ВО «Московский финансово-юридический университет», г. Орск, РФ
katya-emelyanova@bk.ru

Институт выборов является особо важным элементом каждой страны как для общества, так и для самого государства. Избирательное право не может существовать без такого важного составляющего, как информирование. Информация является основой любого вида деятельности.

В соответствии с Федеральным законом «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» информационное обеспечение выборов и референдумов включает в себя информирование избирателей, участников референдума, предвыборную агитацию, агитацию по вопросам референдума и способствует осознанному волеизъявлению граждан, гласности выборов и референдумов [1].

Средства массовой информации составляют неотъемлемую часть жизни каждого гражданина РФ, являясь действенным и эффективным способом распространения информации в современном мире.

При реализации информирования избирателей важно не нарушать, так называемого принципа разумной дозированности информации. Это является актуальной проблемой в наше время ввиду существования множества доступных источников информации и может вызвать соответствующие последствия.

Объем информирования о кандидатах под видом новостной и другой информации о их должностной деятельности в период подготовки к выборам и в агитационный период зачастую является чрезмерным. Как отмечал

А. Ю. Бузин, государственные и муниципальные СМИ обрушивают на избирателя в период избирательной кампании и непосредственно перед ней такой объем «информирования» о деятельности кандидатов и партий, что их агитационная деятельность через избирательные фонды в некоторых случаях оказывается просто избыточной. Отчасти этим объясняется и отказ некоторых кандидатов от участия в теледебатах – важнейшего элемента агитационного периода, призванного в значительной степени повлиять на формирование волеизъявления избирателя [2].

С каждым годом участники предвыборной агитации все чаще и чаще отдают свое предпочтение интернету, как платформе этой агитации. Этот феномен обуславливается рядом причин. Например, агитация в сети «Интернет» является менее затратной, охватывает наибольшее количество будущих избирателей, оперативность размещения материалов и т.д.

Ярким примером в подтверждение вышеуказанного является избирательная кампания А. Навального, имя которого на слуху практически у каждого гражданина РФ. Именно в сети «Интернет» был сформирован имидж данного кандидата, что позволило легко и доступно гражданам ознакомиться с данной личностью [3].

Информирование избирателей осуществляется различными доступными способами. Так, например, оповещение избирателей о предстоящих выборах Президента РФ в Оренбургской области осуществлялось следующим образом [4].

Центральная избирательная комиссия РФ разработала общую концепцию информационно-разъяснительной деятельности, для реализации которой областной избирком использует все каналы распространения информации: СМИ, наружная реклама, печатные материалы, социальные сети.

Основная цель проведения данной работы – это довести до избирателей сведения о времени и месте голосования, возможности проголосовать по месту нахождения.

В рамках размещения информации о выборах Президента России Избирательной комиссией Оренбургской области изготовлены перетяжки и баннеры, которые размещены во всех муниципальных образованиях региона.

В середине января Оренбург украсили материалы с логотипом избирательной кампании, размещенные на бортах автобусов. Кроме того, внутри автобусов в областном центре и трамваев в городах Орске и Новотроицке размещены информационные плакаты.

Также было осуществлено ежедневное информирование избирателей посредством трансляций аудиороликов и видеороликов.

Особое внимание было уделено работе членов участковых комиссий с избирателями. В рамках данной деятельности организаторы выборов вручали избирателям красочные приглашения, информационно-

справочные материалы, а также отвечали на все интересующие вопросы. Это позволяло избирателям более подробно и точно разбираться в вопросах выборов, тем самым повышая свой интерес к данному событию.

Оренбургская область не стала исключением в использовании интернета. На официальных сайтах органов государственной власти, органов местного самоуправления, высших и средних учебных заведений, спортивно-культурных комплексов были размещены баннеры «Выборы Президента России 18 марта 2018 года», выполненные в единой концепции информационной кампании.

Таким образом, можно сделать вывод, что информационное обеспечение выборов является их неотъемлемой, важной и обязательной стадией данной процедуры как для граждан, так и для самих кандидатов. Следует отметить, что всестороннее информирование о выборах способствует осознанному волеизъявлению избирателей, гласности и открытости в деятельности избирательных комиссий.

Список литературы

1. Федеральный закон 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 17.06.2002, N 24, ст. 2253.
2. Бузин А.Ю. Административные избирательные технологии и борьба с ними. Научное издание – М.: Центр «Панорама», 2007. – 271 с.
3. Носатов Ю.Н. К вопросу противодействия некорректным технологиям предвыборной агитации, осуществляемой с использованием современных информационно-коммуникационных средств // Проблемы правоохранительной деятельности. – 2017. – № 3. – С. 99–104.
4. Об информировании оренбуржцев о выборах Президента Российской Федерации. 22.01.2018 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://ik56.ru/etc/pressa/pressa22012018.pdf>. (дата обращения 04.09.2019 г.)

УДК 342.53

К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ ПАРЛАМЕНТАРИЗМА

Чубарова Е.А.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР
chubarova13@mail.ru

Развитие демократических институтов в Российской Федерации обусловило возникновение такого сложного политико-правового явления, как парламентаризм – неотъемлемого элемента российской политической и правовой действительности. Становление идеи парламентаризма в общественном и правовом сознании, место и роль парламента и связанных с

ним конституционных институтов, в свою очередь, послужили причинами развития идейно-юридической базы рассматриваемого явления [1, с. 13]

Следовательно, восполняя пробел юридической науки в отношении изучения содержательного наполнения парламентаризма, необходимо остановиться на основных вопросах данного явления, а именно: определиться в понимании парламентаризма.

Теория парламентаризма зародилась и получила свое научное обоснование в России в конце XIX – начале XX в. Благодаря крупным исследованиям выдающихся отечественных ученых юристов в области государственоведения и государственного права: А. А. Алексеева, А. И. Елистратова, М. М. Ковалевского, С. А. Котляревского, Н. И. Лазаревского, К. Н. Соколова и др.

В Конституции Российской Федерации термин «парламентаризм» не употребляется. Однако можно заметить, что в работах российских ученых исследуется его содержание и предполагается его применение и воплощение в российскую практику.

В энциклопедическом словаре Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона парламентаризм определялся как система государственного устройства, при которой парламент играет преобладающую роль не только в качестве законодательного органа, но и в качестве органа верховного контроля над властью исполнительной. При господстве парламентаризма центр тяжести государственной жизни лежит в парламенте, в котором идет постоянная борьба за власть между двумя или несколькими партиями. Парламентаризм всегда означает политическое господство наиболее сильной в народе (точнее – среди избирателей) партии [2, с. 16].

Так, М. В. Баглай считал, что парламентаризм – государственный строй, основанный на верховенстве парламента в системе органов государства [3, с. 469]. Напротив, В. Е. Гулиев полагал, что высказанное М. В. Баглаем мнение – «Это глубочайшее заблуждение. В узком смысле слова под парламентаризмом действительно понимается верховенство парламента. Но есть более широкое правовое и цивилизованное понимание парламентаризма» [4, с. 18].

И. М. Степанов определял парламентаризм как особую систему организации государственной власти, структурно и функционально основанную на принципах разделения властей, верховенства закона при ведущей роли парламента в целях утверждения и развития отношений социальной справедливости и правопорядка. Кроме того, он описывал такие виды парламентаризма, как парламентаризм развитой, открытый, приглушенный (в зависимости от фактической полноты и силы, действующих в нем нормативов), рационализированный, министерский, номенклатурный (в зависимости от конституированного порядка взаимоотношений между парламентом и другими высшими органами государственной власти) и др. [5, с. 385].

О. Е. Кутафин рассматривал парламентаризм как особую систему государственного руководства обществом, которая характеризуется разделением труда законодательного и исполнительного при существенной политической и идеологической роли парламента [6, с. 417].

Небезынтересное мнение так же, высказывает и М. А. Могунова. «Парламентаризм – это разновидность государственного режима, при котором обеспечено не только юридическое, но и фактическое верховенство высшего представительного учреждения, подчиненность и подконтрольность ему правительства. Парламентаризм не форма, а метод осуществления государственной власти, особый режим, определяемый реальными взаимоотношениями, складывающимися между законодательной и исполнительной властями в каждом конкретном государстве, при котором ведущую роль играет парламент» [7, с. 27].

По мнению С. А. Авакьяна, основными признаками парламентаризма являются представительство, постоянная оплачиваемая работа депутатов, их определенный социальный статус, а также определенный круг дел представительного учреждения (принятие законов, установление налоговой системы и утверждение бюджета государства, влияние на внутреннюю и внешнюю политику, формирование ряда государственных органов, выполнение задач парламентского контроля), его определенные формы, методы и стиль работы [8, с. 26–29].

Можно сказать, что в юридической литературе высказываются две основные точки зрения о содержании понятия парламентаризм. Первая заключается в определении парламентаризма во взаимосвязи парламента как воплощения законодательной власти с исполнительной властью.

Так, по мнению З. А. Абдукаримовой, под парламентаризмом понимается система правления, характеризующаяся четким распределением законодательной и исполнительной функции при формальном верховенстве представительного законодательного органа – парламента по отношению к другим государственным органам [9, с. 214].

Сторонниками подхода о необходимости ведущей роли парламента как главном условии парламентаризма являются также М. В. Баглай и В. А. Туманов. Мнения ученых при этом схожи и заключаются в том, что парламентаризм – это строй, основанный на верховенстве парламента в системе органов государственной власти [10, с. 301].

А. Д. Керимов определяет парламентаризм как принимаемую властью и обществом систему взаимодействия определенным образом сформированного, структурированного и реально работающего парламента с другими государственным органами, обеспечивающую его адекватное положение в государственном механизме и выступающую в качестве основного способа организации и функционирования представительной демократии [11, с. 48–49].

Вторая основная точка зрения заключается в понимании парламентаризма как теоретической концепции, определяющей деятельность непосредственно законодательной власти. Так, Н. А. Богданова понимает парламентаризм как совокупность идей и опыта представительного осуществления власти народа посредством парламента [12, с. 29–30].

Р. М. Романов, в свою очередь, под парламентаризмом понимает теорию и практику деятельности парламента. Он полагает, что парламентаризм возникает и существует тогда, когда парламента наделен полномочиями законодательства, избрания правительства, контроля за его деятельностью и другими органами исполнительной власти, их отставки, а также отставки президента [13, с. 276].

Таким образом, в науке высказываются различные точки зрения относительно определения понятия парламентаризма. Его существование возможно при признании принципа разделения властей, верховенстве закона, при реальном влиянии парламента на политическую жизнь в государстве, при признании ценностей демократии. При узком понимании парламентаризма предполагается верховенство парламента в системе органов государственной власти. Широкое же понимание парламентаризма позволяет говорить о нем при наличии выборного представительного органа, который осуществляет законодательные функции и при этом даже весьма ограниченного в своих правах.

При определении парламентаризма, как правило, указывается на ряд общих признаков – разделение властей, непосредственная и представительная демократия, правовой характер государства, верховенство закона, законность и другие. Кроме того, в ряде случаев подчеркивается политическая и идеологическая роль парламента. По поводу каждого из указанных признаков в научных кругах ведутся многочисленные дискуссии.

На основании приведенных выше мнений различных ученых можно сделать вывод о том, что парламентаризм рассматривается по двум основаниям. Первое – в зависимости от роли парламента в системе разделения властей. Здесь выделяются мнения о ведущей роли парламента и о его привилегированном положении среди органов государственной власти. Второе – парламентаризм рассматривается как теоретическая концепция, обосновывающая деятельность непосредственно законодательной власти.

В условиях неоднозначного понимания данного понятия, видится возможным рассматривать парламентаризм как теоретическую концепцию, институт права, принцип устройства государства и, наконец, как особую систему организации государственной власти, отражающую важную и необходимую в каждом государстве роль парламента.

Список литературы

1. Гранкин И.В. Сущность российского парламентаризма // Конституционное и муниципальное право. – М.: Юрист, 2005, № 4. – С. 13.
2. Титов, С. А. Понятие парламентаризма в России [Текст] / С. А. Титов // Труды института государства и права Российской академии наук. – 2014. – № 4. – С. 15–24.
3. Баглай М. В. Конституционное право Российской Федерации: Учебник / М.В.Баглай – М.: Юр.Норма, НИЦ ИНФРА-М, 2015. – 768 с.
4. Евзеров Р.Я. Парламентаризм и разделение властей. Судьба понятий // Государство и право. 1997. № 12. С. 18.
5. Парламентское право России: монография / А. И. Абрамова, В. А. Витушкин, Н.А.Власенко и др.; под ред. Т. Я. Хабриевой; Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации; Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. – М.: Издание Государственной Думы, 2013. 400 с.
6. Козлова Е. И., Кутафин О. Е. Конституционное право России: Учебник. 3-е изд. М., 2005. 585 с.
7. Могунова, М.А. Скандинавский парламентаризм: Теория и практика / М. А. Могунова. – М.: РГГУ, 2001. – 350 с.
8. Авакьян С.А. Федеральное собрание – Парламент России. М., 1999. – 432 с.
9. Абдукаримова З.Т. Парламент и парламентаризм [Текст] / Абдукаримова З. // Поиск. Серия гуманитарных наук. – 2002. – № 2. – С. 213–216.
10. Малая энциклопедия конституционного права [Текст] / М. В. Баглай, В. А. Туманов. – Москва: БЕК, 1998. – XII, 506 с.
11. Керимов А. Д. Понимание парламентаризма и перспективы его развития в России // Гражданин и право. 2002. № 7/8. С. 48–49.
12. Богданова Н. А. Парламентское право в системе конституционного права // Парламентские процедуры: проблемы России и зарубежный опыт. М., 2003. С. 29–30.
13. Романов Р. М. Российский парламентаризм: генезис и организационное оформление // Политические исследования. – 1998. – № 5. – С. 123–133.

Теория и история государства и права

УДК 342.24:342.25

О ГОСУДАРСТВЕННОМ УСТРОЙСТВЕ МНОГОСОСТАВНОГО ОБЩЕСТВА

Барбашова Н. В., д-р юрид. наук, доцент
ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет», г. Курск, РФ
n.barbashova@mail.ru

Введение. Следствием доминирования в последние четыре десятилетия процесса децентрализации государственной власти в большинстве стран мирового сообщества стало ослабление властных полномочий центра и передача их нижестоящим территориальным органам власти. В федеративном государстве этот процесс означает усиление самостоятельности, в том числе и в законодательной сфере субъектов федерации. В унитарных государствах процесс передачи властных полномочий от центрального на региональный уровень фактически привел к созданию государств с квазифедеративной формой государственного устройства – региональных государств. В таких государствах регионы по своей сути являются обособленными, структурированными социально-территориальными системами, которые могут отличаться этническим и религиозным составом населения с присущей им культурой, особенностью регионального производства, социальной инфраструктурой, качеством жизни и многими другими показателями. Целью работы является исследование влияния формы государственного устройства многосоставного общества на стабильность государства.

Основная часть. Как отмечают Ю. Чжу и Д. Блэчфорд [1, с. 25], большинство этнических проблем – это проблемы этнических меньшинств и их отношения с государствами, в которых они проживают. По их мнению, большинство этнических меньшинств находятся в невыгодном положении в своих многонациональных государствах. Они могут оказаться под угрозой столкновения с культурным угнетением, экономическим лишением, физическим угнетением, насильственной ассимиляцией и даже худшим – геноцидом. Поэтому понятно, почему этнические меньшинства часто требуют национального самоопределения или даже отделения. Данную ситуацию можно характеризовать как невосприятие в качестве законного своего нынешнего политического статуса.

В настоящее время основными дестабилизирующими государство факторами являются: этнолингвистический, конфессиональный,

социокультурный и экономический. Необходимым условием практической реализации идеи самоопределения является территориальная обособленность конфликтующих групп населения. Любой из указанных выше факторов может привести к конфликтному состоянию. Наиболее острой является проблема целостности унитарных государств, которые имеют в своем составе артикулируемые территориально обособленные сообщества, поскольку унитарность по своей природе предполагает централизованное управление государством. В большинстве унитарных государств в целях сохранения целостности были проведены реформы системы государственного управления, направленные на повышение самостоятельности регионального уровня управления. Унитарные государства, в которых осуществлена деволюция государственно-властных полномочий, трансформируются, как правило, в региональные государства, отличительной чертой которых является конституционная гарантированность региональной автономии. Регионы в данном случае не имеют учредительных полномочий, но имеют право принимать законы, сфера действия которых ограничена территорией соответствующего региона. Анализ показывает, что в тех унитарных государствах с территориально сегментированными сообществами, которые «своевременно» провели децентрализацию государственной власти, удалось существенно уменьшить вероятность раскола (Великобритания, Франция, Испания и др.). В государствах, которые отстаивают принципы «жесткого» унитаризма (Украина), существует реальная угроза их суверенитету и территориальной целостности.

Наличие конфликтов между территориально обособленными сегментами общества является необходимым, но недостаточным условием распада государства. Важнейшим фактором стабильности государств является количество субъектов федерации, число артикулированных сообществ в региональном государстве и суверенных государств в конфедерации [2]. Практика свидетельствует, что наиболее устойчивыми являются полисубъектные государства. С уменьшением числа субъектов федерации и артикулированных сообществ в унитарном государстве риск распада государства значительно возрастает. В качестве примеров можно привести Чехословакию. Дуалистическая сегментация общества по конфессиональному признаку дает многочисленные примеры гражданских войн (Ливия, Сирия, Ирак, Йемен и др.). Причиной гражданской войны на Украине является в первую очередь раскол общества по социокультурному и лингвистическому признакам на два практически равновеликих по численности территориально обособленных сегмента: Юго-Восточную Украину и Центральную и Западную Украину. Несомненно, что отмеченные в качестве основных дестабилизирующих общество признаки дополняются другими, и это в совокупности уже привело к выходу из Украины Автономной Республики Крым и к образованию независимых от метрополии Донецкой Народной Республики и Луганской Народной Республики.

Происходящие в настоящее время в других регионах Украины достаточно жесткие конфликты в сферах языковой политики, конфессиональной принадлежности, по признакам исторической идентификации, по мнению многих исследователей являются достаточно сильным аргументом в пользу необходимости трансформации унитарного устройства Украины и развития демократических институтов, которые предотвращают возникновение конфликтов между территориально сегментированными сообществами. Наиболее широко обсуждаемым вариантом является федерализация Украины. По мнению автора, в Украине было упущено время для децентрализации государственного устройства путем регионализации или федерализации, а происходящая в Украине шестой год гражданская война с многочисленными жертвами и разрушениями делает эти процессы невозможными.

Как отмечалось ранее, релаксация противоречий конфликтующих артикулированных сообществ может найти свое воплощение в конфедеративной форме государственного устройства. Теоретической основой такой трансформации может стать концепция консоционализма, предложенная А. Лейпхартом [3], в рамках которой рассматривается двойной феномен возникновения вертикального сегментирования общества на отдельные группы населения по определенным общим признакам (религия, язык, раса, этнос, идеология) и институционализация переговорного процесса на уровне элит вышеназванных групп.

Заключение. Рассматривая сквозь призму указанных выше критериев украинское общество следует указать, что в нем не нашли своего воплощения принципы консоциональной демократии. Управление страной осуществляет не «Большая коалиция», а большинство, пришедшее к власти в результате выборов. Меньшинство фактически лишено права вето в вопросах, представляющих для него повышенную актуальность. Отсутствует принцип пропорциональности при распределении государственных постов в управленческом аппарате. Вследствие указанных причин сегменты общества не только с трудом приходят к консенсуса в проведении единой государственной политики как внутри страны, так и на международной арене, но и часто целенаправленно для достижения своих политических целей обостряют существующие противоречия между сегментами, повышая тем самым вероятность сепаратизма. В этой ситуации сохранение целостности государства возможно, по-видимому, только в форме конфедерации.

Список литературы

1. Zhu, Y. Blachford , D. Ethnic Disputes in International Politics: Manifestations and Conceptualizations // Nationalism and Ethnic Politics. – 2006. – Vol. 12, № 1. – P. 25–51.
2. Барбашова Н.В. О государственном устройстве территориально сегментированного общества // Вестник ВГУ. Серия: Право. – 2017. – № 2. – С. 65–71.

3. Лейпхарт А. Демократия в многосоставных обществах: сравнительное исследование / пер. с англ. под ред. А. М. Салмина, Г. В. Каменской. – М.: Аспект Пресс, 1997. – 287 с.

УДК 340.114.5

ДЕФОРМАЦИЯ ПРАВОСОЗНАНИЯ КАК ПРОБЛЕМА РАЗВИТИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Бардашевич Н. А., канд. юрид. наук,
Китаев Д. В.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР
natafact@mail.ru, dimakitaev12@gmail.com

Нормы права, содержащиеся в различных источниках, призваны обеспечить правопорядок в социуме, то есть осуществление таких вариантов поведения людей, которые планировал и к которым стремился законодатель. Однако соответствующие предписания, формально определенные права и обязанности должны пройти через волю и сознание людей. Ни один правовой акт, ни одно правовое отношение не реализуется вне опосредующей их правовой психологии и идеологии. Правосознание представляет собой основу и органическую составляющую правовой жизни организованного в государство общества. Оно возникло и формировалось на протяжении всей человеческой истории. На его содержание, как одну из форм общественного сознания, оказывает воздействие ряд факторов – политических, социально-экономических, культурных и, разумеется, правовых. Оно теснейшим образом связано и взаимодействует с политикой, моралью, искусством, религией, философией, наукой. Но прежде всего оно обусловлено самой идеей права.

Правовые идеи о свободе личности, о социальном равенстве и справедливости всегда служили мерилom человеческого поведения, а затем они получали законодательное признание цивилизованных государств. Правовое сознание генетически и исторически предшествует всякому позитивному праву, законотворческому процессу, осуществляя при этом по отношению к ним теологическую функцию. Об этом свидетельствует тот факт, что права и свободы личности находятся в центре правовой идеологии государства, которое вынуждено считаться с оценочными суждениями граждан. Ведь по своей сущности правосознание ориентировано на создание оптимальных условий для осуществления прав человека, идея уважения которых является конституционным принципом.

Высокий уровень правосознания граждан – гарантия того, что цели, требования правовой нормы, законодательства в целом будут восприняты

адекватно и реализуются на практике. Однако правовое сознание, причем все его элементы, могут быть подвержены деформации. Она вторгается в область правовых знаний, которыми граждане располагают, разрушает их установки, чувства, убеждения в правовой области, проникает в содержание правового мировоззрения. И все же предполагается наличие некоторого изначального запаса информационного относительно «здорового» правового минимума, то есть «нормальных» по своей природе взглядов правовых и установлений, которые в силу различных причин превратились в какие-то иные, неправовые конструкции или остались правовыми лишь номинально. Правовое сознание индивидов может, дойдя по крайней степени искажения, превратиться в преступное, принципиально отрицающее саму исходную идею права. Его носители в качестве идеала рассматривают идею вседозволенности (разумеется, для себя лично в отношении других).

О деформации правосознания можно говорить только при наличии теоретических представлений о правосознании в состоянии «нормы», «нормальном» правосознании. Это означает, что сама деформация выглядит как отклонение от некоей нормы, которая хотя и трудноопределима, все же предполагает некоего носителя или точнее носителей, благодаря которым перестает восприниматься абстрактно. В качестве таковых во все времена воспринимались представители политической элиты. И сегодня ничто так не угрожает общественному правосознанию и не влечет за собой его стремительную деградацию как очевидное игнорирование идеи законности и прав человека представителями правоохранительных органов, политиками и юристами. Иными словами, деформация массового правосознания обусловлена деформацией правосознания профессионального. Распространение правового нигилизма напрямую зависит от темпов негативных изменений в правосознании представителей власти в государстве и во многом обусловлены деформацией профессиональной правовой культуры государственных служащих всех уровней. Этому способствуют многие факторы, наиболее значимыми из которых: нарушение принципов гласности и публичности правотворческого процесса, отсутствие официальных печатных изданий для обнародования основных источников права, недостаточное освещение в средствах массовой информации (СМИ) деятельности правоохранительных и судебных органов, а также государственных должностных лиц, формальное отношение к праву.

О нарушении таких принципов правотворческого процесса как его гласность и публичность свидетельствует тот факт, что обсуждаемые высшими органами законодательной власти законопроекты далеко не всегда являются достоянием общественности. Зачастую они недоступны даже профессионалам, которые должны привлекаться к дискуссиям о необходимости принятия того или иного закона. По сути, это противоречит

нормативным положениям, предусмотренным в ст. 3 Закона «О нормативных правовых актах» [1], поскольку из трех категорий субъектов правотворческого процесса де-факто к нему допущена только одна – органы власти и должностные лица республики. Кроме того, у нас до сих пор отсутствуют официальные источники обнародования нормативных правовых актов, что не способствует своевременному доведению принятых новелл до адресатов и, как минимум, не позволяет своевременно выявить банальные неточности, ошибки и опечатки в текстах. Тогда как, в Российской Федерации официальное опубликование осуществляется в соответствии с Федеральным Законом «О порядке опубликования и вступления в силу федеральных конституционных законов, федеральных законов, актов палат Федерального Собрания» (ст. 4) [2], а в Украине источники официального опубликования определены Указом Президента Украины «О порядке официального обнародования нормативно-правовых актов и вступления их в силу» (ст. 1) [3].

Важнейшее значение для правового воспитания масс имеет практическая работа правоохранительных органов, деятельность которых должна широко и объективно освещаться в СМИ, как и деятельность лиц, занимающих руководящие должности в правительственных органах государства. Любые ротации должностных лиц в высших эшелонах государственной власти, их причины или основания необходимо доводить до сведения общественности, особенно, если речь идет о нарушениях действующего законодательства, носящих коррупционный характер. Порядок освещения деятельности государственных органов также требует законодательного урегулирования.

Здесь приведены те факторы, влияющие на деформацию общественного правосознания, устранение которых возможно правовыми средствами. Ее преодоление – сложный и многоуровневый процесс, прежде всего, предполагающий превенцию. Главную функцию при этом выполняет социально-нормативное воспитание, в том числе правовое, заключающиеся в планомерном и систематическом воздействии на сознание и поведение членов общества, с целью достижения необходимого уровня правовых знаний, выработки глубокого уважения к закону и убеждения в необходимости его неукоснительного соблюдения. И пример в этом государственных служащих нельзя недооценивать.

Список литературы

1. О нормативных правовых актах: Закон Донецкой Народной Республики от 07.08.2015, № 72-ІНС (ред. от 11. 01.2018) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dnrsovet.su/zakonodatelnaya-deyatelnost/prinyatye/zakony/zakon-donetskoj-narodnoj-respubliki-o-normativnyh-pravovyh-aktah/>. – Дата обращения: 15.09.2019.
2. О порядке опубликования и вступления в силу федеральных конституционных законов, федеральных законов, актов палат Федерального Собрания: Закон Российской Федерации от 14.06.1994 N 5-ФЗ (ред. от 01.05.2019) [Электронный

ресурс]. – Режим доступа: <http://pravo.gov.ru/search/index.html> – Дата обращения: 15.09.2019.

3. О порядке официального обнародования нормативно-правовых актов и вступления их в силу: Указ Президента Украины от 10.06.97 г. № 503/97, ((ред. от 23.11.2007) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/503/97/> – Дата обращения: 15.09.2019.

УДК 342.1

ЗАКОННОСТЬ И ПРАВОПОРЯДОК КАК ПРЕДПОСЫЛКИ ФОРМИРОВАНИЯ ПРАВОВОГО ГОСУДАРСТВА

Герасименко Ю. В., Светличный В. А.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР

iuliatr@yandex.ru, arteatz14@gmail.com

Введение. Актуальность работы заключается в обосновании значимости укрепления правопорядка, установления прочной законности на всех уровнях общества для формирования правового государства и гражданского общества. Необходимость понимания взаимодействия законности и правопорядка позволяет более детально рассмотреть правовые основы функционирования гражданского общества и государства. Соблюдение законности и правопорядка определяют степень развитости того или иного государства, поскольку законность определяет степень соблюдения и исполнения законодательства, а правопорядок воплощает в жизнь законность.

Цель работы раскрыть значимость укрепления правопорядка и установления законности на всех уровнях общества для формирования правового государства.

Основная часть. Законность является важной составляющей правовой жизни общества. В научной и учебной литературе приводятся различные формулировки понятия «законность». Например, заслуженный деятель науки Российской Федерации Л. П. Рассказов в своих трудах отмечает, что «законность – это правовое явление, характеризующее процесс функционирования правового государства и гражданского общества на основе точного, строгого и неукоснительного соблюдения и исполнения всеми субъектами права всех действующих на территории государства норм права» [1]. В. С. Афанасьев определяет законность «как принцип, метод и режим соответствия поведения (деятельности) участников общественных отношений и его результатов нормам права» [2]. На сегодняшний день именно закон должен являться формой

выражения воли народа – единственного источника власти. Назначением законности является недопущение произвола и беззакония, а также юридическая защита личности. Данное правовое явление находит своё отражение в Конституции Донецкой Народной Республики (далее – ДНР). Согласно ч. 3 ст. 7 Конституции ДНР органы государственной власти ДНР, органы местного самоуправления, образованные на территории ДНР, должностные лица, граждане и их объединения обязаны соблюдать Конституцию ДНР, законы и иные нормативные правовые акты ДНР [3]. Исходя из вышесказанного, необходимо отметить, что главным условием деятельности государства является строгое соблюдение законности и правопорядка, укрепление правовой основы государственной и общественной жизни, а также улучшение работы всей системы правоохранительных органов. Прежде всего, это касается самих государственных служащих, поскольку уровень их правовой культуры непосредственно влияет на общественное правосознание. Государственный служащий в отношениях с гражданами обязан помнить, что наиважнейшей задачей его служебной деятельности является содействие утверждению приоритета прав и свобод человека. Под принципами законности понимают наиболее существенные черты, в которых отражаются назначение, роль и место законности в обществе, а также взаимосвязь с правом и политикой. Законность включает в себя такие элементы как: верховенство правового закона, единство законодательства, равенство всех перед законом и судом, приоритет прав и свобод человека и гражданина, неотвратимость юридической ответственности.

С законностью тесно связано другое правовое явление – правопорядок. Правопорядок представляет собой состояние общественных отношений, основанное на соблюдении и исполнении нормативных предписаний субъектами права. Известный исследователь проблем правопорядка проф. В. В. Борисов определял «правопорядок» как объективно обусловленное состояние социальной жизни, которое характеризуется внутренней согласованностью и урегулированностью системы правовых отношений и связей, основанных на реализации демократических, гуманистических принципов и нормативных основ права и законности, прав, свобод и обязанностей всех субъектов [4]. Правопорядку присущи следующие черты: обеспечивается государством, обусловлен нормами права, выступает результатом законности, тесно связан с правовой культурой и психологией. Таким образом, правопорядок следует рассматривать как единство права и власти, т.е. правовое положение и взаимоотношения всех субъектов государственной, политической и общественной жизни четко определены законами. Правопорядок и законность находятся между собой в неразрывной связи. Правопорядок без законности существовать не может, при этом

поддерживать и укреплять правопорядок можно только законными средствами.

Заключение. Законность и правопорядок – это важные составляющие функционирования правового, демократического государства. Законность – представляет собой процесс осуществления законов. Правопорядок – важнейший элемент юридической формы обеспечения нормального функционирования общественных отношений. Эти правовые явления позволяют защитить личность от произвола власти, а также общество в целом от всевозможных посягательств на права граждан. На сегодняшний день вопрос о законности является достаточно актуален и значим, поскольку законность является обязательным условием стабильности и устойчивости общества и гарантией реализации законных интересов граждан.

Для укрепления законности в государстве ключевое значение приобретает четкое и неукоснительное исполнение предписаний Конституции ДНР и иных нормативно-правовых актов, прежде всего, самими государственными органами власти.

Список литературы

1. Рассказов Л. П. Теория государства и права: углубленный курс: Учебник. – М.: РИОР: ИНФРА-М, 2015 – С. 502
2. Афанасьев В. С. Обеспечение законности: вопросы теории и практики: Автореф. дис. д-ра юрид. наук. М., 1993 – С. 10.
3. Конституция Донецкой Народной Республики (С изменениями, внесенными Законами от 27.02.2015 года № 17-ИНС, от 29.06.2015 года № 63-ИНС, от 11.09.2015 года № 92-ИНС, от 29.12.2017 года № 205-ИНС) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://dnrsovet.su/zakonodatelnaya-deyatelnost/konstitutsiya/>
4. Морозова Л. А. Теория государства и права: Учебник / Л. А. Морозова. – 5-е изд., перераб. и доп. – М.: Норма: НИЦ ИНФРА-М, 2014. – С. 337.

УДК 340.133

ЗАКОНОТВОРЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

Герасименко Ю. В., Собанский Е. В.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР
iuliatr@yandex.ru, johh.win@yandex.ua

Введение. Законотворческий процесс играет значительную роль в формировании правового пространства государства. К сожалению, правовое регулирование в Донецкой Народной Республике (далее – ДНР)

находится на низком уровне. Государство, создавая общеобязательные правила поведения, должно включить целый комплекс правоприменительных и правоохранительных приемов и способов, что позволит благоприятно воздействовать на развитие общества в целом.

Цель настоящего исследования выражается в изучении положительного опыта законотворческого процесса Российской Федерации (РФ), что позволит не только адаптировать наше законодательство, но и более эффективно использовать опыт Российской Федерации в нашей законотворческой деятельности.

Основная часть. Под законодательным процессом понимается совокупность последовательно сменяющих друг друга стадий, при помощи которых осуществляется законотворческая деятельность законодательного (представительного) органа. В связи с этим, выделяются его стадии, к которым относятся: законодательная инициатива, обсуждение законопроекта, принятие и утверждение закона, обнародование закона;

Законодательная инициатива представляет собой официальное внесение уполномоченным субъектом проекта закона в законодательный орган государственной власти [1]. Исходя из положений Конституции РФ и ДНР относительно данной стадии, можно отметить некоторые различия. В РФ правом законодательной инициативы обладают члены Совета Федерации и депутаты Государственной Думы, поскольку сам Парламент является бикамеральным, в отличие от Народного Совета ДНР – монокамеральный, поэтому в Парламенте правом законодательной инициативы обладают депутаты Народного Совета [2; 3].

Стоит отметить, что в ДНР у субъекта, внесшего законопроект, есть возможность отозвать данный проект, предварительно оформив свой отзыв в письменном виде. В Российской Федерации такая возможность не предусмотрена [4].

В стадии обсуждения законопроекта между указанными процессами прослеживается тождественность, в отношении его принятия в первом чтении. Однако, регламент Государственной Думы выражает большую корректность, информируя о вынесении постановления о принятии законопроекта в первом чтении, в отличие от ДНР, где формально-определенно не закреплено его вынесение. Однако устанавливается, что рассмотрение проекта во втором чтении осуществляется с докладом на пленарном заседании при выступлении автора. В Государственной Думе выступает представитель ответственного комитета с докладом в период до 7 минут [5]. Докладчик сообщает об итогах рассмотрения законопроекта в ответственном комитете, о поступивших поправках и результатах их рассмотрения. В Народном Совете ДНР обсуждение осуществляется по каждой поправке отдельно. Недостатком нашего законодательного процесса является отсутствие правовой нормы, обязывающей размещать на официальном сайте Народного Совета проекты законов, находящихся

на рассмотрении в парламенте. Это, на наш взгляд, нарушает один из базовых принципов законоотворчества – принцип гласности.

На стадии принятия и утверждения законов имеются существенные различия, так как в ДНР закон считается принятым, если за него проголосовало большинство депутатов от конституционного состава, где затем его председатель обязан подписать соответствующий акт, в срок не более 3 дней со дня его принятия. Но в РФ решение о принятии или об одобрении законопроекта во втором чтении оформляется постановлением Государственной Думы. Однако ответственный комитет направляет в Совет Государственной Думы текст законопроекта, подготовленного к рассмотрению в третьем чтении, проект постановления Государственной Думы о принятии или одобрении закона, и другие документы. Затем Совет назначает голосование законопроекта в третьем чтении о принятии оно в качестве закона. В ДНР же такое чтение отсутствует. При рассмотрении депутаты не вправе вносить поправки или возвращать законопроект на стадию обсуждения.

В заключении принятый и одобренный (одобренный без рассмотрения) федеральный закон и постановление Совета Федерации в пятидневный срок со дня принятия постановления председателем направляются Президенту Российской Федерации для подписания и его официального опубликования.

Вступление законодательного акта в законную силу на территории ДНР осуществляется с момента его официального опубликования на сайте Народного Совета ДНР, если сам закон не предусматривает иной порядок вступления в законную силу.

На территории же РФ законодательные акты вступают в законную силу спустя 10 дней после официального опубликования.

Заключение. Законотворческая деятельность может быть эффективной только при условии соблюдения определенных принципов. К сожалению, в нашем государстве на данный момент принцип гласности не соблюдается, поскольку отсутствует возможность свободного ознакомления с текстами законопроектов. Практика всенародного обсуждения законопроектов при помощи средств массовой информации: печати, радио, телевидения поможет взглянуть на законопроект с разных позиций.

Список литературы

1. О нормативных правовых актах в Донецкой Народной Республики: Закон ДНР от 7 августа.2015 г.№ 72-ИНС (с изменениями и дополнениями) / Официальный сайт Народного Совета Донецкой Народной Республики: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://dnrsovet.su/zakonodatelnaya-deyatelnost/prinyatye/zakony/zakon-donetskoj-parodnoj-respubliki-o-normativnyh-pravovyh-aktah/>. – Дата обращения: 19.09.2019.
2. Конституция Донецкой Народной Республики (принята всенародным голосованием 14.05.2014, с учетом поправок, внесенных Законами ДНР о внесении изменений в

Конституцию ДНР от 27.02.2015 № 17-ИНС, от 29.06.2015 № 63-ИНС, от 11.09.2015 № 92-ИНС, от 29.12.2017 № 205-ИНС) / Официальный сайт Народного Совета Донецкой Народной Республики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://dnrsovet.su/zakonodatelnaya_deyatelnost/konstitutsiya/. – Дата обращения: 19.09.2019.

3. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993, с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 №6-ФКЗ, от 30.12.2008 №7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 14.04.2014. – № 15.
4. Регламент Народного Совета Донецкой Народной Республики (принят постановлением Народного Совета 28. 11. 2014, с изменениями, внесенными постановлением Народного Совета от 16.02.2017 № I-766 П-НС) // Официальный сайт Народного Совета Донецкой Народной Республики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://dnrsovet.su/wp-content/uploads/2015/09/Reglament-NS-v-redaktsii-04.09.pdf>. – Дата обращения 17.11.2018.
5. Регламент Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации (принят постановлением Государственной Думы от 22. 01. 1998г. № 2134-П ГД, с изм. и доп.) // Официальный сайт СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/law/review/lawmaking/reglduma/> – Дата обращения 18. 11. 2018.

УДК 347

ЭКОНОМИЧНОСТЬ ИЛИ ОПТИМАЛЬНОСТЬ КАК ОСНОВА ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Емельяненко К. С., канд. юрид. наук

ГОО ВПО «Донецкий национальный медицинский университет

им. М. Горького», г. Донецк, ДНР

sveta.kolos@mail.ru

В условиях становления правовой системы Донецкой народной республики требование эффективности правового регулирования приобретает особое значение. Наличие качественного законодательства и продуманных механизмов его реализации является залогом успешного реформирования различных сфер общественной жизнедеятельности. В то же время нормативное упорядочение общественных отношений должно базироваться на четких теоретических положениях, которые раскрывают природу и причины его эффективности.

Довольно часто ученые рассматривают эффективность правового регулирования с точки зрения категории экономичности. Так, Ф. Н. Фаткулин и Л. Д. Чулюкин под эффективностью правовых норм предлагают понимать их способность с наименьшими затратами положительно влиять на общественные отношения и на установки их

участников в заданном направлении тех социальных условий, которые реально существуют в период их действия в стране. По мнению ученых, ни одна правовая норма не может претендовать на признание ее эффективной, если она функционирует со значительно более высокими затратами, чем ее положительное влияние на объект воздействия [1, с. 25–26]. Под расходами в этом подходе понимаются не только финансовые средства, необходимые для реализации определенной нормы, вместе с ними следует учитывать также затраты более разнопланового характера – затраты человеческой энергии, времени, политико-идеологические потери и тому подобное.

Ход рассуждений представителей указанного выше подхода понятен. Безусловно, государство и общество должны интересоваться вопросом оправданности приложенных усилий для реализации предусмотренных законодательством нормативных положений. Во многих странах мира оценке эффективности подлежат бюджетные затраты с точки зрения сроков их окупаемости и ожидаемых результатов. Например, в Великобритании обязательным условием инвестиций в здравоохранение, стоимостью более 25 000 000 фунтов, стерлингов является экономическое обоснование возможных альтернатив [2, с. 274–275]. Вместе с тем, не все правовые нормы и институты могут быть оценены с точки зрения их экономичности. К примеру, как отмечает Н. Ждиняк, эффективность уголовно-правовой нормы и экономичность уголовно-правовой нормы – это не тождественные понятия, поскольку экономичность измеряется соотношением между достигнутым результатом и затратами. То есть показатель экономичности уголовно-правовой нормы тем выше, чем меньше затраты полученного результата. Чего нельзя сказать об эффективности, ведь не всегда маленькие затраты свидетельствуют об эффективности уголовно-правовой нормы [3, с. 230].

Кроме того, ученые, отождествляя эффективность и экономичность правового регулирования, связывают эффективность с достижением максимальных результатов. Так, одним из сторонников данного подхода, В. А. Козловым, эффективность права понимается как максимально положительная результативность действия правовых норм при малейших социальных расходах [4, с. 109].

В связи с этим следует обратить внимание на то, что понимание эффективности в праве существенно отличается от ее понимания в экономике. Если в последней эффективным считается тот социальный агент, который «меньше потратил, больше получил», то определение эффективности права является более сложным. Оно зависит не только от экономической обоснованности государственно-правовых затрат, но и от органического сочетания правовых средств с возможностями других социальных регуляторов (обычаи, нормы морали и религии), от политического режима, от уровня правосознания и правовой культуры

адресатов права и тому подобное. Следует также учитывать аккордную оценку регулятивного влияния норм различных отраслей права на поведение субъекта.

Таким образом, в большинстве случаев требования, предъявляемые к действительности влияния норм права на общественные отношения, сводятся к оптимальной, а не к максимальной или минимальной степени законного регулирования. Если бы, скажем, стабилизирующее влияние права осуществлялось по максимуму, то устойчивость общественных отношений приобрела бы состояние не подвижности, застоя. В цивилизованном обществе никому не может прийти в голову намеренно усиливать принудительное правовое воздействие на людей, приумножать и усиливать карательные санкции. Кроме того, «себестоимость» государственно-правовой деятельности в различных сферах общественной жизни существенно отличается. К примеру, реализация положительных конституционных прав граждан (право на получение жилья, образования, полицейской защиты, услуг пожарной службы и т.п.) связана с более высокими затратами, чем реализация негативных прав, но это не дает оснований пренебрегать первыми в пользу вторых из соображений экономичности государственных мероприятий.

Следовательно, определение оправданности усилий по внедрению определенных регулятивных механизмов в систему общественных отношений является сложной задачей, не всегда можно оценить с позиций экономичности правового регулирования. Новых юридических механизмов, форм, институтов, возникающих вследствие правового регулирования, должно быть не много и не мало, а ровно столько, сколько нужно. С точки зрения задач правовой системы регулятивные эффекты различных форм правового воздействия должны оцениваться с позиций их оптимальности. Право по своей сути является несовместимым как с вредоносными и, так и с недостаточными и средствами регулирования.

Список литературы

1. Фаткуллин Ф. Н. Социальная ценность и эффективность правовой нормы / Ф. Н. Фаткуллин, Л. Д. Чулюкин. – Казань: Изд-во Казанского университета, 1977. – 119 с.
2. Эффективность законодательства в экономической сфере: науч.-метод. исследование / отв. ред. – проф. Ю. А. Тихомиров. – М.: Волтерс Клувер, 2010. – 384 с.
3. Ждиняк Н. Понятие эффективности уголовно-правовой нормы / Н. Ждиняк // Вестник Львовского университета. Серия юридическая. – 2009. – Вып. 49. – С. 229–235.
4. Козлов В. А. К вопросу о понятии эффективности права / В. А. Козлов // Вестник ЛГУ. – 1972. – № 5. – С. 106–113.

К ВОПРОСУ О ПРОБЛЕМАТИКЕ РАЗВИТИЯ РЕГЛАМЕНТАЦИИ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Краснонос Е. Ю., канд. юрид. наук, доцент,
Затейщикова Е. Л.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР
eu.kr@yandex.ua, zateyshchikova.liza@mail.ru

Введение. В современном мире с развитием науки и техники системы с искусственным интеллектом больше не относят к сфере научной фантастики. Такими темпами развития искусственный интеллект совсем скоро получит возможность совершать юридически значимые действия, которые должны получить точную регламентацию.

Цель данной работы заключается в анализе и проработке информационных докладов в сфере развития систем с искусственным интеллектом, представленных США, Великобританией и Европейским союзом, выявление общих тенденций в развитии данной сферы.

Основная часть. Американское научное сообщество подготовило доклад на тему «Подготовка к будущему искусственного интеллекта», который был опубликован еще 12 октября 2016 г. За основу данного доклада были взяты пять общественных семинаров и официальный запрос информации по системам с искусственным интеллектом [1]. Особое внимание в докладе обращается на отслеживание происходящих с большой скоростью изменений и обеспечения развития систем с искусственным интеллектом в единстве с гуманистическими ценностями. Самому искусственному интеллекту дано растолкование как технологии, которая при продуманном использовании будет способствовать не замене человеческих возможностей, а их усилению.

В разработанном на базе Стэнфордского университета в 2016 году докладе на тему «Искусственный интеллект и жизнь в 2030 году» предлагаются различные направления разработки политики в области правового регулирования систем с искусственным интеллектом. Во-первых, одним из направлений является сфера определения способа накопления технических знаний в сфере искусственного интеллекта на всех уровнях государственного управления. Во-вторых, является целесообразным разработать систему действий по устранению препятствий для исследования корректности функционирования и соблюдения конфиденциальности системами искусственного интеллекта и их воздействия на общество. В-третьих, необходимо провести меры с целью стимулирования междисциплинарных исследований в сфере воздействия систем искусственного интеллекта на общество.

В докладе «Искусственный интеллект и жизнь в 2030 году» представлены спорные правовые ситуации, среди которых можно выделить:

- обеспечение конфиденциальности личной информации, которые могут быть раскрыты с помощью алгоритмов искусственных интеллектов;
- привлечение к ответственности;
- определение правосубъектности;
- проблема развития негативных тенденций на рынке труда [2].

Следующим примером доклада может послужить «Нормы гражданского права о робототехнике» с рекомендациями для Европейской комиссии, который был опубликован Комитетом по правовым вопросам Европейского парламента 31 мая 2016 г [3]. Также в этом докладе большое внимание уделено соотношению робототехники, искусственного интеллекта и человеческой рабочей силе. Рекомендуются изначально внедрять робототехнику и искусственный интеллект для помощи в прогнозировании занятости, чтобы понять тенденции в этой области.

Одной из рекомендаций доклада является создание «Европейского агентства по робототехнике и искусственному интеллекту». В задачи такой организации могли бы входить решение вопросов о тенденциях развития искусственного интеллекта и робототехники, разработка мер регулирования, решение проблем защиты прав потребителей и т.д. Но одной из главнейших задач агентства стало бы управление системой регистрации в Европейском союзе всех интеллектуальных роботов.

«Хартия о робототехнике», которая была также предложена, не должна будет иметь обязательной силы, но при этом Хартия имеет целью дополнить законодательство с помощью включения в него этических норм и кодексов. Особое место должны занять такие ценности как достоинство, неприкосновенность частной жизни, безопасность, проблемы риска.

Для решения проблемы, которая касается предупреждения рисков, предусматривается сочетание жесткого и мягкого законодательства. Такое смешанное законодательство должно брать опираться на европейские стандарты, сочетая и международные правовые рамки.

В том же 2016 году, а точнее 13 октября, Комитет по науке и технологиям Палаты Общин Великобритании опубликовал отчет, который также был по теме систем с искусственным интеллектом. Целью доклада выступала возможность определения потенциальной ценности и возможности систем с искусственным интеллектом, а также рассмотреть предполагаемые проблемы и неблагоприятные последствия [4].

Как и в двух предыдущих докладах правительству предлагается поддерживать «регулирование легкого касания». Правительству предлагается разработать пакет новых нормативных рамок и принципов.

Как и в европейском докладе предлагается создание постоянной комиссии по искусственному интеллекту в Институте Алана Тьюринга,

которая занималась бы обеспечением руководства по этическим, юридическим и социальным последствиям внедрения систем с искусственным интеллектом (ELSI) и созданием основы для формирования нормативных рамок и организационных структур. Также рекомендуется создать Совет по этике данных.

Что касается основы в регламентации сектора систем с искусственными интеллектами, то в докладе предлагается опираться на Европейский общий регламент по защите данных, вступивший в силу в 2018 г.

Заключение. На основании всего вышесказанного, можно сделать вывод о том, что на данный момент в сферу интересов передовых стран входят возможности использования систем с искусственным интеллектом. Таким образом, необходимо создать независимый многосторонний международный совет по искусственному интеллекту и этике данных с равными возможностями для всех заинтересованных сторон для обмена знаниями и теорий в данной сфере.

Если современная наука и техника сумеют максимально приблизиться к созданию реально мыслящего искусственного интеллекта, который будет мыслить подобно человеческому разуму, то понадобятся и временные ограничения на разработку таких систем.

Список литературы

1. Thierer A., Castillo A. Preparing for the future of artificial intelligence / Mercatus Center or George Mason University // URL: <https://www.mercatus.org/system/files/Thierer-Artificial-Intelligence-Permissionless-Innovation-PIC-v1.pdf> (дата обращения: 16.08.2019).
2. Artificial intelligence and life in 2030: one hundred year study on artificial intelligence [Электронный ресурс] / Stanford University // URL: https://ai100.stanford.edu/sites/default/files/ai_100_report_0831fml.pdf (дата обращения: 16.08.2019).
3. European Parliament Resolution of 16 February 2017 with recommendations to the Commission on Civil Law Rules on Robotics (2015/2103(INL)) [Электронный ресурс] // URL: <http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?pubRef=//EP//TEXT+TA+P8-TA-2017-0051+0+DOC+XML+V0//EN> (дата обращения: 16.08.2019).
4. Robotics and artificial intelligence: A response to the House of Commons Science and Technology Committee inquiry into robotics and artificial intelligence / The Royal Academy of Engineering [Электронный ресурс] // URL: <https://www.raeng.org.uk/publications/responses/robotics-andartificial-intelligence> (дата обращения: 16.08.2019).

ПРАВОВАЯ ИНФОРМАТИЗАЦИЯ КАК ФАКТОР СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Краснонос Е. Ю., канд. юрид. наук, доцент,
Лебединская А. С.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР
eu.kr@yandex.ua, lebedinskaya@gmail.com

Введение. В современной действительности для каждого государства информация представляет важный стратегический ресурс, от эффективности использования которого зависит обеспечение национальной безопасности, функционирование демократического режима и результативность модернизации государственных институтов власти. Вместе с тем, прогрессирующий процесс информационной глобализации в мире требует соответствующего правового регулирования – создания фундаментальных основ национального законодательства в информационном аспекте.

Цель данной работы заключается в установлении хронологической градации издания стратегических нормативно-правовых актов в аспекте развития информационной среды на территории Российской Федерации.

Основная часть. Так, исходя из необходимости проведения реформирования правового поля в Российской Федерации, Указом Президента РФ от 28 июня 1993 г. № 996 [1] была утверждена Концепция правовой информатизации России, которая имеет целью создание и совершенствование законодательства, регулирующего отношения в сфере информатизации.

Стоит отметить и тот факт, что первоначальные редакции Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (1995 год) [2] и Федерального закона «Об участии в международном информационном обмене» (1996 год) [3] были приняты в результате Указа Президента РФ от 20 января 1994 г. № 170 «Об основах государственной политики в сфере информатизации» [4], одной из задач которого являлась разработка проектов законодательных актов Российской Федерации по вопросам информатизации.

То есть, можно утверждать, что содержание Концепции правовой информатизации является первичным инструментом федерального значения по установлению информационного сектора как области правового регулирования, и, к тому же, послужило источником для формирования ключевых целей информатизации в государственной политике РФ.

Достаточно весомым фактором информационного реформирования стало издание Приказа Президента РФ от 9 сентября 2000 г. № Пр-1895

«Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации» [5], которая выступает отдельным актом освещения проблемы обеспечения стабильности инновационной сферы ввиду противоречивости и неразвитости правового регулирования указанной области, отсутствия четкого планирования в государственной политике в аспекте формирования российского информационного пространства, интенсивного внедрения зарубежных информационных технологий и минимизации развития отечественной индустрии.

Следующей, в порядке иерархичной структуры законодательных актов, целевой программой реализации информационных реформ является Стратегия развития информационного общества [6] в Российской Федерации. Отличительная особенность Стратегии заключается в обязательном характере выполнения её положений всеми органами государственной власти Российской Федерации и органами местного самоуправления, что, с точки зрения правового регулирования, обозначает данный документ как базу для разработки и корректировки соответствующих государственных, ведомственных и региональных программ и планов информатизации.

Так, дальнейшее развитие национального законодательства и стратегического потенциала Российской Федерации в информационном аспекте выражается в принятии государственной программы «Информационное общество» (2011–2020) [7].

Данная программа включает в себя четыре подпрограммы:

1. Информационно-телекоммуникационная инфраструктура информационного общества и услуги, оказываемые на ее основе (исполнитель – Федеральное агентство связи РФ) предполагает развитие федеральной почтовой связи, совершенствование механизмов управления использованием радиочастотного спектра, управление развитием информационно-телекоммуникационной инфраструктуры информационного общества и услугами.

2. Информационная среда (исполнитель – Федеральное агентства по печати и массовым коммуникациям РФ), в рамках которой предусмотрено оборудование телерадиовещания, доступ к электронным средствам массовой информации, участие в информационном пространстве на международной арене, повышение уровня развития национальных информационных ресурсов.

3. Безопасность в информационном обществе (исполнители – Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций РФ; Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций РФ; Федеральная служба безопасности РФ; Федеральное агентство по печати и массовым коммуникациям РФ), которая предполагает контроль и надзор, предупреждение информационно-технологических угроз национальным интересам России, противодействие терроризму, экстремизму, насилию;

4. Информационное государство (исполнители – Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций РФ; Министерство здравоохранения и социального развития РФ; Министерство образования и науки РФ), в рамках которой обозначены следующие тенденции: управление развитием информационного общества, становление электронного правительства, поддержка региональных проектов в сфере информационных технологий.

Заключение. Таким образом, перспективным направлением является систематизация информационного законодательства в контексте принятия единого Информационного кодекса Российской Федерации на основе интеграции федеральных законов информационной сферы. Помимо этого, целесообразно использовать инновационный подход составления кодификационного акта, к примеру, обозначение экспериментальных правовых режимов в сфере цифровых инноваций.

Список литературы

1. Указ Президента Российской Федерации от 28.06.1993 г. № 966 «О Концепции правовой информатизации России» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1993. – №27. – Ст. 2521.
2. Федеральный закон от 20.02.1995 г. № 24-ФЗ «Об информации, информатизации и защите информации» (утратил силу) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1995. – №8. – Ст. 609.
3. Федеральный закон от 04.07.1996 г. № 85-ФЗ «Об участии в международном информационном обмене» (утратил силу) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – №28. – Ст. 3347.
4. Указ Президента Российской Федерации от 20.01.1994 г. №170 «Об основах государственной политики в сфере информатизации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1994. – №4. – Ст. 305.
5. Доктрина информационной безопасности Российской Федерации: утв. Президентом РФ от 9.09.2000 г. № Пр-1895) (утратила силу) // Российская газета. – 2000. – №187.
6. Указ Президента от 7 февраля 2008 г. № Пр-212 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации» (утратил силу) [Электронный ресурс] // Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации. URL: <https://digital.gov.ru/ru/documents/3004/> (дата обращения: 17.09.2019)
7. Государственная программа Российской Федерации «Информационное общество (2011-2020 годы)»: Постановление Правительства Российской Федерации от 15 апреля 2014 г. № 313 // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2014. – № 18. – Ст. 2159.

СОЦИАЛИЗАЦИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА, КАК ПРИНЦИП ПРАВА

Левченко А.И., канд. юрид. наук, профессор

ГУ ЛНР «Луганская академия внутренних дел имени Э.А. Дидоренко», г. Луганск, ЛНР

В любой из Конституций постсоветских государств говорится о том, что они являются демократическими (народными), правовыми, социально ориентированными. Следовательно, все усилия таких государств должны быть направлены на реализацию этих основополагающих установлений.

Не углубляясь в дискуссию относительно того, являются ли государства образовавшиеся на развалинах СССР, демократическими или олигархическими, правовыми или нет и т.п., остановимся только на одном из важнейших аспектов этой проблемы – являются ли они социально ориентированными, могут ли быть таковыми в реальной жизни, или это очередной политико-правовой и социально-экономический симулякр.

По логике вещей, в государствах переходного типа, особенно те, которые характеризуются крайней нестабильностью, как правило, бедные, не устроенные, с низким уровнем жизни, высокой степенью социальной дифференциации и постоянно балансирующие на грани очередного государственного переворота – социальная функция государства выходит на первый план, даже при суперважности остальных функций, например, военной (защита страны) и других подобных ей.

Власть, потерявшая социальный ресурс (широкомасштабную, постоянную и эффективную поддержку со стороны населения), как правило, заканчивает плохо. В. Янукович, в силу отсутствия у него государственного мышления и опыта управления страной, сделал ставку только на силовые структуры (прокуратура, милиция, суды, армия), в результате чего он не смог удержать страну от «майданной революции» (правового переворота).

Как известно, социальная функция государства (первостепенной важности в условиях существования наших республик), должна реализовываться систематически и целенаправленно через деятельность всех властных структур (механизм государства).

Естественно и логично, если государство функционирующее, как социально ориентированное, то и право, действующее в нем, должно также быть социально ориентированным в обязательном порядке.

А это означает, что, *во-первых*, этот порядок вещей должен быть зафиксирован, как в основополагающих программных документах, определяющих направления развития страны, так и в модели правовой политики. В ее основе должен находиться принцип социальной ориентации. При несомненном огромном воздействии политики на право, в советских и постсоветских государствах всегда справедливость или

несправедливость действий власти в отношении своих граждан определяется в массовом сознании с обязательным учетом социальных ценностей, которые обусловлены именно объективными закономерностями развития общества. Проблема заключается в другом, «доросло» ли государство до такого состояния своего цивилизационного развития, когда человек (большинство населения страны) считается основной ценностью и мерилем степени его демократического развития?

Во-вторых, социальная ориентация права должна находить свое выражение и закрепление, как при выработке его основополагающих начал – принципов и идеи права, доведенные содержательно и технически (качественно) до уровня принципов права Европейского Союза и международного права. Как известно, принципы права пронизывают собой всю юридическую форму общественных отношений, выражая и закрепляя в наиболее обобщенном сжатом виде основополагающие устои существующих социально-экономических и политических отношений в обществе.

В условиях активной правотворческой деятельности, осуществляемой в Луганской Народной Республике, принципы права должны в обязательном порядке найти свое выражение и закрепление в нормах проектируемого и действующего законодательства (в объективном и субъективном праве). Принципы права служат ориентиром в правотворческой и правоприменительной деятельности всех государственных органов. Они являются своеобразной несущей конструкцией, вокруг которой формируются его нормы, институты, отрасли и вся система права.

В-третьих, социальная ориентация права должна найти свое обязательное отражение в законотворческом процессе на всех его стадиях. Для действенного регулирования общественных отношений в ЛНР и ДНР и эффективного правотворчества целесообразно использовать, в первую очередь, текстуальное закрепление важнейших положений принципа социализации законодательства (социальная направленность действий права) в основных источниках права. Так как непосредственное формулирование этого принципа в законе, во-первых, повышает его значимость, юридическую силу, во-вторых, он становится обязательным для законодателя в правотворческом процессе и его применении на практике. Таким образом он будет иметь большую нормативно-регулятивную силу.

В-четвертых, социальная ориентация права должна найти свое дальнейшее выражение и закрепление не только в правотворческом, но и в правоприменительном процессах (право «живет» только тогда, когда оно действует).

Особенно это касается молодых, вновь возникших государств, которые претендуют на то, чтобы в ближайшее время стать демократическими (народными), правовыми и социально ориентированными. Непонимание этого или нежелание этого делать значительно задерживает их государственно-правовое становление как внутри страны, так и на международной арене.

Таким образом, если мы определились, что в государствах с нестабильным социумом основной функцией, при несомненной важности других, является социальная, то право, действующее в таких республиках, не может не быть иным, как социально ориентированным. Если этого не происходит, то обязательно произойдет разбалансировка всего механизма государства, хаос и его гибель.

Все мы привыкли к тому, что во внутригосударственных и международных документах обращается первоочередное внимание на политические права и свободы граждан, их гарантии.

Однако, если говорить о социальной функции государства, как первоочередной и социализации законодательства, тем более, если мы возводим ее в степень принципа права, то необходимо обратить внимание на экономические права и свободы человека, их содержание и гарантии. Еще в 1901 году российский ученый-демократ Н.К. Михайловский писал о том, что без экономических гарантий, призывы к расширению политических права и свобод превращаются в пустые колебания воздухом. И он абсолютно был прав, как показали последующие события в истории нашей страны – без экономической свободы политической свободы не бывает, а если она и существовала, то только для ограниченного круга людей – собственников.

Следовательно, в Луганской и Донецкой Народных Республиках речь должна, в первую очередь, идти при формировании законодательной базы государств, как раз с учетом того, что наши государства, ограниченные в финансовых, экономических, дипломатических и других ресурсах находятся в стадии своего строительства. Ситуация также усложнена тем, что сегодня реально существует опасность дальнейшей военной эскалации со стороны Украины и усиления международной изоляции. С учетом вышеизложенного, существующая в республиках власть не должна растерять свой важнейший ресурс – социальный, а для этого она должна целенаправленно и постоянно, а не эпизодически реализовывать на практике свою социальную политику. Законодатель должен помнить и понимать, как проектируемый или принимаемый им закон скажется на уровне жизни большинства граждан Республик, он его улучшает, ухудшит, или никак? Если в первых двух случаях мы видим государственный подход к делу (ухудшение уровня жизни может быть временным и вызвано чрезвычайными обстоятельствами, например, началом боевых действий и т.п.), то в последнем – налицо низкий профессионализм, а возможно и политическая близорукость и заангажированность депутатского корпуса по объективным и субъективным причинам.

Список литературы

1. Конституция Луганской народной Республики от 18 мая 2014 года // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://nslnr.su/zakonodatelstvo/konstitutsiya/>

ПОЛИТИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ДЕФИНИЦИИ «ЛОББИЗМ»

Одинцова Е. А., канд. юрид. наук, доцент,
Македон Е. А.

ГО ВПО «Донецкий национальный университет экономики и торговли
имени Михаила Туган-Барановского», г. Донецк, ДНР
odintsova.e.a@gmail.com, eliz-makedon@yandex.ru

Введение. Современное российское общество представляет собой сложнейшую структурную систему, которая содержит в себе подсистемы социальной, политической, профессиональной, демографической, национальной, конфессиональной, и т.п. его организации. Элементом каждой из них имманентны собственные интересы локального характера, зачастую противостоящие аналогичным интересам иных структур. Следовательно, каждая из данных подсистем структурированного общества выполняет функцию консолидации и артикуляции общественных интересов, что является вполне логичным, функцию их эффективной реализации путем последующего лоббирования в органах государственной власти.

Основная часть. Развитие демократических институтов общества сопровождается формированием новых социально-политических явлений, которые отражают важнейшие процессы общественной жизни государства и нуждаются в детальном исследовании. Лоббизм является одним из таких социально-политических явлений и развивается исключительно в условиях демократизации российского общества.

Лоббизм, как практика воздействия индивидов и социальных групп на органы государственной власти в целях влияния на политику для реализации собственных интересов, является важным элементом современного политического процесса.

В фундаментальном плане возрастание роли лоббизма в современных условиях объясняется двумя взаимосвязанными факторами: 1. усложнением внутренней структуры обществ, сопровождающимся выявлением множества партикулярных интересов и формированием на их основе различных групп интересов;

2. усилением государственного вмешательства во все сферы жизни общества, расширением законодательной и административной активности правительства, которая стала непосредственно затрагивать интересы подавляющего большинства общественных групп.

Учитывая вышесказанное, социальное-политическое значение дефиниции «лоббизм» способствует вовлечению в процесс выработки и принятия политических решений множества различных общественных

групп интересов, что способствует формированию гармоничной и максимально сбалансированной государственной политики.

Лоббизм как политико-правовое явление обладает как несомненными плюсами, так и проявляющимися негативными чертами. Рассмотрим «цивилизованный лоббизм» как инструмент достижения определенных целей.

К важнейшим функциям лоббизма относят функцию представительства интересов различных групп и объединений граждан в политической деятельности общества. Данная функция связана с тем, что лоббизм способствует выработке государством правильного курса в принятии различных решений.

Немаловажной является направляющая, корректирующая функция лоббизма. Также, стоит отметить и такие функции, как привлечение доминирующих субъектов хозяйствования к участию в политико-правовой жизни общества, усиление самоорганизации гражданского общества [1, с. 104]. Ведь лоббизм в определенной степени является соперником бюрократии. В рамках лоббизма эффективно мобилизуется общественная поддержка или оппозиция какому-либо законопроекту. Отметим, что лоббизм придает большую злободневность, актуальность и социальную значимость решениям, принимаемым государственной властью.

На данный момент, в российском обществе лоббизм существует как реальность, но слабо поддается структурированию современной политической науки, поскольку это неформальная практика, а не набор закрепленных в законодательстве формальных процедур. Именно поэтому отечественная юридическая наука столь активно использует универсальное понятие лоббизма как “неформального института”, поскольку данное словосочетание отражает важные предпосылки для дальнейшего анализа природы лоббизма в российском обществе.

Заключение. Таким образом, как нам представляется верным, лоббизм в политико-правовом смысле – это:

1) совокупность норм, регулирующих процесс воздействия субъектов лоббистских правоотношений на органы государственной власти в целях удовлетворения своих интересов;

2) неотъемлемый институт политической и правовой жизни государства, подразумевающий активную деятельность граждан, любых заинтересованных лиц, различных участников правоотношений по отстаиванию своих интересов на различных уровнях власти с использованием незапрещенных законом форм и методов [2, с. 337].

Вывод. Подводя итоги вышесказанного, отметим, что на данном этапе современности необходимо постепенное превращение лоббизма из механизма теневого политического взаимодействия в публичный общественный институт. Таким образом, есть основания говорить о целесообразности полноценной институционализации лоббизма в России.

Принятие соответствующих мер, включая отдельный закон о регулировании лоббистской деятельности, будет способствовать не только усилению демократических начал российской политики и более эффективному принятию властных решений, но и даст дополнительный стимул развитию российского гражданского общества.

Список литературы

1. Любимов А. П. Лоббизм как конструктивно-правовой институт. М., 1998. – 270 с.
2. Одинцова Е. А. Общая характеристика лоббизма как политико-правового явления: истоки, понятие, сущность // Вестник Донецкого университета. – Серия В. Экономика и право. – 2005. – № 2. – С. 331–338.

УДК 340.12:17.037

ПРАВОВОЙ НИГИЛИЗМ КАК АКСИОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА СОВРЕМЕННОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ

Петрова Е. И., Македон Е. А.

ГО ВПО «Донецкий национальный университет экономики и торговли
имени Михаила Туган-Барановского», г. Донецк, ДНР
Elena_i_v@inbox.ru, eliz-makedon@yandex.ru

Введение. На данном этапе в условиях построения правового государства и формирования гражданского общества одной из наиболее актуальных проблем, стоящих перед отечественной юридической наукой является правовой нигилизм. Возрастание роли права как регулятора общественных отношений в обществе обуславливает необходимость дальнейшего изучения различных подходов к дефиниции «правосознание» и «правовой нигилизм». Исходя из общего положения и опираясь на совокупность вышеперечисленного, первоочередной становится задача формирования положительно ориентированного правового сознания граждан. Реальные условия современности в данной сфере имеют свои специфические особенности, что обуславливает необходимость дальнейших исследований в указанном направлении. Однако, в условиях современных социально-экономических и политико-правовых изменений, происходят определенные негативные сдвиги в правовой идеологии общества. В социально-психологическом плане, это падение престижа права, т.е. правовой нигилизм. В концептуально-научном – отказ от многих взглядов и оценок, касающихся роли права и правовых институтов.

Целью данной работы является раскрытие сущности дефиниции «правовой нигилизм» с точки зрения современной аксиологии.

Основная часть. Правовой нигилизм представляет собой один из самых недостаточно теоретически проработанных феноменов правосознания. Сложившийся социально-правовой феномен получил широкое распространение и отражение в сознании граждан, политической и культурной жизни общества, законотворческой, государственной и общественной деятельности, в юридической практике.

С точки зрения современной философско-правовой науки нигилизм представляет собой выражение негативного отношения субъекта (как отдельных граждан, так и некоторых категорий людей) к определенным ценностям, нормам, взглядам, идеалам, отдельным, а подчас и всем, сторонам человеческого бытия. Это одна из форм мироощущения и социального поведения [1, с. 45].

Соответственно, суть правового нигилизма как одной из разновидностей социального нигилизма традиционно определяется как общее «негативно-отрицательное», неуважительное отношение к праву и действующим законам.

Правовой нигилизм стоит наряду с исследуемыми понятиями «право», «правосознание», «правовая культура», «правовой менталитет», «правовое образование», «правовое воспитание» и т.п., принадлежащие к наиболее значимым категориям философско-правовой науки. Актуальность их исследования значительно возрастает в связи с исторически переходным периодом современного российского общества, связанным с распадом СССР. В следствие этого в российском обществе стал доминировать либерализм, который существенно повлиял на ход общественного развития. На данный момент, российская правовая теория в основном ориентируется на западные ценности, нередко абсолютизируя их, что негативно сказывается на правовом сознании граждан, вызывая тем самым у некоторых индивидов правовой нигилизм [2, с. 104].

Отметим, что на сегодняшний день, в философии права и юридической социологии нет единого подхода не только к пониманию сущности правового нигилизма, но и к уровням и формам его существования и проявления. Влияние право-аксиологического нигилизма на правосознание граждан и правотворческую деятельность, в отечественной юридической науке, рассматривается неоднозначно [3, с. 56].

Юридический нигилизм является реальной угрозой для духовной жизни общества. Данное явление существенно тормозит развитие права, законодательства, духовной и нравственной культуры общества, что лишь усугубляет политическую ситуацию в нашем государстве. К право-аксиологическому типу нигилизма следует относить различного рода правонарушения, преступность, возрастание убийств, грабежей и иных видов преступлений, а также коррумпированность государственных структур, бесчинство групп боевиков, акты вандализма и т.п.

Выводы. Таким образом, как сами формы правового нигилизма, так и негативные последствия его проявления в государстве и обществе все более приобретают характер угрозы национальной безопасности, угрозы стабильности и правопорядка, что еще раз подчеркивает актуальность, теоретическую и практическую значимость исследования данной проблемы.

Список литературы

1. Сысоев И. Н. Правовой нигилизм, способы его преодоления в современных условиях / И. Н. Сысоев // Бизнес в законе. – 2008. – С. 44–45.
2. Зырянов М. Ю. Социально-философский анализ правосознания (некоторые аспекты) / М. Ю. Зырянов // Вестник Нижегородского университета имени Н. И. Лобачевского. – 2009. – №2(14) – С. 104-108.
3. Попов В. В. Правопонимание и правовой нигилизм в российском обществе: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. – Москва, 2004. – 225 с.

УДК 340

К ВОПРОСУ О ТИПОЛОГИИ НЕПРИЗНАННЫХ ГОСУДАРСТВ И ИХ ПРАВОВОМ СТАТУСЕ

Поправко А. К., канд. филос. наук, доцент,

Поправко А. А.

ГОУ ВПО «Донбасская юридическая академия», г. Донецк, ДНР
docentpopravko@mail.ru, popravkoalex@mail.ru

Введение. Проблемами изучения статуса непризнанных государств занимаются историки, политологи, юристы Бударагина Л. В., Квачкова П. И., Оксамытный В. В., Петрова С. В., Сербина А. А., Сергеев А. Л. В теории права проблема непризнанных государств и их статуса является дискуссионной. Наиболее детальный анализ на основе сравнительно-правового метода правовых систем сделал доктор юридических наук Оксамытный В. В. Согласно его теории существуют 3 типа непризнанных государств: государственно-организованные сообщества, государственно-подобные образования, квазигосударства [1, с. 79].

Целью является выделение основных типов непризнанных государств и определение их правового статуса

Основная часть. Непризнанное государство – это территориальное образование, имеющее признаки государства, но лишенное полного международно-дипломатического признания [2, с. 14]. Такие государства не имеют правомерных возможностей коммуникации с другими странами по политическим, экономическим и другим вопросам, им сложно развивать

инфраструктуру, заключать контракты, вступать в международные организации. Непризнанные государства могут рассчитывать только на гуманитарную помощь со стороны НКО развитых стран, что исключает возможность их полноценного развития. Не имея в глазах международной общественности возможности защищать свой (непризнанный) суверенитет на международном и региональном уровнях, они становятся потенциальным объектом амбиций для мировых держав в целях усиления собственного стратегического и территориального потенциала. Статус государства в свою очередь влияет и на население, проживающее в нем: жители сталкиваются с проблемой недействительности документов, лишаются признанных в международном праве свобод передвижения, выбора профессиональных занятий, не имея возможности путешествовать, получать образование или работать в других странах.

Появление новых государств на политической карте мира сопровождает всю историю существования человечества в организованных территориальных формах. Все же длительное время конфликты, связанные с новообразованиями, находили слабое отражение в международном праве: чаще всего противостояние затрагивало вновь рожденное политическое образование и его соседей. Уплотнение международных связей, рост региональной зависимости рынков и начало процессов раздела мира (а впоследствии и его передела) вывело проблематику на совершенно новый уровень. Позиция так называемых ведущих держав по отношению к объявившей свою независимость территории перестала быть простой формальностью: часто это грозит потерей статуса, источника ресурсов, рынка сбыта или собственных территорий. Отсюда процесс признания государств превратился в поле сложной глобальной игры, в которую втягиваются не только многие страны, но и военно-политические объединения, международные организации, интеграционные образования.

Анализ длительной исторической ретроспективы практики образования новых государств на политической карте мира позволяет составить следующую типологию процессов новообразования:

1) государства, образовавшиеся в результате войн и послевоенного раздела мира. Данный тип образований является наиболее характерным для истории человечества и присущ практически всем эпохам. Ярким примером могут служить Наполеоновские войны, полностью перекроившие карту Центральной Европы. В 1806 г. Наполеон не только вынудил императора Франца II отречься от престола Священной Римской империи германской нации и объявить об её упразднении, но и изменил статус и территории ряда государств, объединив их в т.н. Рейнский союз. Не имея реальной экономической и политической основы, Рейнский союз стал в большей степени военным альянсом по осуществлению континентальной блокады Англии. Закрепленное авторитетом Наполеона это государственно подобное образование легко было стерто с лица земли

политическими решениями Венского конгресса, частично восстановившими status quo, частично сохранившими установленные границы.

2) *государства, созданные мировыми державами в целях реализации империалистической политики.* К таким образованиям применяется выражение «марионеточные государства», которые не обладают в полной степени суверенитетом и в высшей степени подвластны своим «создателям». Примером здесь может служить государство Манчжоу-го, созданное Японией в межвоенный период (1932–1945). Об этих формированиях не стоит говорить как о самостоятельных государствах, потому что де факто они являются оккупированными территориями, управление которыми производится с целью изъятия из них различных видов ресурсов. С другой стороны, появление подобных образований на политической карте мира провоцирует бурные дебаты международной общественности по вопросу их признания или непризнания, создает поводы для принятия новых актов международного права.

3) *государства, образовавшиеся в результате революций.* Проблематика признания подобного рода государств заключается в придании пришедшему к власти правительству статуса легитимности или в отказе от него. В эпоху Нового времени великие державы присваивали себе право передела политической карты и использовали все средства вплоть до военного вторжения в целях низвержения революционных порядков. Особенно распространенной подобная практика управления международными отношениями оставалась в революционном XIX в.

4) *государства, образовавшиеся в результате национально-освободительной борьбы.* Ярким примером начала реализации права государств на самоопределение могут выступать США, которые провозгласили свою независимость в Декларации 1776 г. Данный документ не только обозначил существование нового государства, но и стал своего рода апелляцией к международной общественности в целях признания ею равного статуса в ряду остальных держав: «Когда ход событий приводит к тому, что один из народов вынужден расторгнуть политические узы, связывающие его с другим народом, и занять самостоятельное и равное место среди держав мира, на которое он имеет право по законам природы и ее творца, уважительное отношение к мнению человечества требует от него разъяснения причин, побудивших его к такому отделению». Аргументируя провозглашение новой нации, документ латентно призывает к противникам Англии (в особенности к Франции) о поддержке: «История правления ныне царствующего короля Великобритании – это набор бесчисленных несправедливостей насилий, непосредственной целью которых является установление неограниченного деспотизма».

5) *государства, возникшие в результате постепенной эмансипации колоний.* Данный механизм был характерен для эволюционирующей

Британской империи, которая в XIX в. пошла по пути предоставления самостоятельности белым переселенческим колониям и перевода их в статус доминионов. Отдав широкие полномочия органам местного самоуправления заморских территорий, Британия сумела избежать повторения опыта американской войны за независимость и сохранить политическую лояльность и доступ к богатым ресурсам Канады, Новой Зеландии, Австралии в виде действующих до сих пор структур Британского содружества [3, с. 142].

Заключение. Представленная типология, разумеется, не отражает всего многообразия вариантов появления государств на политической карте мира, но она позволяет в том числе достаточно пластично представить проблематику, связанную с признанием новообразования и придания ему легитимного статуса равного действующего лица на международной арене так называемыми ведущими державами, а позже и международными организациями.

Список литературы

1. Оксамытний В. В. Пправовые системы в государственно подобных образованиях / Журнал ВЭБ. – М., 2017. – С. 79.
2. Оганов В. Г. Из интервью информационному portalу русские Афины / Афины: 7.11.2017 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://gua.gr/2314/415>.
3. Бударagina А. В. Статус непризнанных государств / Журнал Право и современные государства. – М., 2017. – С. 142.

УДК 378.225

ДИССЕРТАЦИОННЫЙ СОВЕТ ДНР ПО ЮРИСПРУДЕНЦИИ КАК СПОСОБ МЕЖГОСУДАРСТВЕННОЙ ИНТЕГРАЦИИ

Разбейко Н. В.

ГОУ ВПО «Донецкая академия управления и государственной службы
при Главе Донецкой Народной Республики», г. Донецк, ДНР
razbeyko.n@gmail.com

Введение. В Донецкой Народной Республике отсутствует диссертационный совет по юриспруденции. Таким образом, остановлен процесс защиты кандидатских и докторских диссертаций по праву, не смотря на действующие аспирантуры в ведущих вузах ДНР.

Цель – выявить потенциал межгосударственной интеграции в сфере создания объединенного диссертационного совета по юриспруденции.

Основная часть. Создавать совет необходимо, исходя из таких соображений:

1) скоро некому будет учить студентов. Так как средний возраст существующих кандидатов юридических наук – приблизительно 50 лет, поэтому существует угроза, что через несколько лет вообще никого не останется (люди умирают в связи с преклонным возрастом, выходят на пенсию, выезжают в Россию). Поэтому возможно скоро ни одно образовательное учреждение не сможет соответствовать требованиям для получения лицензии, аккредитации на образовательную деятельность 40.01.03; 40.04.01 «Юриспруденция»;

2) риск заключается в том, что если сейчас не создать совет, то через несколько лет юридические вузы и факультеты будут закрываться, а студенты с большими трудностями будут выезжать на обучение в Россию, и не факт, что они вернутся в ДНР после обучения. В то же время, если Россия будет вынуждена у себя создавать бюджетные места для наших абитуриентов, что теоретически может ограничить возможности абитуриентов из России. Особенно необходимо учитывать режим экономии в РФ в связи с санкциями и международной напряженностью;

3) поэтому необходимо обеспечить подготовку высокклассных специалистов, которые будут обеспечивать качественное обучение юристов в ДНР;

4) совет необходимо создавать, так как его деятельность может приносить доход нашей Республике, так как существует официально плата за обучение в аспирантуре по юриспруденции.

Единственным риском, который необходимо учитывать, это то, что многие депутаты, судьи и многие работники органов исполнительной власти захотят получить степень кандидата юридических наук, особенно если за счет средств государственного бюджета. После получения ими ученой степени кандидата наук, государство будет вынуждено доплачивать им к заработной плате надбавку за год около 7200руб. Диссертационный совет за год проводит защиту диссертаций 12 человек. Всего 86400руб. Такую сумму ежегодно необходимо тратить на доплату к зарплате 12 кандидатам наук. Каждый год количество кандидатов, работающих в органах государственной власти, будет прибавляться, следовательно, нагрузка на бюджет ДНР будет увеличиваться.

В России похожая ситуация была с академиками. Президент РФ просил не совмещать научную деятельность с работой на государственной службе. Однако некоторые рискнули и получили степень академика. Поэтому им было предложено стать великими учеными вместо работы на государственной службе. В связи с этим диссертационный совет может работать на таких условиях:

– официальный запрет государственным служащим, судьям учиться в аспирантуре и защищать диссертации (для них выход есть – пусть увольняются, идут работать в вузы и учатся в аспирантуре либо сдают все экстерном);

– бесплатно учатся в аспирантуре либо экстернатуре только те, кто работают в образовательных учреждениях (вузах);

– остальные учатся платно (те, кто работают в частном секторе).

Количество членов диссертационного совета в ДНР должно быть не менее 19. В пункте 2.9 Положения ДНР о совете по защите диссертаций [1] указано, что на период до 31 декабря 2018 года установить, что в случае отсутствия необходимого количества докторов наук по соответствующей специальности, состоящих в трудовых отношениях с учреждением, республиканский орган исполнительной власти принимает решение о создании диссертационного совета посредством привлечения специалистов, которые имеют научные статьи, монографии по данной специальности, состоящих в трудовых отношениях с высшим учебным заведением, научным учреждением, на базе которого создается диссертационный совет. Необходимым условием должно быть участие не менее 3-х докторов наук, являющихся специалистами по проблемам каждой отрасли науки каждой научной специальности (далее – специалист), по которой диссертационному совету предоставлено право принимать к защите диссертации, два из которых состоят в штате, а один может состоять в трудовых отношениях с высшим учебным заведением, научным учреждением, на базе которого создается диссертационный совет.

Однако в ДНР сейчас работают только 3 доктора юридических наук. Таким образом, в связи с отсутствием в данный момент на территории ДНР докторов юридических наук, выполнить вышеуказанные требования нет возможности.

В связи с вышеуказанной проблемой нехватки докторов юридических наук можно привлекать докторов наук из Российской Федерации [2], Беларуси [3]. Доктор наук или кандидат наук, независимо от участия в работе диссертационных советов по основному месту работы, может состоять членом в двух диссертационных советах, созданных при других организациях. Таким образом, есть возможность пригласить докторов наук из других диссертационных советов, в том числе из Российской Федерации.

Заключение. Предлагается создать в ДНР объединенный диссертационный совет по юриспруденции на базе ведущего в соответствующей отрасли знаний высшего учебного заведения или научной организации (базовой организации). В связи с форс-мажорными обстоятельствами необходимо закрепить возможность создания диссертационного совета по юриспруденции с привлечением на 100 % докторов наук, не имеющих основным местом работы организацию, при которой создается совет. Пригласить докторов наук из других диссертационных советов (в том числе из Российской Федерации). Привлечение российских ученых позволит качественно повысить уровень подготовки кандидатов, так как будут привлечены ученые разных научных школ. Кроме этого, можно обучить тех, кто претендует на соискание

ученой степени доктора наук, в Российской Федерации за средства из государственного бюджета ДНР, чтобы в дальнейшем создать диссертационный совет ДНР по юриспруденции.

Список литературы

1. Приказ Министерства образования и науки Донецкой Народной Республики «Об утверждении Положения о совете по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук» №160 от 15 мая 2015г. // http://vak.mondnr.ru/wp-content/uploads/Polozhenia/Prikaz_N160_15-05-2015.pdf
2. Приказ Министерства образования и науки России «Положение о совете по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук» № 1093 от 10 ноября 2017г. [Электронный ресурс] / Режим доступа: <http://vak.ed.gov.ru/documents/10179/0/Приказ%20№%201093+от%2010.11.2017.pdf>
3. Постановление высшей аттестационной комиссии Республики Беларусь «Об утверждении положения о совете по защите диссертаций» от 22 февраля 2005 г. №19 (в ред. постановлений ВАК от 07.03.2007 № 2, от 21.08.2007 № 5, от 08.06.2009 № 1, от 15.06.2015 № 1) [Электронный ресурс] / Режим доступа: <http://www.vak.org.by/council-on-protection-dissertations>
4. Постановление Совета Министров Донецкой Народной Республики «Об утверждении Положения о присуждении ученых степеней» №2-14 от 27.02.2015 г. // <http://vak.mondnr.ru/?p=64>

УДК 321.013

НЕПРИЗНАННЫЕ ГОСУДАРСТВА КАК ФАКТОР ИНТЕГРАЦИИ/ДЕЗИНТЕГРАЦИИ ПОСТСОВЕТСКОГО ПРОСТРАНСТВА

Сальников В. И., канд. ист. наук, доцент
ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет», г. Воронеж, РФ
vyachs@yandex.ru

Непризнанные государства – частный случай проблемной государственности, когда с одной стороны, существуют проблемы признания суверенитета государств, и, с другой стороны, – проблемы государственного контроля над территориями. Непризнанные государства обычно возникают при кризисе и распаде «материнского» государства, когда оно не в силах контролировать свои «выпадающие регионы», в силу чего те при благоприятном раскладе могут осуществить сецессию. Как правило, эти процессы происходят под влиянием турбулентности, время от времени дестабилизирующей миропорядок, а по мере ее ослабления вновь усиливаются процессы интеграции, и территория дезинтегрированного политического пространства выходит из зоны проблемной государственности.

Что касается постсоветского пространства, то по линии межцивилизационных и межэтнических разломов появился ряд государств (Республика Арцах, Приднестровская Молдавская Республика, Абхазия, Республика Южная Осетия, а совсем недавно Донецкая Народная Республика и Луганская Народная Республика), чьи народы осуществили сецессию. В настоящий момент времени они пытаются решить проблему международного признания, без чего им нельзя полноценно включиться в систему международных экономических, политических, инфраструктурных и культурных связей, что отражается на развитии этих самопровозглашенных республик, вынужденных выживать, главным образом, за счет стран-доноров (России и Армении), участия в «серых», а то и криминальных экономических схемах, за счет средств, присылаемых трудовыми мигрантами из этих непризнанных государств и помощи землячеств...

Исходя из существующего расклада сил в ООН, международное признание в ближайшее время получить практически невозможно в силу трудности убеждения политически ангажированного «международного сообщества» в том, что создать собственные государства их вынудила дискриминационная политика «материнских государств» (государств, из которых они выделились), которые нарушали личные и коллективные права человека. Сфабрикованным заявлениям представителей «материнских государств» оно пока верит больше. И хотя России удалось заморозить вооруженные конфликты на постсоветском пространстве и добиться частичного международного признания Абхазии и Южной Осетии, тем не менее, ее дипломатам, СМИ и общественным организациям с большим трудом удается убеждать международные инстанции признать правоту народов самопровозглашенных республик постсоветского пространства, желающих создать собственные государства. Поддерживая непризнанные постсоветские государства экономически и политически, являясь для большинства из них «государством-покровителем», РФ, тем не менее, не спешит с признанием остальных непризнанных государств – НКР, ПМР, ДНР и ЛНР. Что порождает у их жителей и руководства ощущение «пешек в большой игре»...

Что же делать самопровозглашенным непризнанным постсоветским государствам в этих непростых для них условиях? Автор считает, что, прежде всего, им, как и «государствам-покровителям» (РФ и Армении), нужно выбрать правильную стратегию. Автор видит шесть вариантов стратегического выбора для непризнанных государств постсоветского пространства.

1. Вернуться в состав своих «материнских государств» – Азербайджан, Грузию, Молдову, Украину. Это сделать нелегко. Тут должно произойти, или полное реформатирование «материнских государств», либо крах выделившихся из них государств-де факто.

2. Стать частью Большой Европы, ориентируясь на ЕС, Совет Европы, а то и НАТО, распространяющих свое влияние на Восток. Но слишком значительны цивилизационные различия у нынешней либеральной Европы и полутрадиционалистских культур народов непризнанных республик постсоветского пространства. Слишком большая ломка им предстоит на этом пути, и нет гарантии, что это будет во благо. Хотя ПМР в силу своего геополитического положения пытается двигаться в этом направлении, руководствуясь кредо «надо дружить со всеми» и ориентируясь на «европеизацию молдово-приднестровского конфликта»... Насколько эта стратегия удачна – это уже другой вопрос, но попытки предпринимаются...

3. Осознав, что другого выбора, кроме как стать частью Большой России, у непризнанных государств постсоветского пространства нет, им придется активно включиться в сборку Русского мира, оказывая сильное воздействие и на саму РФ, активизируя в ней своей пассионарностью, проявившейся в борьбе за независимость, те силы, что помогут превратить нашу страну из «сепаратистского продукта распада СССР в страну-цивилизацию – наследницу Российской и Советской империй». Как это было в начале 90-х годов и во время «Русской Весны»...

4. Если у РФ не хватит сил и желания на то, чтобы реализовать проект Большой России, то есть вариант войти в Евразийский Союз – конфедеративный союз государств постсоветского пространства с единым политическим, экономическим, военным, таможенным, гуманитарным и культурным пространством. Однако в силу серьезных противоречий между РФ, Беларусью и Казахстаном, перспектива такого союза находится под вопросом. Правда в последнее время все громче высказывается мнение о необходимости создания нового союзного государства, в состав которого могли бы влиться и непризнанные государства (по аналогии с новоогаревской моделью). И уже наметились некоторые реальные практические шаги... Правда, очень осторожные...

5. Вспомнив свое революционно-повстанческое прошлое, с головой окунуться в стихию турбулентности, активизировав «токсичную притягательность» повстанческих политий, и создать реально действующий Интернационал непризнанных государств. Что могло бы при помощи заинтересованных международных акторов в значительной степени трансформировать нынешний несправедливый миропорядок. Но такого рода элит в непризнанных государствах не видно. На нынешнем этапе запроса на «перманентных революционеров» пока нет... По крайней мере, со стороны России...

6. Отказаться от всех высоких идей и попросту использовать выгоды от «серой», или даже криминальной экономики, способствующей выживанию этих непризнанных государств. Но будет ли это способствовать нормальному развитию?

Теперь, что касается роли и места непризнанных государств в деле интеграции нашего постсоветского пространства. Если мы хотим вывести его из зоны турбулентности, то должны решить проблему непризнанных государств. При этом необходимо исходить из отношения непризнанных государств и их «материнских государств» к Евразийскому экономическому союзу, к возможности его расширения и более тесной интеграции входящих в него стран. Абхазия, Южная Осетия, ПМР, ДНР и ЛНР уже давно заявили о своем желании войти в него, чего не скажешь о Грузии и Украине, чьи элиты сделали выбор в сторону евроатлантической интеграции. Молдова пока колеблется между евразийским и евроатлантическим выбором, и ПМР, де-юре являясь частью Молдовы, и осуществляя наряду с интеграцией в Русский мир также поддержку молдавской идентичности, является препятствием на пути евроатлантической интеграции и румынизации. Того же добивается РФ как государство-покровитель и от ЛДНР, не признавших государственный переворот в Киеве в 2014 году и являющихся, по мнению А. Бабицкого, «единственными легитимными преемниками украинской власти», поэтому им уготована «роль локомотива, который когда-нибудь потащит вагоны с украинскими областями в нужном направлении». Вопрос только в том, сколько еще продержится население непризнанных республик постсоветского пространства в состоянии такой неопределенности? Надеюсь, что упрощенный порядок предоставления гражданам ЛДНР российского гражданства призван положить конец этой неопределенности и послужит важной вехой в деле интеграции Донбасса в Россию и Русский мир.

Вывод. Непризнанные государства, чье возникновение связано с трагическими последствиями распада империй и федераций, призваны занимать существенное место в процессах интеграции/дезинтеграции политических и экономических пространств. Поэтому, исходя из интеграционных реалий постсоветского пространства, стоит использовать НКР, ПМР, РЮО, РА, ДНР и ЛНР в качестве «драйверов» такой интеграции...

К ВОПРОСУ О ПРЕДЕЛАХ УСТАНОВЛЕНИЯ ЮРИДИЧЕСКИХ ОГРАНИЧЕНИЙ И ОБРЕМЕНЕНИЙ ПРАВА СОБСТВЕННОСТИ

Степанова Ю. С.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР

julias.stepanova@yandex.ru

Введение Рассмотрение вопроса о пределах установления юридических ограничений и обременений права собственности обусловлено, прежде всего, самим характером указанных правовых явлений, как способов регулирования значительной сферы общественных отношений. Проблема ограничений и обременений права собственности актуальна с позиции повышения действенности защиты прав и интересов, недопущения чрезмерного вмешательства государства и злоупотреблений со стороны собственников.

Цель исследования является комплексное изучение пределов установления юридических ограничений и обременений права собственности, а также выработка на этой основе выводов и предложений по вопросам разграничения, эффективности применения и дальнейшего развития указанных правовых явлений

Основная часть. В первую очередь, следует отметить, что действующее законодательство Донецкой Народной Республики (далее по тексту – ДНР) не содержит каких-либо конкретных указаний на предельность ограничений и обременений права собственности. Некоторые ученые-юристы предлагают использовать в качестве критерия такого разграничения конституционное положение о том, что осуществление прав и свобод не должно нарушать права других лиц. При этом, мера ограничений прав и свобод человека и гражданина должна определяться пределами необходимой достаточности для достижения целей защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства (что мы можем увидеть в ряде международно-правовых документов). Так, в качестве таких целей в ст. 29 Всеобщей декларации прав человека указаны обеспечение должного признания и уважения прав и свобод других людей, удовлетворение справедливых требований морали, общественного порядка и общего благосостояния в демократическом обществе [1]. А в силу ст. 8 Конвенции о защите прав человека и основных свобод ограничение должно быть предусмотрено в интересах национальной безопасности и общественного порядка, экономического благосостояния страны, в целях предотвращения беспорядков или преступлений, для охраны здоровья и нравственности или

защиты прав и свобод других лиц [2]. Четко определен перечень прав и обязанностей в Конституции РФ, в частности, не подлежат ограничению даже в условиях чрезвычайного положения право на свободное использование своих способностей и имущества для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности. Следует отметить, что в Конституции ДНР подобного рода перечня прав и обязанностей, не подлежащих ограничению ни при каких особых режимах, не содержится, что, безусловно, требует доработки.

При оценке ограничений права собственности как законного уменьшения возможностей, свободы собственника представляется необходимым учитывать границы их применения, которые выражаются в двух взаимосвязанных условиях, сформулированных в п. 2 ст. 48 Конституции ДНР [3] и в ст. 13 ГК Украины [4]. Первое – право собственности может быть ограничено в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства; второе – только в той мере, в какой это необходимо в указанных целях. Несмотря на то, что эти условия сформулированы в весьма общей форме, и, по словам Д.И. Дедова, «на самом деле являются абстрактным изложением основных функций государства и не представляют собой нечто, олицетворяющее идеал» [5, с. 75], они дают определенный ориентир законодателю, органу, устанавливающему ограничение.

Что же касается проблемы пределов обременений права собственности, то она имеет двухсторонний характер. Так, одной из сторон, является степень и прочие показатели, основания и т.п. стеснения собственника вследствие обременения его субъективных прав и связанная с этим возможность неосновательного и чрезмерного стеснения, нарушения прав собственника. Второй стороной данной проблемы является защита и обеспечение прав третьих лиц, приобретших имущественные права в отношении объекта собственности, с тем, чтобы собственник, как обладатель наиболее абсолютного права, позволил и не препятствовал различными способами удовлетворению интересов указанных лиц при осуществлении ими приобретённых прав, не злоупотреблял полнотой права собственности. В этом случае обоснованные и разумные пределы обременений будут способствовать нормальному ходу гражданского оборота, исполнению обязанностей контрагентов.

Для обоснованности и правомерности обременений права собственности и их пределов, необходимо соблюдение правовых требований по поводу соответствующих правоотношений, например, законности условий сделок, формы сделок, что обеспечит их действительность и, как результат, приведет к возникновению

обременений. Следует помнить, что обременения могут возникнуть только при соблюдении всех законодательных требований, при надлежащем поведении контрагентов, а в случае незаконности сделки, должной привести к обременению, последнее не возникнет, так как отсутствует юридический факт, а те стеснения собственника, которые могут наличествовать при осуществлении последним своего права обременениями являться не будут, они могут быть схожи во внешних проявлениях, однако по природе своей отличны, к тому же приводят к иным последствиям.

Заключение. Пределами установления ограничений права собственности являются принципы направленности на разумное соотношение интересов и обеспечение прав физических и юридических лиц, государственных и муниципальных образований, общества в целом; исключительности ограничений; срочности и предельности ограничений; законности, справедливости, обоснованности, соразмерности и равенства. Пределы действия обременений как субъективных гражданских прав определяются общим требованием соблюдения принципа законности, запретом злоупотребления правом, волей устанавливающих эти обременения лиц и в каждом конкретном случае обременения – специальными требованиями нормативных актов.

Список литературы

1. Всеобщая декларация прав человека, принята резолюцией 217 А (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 10 декабря 1948 года [Электронный ресурс]. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml. – (дата обращения: 15.09.2019).
2. Конвенция о защите прав человека и основных свобод, г. Рим, 4 ноября 1950 (измененная и дополненная Протоколом № 11 в сопровождении текстов Протоколов №№ 1, 4) [Электронный ресурс]. – URL: <http://base.garant.ru/2540800/>. – (дата обращения: 15.09.2019).
3. Конституция Донецкой Народной Республики, принята Постановлением Верховного Совета Донецкой Народной Республики № 1-1 от 14.05.2014. – [Электронный ресурс] (с учетом изменений, внесенных Законами от 27.02.2015 года № 17-ІНС, от 29.06.2015 года № 63-ІНС, от 11.09.2015 года № 92-ІНС, от 29.12.2017 года № 205-ІНС, от 30.11.2018 года № 01-ІНС). – официальный сайт Народного Совета Донецкой Народной Республики. – URL : <https://dnrsovet.su/zakonodatelnaya-deyatelnost/konstitutsiya/> (дата обращения: 30.08.2019).
4. Цивільний кодекс України, прийнятий 16.01.2003 № 435-IV: редакція від 19.04.2014 [Электронный ресурс]. – URL : <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/435-15>. – (дата обращения: 12.09.2019)
5. Дедов Д. И. Соразмерность ограничения свободы предпринимательства / Д. И. Дедов. – М.: Юристъ, 2002. – 187 с.

МЕСТО ПРАВООТНОШЕНИЙ В СФЕРЕ МЕДИЦИНСКОГО СТРАХОВАНИЯ В ОТЕЧЕСТВЕННОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

Терованесов А. М., канд. юрид. наук

ГОО ВПО «Донецкий национальный медицинский университет
им. М. Горького», г. Донецк, ДНР
ars1990terov@gmail.com

Введение. Правоотношения в сфере медицинского страхования ученые относят к сфере регулирования гражданского права, права социального обеспечения, иных отраслей.

Целью является определение места правоотношений в сфере медицинского страхования в системе отечественного законодательства.

Основная часть. Необходимо отметить, что вопрос страхования здоровья является новым по сравнению с другими институтами, поэтому обуславливает наличие научных дискуссий, результатом чего есть предложения по усовершенствованию правового статуса исследуемой сферы.

В результате становления социальной сферы в начале XX в. на территории Донбасса, медицинская помощь населению развивалась как ее составляющая. Медицинское страхование выделяется в отдельную систему во второй половине XX в., когда появился интерес в построении договорных отношений между лечебными учреждениями и гражданами.

Подобный порядок действовал также в странах западной и центральной Европы. Медицинская помощь оказывалась в соответствии с законодательством о социальной защите, поскольку гражданско-правовые отношения в данной сфере не пользовались популярностью общества. Это связано с одной стороны с низкой платежеспособностью граждан, в результате чего население не могло получать качественные страховые услуги. С другой стороны, законодатели не сочли нужным разрабатывать нормативный базис, потому что система указанных правоотношений не пользовалась спросом у общественности. Вследствие исторически сформировавшейся тенденции, медицинскую помощь можно отнести к части социального законодательства, которая закреплена в современных нормативных положениях.

Дальнейшее определение страховых отношений в медицинской сфере требует обращения к положениям гражданского законодательства, поскольку данная отрасль по своей сути охватывает вопросы социальной защиты и проблемы заключения договоров между заинтересованными лицами.

Как отмечает В. Васильев, гражданское право является отраслью права и представляет собой целостную систему, состоящую из

взаимосвязанных структурных элементов, таких как гражданско-правовые нормы, институты, подотрасли [1, с. 96].

Исходя из данного тезиса можно заметить, что те отношения, которые строятся на принципах равенства, принадлежат к гражданским. Кроме того, нужно заметить, что предметом регулирования и гражданского и страхового законодательства являются имущественные отношения. Согласно п. 1 ч. 1 ст. 980 Гражданского кодекса Украины, предметом договора страхования могут быть имущественные интересы, не противоречащие закону и связанные с жизнью, здоровьем, трудоспособностью и пенсионным обеспечением (личное страхование) [2]. На основании данной нормы можно сделать вывод, что страхование является неотъемлемой частью гражданско-правовых отношений. Но здесь возникает вопрос о соотношении страхования со сферой здравоохранения, поскольку в данном случае имеет место сравнительно новая система норм, которая позволяет формировать взаимные обязательства между гражданами и страховыми компаниями. Кроме этого, многие ученые относят медицинское страхование к гражданским правоотношениям в силу того, что подотраслью гражданского права является обязательственное право, которое охватывает институт страхования. С данным тезисом можно согласиться, поскольку отношения страхования имеют своеобразный субъектный состав и специфический объем взаимных прав и обязанностей при котором граждане делают соответствующие взносы в обмен на гарантии защиты их имущественных интересов в случае наступления неблагоприятных событий, указанных в договоре. В таком контексте медицинская помощь при заключении соответствующего соглашения становится видом добровольного или обязательного страхования.

Интересным представляется тот факт, что данная система отношений пересекается с другими правовыми институтами, то есть по своей сути является межотраслевой. Медицинское страхование, как совокупность норм выделяется в субинститут, ведь оно является частью института страхования. Кроме того, регулирует особый порядок отношений в сфере здравоохранения, согласно которому лицо вносит денежные средства и получает гарантию обеспечения необходимого объема врачебной помощи.

При выяснении места исследуемого предмета в системе действующего законодательства следует отметить, что межотраслевой характер института страхования также позволяет отнести нормы, касающиеся медицинского обеспечения граждан к другой системе норм.

Некоторые ученые доказывают взаимосвязь финансового права с институтом страхования, который регулирует отношения в процессе выплаты возмещения по вкладам при наступлении страховых случаев.

Кроме гражданского и финансового права, выделяют сферу медицинских правоотношений. Предметом медицинского права являются

общественные отношения в сфере осуществления медицинской деятельности, фармакологии, а также взаимоотношения между пациентом и медицинским работником, учреждением здравоохранения. Согласно ч. 1 ст. 11 Закона Донецкой Народной Республики «О здравоохранении», страховая медицина гарантирует гражданам при возникновении страхового случая получение медицинской помощи за счет накопительных средств, а также финансирование профилактических мероприятий. Медицинское страхование граждан Донецкой Народной Республики осуществляется в двух видах: в виде обязательного социального и добровольного частного медицинского страхования [3].

Кроме того, между медицинскими и страховыми отношениями есть общие черты. Обе системы правовых норм базируются на законодательных и договорных началах, при которых соглашение о непрерывном страховании здоровья регулирует вопросы оказания помощи пациенту, являются реализацией права на охрану здоровья, закрепленных в гражданско-правовых положениях. При этом можно заметить, что при заключении договора страхования здоровья лечебные учреждения фактически берут на себя обязательства по реализации данного соглашения, сочетая тем самым отношения в сфере медицинского и гражданского права.

Заключение. Медицинское страхование является межотраслевой системой отношений, которая регулируется нормами гражданского, финансового, медицинского права. Целесообразно по отношению к медицинскому страхованию применять понятие «субинститут», «институт», «система отношений». Данные дефиниции с одной стороны освещают обширный круг положений, входящих в страховую сферу, а с другой – показывают принадлежность медицинского страхования к различным отраслям права.

Список литературы

1. Васильев В. В. Система подотрасли права интеллектуальной собственности. Пробелы в российском законодательстве. 2012.
2. Цивільний Кодекс України: Закон України від 16.01.2003 року // Відомості Верховної Ради України. – 2003. – № 40–44. – Ст. 356.
3. Закон Донецкой Народной Республики «О здравоохранении» от 24.04.2015 № 42-ІНС.

ДОНЕЦКАЯ НАРОДНАЯ РЕСПУБЛИКА И ЕВРАЗИЙСКИЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ СОЮЗ: ПЕРСПЕКТИВЫ ИНТЕГРАЦИИ

Тимошенко Н. А., канд. юрид. наук, доцент,
Матвийчук А. О.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР
n.timowenko@gmail.com, matvijchuck.ania@yandex.ua

Изучение проблематики интеграционных процессов в евразийском регионе имеет важное значение для отечественной науки в контексте неопределенности геополитической ориентации Донецкой Народной Республики (далее – ДНР), перед которой остро стоит проблема обеспечения национальной безопасности, экономического роста и повышения конкурентоспособности в условиях формирования новой безопасной среды в рамках независимых государствах Евразии.

Возникает необходимость проанализировать перспективы интеграционных процессов Донецкой Народной Республики в Евразийский экономический союз (далее – ЕАЭС).

Евразийский экономический союз является уникальным международным образованием, который представляет собой яркий пример успешного политического и правового сотрудничества и экономической интеграции. Относительно участия ДНР в интеграционных процессах в рамках ЕАЭС, то до официального международно-правового признания ДНР полноценное сотрудничество остается невозможным. Однако когда такое признание состоится, возможна реализация намерения не только о сотрудничестве с ЕАЭС, но и действительное полноправное членство в этой организации.

Формируя интеграционную стратегию и тактику, надо учитывать особенности ДНР как потенциальной участницы международных экономических объединений. Речь идет об отсутствии опыта государственности, необходимости получения настоящего суверенитета и на разработанность политико-правовых регуляторов и инструментов; о неразвитости рыночных отношений и инерции ухудшения экономического состояния; истощении запаса социальной выдержки населения [1, с. 191].

Экономическое сотрудничество в ЕАЭС строится на «четырёх свободах», предусмотренных ст. 4 Договора о ЕАЭС, что предполагает свободное движение товаров, услуг, капитала и рабочей силы, а также стабильное, но одновременно модернизированное развитие экономик в рамках ЕАЭС [2].

Конкурентоспособность страны и ее специализация в системе мировой торговли определяется факторными ресурсами (наличием

природных ресурсов, трудовых ресурсов), наличием родственных и поддерживающих отраслей, условиями сбыта продукции (существование спроса внутри страны), структурой фирм и наличием у них долгосрочных стратегий, государственной политикой, действием непредсказуемых факторов. Факторы конкурентоспособности можно рассматривать как факторы и условия производства и реализации продукции национальной экономики, которые определяют ее качество, себестоимость и условия потребления и тем самым их конкурентоспособность на мировых рынках [3, с. 110].

Перед ДНР стоит сложная задача перехода от формирования и развития конкурентных преимуществ в сырьевых отраслях (прежде всего, горнодобывающая промышленность), которые базируются на природных и исторических факторах, к созданию таких преимуществ в наукоемких высокотехнологичных отраслях. Поскольку с перспективным вступлением в ЕАЭС откроется свобода рынка в виде свободного движения товаров, чтоб не загубить отечественного производителя, его продукция должна быть на должном технологичном уровне, а также чтоб представлять интерес для инновационного сотрудничества.

Стратегия повышения конкурентоспособности национальной экономики должна быть направлена на создание устойчивой эффективной системы национальной экономики и ее субъектов, способных успешно конкурировать в условиях евразийской интеграции, обеспечивая Донецкой Народной Республике достойное место в евразийском разделении труда.

Основой утверждения международной конкурентоспособности должны служить реализация и использование национальных конкурентных преимуществ, которые обусловлены наличием кадрового, научно-технического и технологического потенциалов экономики Донецкой Народной Республики, концентрации не только на сырьевых отраслях, но и высокотехнологичных.

Интеграция ДНР в ЕАЭС связана с повышением уровня высокотехнологичных производств (вычислительная техника, информационные технологии, авиационная промышленность, телекоммуникации, роботостроение, оптоволоконная техника, биотехнологии, нанотехнологии, фотоника, оптоэлектроника, аэрокосмическая промышленность), причем это повышение выгодно ЕАЭС, поскольку организация заинтересована в однородности своего состава, а с другой стороны, следствием вступления ДНР в ЕАЭС, что подразумевает выравнивание уровней развития стран-участниц.

Важным фактором сотрудничества и интеграции является использование транспортной инфраструктуры. В ДНР назрела необходимость восстановления железнодорожного и авиасообщения для обеспечения беспрепятственного движения товаров и рабочей силы в рамках интеграционных процессов с ЕАЭС.

Вступление в ЕАЭС не должно становиться самоцелью для ДНР, ее целью должно быть достижение евразийских экономических стандартов. Важным является повышение уровня зарплат и уровня жизни в целом. С открытием рынка рабочей силы и беспрепятственного доступа граждан ДНР к трудоустройству в ЕАЭС, может возникнуть недовольство граждан стран-участниц, так как они привыкли к гораздо более высокому уровню зарплат, а граждане Донецкой Народной Республики могут соглашаться на невыгодные условия работодателей, что приведет к понижению социальных стандартов для всех.

Таким образом, исследованы перспективы участия в евразийской интеграции ДНР: необходимо обеспечить повышение конкурентоспособности национальной экономики в условиях евразийской интеграции, используя кадровый, научно-технический и технологический потенциал экономики ДНР, концентрируясь не только на сырьевых отраслях, но и высокотехнологичных. Требуется восстановление железнодорожного сообщения и авиасообщения, повышение качества автодорожного покрытия для обеспечения беспрепятственного движения товаров и рабочей силы в пределах ЕАЭС. Необходимо поднять уровень минимальной заработной платы для обеспечения стабильности свободного движения рабочей силы, чтобы обеспечить заинтересованность иностранных граждан ЕАЭС в трудоустройстве в ДНР и избежания занижения социальных стандартов в странах-участницах ЕАЭС.

Список литературы

1. Міжнародні інтеграційні процеси сучасності: монографія / А. С. Філіпенко (кер. авт. кол.), В. С. Будкін, М. А. Дудченко та ін. – К. : Знання України, 2004. – 304 с.
2. Договор о Евразийском экономическом союзе (подписан в г. Астане 29.05.2014 г.) (ред. от 08.05.2015 г.) (с изм. и доп., вступ. в силу с 12.08.2017 г.) [Электронный ресурс]. / СПС «ГАРАНТ». – Режим доступа: <https://base.garant.ru/70670880/>. – Дата обращения: 05.09.2019. – Загл. с экрана.
3. Федорова И. А. Развитие конкурентоспособности страны на мировой арене / И. А. Федорова // Проблемы государства и права в исследованиях курсантов, слушателей и студентов: Сборник тезисов докладов и сообщений на всероссийской научной конференции (30 апреля 2010 г.), 2010. – С. 94–115.

СУДЕБНЫЙ ПРЕЦЕДЕНТ КАК ИНСТРУМЕНТ РЕГУЛИРОВАНИЯ РОМАНО-ГЕРМАНСКОЙ ПРАВОВОЙ СИСТЕМЫ

*Тишаков М. П.*¹, канд. юрид. наук,
*Якубенко Б. А.*²

¹ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР

²Ростовский правовой колледж, г. Ростов-на-Дону, РФ

TMAXIM7@yandex.ru, Borya.yakubenko@mail.ru

Начать необходимо с определения понятия судебного прецедента. Судебный прецедент – это решение высшего судебного органа по определенному вопросу, носящее силу источника права и являющееся обязательным для всех нижестоящих судов. Судебный прецедент, в понимании классической теории государства и права, не является характерной особенностью романо-германской правовой системы. Однако, мы можем обнаружить некоторые элементы прецедента в континентальной правовой семье, которые, необходимо заметить, превосходно справляются с выполнением своей функции по заполнению пробелов в праве.

Следует заметить, что все перечисленные далее признаки прецедентного регулирования носят программный характер. В нашей правовой действительности судебный прецедент и его элементы выражаются в различных факторах. В первую очередь – это нормотворческая функция конституционного суда. Исходя из международного и, в частности, российского опыта, можно предположить какие именно правотворческие функции этот орган будет реализовывать. Конституционный Суд имеет и осуществляет самостоятельные нормотворческие полномочия, которые он реализует в толковании всех видов нормативно-правовых актов, а также в проверке конституционности актов, в конституционном надзоре. Более того, эти акты толкования имеют высшую юридическую силу, находясь лишь на ступень ниже основного законодательного акта государства – конституции. В связи с этим, толкование и проверка конституционности нормативно-правовых актов не могут быть проигнорированы соответствующими органами, в том числе законодательными, и выступают как акты правотворчества.

Нормы конституции, в свою очередь, являются нормами прямого действия, то есть именно на основе конституционных норм ведется судопроизводство, восстанавливается социальная справедливость и защищаются права и свободы граждан. Так как их толкование осуществляется непосредственно Конституционным Судом, можно сделать вывод, что именно на основе заключений, постановлений и определений Конституционного Суда осуществляется рассмотрение дел

совершенно различных отраслей права, что, в свою очередь, является признаком наличия в актах Конституционного Суда прецедента или, как минимум, прецедентного элемента.

Более того, в постановлении Конституционного суда от 2010 года 21 января № 1-П прямо сказано, что толкование закона высшими судебными органами, в российской судебной системе, оказывает сильное воздействие на формирование судебной практики если исходить из полномочий вышестоящих судебных инстанций по отмене и изменению судебных актов, что является обязательным для судов нижестоящих инстанций на будущее время [1, с. 17]. Так, президиум Верховного Арбитражного Суда РФ вправе частично или полностью отменить любой судебный акт нижестоящей инстанции. Указания же, которые даны при отмене или разъяснении судебного акта являются обязательными для всех инстанций арбитражного суда.

Несмотря на то, что в российском законодательстве прямо не закреплена обязательность постановлений Верховного Суда, в Постановлении Конституционного Суда от 26 февраля 2010 года № 4-П сказано, что гражданское судопроизводство, через которое судами общей юрисдикции и арбитражными осуществляется судебная власть, в своих принципах и основных чертах должно быть сходным [2, с. 8]. В силу того, что Верховный Суд выступает судом высшей инстанции, нижестоящие суды должны учитывать руководящие постановления пленумов Верховного Суда, так как в случае обжалования решения в Верховный Суд, он будет руководствоваться постановлениями своих же пленумов, в том числе для единообразия правоприменения и судебной практики.

Также можно заметить неформально-психологическое влияние прецедента, когда чувствуя за своей спиной силу судебного решения субъекты правоотношений, в частности государственные служащие, в неоднозначных и резонансных ситуациях склоняются в пользу одного или другого варианта, основывая свой выбор на соответствующем судебном решении. Так, статья 51 Семейного Кодекса Российской Федерации с 1997 года регулирует право на суррогатное материнство, однако не отмечает (но презюмирует) подобное право лиц, не состоящих в браке. Органы государственной регистрации актов гражданского состояния до вынесения соответствующего решения Калининским районным судом города Санкт-Петербурга отказывались признавать и регистрировать право на пользование услугами суррогатных матерей лиц, не состоящих в браке [3]. Кунцевский районный суд города Москвы вынес аналогичное решение по схожему делу, где отметил равные права в реализации функции материнства у лиц, находящихся в браке и у лиц, в нем не состоящих [4]. После освещения в СМИ двух вышеупомянутых судебных решений ЗАГСы, не дожидаясь последующих судебных решений принялись за регистрацию детей, рожденных от суррогатных матерей у лиц, не состоящих в браке.

Таким образом, Конституционный Суд не только издает акты высшей юридической силы, подпадающие под понятие судебного прецедента и имеющие его существенные признаки, но и своими постановлениями таким образом трактует конституционные и иные нормы, что подтверждает ими правотворческую функцию иных судов высшей инстанции. Несмотря на некое формальное непризнание со стороны государства, прецедент все же является важным составным элементом российского правового пространства. Судебный прецедент куда мобильней и гибче закона, но отлично с ним взаимодействует, дополняет и устраняет большинство его изъянов. Нельзя также забывать и о положительном психологическом влиянии прецедента на государственных служащих. Из всего вышеперечисленного вытекает вероятность того, что идеальная правовая система и должна быть построена на принципе гармоничной взаимосвязи, соприкосновения и координации нормативно-правового акта и судебного прецедента.

Список литературы

1. По делу о проверке конституционности положений части 4 статьи 170, пункта 1 статьи 311 и части 1 статьи 312 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами закрытого акционерного общества «Производственное объединение «Берег», «Завод «Микропровод» и «Научно-производственное предприятие «Респиратор»: Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 21 января 2010 г. № 1-П [Электронный ресурс]. URL: <https://is.gd/aNK8Q4> (дата обращения: 28.02.2019)
2. По делу о проверке конституционности части второй статьи 392 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан А. А. Дорошка, А. Е. Кота и Е. Ю. Федотовой: Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 26 февраля 2010 г. № 4-П [Электронный ресурс]. URL: <http://lawgu.info/tag/t2440/page/11.htm> (дата обращения: 26.02.201)
3. Дело Натальи Горской: Решение Калининского районного суд г. С.-Петербурга от 05 августа 2009 г. по гражданскому делу № 2-4104, судья Корчагина А. Ю. [Электронный ресурс]. URL: https://kln--spb.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo (дата обращения: 12.03.2019)
4. Решение Кунцевского районного суд г. Москвы от 03 ноября 2009 г. по гражданскому делу № 2-3853/09, судья Макарова М. Э. [Электронный ресурс]. URL: https://kuncevsky-msk.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&name_op=sf&delo_id=1540005 (дата обращения: 09.03.2019)

К ВОПРОСУ О ПРАВЕ ЛИЧНОСТИ НА БЕЗОПАСНОСТЬ

Щербинина Е. В., канд. ист. наук, доцент,

Олейниченко В. В.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР

averynka@gmail.com

Введение. Право личности на свою безопасность составляет смысл и правовое ядро, по сути, каждого из конституционных прав и свобод человека и гражданина, а степень реализации гражданами своих прав, свобод и законных интересов обусловлена уровнем эффективности осуществления ими права на безопасность и его правовым обеспечением со стороны государства.

Цель представленного исследования заключается в анализе права на безопасность как самостоятельного права личности, определение его места в системе прав человека.

Основная часть. Текущие тенденции глобализации породили множество опасных вызовов и угроз безопасности личности, не ограниченных только физическим воздействием на личность. С этих позиций можно утверждать, что право на безопасность принадлежит уже к группе прав и свобод не столько первого поколения (личных и политических), как это было изначально, сколько к правам третьего поколения (право на развитие, на благоприятную окружающую среду, международный мир, безопасность и др.) [1, с. 16]. Степень реализации гражданами своих прав, свобод и законных интересов обусловлена уровнем эффективности осуществления ими права на безопасность и его правовым обеспечением со стороны государства.

Как справедливо отмечает Д. А. Ягофаров, право на безопасность, не входя в перечень установленных конституцией прав и свобод, опосредованно «присутствует» практически во всех этих правах и свободах [2, с. 266]. В первую очередь, речь идет о таком фундаментальном и действительно основополагающем праве каждого человека, как право на жизнь закрепленном п. 1 ст. 14 Конституции Донецкой Народной Республики (далее по тексту – ДНР) [3].

Обеспечение права на безопасность создает предпосылки для безопасной и достойной жизни человека. В таком контексте безопасность жизни человека превращается в самостоятельный объект механизма действия права и правоотношений безопасности. Право на безопасность имплементировано в содержание права на недопустимость пыток, насилия, жестокого и унижающего человеческое достоинство обращение и наказание (п. 3 ст. 14 Конституции ДНР) [3]; права на свободу и личную

неприкосновенность (п. 1 ст. 15 Конституции ДНР) [3]; права на неприкосновенность частной жизни, личной и семейной тайны (п. 1 ст. 16 Конституции ДНР) [3] и др. Поэтому обеспечение безопасности личности требует такую организацию правовой материи, совершенствование ее регулятивного потенциала (действия), чтобы права и свободы человека и гражданина позволяли выделить защищаемую ценность. Как верно отмечает А. К. Тихонов, «право личности на безопасность выступает в качестве «сквозного» права-гарантии, поскольку защищает безопасность человека и гражданина и тем самым создает условия для того, чтобы использовать все иные права» [4, с. 27]. В таком понимании, право на безопасность может быть охарактеризовано как универсальное, комплексное («сквозное») право, выступающее в качестве исключительно важного смыслового, идеологического и ценностного ядра правового статуса личности. Вместе с тем, право на безопасность представляет собой не только гарантию, обеспечивающую основные права человека и гражданина, но и самостоятельное правопритязание, обладающее собственной природой, претендующее на нормативную регламентацию в конституционном и отраслевом законодательстве. С этих позиций право личности на безопасность относится к личным (гражданским) правам и свободам человека [5, с. 359–361].

Исследуя российскую правовую политику, О. Ю. Рыбаков справедливо к естественным правам и свободам относит право на жизнь, безопасность, человеческое достоинство и другие, обязательные и необходимые каждому индивиду, как социально-биологическому существу, права [6, с. 88–89]. Констатируя первостепенную значимость права на безопасность как стержня правового статуса личности, следует отметить отсутствие его нормативного отражения в Конституции ДНР и отраслевых актах. Вместе с тем, в соответствии с п. 1 ст. 48 Конституции ДНР перечисление в ней основных прав и свобод не должно трактоваться как отрицание или умаление других общепризнанных прав и свобод человека и гражданина [3].

Заключение. Думается, что сегодня назрела потребность в том, чтобы трансформировать «сквозное» право на безопасность в самостоятельное обособленное право личности. Право на безопасность – это право-притязание конкретной личности, но имеющее больше чем другие права и свободы общесоциальную природу, связанную с осознанием личности своей ответственности за безопасность гражданского общества и государства, участия в процессах обеспечения безопасности. Иными словами, на современном этапе безопасность личности уже не может быть персональным делом каждого в отдельности. От реализации права каждого на свою безопасность в конечном итоге зависит уровень социальной безопасности в целом. Придание официального статуса праву на безопасность позволит сформировать систему гарантий его

полноценной реализации, как на отраслевом, так и конституционном уровнях, определить юридическое содержание и пределы осуществления права личности на безопасность.

Список литературы

1. Лысенко В. В., Шевченко Т. Г. Механизмы защиты прав человека: некоторые внутригосударственные и международные аспекты // Конституционное и муниципальное право. – 2008/1. – № 16. – С. 15–20.
2. Ягофаров Д. А. Право на безопасность, правовая безопасность и их обеспечение: теоретико-правовой аспект // Актуальные проблемы современного права и юридического образования: Материалы научно-практических конференций. – Екатеринбург: Гуманированный университет, 2015. – С. 266–271.
3. Конституция Донецкой Народной Республики, принята Постановлением Верховного Совета Донецкой Народной Республики № 1-1 от 14.05.2014. – [Электронный ресурс] (с учетом изменений, внесенных Законами от 27.02.2015 года № 17-ИНС, от 29.06.2015 года № 63-ИНС, от 11.09.2015 года № 92-ИНС, от 29.12.2017 года № 205-ИНС, от 30.11.2018 года № 01-ИНС). – Официальный сайт Народного Совета Донецкой Народной Республики. – URL: <https://dnrsovet.su/zakonodatelnaya-deyatelnost/konstitutsiya/> (дата обращения: 03.09.2019).
4. Тихонов А. К. Сущность категории личной безопасности и ее соотношение с категориями чести и достоинства // Правоведение. – 1998. – № 1. – С. 23–27.
5. Калина Е. С. Понятие безопасности и право на безопасность как одно из личных прав // Научные труды Российской Академии юридических наук в 3 т. – Вып. 4. – М., 2004. – Т. 1. – 359 с.
6. Рыбаков О. Ю. Российская правовая политика в сфере защиты прав и свобод личности / О. Ю. Рыбаков. – СПб 6 Изд-во Р. Арсланова «Юридический центр Пресс», 2004. – 470 с.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Бабурин С.Н.</i> Современный Донбасс в зоне системного кризиса международного права: конституционно-правовые и цивилизационные выводы	5
<i>Бабурин С.Н.</i> Народный контроль над публичной властью: практика российского конституционализма	17

Политология

<i>Алексиева Д.В.</i> Народная дипломатия в Болгарии в свете Бессмертного полка и взаимодействия с русофильскими организациями	27
<i>Архипов В.А., Муза Д.Е.</i> Спорт как инструмент политической борьбы (на примере противостояния Запада и России)	29
<i>Баранов А.В.</i> Образование новых государств в контексте политической географии слабых государств (на материалах самоопределения Донбасса)	32
<i>Беспалов А.К.</i> Героика и предательство в условиях современного развития Русского мира: постановка проблемы	35
<i>Беспалова Т.В.</i> Патриотизм как образовательная и политическая задача в условиях современных внутренних и внешних угроз Российской цивилизации	38
<i>Бобровский А.С.</i> Особенности становления политической элиты ДНР	43
<i>Внукова Л.Б.</i> Значение национальной идентичности для студентов вузов Донецкой Народной Республики (на материалах пилотного исследования)	45
<i>Горулько А.А.</i> Трансформация идентичности в социально-политическом контексте	49
<i>Деревянченко А.А.</i> О феномене коллективной памяти	52
<i>Иванов О.Б.</i> Городские конфликты как форма социального взаимодействия между властью и городским сообществом	55
<i>Лавская Л.В., Анастасов А.И.</i> Особенности миграционного процесса на территории Российской Федерации	58
<i>Мелитаури Л.Н.</i> вопросу об особенностях использования новейших информационно-коммуникативных технологий в электоральных кампаниях	61
<i>Минчуков М.О., Черкашин К.В.</i> Перспективы институциональной и неинституциональной школ на постсоветском пространстве	64
<i>Мионов С.А., Анастасов А.И.</i> Использование термина тоталитаризм в контексте пропаганды и науки	67
<i>Муза Д.Е.</i> Основные прогнозы мир-системной теории И. Валлерстайна и актуальные политические реалии	70
<i>Мусяенко Т.В., Лукин В.Н.</i> О некоторых аспектах внешнеэкономической политики России как инструмента обеспечения экономической безопасности в Арктике	73
<i>Онопко О.В.</i> Азовско-Черноморский регион: интересы, угрозы и вызовы для Донецкой Народной Республики	75
<i>Остроух Е.И., Багликова М.С.</i> К вопросу об особенностях государственного строительства непризнанных государств постсоветского пространства	78
<i>Половенко А.В.</i> Концепция Русского Мира, как фактор собирания земель русских	80
<i>Посредников Д.В.</i> Автокефалия: углубление раскола православия на Украине	82

<i>Романенко К.А., Писарева А.В.</i> Реализация принципа конституционной автономии местного самоуправления в Донецкой Народной Республике	85
<i>Романов В.В., Анастасов А.И.</i> Социальные сети как новая платформа политической коммуникации	88
<i>Руденко М.В.</i> Этапы становления парламентаризма в Донецкой Народной Республике	91
<i>Руженцев С.Е., Смирнов А.В.</i> Социальное насилие как политологическая проблема	94
<i>Сазонов Д.В.</i> Образовательные тенденции в контексте современного развития Русского мира: тупики и перспективы	97
<i>Сальников В.И., Небольсин Ю.В.</i> Государственность и политические процессы в ДНР в контексте интеграции Донбасса в Русский Мир.....	100
<i>Скворцов Ю.А.</i> Терроризм и политика	102
<i>Там Хок Чу.</i> О западной идеологической провокации против СССР по вопросу «начало Второй мировой войны»	105
<i>Тимофеева И.И.</i> Особенности привлечение молодёжи к патриотическому движению в Германии	107
<i>Туарменский В.В., Туарменский А.В.</i> Переписывание истории как технология манипулирования массовым сознанием	109
<i>Хахалева Ю.Р., Багликова М.С.</i> Патриотизм в философской интерпретации И.А. Ильина и С.М. Волконского	112
<i>Цяцько В.А., Муза Д.Е.</i> Генезис и эволюция русской русофобии как «самоненавистничества»	114
<i>Шатрова Л.Г., Писарева А.В.</i> Информационная безопасность войск и защита личного состава от негативного информационно-психологического воздействия	118
<i>Штода Д.А., Писарева А.В.</i> Информационное противоборство в период Второй мировой войны: опыт для современности.....	121
<i>Щербань Г.Ю., Писарева А.В.</i> Цифровой барьер: понятие, сущность, актуальность	124
<i>Эль-Кухали В.А., Посредников Д.В.</i> К проблеме исламизации стран Центральной Азии	127

Международные отношения и внешняя политика

<i>Акташ Э., Ерхов Г.П.</i> Турецко-армянские отношения и Азербайджан	130
<i>Бабик А.О., Крысенко Д.С.</i> Эволюция «Фолклендской проблемы» в постбиполярный период (1991–2019)	133
<i>Бурцев А.И.</i> Сотрудничество между Казахстаном и Узбекистаном в военной сфере на современном этапе	136
<i>Дибас О.А.</i> Политика Финляндии на Африканском континенте в 1973–1980 гг.	139
<i>Дибас О.А., Попов Д.С.</i> Китайская стратегия США в период каденции Дж. Буша-старшего	141
<i>Елисеев Г.Г., Беловолов Ю.Г.</i> Серая зона как источник идей инновационного развития технологического потенциала государства	143
<i>Зубкова Ю.Б., Глуценко А.И.</i> Проблемы современных международных отношений: Россия и Запад	146

<i>Искра Е.С., Морозов Р.Н.</i> Трансграничная преступность как фактор дезорганизации политических, экономических и идеологических институций Европейского общества	149
<i>Казаренко Д.С., Медовкина Л.Ю.</i> Информация и идеология, как способ манипуляции историко-культурными основами общества	151
<i>Крысенко Д.С., Нога М.С.</i> Процесс становления иракского Курдистана в условиях широкой автономии	154
<i>Кузнецова Е.В.</i> ЕАЭС: формирование общественного мнения молодежи	157
<i>Лавриненко Д.С.</i> Роль личности Шарля Талейрана в становлении нового баланса сил на венском конгрессе	160
<i>Левчук К.А., Медовкина Л.Ю.</i> Арабо-израильский конфликт в киберпространстве	162
<i>Лесик Е.В., Ерхов Г.П.</i> Экополитика Норвегии: решение проблемы эффективности защиты окружающей среды	165
<i>Морозов Р.Н.</i> Опыт сотрудничества Российской Федерации и Республики Беларусь в сфере науки и образования	168
<i>Попова В.О.</i> «Мягкая сила» Японии: российский вектор	171
<i>Посредникова Т.Г.</i> К проблеме формирования внешней политики США накануне и в начале Второй мировой войны	174
<i>Стоколос М.Д.</i> Специфика масс-медийного позиционирования политических элит Российской Федерации	177
<i>Сухобоченков Е.С.</i> Информационные системы, как способ политического просвещения мирового социума	180
<i>Филобок А.О., Кухтин М.М.</i> Позиция РФ и США по вопросу о статусе Иерусалима	183

Конституционное и международное право

<i>Гридин А. Н.</i> Международное право как обеспечение международной безопасности в системе международных отношений	185
<i>Ковалёв И. П.</i> История развития и становления института признания государств	187
<i>Ковалева Е. В.</i> Роль справедливости в функционировании международного права	190
<i>Кулакова Е. В.</i> О системах парламентских комитетов	193
<i>Лapidус О. С.</i> Политико-правовые аспекты противодействия коррупции	197
<i>Мазина Н. Е., Копыл И. А.</i> Внутренний вооруженный конфликт и применимые к нему нормы международного гуманитарного права	200
<i>Нарыжный Н. А., Кизилова А. В.</i> Тенденции защиты авторского права в сфере информатизации на примере США	203
<i>Соловьёва Ю. А.</i> Интегрированное обучение студентов юридического факультета как один из методов модернизации образовательного процесса	206
<i>Тимофеева А. А.</i> Особенности административно-территориального устройства в зарубежных странах	208
<i>Тимофеева Е. В.</i> Проблема обеспечения национальной безопасности в свете действующей стратегии национальной безопасности Российской Федерации: на примере социальной, духовной и информационной безопасности	211
<i>Тищенко Е. В., Дударева А. П.</i> Правовые аспекты конституционного права ребенка в Луганской Народной Республике	214

<i>Фомичева О. А., Емельянова Е. В.</i> К проблеме информационного обеспечения выборов	217
<i>Чубарова Е. А.</i> К вопросу о понятии парламентаризма	219

Теория и история государства и права

<i>Барбашова Н. В.</i> О государственном устройстве многосоставного общества	224
<i>Бардашевич Н. А., Китаев Д. В.</i> Деформация правосознания как проблема развития государства и права	227
<i>Герасименко Ю. В., Светличный В. А.</i> Законность и правопорядок как предпосылки формирования правового государства	230
<i>Герасименко Ю. В., Собанский Е. В.</i> Законотворческий процесс: сравнительно-правовой анализ	232
<i>Емельяненко К. С.</i> Экономичность или оптимальность как основа эффективности правового регулирования	235
<i>Краснонос Е. Ю., Затейщикова Е. Л.</i> К вопросу о проблематике развития регламентации искусственного интеллекта	238
<i>Краснонос Е. Ю., Лебединская А. С.</i> Правовая информатизация как фактор совершенствования законодательства	241
<i>Левченков А.И.</i> Социализация законодательства, как принцип права	244
<i>Одинцова Е. А., Македон Е. А.</i> Политико-правовой анализ дефиниции «лоббизм»	247
<i>Петрова Е. И., Македон Е. А.</i> Правовой нигилизм как аксиологическая проблема современной юридической науки	249
<i>Поправко А. К., Поправко А. А.</i> К вопросу о типологии непризнанных государств и их правовом статусе	251
<i>Разбейко Н. В.</i> Диссертационный совет ДНР по юриспруденции как способ межгосударственной интеграции	254
<i>Сальников В. И.</i> Непризнанные государства как фактор интеграции/дезинтеграции постсоветского пространства	257
<i>Степанова Ю. С.</i> К вопросу о пределах установления юридических ограничений и обременений права собственности	261
<i>Терованесов А. М.</i> Место правоотношений в сфере медицинского страхования в отечественном законодательстве	264
<i>Тимошенко Н. А., Матвийчук А. О.</i> Донецкая Народная Республика и Евразийский экономический союз: перспективы интеграции	267
<i>Тишаков М. П., Якубенко Б. А.</i> Судебный прецедент как инструмент регулирования романо-германской правовой системы	270
<i>Щербинина Е. В., Олейниченко В. В.</i> К вопросу о праве личности на безопасность	273

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

**ДОНЕЦКИЕ ЧТЕНИЯ 2019:
ОБРАЗОВАНИЕ, НАУКА, ИННОВАЦИИ,
КУЛЬТУРА И ВЫЗОВЫ СОВРЕМЕННОСТИ**

Материалы
IV Международной научной конференции
31 октября 2019 г.,
г. Донецк

**ТОМ 8
Политические и юридические науки**

под общей редакцией проф. *С.В. Беспаловой*

Дизайн обложки	<i>Е.Г. Грудева</i>
Технический редактор	<i>М.В. Фоменко</i>
Компьютерная верстка	<i>А.С. Бобровский, А.К. Семко</i>

Адрес оргкомитета:

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»
ул. Университетская, 24, г. Донецк, 83001, ДНР
e-mail: *science.prorector@donnu.ru*

Подписано в печать 17.10.2019 г.
Формат 60×84/16. Бумага офисная.
Печать – цифровая. Усл.-печ. л. 16,32.
Тираж 300 экз. Заказ № 19окт124/11.
Донецкий национальный университет
83001, г. Донецк, ул. Университетская, 24.
Свидетельство о внесении субъекта
издательской деятельности в Государственный реестр
серия ДК № 1854 от 24.06.2004 г.